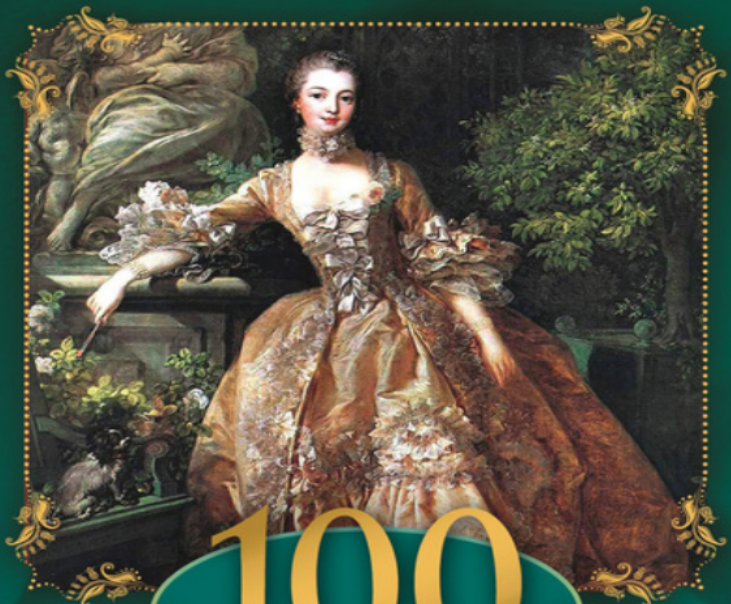
Великие и Легендарные



100 ЗНАМЕНИТЫХ ЛЮБОВНИЦ И ФАВОРИТОК КОРОЛЕЙ

КЛУБ СЕМЕЙНОГО ДОСУГА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Как показывает история, за доблестными победами или позорными поражениями выдающихся мужчин всегда стояли женщины. Их боготворили и ненавидели, ради них совершали подвиги и шли на преступления. Самые знаменитые любовницы и фаворитки сильных мира сего — в этой книге!

Ее похищение привело к Троянской войне — Елена Прекрасная.

Возлюбленная Александра Македонского — Таис Афинская.

Женщина, которую предпочли английскому престолу — Уоллис Симпсон.

Звезда экрана и принцесса Монако — сказочная Грейс Келли.

- 100 знаменитых любовниц и фавориток королей
  - Древний мир
  - Средние века
  - Эпоха возрождения
  - XVII век
  - XVIII век
  - XIX век
  - XX век

100 знаменитых любовниц и фавориток королей
(редактор С. Скляр)

Древний мир

Елена Прекрасная

Из женщин, чья красота повлекла за собой самые серьезные последствия, пожалуй, нет равных одной женщине-легенде — «прекрасной, лилейно-раменной» Елене Спартанской. «Она… воспламенила вождей, расколола мир войной и обрела позорную славу своей постыдной красотой», — сказал о ней древний поэт Иосиф Искан.

Древние биографы Елены приписывают ей полубожественное происхождение. Якобы Зевс, приняв образ лебедя, сочетался с царицей Спарты Ледой. По другой версии — с Немезидой, а Леда вместе с царем Тиндареем по воле Гермеса стали приемными родителями Елены. Иные же придерживаются более простого объяснения. В правила гостеприимства того времени входило принести в дар дорогому гостю свою жену на ночь. Так или иначе, ясно одно: отец девочки должен был обладать высокоблагородной, просто-таки неземной красотой, ибо дочь его стала на все века символом красоты совершенной, божественной.

Царь с царицей не меньше всех прочих были восхищены Еленой, видя в ней чудо света, — с младых ногтей к девочке была приставлена специальная охрана. Эта опека потом ей изрядно

надоест, хотя справедливости ради следует признать, что охота за «спартанским сокровищем», начавшись с самого рождения, никогда потом не прекращалась. Елена была похищена как минимум дважды: еще до Париса и даже до достижения зрелости Елену прямо из храма Артемиды во время отправления ритуала похитил и увез в Афины герой Тезей, который, не будучи в то время особо загружен подвигами, исполнил тем самым очередную прихоть своего дорогого друга Пирифоя (в другой раз он уведет для него из царства мертвых богиню Персефону).

Возвращать сестру пришлось Диоскурам — Кастору и Поллуксу, стоптавшим в поисках «чуда света» не одни сандалии. О местонахождении пленницы проболтался афинянин Академ. Братья были обескуражены: за сокровище во плоти не пришлось даже драться, Тезей не видел в нем никакой ценности. Да и сама Елена не заметила в своем заточении мало-мальского насилия, герой не только не воспользовался неземной красотой, но сразу же по возвращении в родные пенаты сбросил ее на руки своей матери. Во всяком случае, так она рассказала братьям. Проверять никто не стал, все были так рады возвращению пропажи, что пожурили и поверили на слово.

Ах, как наивны бывают люди! Истинное положение Елены было известно только Клитемнестре — ее старшей сестре, супруге Агамемнона, ибо к ней в Микены (по дороге домой) Елена заехала уже в положении. Откуда чадо? Все подумали — от Тезея, а Павсаний взял и записал. С тех пор Тезею приписывается незаконнорожденное дитя. Спасая Елену от позора в Спарте, Клитемнестра сделала больше, чем сестра: она приняла и воспитала маленькую Ифигению как собственную дочь. А вернувшийся из похода Агамемнон почему-то совсем не удивился и даже признал себя отцом.

До поры до времени все для красавицы шло как по маслу. Громкая известность, связанная с именем Тезея, после вояжа в Афины и обратно была обеспечена, о Елене узнал и мал, и велик — у всех появилась одна и та же тайная мечта. Цедрений в порыве спорадического вдохновения даже не постеснялся записать на огрызке пальмового листа яркие картины своего возбужденного воображения: «У нее большие глаза, в которых светится необыкновенная кротость, пурпуровый ротик, сулящий самые сладкие поцелуи, и божественная грудь». По-видимому, так и появилась эротическая поэзия. По всей ойкумене находчивые люди организовали целое производство чаш для алтарей Афродиты, вылитых «по форме грудей Елены Прекрасной». Что говорить, сам Овидий, ни разу не видя объект описания, утверждал, что совершенная красота Елены не нуждалась в

других украшениях, носимых обычно гречанками, целомудрие же, мол, такой красавицы было обречено с самого начала: где бы сокровище ни спрятали, все равно бы кто-нибудь да нашел и… перепрятал.

Обстановка накалялась. На дворе Тиндарея образовалась толкучка из женихов, запись на сватовство растянулась на всю Элладу, включая архипелаги, острова и области в Малой Азии. Царь понимал: надо срочно снимать этот опасный ажиотаж, но как? Объявить состязание за руку и сердце дочери — да они же перебьют друг друга!

Как повелось у древних греков, что бы ни случилось, придерживайся правила номер один: во всех непонятных ситуациях зови Одиссея. Заручившись поддержкой Тиндарея в вопросе женитьбы на Пенелопе, «хитроумный» изрек убедительно звучащий совет: чтобы предупредить казавшуюся неизбежной резню, надо взять честное слово с каждого не враждовать с будущим избранником, а напротив, любить и всячески оберегать своего победителя до гробовой доски.

Дело не терпело отлагательств. Не дожидаясь даже возвращения Елены, слава которой мчалась впереди нее самой, Тиндарей решил провести ритуал клятвы с обязательным — для пущей убедительности — жертвоприношением. Так была зарезана самая породистая в Спарте лошадь. Клялись в буквальном смысле на крови — на теплых еще кусках мяса только что убиенного животного, место захоронения которых обрело в народе название «Лошадиная могила». Сделав это кровавое дело, Тиндарей уже собирался объявить результаты выборов мужа для дочери. Чтобы не поднялась потом спекулятивная шумиха о возможных фальсификациях, пришлось пойти на крайние меры и сделать фальсификацию невозможной в принципе — выбирал сам, единолично, без привлечения посредников. И вот настал долгожданный момент. Все кандидаты напряглись, сгустилась мучительная пауза.

И тут явилась Елена. Узнав, что здесь в ее отсутствие творится, она обвела своим небесным взором эту животрепещущую толпу и указала божественным перстом на одного белобрысого в третьем ряду. «Ммм… — замычал белобрысый, — Ммме-е… Ммменелай», — представился он, истекая потом от волнения. «Годится, — решила сиятельная невеста, которой как раз нужен был муж для отвода глаз от Ифигении, оставленной в Микенах. — С этим всегда можно будет договориться, если захочется другого».

Так Атрид Менелай получил прекрасную царевну и полцарства в придачу, унаследовав после смерти Тиндарея

спартанскую корону. Всех же остальных, как это у древних греков вечно случается, постиг слепой рок.

За недолгую, но насыщенную семейную жизнь новобрачных в роду Атридов стало больше на одну девочку (ее назвали Гермиона) и трех мальчиков (Этиол, Марафий и Плисфен). Больше плодов сие древо не дало.

Не каждая красота спасает мир. Превосходная красота вызывает чесотку на руках у тех, кто не может ее явственно осязать. Все только начиналось. В следующем акте на сцену выходит Парис.

Вообще-то Париса звали Александром, прозвище же он получил за то, что был найден в корзине, будучи брошен своими родителями. Дело было так.

Когда августейшая семья Трои ждала второго мальчика (первым был Гектор) и Гекуба, его мать, была уже на сносях, ей приснился страшный сон: будто из утробы ее выходит не ребенок, а пылающий факел, сжигающий Трою дотла. Спрошенный на всякий случай царем Приамом оракул не стал скрывать: так и будет. И от всего сердца дал добрый совет: чтобы не случилось лихо, царственная троянка должна быть умерщвлена немедленно. Приам сделал вид, что не вполне понял, но для очистки совести лишил жизни свою сестру Киллу, только что непонятно от кого успевшую родить Мунита, и самого бастарда заодно. Вечером того же дня разродилась Гекуба.

Увидев, с какой хитроумной гибкостью царь Илиона (как называли Трою греки) пытается обвести вокруг пальца самого себя, к уже спрошенному оракулу хором добавились и те, кого вообще никто и не спрашивал. Все в один голос по-хорошему просили: будь человеком, убей хотя бы сына! Приаму пришлось напрячь весь свой недюжинный интеллект и принять поистине соломоново решение. По его просьбе пастух Агелай отнес ребенка на гору Ида и оставил там на произвол судьбы. На Иде в те дикие времена жили одни медведи.

Но Парис еще нужен был богам для дела, важность которого переоценить было невозможно, — стереть с лица земли прекрасный город, — так что среди прочих медведей нашлась все-таки одна добрая медведица, которая оказалась сердечнее многих, вскормив человеческого детеныша заодно со своими мишками.

Повзрослев, Парис огляделся по сторонам и не нашел на этой Иде ничего лучшего как стать пастухом. На Олимпе было решено начинать представление.

Во время одного из олимпийских симпозиумов, где вино лилось рекой, богиня раздора Эрида как бы невзначай, но уже

предвкушая последствия, бросила в толпу золотое яблоко с надписью «Прекраснейшей». В итоге женское население Олимпа почти в полном составе показательно перессорилось, впрочем, не без удовольствия. Афродиту, Геру и Афину, ввязавшихся в драку за яблоко, отказался разнимать сам Зевс, резонно решив, что спокойнее будет передать право выбора… Парису. А что — прекрасный юноша, лишенный разлагающего влияния общества, выросший на лоне не менее прекрасной природы… Гермес получил указание отвести разгоряченных богинь на Иду — пусть Парис решает, кому из них ломать зубы о золотое яблоко.

Увидев милую троицу и выслушав сопровождавшего ее Гермеса, Парис, пасший в это время коров, лежа под деревом, обратил внимание делегации на свою крайнюю занятость, а впрочем… пожалуй, если богини перед ним разоблачатся, он смог бы уделить минутку-другую на рассмотрение ходатайства Громовержца.

Его предложение получило поддержку всех присутствующих. Парис долго их разглядывал, но, так и не найдя 10 отличий, поинтересовался: «А что, собственно, вы можете предложить?» Гера предложила власть над Азией, Афина — неизменную победоносность во всех битвах Париса, Афродита… Елену. Как на беду, последний вариант показался Парису самым интересным. Еще не усматривая подвоха, не успевший разобраться в сути провокации прекрасный юноша в присутствии остальных богинь вручил яблоко Афродите. Дни неприступного Илиона были сочтены.

В Трое Париса признали благодаря погремушке из той корзины, в которой его много лет назад оставили на Иде. Приам и Гекуба приняли его как сына. Узнав о вернувшемся в город «пылающем факеле», жрецы Аполлона пригрозили забастовкой, если его не повесят сегодня же на площади и так, чтобы всем было хорошо видно, и согласились подождать до вечера. И тут Приам сказал фразу, после которой ему не на кого жаловаться: «Пусть погибнет Троя, но не мой сын!»

Парису не терпелось получить обещанное Афродитой. Под предлогом спасения плененной сестры Приама Гесионы он при непосредственной поддержке и всяческой помощи своего любящего отца снаряжает целую флотилию и отправляется в Спарту, договорившись вернуться или со своей тетей, или с какой-нибудь гречанкой царского рода в качестве выкупа. Видят боги, Приам знал, на что он шел! Не мог он предвидеть одного — что эта самая гречанка окажется женой вооруженного до зубов соседа и будет вероломно похищена из его дома, самым оскорбительным образом, с нарушением всех правил

гостеприимства.

Афродита выполнила свою часть договора: под влиянием ее чар Елена была немедленно сражена красотой и красноречием Париса. Погрузив на корабли все, что плохо лежало (примерно полцарства) в придачу к «гречанке царственного происхождения», Парис расправил паруса. До гибели города с двухтысячелетней историей оставались считанные годы.

Это и есть рок по-древнегречески: клятва на крови была нарушена ничего не знавшим о ней персонажем. Трагедия стала набирать обороты.

Пришедший в ярость Менелай созвал у себя во дворце всех кандидатов в мужья прекрасной изменщицы, те снова увидели свет в конце туннеля и объединенными силами двинулись на Трою. Не каждая красота способна поссорить, а затем снова сплотить десятки командиров доисторических войск!

После гибели Париса в Троянской войне Елена перебралась к его брату Деифобу, а когда и того ее законный супруг убил, ворвавшись в город, вернулась снова к Менелаю, любовь в сердце которого оказалась сильнее и ярости, и позора. Конечно, супруга поклялась, что все эти годы только и думала, что о побеге и возвращении к нему, а Деифоб просто воспользовался ее слабостью после смерти своего брата.

Думается, слепой Гомер, назвав Елену благороднейшей из женщин, имел в виду все-таки лишь ее полубожественное происхождение — либо говорил о какой-то другой Елене. Возможно, конечно, он намекал на то, что полубогов нельзя судить по человеческим понятиям. Хотя не исключено, что стереотипы эпохи также наложили свой отпечаток: физическая красота для эллина сама по себе считалась высшей ценностью, не требующей комментариев.

На этом белая полоса в жизни Елены обрывается. После смерти своего мужа и единственного покровителя она была изгнана из полиса его сыновьями и в поисках убежища не нашла ничего лучшего, чем остановиться на Родосе, в гостях у Поликсо, чей муж был убит в ходе Троянской войны. Месть хозяйки острова, имевшей основания считать Елену виновницей своего горя, была скорой и без особой выдумки: Елена была задушена во время купания подосланными Поликсо подружками-«фуриями».

Позже, как и следовало ожидать, образ Елены стал причиной для основания культа неземной красоты, который отправлялся в специально построенных для этого храмах на Родосе и в Лакедемонии, где, по утверждению Геродота, нет-нет да и случались разные исцеления вкупе с прочими чудесами.

Семирамида

Настоящее имя легендарной женщины, которую мы знаем как Семирамида, — Шаммурамат. Семирамида — это уже древнегреческая транскрипция. Дело в том, что в IX веке до н. э., когда жила Семирамида, еще не существовало письменности, понятной нашим историкам настолько, насколько понятны древние языки в рамках курса классической филологии — древнегреческий и латынь.

Шаммурамат — единственная известная официальной истории до Клеопатры царица древней цивилизации. Ибо Ассирия была не просто каким-то царством из многих, но единственным средоточием общественно-политической жизни и огнедышащим жерлом культуры своего времени. Разница в развитии между царями и их подданными была колоссальной — в царях видели богов, потому неслучайно Шаммурамат приписываются божественные атрибуты (прежде всего богини любви Иштар), а также сверхчеловеческие способности. По одной из легенд, Шаммурамат — дочь богини Деркето и человека. Согрешив с нижестоящим на лестнице эволюции, Деркето не на шутку испугалась, что боги ее деклассируют, и, смалодушничав, сокрыла плод своего греха в горах, отца же девочки умертвила. Малышку выходили голуби, а потом ее нашел какой-то пастух и вырастил.

Первым в нее влюбился военный министр Оанн. Он увел ее от отца-пастуха и долго никому не показывал, боясь, что претендентов на нее будет столько, что ему ее не уберечь.

Отголоски свидетельств о божественной красоте Шаммурамат донеслись и до основателя царства Нина. Когда ему посчастливилось ее увидеть, он уже не смог с ней расстаться и оставил у себя. Одно время Шаммурамат, слушаясь Оанна, якобы прятала от всех свою красоту, одеваясь как мальчик. Но проницательный Нин заметил подвох и приказал снять покрывало. Так пред ним предстала прекрасная Шаммурамат.

Поставленный перед необходимостью отдать свою любовь царю, Оанн покончил с собой, вонзив себе в сердце кинжал.

Шаммурамат произвела такое впечатление на своих современников, что и в дальнейшем в истории ей приписали все лучшее, что произошло в Ассирии в период ее расцвета: строительство Вавилона, висячие сады и горные пути сообщения, все завоевания вплоть до Индии и Амона. Однако, например, так называемые Висячие сады Семирамиды были построены на два столетия позже периода ее правления.

Итак, Шаммурамат стала любимой женой ассирийского царя.

Нин был от нее без ума. Он задаривал ее драгоценностями, содержал в роскоши, берег как зеницу ока. Но она не могла простить ему смерти своего супруга — даже после рождения сына, Ниния.

Совсем выбившись из сил в попытках сделать свою возлюбленную счастливой, Нин взмолился к ней с одной только просьбой: «Пожелай что угодно, и я это исполню!» И она пожелала. Трон! Нин должен был отдать ей власть на пять дней и не вмешиваться в ее действия в это время. Счастливый тем, что может хоть что-то сделать для своей ненаглядной Шаммурамат, Нин потребовал от подданных до утра облачить новоявленную царицу во все подобающие ее рангу одежды.

Заняв трон и убедившись в послушании своих подданных, она отдала приказ предать казни царя. Слуги исполнили и это. С тех пор Шаммурамат стала единовластной правительницей великой Ассирии.

Похоронив мужа по последним требованиям церемониала, царица взяла все дела государства в свои руки. Истории известны войны того времени Ассирии с Египтом, Эфиопией, Мидией, походы в Индию. Тогда же построен Вавилон. Город-легенда был заложен правительницей как знак того, что она желала оставить на земле. Для своего времени это был мегаполис и перекресток миров, сотни тысяч человек прошли через него.

Заметив в своем подрастающем сыне от Нина едва сдерживаемую неприязнь, Шаммурамат поняла, что он узнал о смерти отца и хочет отплатить матери. Не дожидаясь противостояния с собственным сыном, она уступила ему трон. Легенда гласит, что, будучи убита сторонниками Ниния, она обратилась голубкой и улетела, а голубь стал символом души в Ассирии, чем-то вроде ангела, возвещающего благую весть. Семирамида же сначала стала легендой, а со временем превратилась в миф и богиню.

Ее имя было увековечено через два столетия Навуходоносором II (Набу-кудурри-уцур), царем уже не Ассирии, а ее наследника — Вавилонского царства, в знаменитых садах Семирамиды, которые царь посвятил своей возлюбленной. Самые экзотические растения были высажены террасами, сходившими словно с небес до земли.

О самой же владычице древней Ассирии мы знаем в основном благодаря древнегреческому служителю музы истории Клио — Диодору.

Лаиса

Эта прелестница так отличилась за свою недолгую молодость, что, похоже, навсегда вошла в историю в качестве примера любовницы всех времен и народов. Словарь иностранных слов русского языка 1910 года под редакцией А. Н. Чудинова приводит ее имя как нарицательное и дает следующее определение: «ЛАИСА (греч. от соб. им.). Известная прелестница (гетера) Коринфа, именем которой называют женщин красивых, любезных, но легкого поведения». Образ Лаисы, жившей в V веке до н. э., широко использовался в литературе вплоть до XIX века. Вот Н. М. Карамзин, стихотворение «К неверной»:

Армиды Тассовы, Лаисы наших дней,
Улыбкою любви меня к себе манили
И сердце юноши быть ветреным учили.

Сегодня же все электронные справочники в качестве синонима приводят слово «развратница».

Еще девочкой она стала чьим-то трофеем, была увезена с родной Сицилии в Афины и продана любителю прекрасного по имени Апеллес, которому как раз была нужна натурщица — наложница по совместительству. Ей он со всем тщанием передал свой опыт любовных утех. Он даже разрешал ей зарабатывать самостоятельно в местном борделе в те часы, когда был занят чем-то более важным. Природные данные Лаисы были столь выдающимися, что в народе она сразу обзавелась титулом «превосходящая всех женщин от основания мира».

Отработав у Апеллеса три года и обретя свободу, Лаиса резонно решила умело распорядиться навыками, полученными за время обучения у художника и в публичном доме, так что сразу отправилась в Коринф, славный известной школой скульпторов, чтобы предложить себя во всех смыслах наидостойнейшим из них.

Одним из достойнейших небезосновательно считал себя творец бессмертного «Дискобола» Мирон, дни которого на то время уже клонились к закату. Старик многое за свою жизнь успел повидать, но и ему хватило одного взгляда на обнаженную Лаису, чтобы утратить дар речи. Поняв, что тут есть за что бороться, он воскликнул: «Бери все, что у меня есть, только останься на ночь!»

Но юная Лаиса в свои годы тоже успела обзавестись немалым опытом, она и не такие предложения получала от мужчин, так что могла позволить себе возлечь лишь с тем, кто ей действительно нравился. Аристиппу она отвечала взаимностью, оцениваемой в целое состояние, а вот нищего Диогена бомжеватого вида (жил в

бочке) ублажала со всем своим удовольствием за просто так, стараясь делать это привселюдно.

Выслушав Мирона, представшего перед ней в привычном для него наипростецком и не весьма опрятном виде, гетера окатила его чрезвычайно удивленным взглядом, сморщила носик и ушла не попрощавшись.

Эта встреча подействовала на Мирона так, что тот решил на старости лет поменять имидж. Можно себе представить, как он старался, если известно, что, встретив старика вновь на следующий день и выслушав от него признание в любви, не узнавшая его Лаиса лишь высказала предположение, не его ли отец вчера делал ей то же предложение!

К чести сильной половины человечества следует отметить: находились и чрезвычайно резистентные экземпляры, которых Лаисе не удавалось взять никакими глазками и ласками. Правда, история запомнила только двоих: ученика Платона Ксенофонта и олимпийского чемпиона тех лет Евбата.

Лаиса фактически занималась в жизни любимым делом да так его любила, что, как свидетельствует Эпикрат, уже и деньги иссякли, и красота увяла, а она все ходила по рядам мужчин, сначала на симпозиумах, позже в подворотнях, пытаясь высечь из своих уже немолодых пьяных глаз искры обольщения и отдаться хоть кому-нибудь, причем совершенно безвозмездно.

В общем, Лаиса принадлежала к тому типу увлеченных людей, которые «сгорают на работе». Да ведь так и произошло. Уже в чрезвычайно преклонном возрасте — около 70 лет, дожить до которых в те времена вообще редко кому удавалось, — она, на свою беду, так увлеклась одним молодым человеком, что готова была пойти за ним на край света. Идя по его следам, она оказалась в Фессалии и, встретив юношу в храме Венеры, открылась ему и страстно предложила себя прямо здесь, на месте. В тот час в храме было вовсе не безлюдно, что нисколько не могло смутить многоопытную гетеру с горячим сердцем. Однако наблюдатели не оценили картину, развернувшуюся перед ними, и забросали нечестивицу камнями. Так и скончалась «превосходящая всех женщин от основания мира».

Столь неоднозначный образ, тем не менее, не мог не остаться в истории. В Коринфе Лаисе благодарными скульпторами был воздвигнут памятник в виде львицы, которая лакомится ягненком. Надпись на табличке не дошла до нас в оригинальном виде, но, по слухам, гласила примерно следующее: «Здесь покоится та, чья божественная красота повергла к своим ногам даже славу непобедимой Эллады».

Барсина

Барсина (363–309 гг. до н. э.) известна прежде всего как дочь персидского правителя Артабаза и фаворитка Александра Великого.

Первым мужем Барсины считается грек Ментор, поддержавший Артабаза в восстании против Артаксеркса III. Барсина была тогда еще пятилетней девочкой, которой суждено было вместе с мужем, который годился ей в отцы, бежать в Македонию, а затем в Египет. Лишь через 16 лет Барсина, повзрослев, смогла родить Ментору двоих детей. Вскорости после этого Ментор умер, и Барсину взял в жены его брат Мемнон.

В 333 году до н. э. Дарий II, при дворе которого тогда находилась Барсина, потерпел сокрушительное поражение от Александра Великого, и красавица досталась последнему в качестве трофея. Поначалу он не знал, что с ней делать: красива, благородна — да, но Александр до нее вообще на женщин мало внимания обращал, а тут… что-то в его сердце отозвалось.

Вскоре чувство к 30-летней уже Барсине разгорелось до такой степени, что Александр в угоду ей легко простился с самыми приближенными к себе особами: братом Арридеем и другом Гефестионом. Последний вернется к Александру только после того, как они с Барсиной расстанутся. Вездесущий Плутарх утверждал, что эта женщина была единственной, кого Александр действительно любил: казалось, кроме Барсины, ему вообще никто не нужен — несмотря даже на то, что та была старше его на целых семь лет, а такой союз в обществе считался недостойным великого правителя.

Нет прямых данных об отношениях Барсины с матерью Александра Олимпиадой, однако известна история о том, что однажды Александр настолько разругался с матушкой, что просил царицу Карии Аду усыновить его, тем самым собираясь передать титул своей матери другой женщине. Вряд ли причиной для такой сильной ссоры могло послужить что-либо другое, кроме их отношений с Барсиной.

Судя по всему, Барсина была просто выдающейся красавицей, в которой, помимо внешних данных, сочетались благородная кровь, хорошее образование, полученное в Греции, и мягкий нрав.

Такое положение дел при царском дворе мало кому нравилось. Александра в этом вопросе не поддерживали ни вельможи, ни старшие офицеры, не без оснований переживая за безопасность и устойчивость государства, к управлению которым вследствие близости к царю может иметь отношение иноземка-любовница, да еще какая: муж, отец и брат — персидские

военачальники.

Александр не мог вовсе не считаться с мнением тех, от кого зависела государственная машина, — видимо, поэтому так и не решился жениться на Барсине. Но разлучить их, казалось, ничто не могло. Барсина везде и повсюду следовала за своим полководцем, и предстоявший Александру поход в Сирию не стал исключением.

На пути в Сирию следовало решить проблему с флотом Дария под управлением того же брата Барсины Фарнабаза, для чего путь один — захват Финикии (нынешнего Ливана), на базе городов которой был построен и обеспечивался флот, не имевший себе равных по тем временам. Ключевой город Тир отказался сдаваться, осада длилась полгода. В конце концов основная база персидского флота была захвачена, а вскорости и сам флот разбит. Фарнабаза схватили и отправили к Александру. Только теперь высокопоставленный перс понял, как ему повезло, что в его судьбе могла принять участие сестра. Достоверных данных нет (да и, по понятным причинам, быть не может), но судя по тому, что Фарнабаз вместо неминуемой казни был назначен командующим одним из подразделений армии своего недавнего врага, без Барсины тут не обошлось.

Впрочем, среди приоритетов македонского царя первенство всегда принадлежало идее господства над миром, и Барсина также была подчинена ей, как вообще все и вся в окружении Александра. Вскорости она будет вынуждена стать свидетелем кровавой расправы Александра над защитниками Гизы — города, правителя которого, перса Батиса, он, вопреки своему правилу, не помиловал, а предал самой позорной казни. Тут уже никакие уговоры, никакие мольбы не помогли бы. Барсина была не глупа и понимала: царю необходимо устрашить правителей других городов Египта, ему очень важно было добиться добровольной сдачи этих городов, чтобы сохранить их бесценные сокровища.

А вот Артабазу, отцу Барсины, так же повезло, как ее брату: после смерти Дария он был принят на службу к Александру и даже смог свидеться с дочерью, а потом повидать и внука от великого полководца. В 327 году до н. э. 36-летняя Барсина смогла порадовать царя сыном, которого тот, считая себя «новым Ахиллом», назвал просто — Гераклом.

Неизвестно, чем объясняется тот факт, что с этого момента страсть Александра к своей фаворитке угасает. Возможно, только после рождения своего внебрачного ребенка он понял, что сделать его наследником, а значит, пойти на жесточайший конфликт со всей македонской знатью, было бы нецелесообразно. Для этого ему и понадобилась бактрийка царских кровей Роксана,

с которой он сочетался браком со всеми вытекающими отсюда последствиями для Барсины: ей пришлось взять сына и тихо уйти.

Они обосновались в Пергаме, казалось, всерьез и надолго. Дочь Барсины от Ментора тем временем повзрослела и стала женой Неарха — адмирала македонского флота и ближайшего доверенного Александра, — так что, судя по всему, они с Барсиной продолжали поддерживать отношения, только теперь уже на расстоянии.

10 июня 323 года до н. э. в Вавилоне Александр умер от неизвестной болезни — и спокойная жизнь закончилась, к власти пришли диадохи, его военачальники, разделившие империю между собой. В государстве начались междоусобицы, раздел земель был в общем и целом закончен лишь через 22 года. Антигон, оставивший себе Пергам, отправил Барсину с Гераклом к Полисперхону, которому пришла отчаянная идея захватить имперский трон посредством пускай внебрачного, но живого сына Александра. Так в возрасте 18 лет Геракл был объявлен наследником умершего императора. Но то была лишь политическая игра, в которой Барсина с сыном были просто использованы и в результате оказались больше не нужны — Полисперхон распорядился их убить. Это произошло в 309 году до н. э.

Что любопытно — та же участь постигла и Роксану, из-за которой Барсина была фактически сослана в Пергам: ее тоже после смерти Александра убили вместе с сыном — единственным на тот момент законным наследником короны. Так что смертельно опасное это дело — быть фавориткой верховного правителя.

Таис Афинская

Таис — еще одна претендентка на роль главной фаворитки Александра Великого в исторических и не очень свидетельствах. Родившаяся в 354 году до н. э. в Спарте, она оказалась лишь на два года старше будущего императора, а известность ее была на достаточной высоте, чтобы к семнадцати годам получить в обществе прозвище «четвертая харита» (то же, что древнеримская грация), — ведь по классической традиции этих мифических прелестниц всего три.

В своем романе «Таис Афинская» Иван Ефремов вкладывает в уста некого делосского философа разгадку имени Таис. Тот утверждает, что имя это египетское и переводится как «Земля Исиды». Возможно, это плод авторской фантазии, как и еще два

имени, приписываемые Таис: Тию (это имя она получила при тайном посвящении у орфиков) и Фалестра (так звали еще царицу амазонок).

Она была рождена вне брака от некого гражданина Афин одной критской красавицей. Когда стала подрастать, женские гены взяли свое — Таис была вся в маму. Видя это, мать отдала девочку еще в детском возрасте в коринфскую школу гетер, где она получила образование, считавшееся необходимым для девушек.

Образование, между прочим, было таково, что самые знатные особы своего времени, аристократы до мозга костей, государственные мужи и выдающиеся творцы эпохи мечтали провести время в общении с этой «мудрейшей из женщин», когда она была еще совсем юна. Именно после Таис слово «гетера» утратило свой уничижительный оттенок и приобрело уважительное звучание.

О ней ходили легенды, мудрецы со всей Земли искали с ней встречи. Она стала свидетельницей исторических событий своего времени, существенно повлиявших на становление человеческой цивилизации: побед Александра Македонского, основания Александрии, магического блеска Мемфиса. Она была любима монументальными героями древней истории: Александром Великим и Птолемеем I. Наконец, ей, гетере, суждено было стать царицей Египта.

Процитируем Ивана Ефремова:

«…Птолемей не мог оторвать взгляда от незнакомки, как богиня возникшей из пены и шума моря. Медное лицо, серые глаза и иссиня-черные волосы — совсем необыкновенный для афинянки облик поразил Птолемея. Позднее он понял, что медноцветный загар девушки позволил ей не бояться солнца, так пугавшего афинских модниц. Афинянки загорали слишком густо, становясь похожими на лилово-бронзовых эфиопок, и потому избегали быть на воздухе неприкрытыми. А эта — меднотелая, будто Цирцея или одна из легендарных дочерей Миноса с солнечной кровью, и стоит перед ним с достоинством жрицы. Нет, не богиня, конечно, и не жрица эта невысокая, совсем юная девушка. В Аттике, как и во всей Элладе, жрицы выбираются из самых рослых светловолосых красавиц. Но откуда ее спокойная уверенность и отточенность движений, словно она в храме, а не на пустом берегу, нагая перед ним, будто тоже оставила всю свою одежду на дальнем мысу Фоонта? Хариты, наделявшие женщин магической привлекательностью, воплощались в девушках небольшого роста, но они составляли вечно неразлучное трио, а здесь была одна!»

Неизвестно, была ли Таис любовницей Александра, но тот явно симпатизировал ей и брал с собой в далекие и небезопасные путешествия. Он признавался, что ему приятно «держать Таис при себе». Ему импонировали ее отчаянная решительность, бесстрашие, не по-женски зажигательное красноречие. Видимо, Таис — одна из немногих женщин в истории, наделенных истинной харизмой. Сколько огня и силы убеждения было в ее призыве сжечь дворец Ксеркса в захваченном в 330 году до н. э. Персеполе! Этому моменту посвящена даже картина Г. Симони.

Подняв чашу на праздничном пиру в честь триумфальной победы, она так зарядила царя и всех присутствующих своей энергией убеждения, что зал для пиршеств взорвался овацией. Идея сжечь дворец ненавистного Ксеркса, некогда опустошившего Афины, была воспринята как смелый порыв отмщения, справедливого воздаяния за чудовищные преступления персов перед греками. Заканчивая свою речь, огненная спартанка попросила милости у государя разрешить ей, в качестве единственной награды, на которую она когда-либо могла надеяться из его рук, взять факел и сейчас же привселюдно первой бросить его под стены дворца. Чтобы на все века запечатлеть тот факт, когда женщина ответила на издевательства врага убедительнее всего мужского войска! Смерть варварам!

Видимо, ее и впрямь могли считать Фалестридой.

Александр выполнил ее просьбу — дворец немедленно занялся и сгорел, как спичка.

Тогда она уже считалась любовницей Птолемея (что не мешало ей, впрочем, быть и наложницей Александра). Так или нет, но почему-то только после смерти царя Птолемей смог позволить себе жениться на Таис.

После кончины Александра и начавшегося раздела империи Птолемей с Таис по праву занимает Египет, да еще перевозит с собой саркофаг, в котором покоится Александр, — тем самым демонстрируя соперникам, где отныне будет располагаться столица государства. Они с Таис женятся — и скоро в царской семье пополнение: Эрена (девочка), Леонтиск и Лагус (мальчики). Однако, несмотря на соблюдение всех необходимых этапов ритуала, Таис не может считаться законной царицей Египта, хотя ей и дарован титул. Соответственно, и дети их наследниками не считаются…

В 317 году до н. э. Птолемей расходится с Таис — причиной раздора стала Береника, следующая жена правителя Египта. Они с Таис делят сферы влияния: она царит в Мемфисе, он — в Александрии. Но, пережив несколько покушений с попыткой отравления и потеряв в результате самых дорогих друзей, Таис

понимает, что спокойно ей здесь жить не дадут, и складывает с себя царские полномочия.

На этом правдивая история заканчивается и начинаются домыслы: якобы героиня нашего рассказа оказывается в мифическом городе счастья под названием Уранополис, где и заканчивает свои дни.

Образ Таис Афинской во все времена вдохновлял живописцев и литераторов, но изображалась она, как правило, фавориткой Александра, а не женой Птолемея, хотя и была фактически царицей Египта.

Клеопатра

Ореол славы, которым окружено имя этой выдающейся женщины, до сих пор не имеет себе равных. Думается, из женщин, верящих в реинкарнацию, по крайней мере каждая вторая представляла себя Клеопатрой в одном из прежних воплощений.

В отличие от многих других высокопоставленных женщин прошлого, истории известны и день рождения Клеопатры (2 ноября 69 года до н. э.), и день ее смерти (12 августа 30 года до н. э.). Дочь египетского царя Птолемея XII Авлета, она оказалась последней в династии греческих царей Египта, в династии, которая еще носила титул фараонов.

Возможно, не всем известно, что Клеопатра, наследовавшая престол, на самом деле была незаконнорожденной в августейшей семье, так как лишь одна Береника IV, которой довелось царствовать всего несколько лет (58–55 гг. до н. э.), считалась рожденной в браке.

На престол ее возвело завещание отца, наделившего своих детей — 13-летнего Птолемея-Диониса и 16-летнюю Клеопатру — царской короной, одной на двоих, так как, по обычаю, с этого момента они должны были официально признать друг друга мужем и женой.

Достоверных данных о детстве Клеопатры нет, хотя известно, на каком событийно-историческом фоне оно прошло. Свержение отца в результате восстания 58-го года с последующим изгнанием из Египта, восхождение на престол Береники… Месть, гонения, кровавые расправы в стране, в которые ударился Птолемей после возвращения к власти с помощью римского прокуратора Сирии, падение и смерть Береники. К этому времени Клеопатре было уже 14, она жадно впитывала уроки происходящего на печальном примере отца — нет, она пойдет другим путем: никому не верить, даже родне, никого не приближать к трону, хладнокровно

убирать с дороги всех способных представлять угрозу.

Резиденция Птолемеев Александрия считалась одним из самых ярких очагов культуры той эпохи. Вращаясь изо дня в день в среде талантливейших творцов своего времени, представляющих все роды и виды искусства, Клеопатра помимо великолепного образования получила всестороннее развитие. Ум и талант девушки нашли свое применение в игре на музыкальных инструментах, блестящем знании языков (для своего времени Клеопатра была полиглотом), в философии и политике.

Наделенная природной красотой, она умело применяла все свои способности и преимущества в политической игре и борьбе за власть. Так, стремясь использовать римское могущество для упрочения позиций Египта в мире и своего положения на его троне, она стала сначала фавориткой Юлия Цезаря, а затем любовницей и женой Марка Антония. Говорят, и Октавиан, разбивший Антония, также пылал к ней страстью, но то ли политические соображения взяли в нем верх, то ли царица к тому времени уже сдала, только чары во время их встречи, которая состоялась 1 августа 30 года до н. э., уже не подействовали.

Вот какой портрет Клеопатры в ее лучшие годы дает в своем жизнеописании Антония Плутарх: «…Красота этой женщины была не тою, что зовется несравненною и поражает с первого взгляда, зато обращение ее отличалось неотразимою прелестью, и потому ее облик, сочетавшийся с редкою убедительностью речей, с огромным обаянием, сквозившим в каждом слове, в каждом движении, накрепко врезался в душу. Самые звуки ее голоса ласкали и радовали слух, а язык был точно многострунный инструмент, легко настраивающийся на любой лад, — на любое наречие…»

Но Клеопатра была непревзойденна еще и как гетера. Знает ли история столь знатную куртизанку? К достоинствам или нет отнести сладострастие, но им царица Египта была наделена без меры. Оргии во дворце фараонов во времена Клеопатры стали притчей во языцех. Ни у кого, наверное, в истории не было такого гарема сильных и прекрасных юношей — мораль Египта эпохи Птолемеев, выросшего на почве эллинской культуры, не видела в этом ничего предосудительного. Мало того, к ней выстраивались очереди из обезумевших мужчин, готовых за одну ночь с ней отдать жизнь, — их головы потом выставлялись на всеобщее обозрение.

Отодвинув своего малолетнего брата-мужа, Клеопатра взошла на трон под официальным титулом «Теа Филопатор» — «Богиня, любящая отца». Она должна была править единолично. Но брат, которому в его 13 лет как раз впору было играть в

солдатиков, не стал с этим мириться и при поддержке главного министра Потина, высокопоставленного военачальника Ахилла, а также своего приближенного Теодота, учившего его риторике и манерам, стал готовить план свержения сестры. И в 48 году до н. э. в Александрии вспыхнуло восстание. Потин выступил против Клеопатры с обвинениями в узурпации власти и государственной измене. Якобы, торгуя своим телом, она готова продать Риму весь Египет с потрохами, только бы удержаться на троне. К обвинению прилагались основания: в благодарность за поддержку своего отца, когда в недалеком прошлом он вернулся на престол, Клеопатра стала наложницей Гнея Помпея, одного из влиятельнейших римских консулов.

Эта риторика возымела действие, народ почувствовал себя оскорбленным — Клеопатре пришлось бежать. И хоть поверженной она себя признать отказалась, в официальных бумагах отныне царем Египта именовался юный Птолемей.

Клеопатра сдаваться не собиралась. Она наняла войско в Сирии и подошла к границе с Египтом. Бог знает чем могла закончиться битва у Пелусия на пограничной с Египтом территории, где встретились два войска (не женское и не детское это дело — война), если бы к этому времени не подоспел не всуе упомянутый Помпей.

Разбитый наголову Цезарем в борьбе за власть над Римом, Помпей высаживается на берегах Египта и обращается к Птолемею XIII за помощью. Для того чтобы понять, как правильно поступить в этой ситуации, собирается государственный совет, на котором решено убить Помпея. Эта ошибка в конце концов стоила незадачливому правителю короны. Помпей для Цезаря был кошельком с деньгами, заполучив который он собирался покрыть долги Египта по кредитам Рима, выданные еще папе Птолемея-Диониса, уже почившему в бозе Птолемею XII. А с этого юнца что взять — в стране фактически нет власти…

Ну, раз власти нет, придется ее установить, решает Цезарь и зовет к себе рассорившихся отпрысков последнего Птолемея. Клеопатру на данный момент он рассматривает только как свою возможную ставленницу, которая за это будет должна по гроб жизни.

Проницательная Клеопатра распознала в этом шанс, на который можно поставить все. По требованию римского диктатора она распускает армию и инкогнито (в мешке!) на плечах своего раба Аполлодора появляется во враждебной еще ей столице.

И вот она у ног «божественного Цезаря»! О возможности проявить весь спектр своих талантов в такой ситуации можно

было только мечтать. И, конечно, «египетская блудница» использовала их на все 100.

Утром Цезарь вызвал к себе юного «фараона» и по-хорошему предложил уважать завещание своего отца. Мальчишка впал в истерику и стал мутить воду в стакане. В Александрию были стянуты войска, поддержанные народом, недовольным римским хозяйничанием в Египте. Цезарю с 7-тысячным отрядом пришлось четыре месяца держать осаду в правительственном квартале, пока подоспевший на подмогу Митридат Пергамский с войском не расставил все точки над i. Бежавший Птолемей спастись не сумел: многоводный Нил принял его в свои объятия.

Клеопатра ликовала! «Война Клеопатры», как будут названы эти события, завершилась полным разгромом противника.

Цезарю нужно было возвращаться в Рим, где начались резня и погромы, но, ослепленный чарами 19-летней прелестницы, старый, умудренный политик и полководец не мог себя заставить следовать долгу и вместо наведения порядка у себя дома всерьез планировал нечто вроде свадебного путешествия по Египту. Лишь ропот в рядах легионеров своего отряда заставил Цезаря вернуться к конструктивным действиям. Так что вместо своей свадьбы ему пришлось для отвода глаз и в угоду египетскому обществу сыграть свадьбу Клеопатры с ее братом Птолемеем XIV Неотеросом. Конечно, это была чистая формальность, Клеопатра держала в своих руках всю власть над Египтом, а плод любви с «божественным Цезарем», вскорости явившийся на свет, назвала Птолемеем Цезарионом, чем никого, собственно, не удивила.

В Риме диктатору стало скучно, и он пригласил Клеопатру в столицу республики «с официальным визитом». О помпезности этого визита дает некоторое представление художественный фильм «Клеопатра» 1963 года с Элизабет Тейлор в главной роли. Это было неслыханно для Рима с его сенатом и консулами: правитель Рима со всеми почестями принимает свою любовницу, египетскую гетеру! Позор! Но Цезарь не останавливается на этом, он оскорбляет культуру римлян, духовное и религиозное чувство нации: в храме Венеры устанавливается и уравнивается с богами золотой идол Клеопатры! Повсюду поползли слухи, вызванные небезосновательными опасениями, что Цезарь собирается объявить своего сына от Клеопатры наследником римской короны. После этого заговор против Цезаря стал уже делом времени — 15 марта 44 года до н. э. он был убит.

Самым смелым планам и радужным мечтам Клеопатры не суждено было сбыться. Она возвращается в Александрию, после чего загадочным образом умирает ее малолетний супруг Птолемей XIV, что, в общем-то, и понятно: зачем Клеопатре

будущий соперник в борьбе за власть, если у нее уже есть сын, который должен править после нее? Она объявляет Цезариона своим наследником.

События, последовавшие за смертью Цезаря, стали серьезным испытанием для царицы. В Риме возобновилась кровавая борьба за власть, основных претендентов было четверо: Кассий, Брут, Антоний и Октавиан, ситуация часто менялась и требовала политической гибкости. К этому, как на беду, добавились двухлетняя засуха и голод в Египте, народ роптал и был на грани восстания. Как ни крути, ей нужно было делать ставку на одного из четверых.

В это время Марк Антоний после своей победы над Брутом объезжал свои новые владения в Греции и Малой Азии, попутно принимая поздравления от соседних делегаций. Клеопатра долго не решалась, но в состоянии острого цейтнота все-таки сделала выбор и отправилась с поздравлениями к Антонию.

Этот визит выглядел не столь величественно, но был окружен такими романтическими атрибутами, недвусмысленно указывавшими на цель александрийской красавицы, что самолюбие Антония было польщено, и он, будучи сластолюбив и легкомыслен по натуре, не стал возражать.

Свой успех Клеопатра закрепила уже у себя в Александрии, куда приглашенный ею Антоний вскорости прибыл. Как и ожидалось, римский триумвир потерял голову. У Клеопатры были две просьбы — они исполнены: официальное признание Римом Цезариона и исчезновение с политической сцены сестры царицы — Арсинои. Бедняжка в изгнании и так ни на что, в общем-то, не претендовала, но все-таки для порядка была убита.

Клеопатра честно исполняла свою часть договора — роман, напоминавший пьяную оргию, продолжался 10 лет. Плутарх описывал это так: «Вместе с ним она играла в кости, вместе пила, вместе охотилась, была в числе зрителей, когда он упражнялся с оружием, а по ночам, когда он, в платье раба, бродил и слонялся по городу, останавливаясь у дверей и окон домов и осыпая обычными своими шутками хозяев — людей простого звания, Клеопатра и тут была рядом с Антонием, одетая ему под стать».

Порой они нарывались и получали достойный отпор, возвращаясь из своих загулов порядком избитыми, но готовыми завтра же продолжить в том же духе. Они смеялись сквозь слезы, охая и потирая бока, и называли друг друга «неподражаемыми». Со временем народ стал их узнавать и обходить стороной от греха подальше, и затея утратила смысл.

С точки зрения политического расчета отношения Антония и Клеопатры были взаимовыгодными: власть Клеопатры держалась

«на штыках» Антония, который не смог бы прокормить свое войско без египетского обеспечения. Роль же беспутной вакханки нисколько не отягощала царицу — как и роль высокообразованной гетеры в пору их отношений с Цезарем: это была лишь еще одна грань образа «александрийской распутницы».

Законная жена Антония долго терпела — но в конце концов взорвалась и развернула против своего мужа настоящие военные действия, получившие в истории название Перузинской войны. Когда любвеобильный триумвир вернулся в Рим, она уже была мертва. Антоний был пристыжен Октавианом и обещал ему взяться за ум — даже для пущей убедительности взял в жены его сестру. Как раз в это время Клеопатра подарила ему сразу двух детей: Александра Гелиоса и Клеопатру Селену — «Солнце и Луну».

Сойтись вновь им было суждено лишь через три года, во время малоазийской кампании Антония. Одержав легкую победу над Арменией, Антоний заявил, что свой триумф желает отметить не в родной столице, а в Александрии, тем самым признав, что да, ему плевать на республику и все, что с ней связано. Своими последующими действиями триумвир недвусмысленно давал понять, что навсегда открестился от Рима и отныне связывает свою судьбу с Александрией, Клеопатрой и своими детьми: дети получили по области, завоеванной римскими легионерами, сами же легионеры — щиты с выбитым на них именем Клеопатры; Египет обрел царицу с титулом богини и монеты с профилем «Новой Изиды».

Последней каплей стало завещание Антония с признанием Клеопатры своей законной женой, а детей — своими наследниками. В качестве последней воли он пожелал быть похороненным вместе с Клеопатрой здесь, в Александрии, в земле Египта. О Риме — ни слова!

Тут уже не вытерпел и Октавиан. После столь явной самодискредитации Антония будущему императору Августу не нужно было никому объяснять целесообразность своего похода на Египет.

Конечно, «неподражаемая» парочка была разбита в пух и прах. В битве на море у «божественной Изиды» не выдержали нервы, она задергалась, натворила ошибок и в конце концов поставила Антония под удар.

Антоний перестал с ней видеться, он закрылся у себя и жестоко запил. Клеопатра стала подумывать о суициде. Но жажда жизни взяла свое — она бежала из Александрии, переведя свои корабли в Красное море.

Их благополучно сожгли арабы. Царица не предалась отчаянью и вооружила народ в Пелузе и Александрии. Построенная по ее повелению царская усыпальница уже ждала ее на случай поражения. Накануне из всех способов умереть она выбрала укус аспида: испытания были проведены на рабах.

Любовники снова помирились, но доверять друг другу, как раньше, уже не могли. Клеопатра отправила гонца к Октавиану с дарами. Тот ответил своей благосклонностью к царице, она может просить что пожелает. Клеопатра воспряла духом, в сердце ее затеплилась надежда: Октавиан видел ее много лет назад в Риме, во всем ее блеске, — и, возможно, был влюблен в нее…

Весной 30 года до н. э. армия Октавиана укрепилась в окрестностях Александрии. Действуя упреждающе, Антоний поверг врага в бегство, но к Октавиану подошел резерв, в войсках же Антония поднялся ропот, возникла угроза измены.

Видя все это, Клеопатра объявила, что отправляется в усыпальницу, чтобы покончить с жизнью. Ее волю передали Антонию, и тот с именем возлюбленной бросился на меч. Его, истекающего кровью, но еще живого, привезли Клеопатре, и любовники еще успели проститься. Возможно, Клеопатра действительно собиралась покончить с собой, она не выпускала из рук кинжал, однако же дала себя уговорить слугам Октавиана, сдала оружие и предстала перед императором.

Напрасно. В 39 сила обаяния уже не та, что в 19. Октавиан позволил ей еще похоронить Антония, детей же отправил в Рим. А через несколько дней туда же, прикованную к колеснице, было решено перевезти и Клеопатру — в знак триумфа императора Августа!

Она узнала об этом и отправила письмо Октавиану. Когда тот вскрыл его, в нем выражалась просьба похоронить царицу рядом с Антонием.

Немедленно посланные к ней люди Октавиана нашли ее мертвой на царском ложе во всем убранстве царицы Египта.

Отдавая дань благородству царицы Египта, Октавиан исполнил последнюю волю Новой Изиды. Цезариона же казнил: чужие наследники никому не нужны.

Жизнь и смерть неподражаемой царицы Египта уже два тысячелетия будоражат умы представителей многих видов искусства. К ее образу обращались У. Шекспир, Б. Шоу, Дж. Тьеполо, П. Рубенс, А. Пушкин, В. Брюсов, А. Блок, А. Ахматова. Создана добрая дюжина художественных фильмов, наиболее известными из которых являются киноленты 1899 года и 1963-го с Элизабет Тейлор в главной роли.

Эту рабу любви современники называли «уменьшенной копией Клеопатры». И, надо сказать, когда знакомишься с судьбами одной и другой, поневоле возникает эффект дежавю.

Главный (и, пожалуй, единственный) роман в жизни Береники — трепетные отношения с Титом — будущим императором Рима. События же до романа шумны, громоздки и утомляют количеством имен, лет, цифр и родственных связей. Так что мы лишь вкратце перечислим основные вехи биографии царицы иудейской, наследницы Ирода Агриппы I и сестры Агриппы II.

Родилась Береника в 28 году н. э. в царской семье. Трижды была замужем. В 13 лет в Иудее девочка считалась уже взрослой. В этом возрасте на ней женили Марка Юлия Александра, сына управителя еврейской общиной Александрии. Не исполнилось Беренике и 16 лет, как она овдовела.

Ее отдали брату отца — Ироду Халкидскому. На этот раз она овдовела через четыре года, успев родить двух сыновей — Берекиана и Гиркана. Ее с детьми оставил при дворе брат Ирод Агриппа II, с которым, по весьма устойчивым слухам, она находилась в порочной связи.

Лишь через 17 лет, в 65-м, она дает согласие выйти замуж снова. Будущий муж, царь Олбы Полемон II, от счастья даже согласился на обрезание. Ей же якобы нужно-то было всего-навсего опровергнуть сплетни на свой счет. Судя по всему, желаемого результата сей шаг не возымел, потому через короткое время она снова вернулась к брату, сбежав от законного мужа.

Первая встреча с Титом состоялась в 67-м. В свои 39 лет Береника была еще весьма соблазнительна, а уж богата так, что не только Тит, но и его отец Веспасиан в ней души не чаяли. В борьбе за власть состояние Береники могло оказаться хорошим подспорьем. Титом же, к тому времени уже дважды разведенным, в отличие от батюшки, овладело сильное чувство к иудейской красавице, ибо в 69-м он прибыл в Иудею не столько по делам, сколько просто свидеться. В Рим он вернулся лишь через два года.

К удивлению Береники, с собой он ее не взял. Приглашение в столицу империи пришло к ним с братом лишь в 75-м, зато в какое торжество был превращен их визит! Агриппа получил все символы римской власти в Иудее, Беренику чествовали почти как императрицу.

К этому времени Береника уже обладала немалым влиянием. Стоило ей попросить своего бывшего тестя, римского ставленника

в Египте, подать свой голос в пользу Веспасиана, и легионы Тиберия перешли на сторону отца Тита.

Она была сильно увлечена Титом, мечтая стать его женой и императрицей Рима. Но на то время это было из разряда фантастики. Римляне терпеть не могли евреев. Настроения были подогреты еще и затянувшейся, чрезвычайно затратной войной с Иудеей. Когда в этом противостоянии наконец была поставлена точка, Веспасиана и Тита чествовали в Риме как богов.

Все 12 лет их совместной жизни Беренику не оставляла тревога, хотя за широкой спиной Тита ей ничто не угрожало и вести себя она могла как его жена.

Тит все свободное время проводил с любовницей. Они развлекались, пировали, Тит сам неплохо пел, небесталанно исполнял стихи модных поэтов Рима, сам что-то сочинял, музицировал и помогал Беренике осваивать кифару.

Тит, как свидетельствует Светоний, вроде бы даже давал слово Беренике, что она станет его женой, что не мешало ему, по замечаниям другого историка, Тацита, не терять голову, оставаясь для народа Рима достойным государственным деятелем.

Но спокойно жить им не давали. Приходилось отвечать жестко. Пьяный Диоген, привселюдно в театре осыпавший оскорблениями пару влюбленных, был бит розгами. Герант, пожелавший испытать судьбу вслед за Диогеном, потерял голову уже в буквальном смысле.

Но Береника все равно чувствовала себя униженной. Римляне за словом в карман не лезли, а Тит не мог круглосуточно находиться с ней рядом, ограждая от каждого наглого выкрика. В конце концов она ощутила себя посмешищем, это было уже выше ее сил и граничило с психическим расстройством. Казалось, все потешаются над ней, тыкают пальцами и злобно паясничают.

Тит был очень привязан к Беренике и не хотел верить, что им когда-то придется расстаться, осознание необходимости сего выжигало все внутри. Неримлянка не может быть его женой, таковы правила. Все, кто пытался их нарушить, мертвы. Недаром ему отовсюду шепчут: «Клеопатра… Цезарь… Антоний… помни!» Помни, как бесславно пали те, кто поднял свое «я» против законов Рима. Или ты наш император, или любовник иноземной блудницы — придется выбрать. А еще знаешь ли ты, за кого вышла замуж ее сестра? За прокуратора Иудеи? Он бывший раб, имя ему — Феликс! И ты хочешь объявить императрицей Рима сестру жены раба?!

Даже шутить подобным образом в Древнем Риме было неуместно. Пришлось делать выбор против сердца, но в пользу

разума. Тит выслал Беренику из Рима — для ее же блага.

В 79-м после смерти Веспасиана Тит унаследовал трон, и Береника, решив, что это все меняет, как на крыльях прилетела в столицу. Да ничего это не меняло, Тит ее тут же, уже вторично, выслал. Как точно выразился Гай Светоний Транквилл, «Беренику он тотчас выслал из Рима, против ее и против своего желания».

Больше они не виделись. Сколько она еще прожила и где ее могила, история умалчивает. Да и для Тита, судя по всему, это был выбор, превышавший его душевные силы, — до смерти ему оставалось два года. Поговаривают, что он был отравлен Домицианом, своим братом. Быть может, следовало все-таки выбрать личное счастье и отказаться от власти? Думается, их с Береникой представления о счастье несколько отличались: ей все равно нужна была корона.

Образ Береники — один из самых популярных в европейском искусстве Нового времени и индустриальной эпохи. Среди самых известных произведений искусства — фреска в Версале, драма Пьера Корнеля (1670), трагедия Жана Расина (1670), новелла Генриха Шумахера (1890), трилогия Лиона Фейхтвангера «Иосиф Флавий» (1932–1945) и др.

В своей трагедии «Береника» Ж. Расин выводит образ безответно влюбленного в нее Антиоха, сирийского царя. В ожидании решения Береники он признается, что готов покинуть Рим, если Береника выберет Тита.

Тит, узнав, что Антиох уезжает, расстроен этим известием: они старые боевые товарищи, ему нужна поддержка друга. В доверительной беседе он признается Антиоху, что вынужден оставить свои планы насчет Береники: сейчас, после смерти отца, на него легла вся ответственность за судьбы народа и государства, и он не вправе отказываться, но не знает, как сказать об этом Беренике. Тит просит своего друга сделать это за него. А еще лучше — уехать вместе с Береникой, так ему будет спокойнее за них обоих.

Антиох оказывается в весьма щекотливом положении: не передать своей возлюбленной волю Тита он не может, а передать — значит, расстроить ее, вызвать в ее душе негативное отношение к себе и, возможно, навсегда распроститься с мечтой, которая именно сейчас стала так близка. Единственная его надежда — на то, что по пути в Иудею Береника, брошенная императором Рима, согласится стать его женой.

Как ни тяжело было сирийскому царю передать любимой слова Тита, он это сделал. Результат был предсказуем: Береника не верит ему на слово, желая сама во всем убедиться, и не хочет его больше видеть.

Наступает тяжелая сцена все выясняющего разговора Береники с Титом. Тит не может преступить закон. Береника разочарована: разве не уверял ее Тит, что она для него важнее всех законов? Но Тит не мог знать заранее, что все так сложится. В ответ на призыв Тита понять, что долг царя — соблюдать закон, Береника замечает, что, судя по всему, его высший долг — «вырыть ей могилу». Раз так, то жизнь ее кончена, она убьет себя. Тит отвечает, что все это выше его сил: если она сейчас же не поклянется, что не станет совершать задуманное, он сам первый покончит с собой.

Антиох, оказавшийся свидетелем этой сцены, не в силах вынести их страданий, предлагает свою жизнь положить на алтарь счастья Тита и Береники — возможно, боги примут жертву и позволят им быть вместе. Такого беспредельного великодушия и благородства не выдерживает уже Береника и, «повергнутая в стыд», соглашается уехать и больше не появляться.

Этот сюжет на столетия вперед стал для многих поколений примером проявления истинного чувства, исполненного самоотверженного горения во имя любимого человека и свободного от мелочного эгоизма.

Средние века

Феодора

Святая грешница — так можно назвать девочку из бедной семьи, ставшую знаменитой гетерой, перед которой дважды раскрылись врата Святой Софии в Константинополе — для бракосочетания с наследником византийской короны Юстинианом и для церемонии коронации. Феодора (500–548), что означает «Божий дар», за свою деятельность на византийском престоле причислена христианской церковью к лику святых.

Отец Феодоры и еще двоих ее сестер Акациус служил сторожем при византийском ипподроме. После получения этого места семья смогла перебраться с Кипра, где родилась Феодора, в Константинополь. Когда отец умер, девочке было всего 11. Чтобы как-то прокормить семью и не потерять крышу над головой, мать стала сожительствовать с помощником сторожа, а повзрослевших дочерей сдавать желающим для интимных ласк.

Их все-таки выгнали на улицу, но матери удалось договориться о представлении ее дочерей на подмостках театра мимов, а тем — так выступить, что их выступления стали постоянными, а отчим был принят сторожем в цирк.

Поначалу Феодора лишь помогала своей сестре — носила за ней табурет во время акробатических выступлений, позже стала выступать и сама как танцовщица и акробатка. Талант и красота расцвели в ней одновременно, и к 15 годам она уже собирала немалую публику на своих выступлениях. Красота ее была необыкновенной, эта красота звучала, как песня лесов и полей, как гимн природы: завитки светлорусых волос, белая, чистая кожа, спелые ягоды губ — зеленоглазая нимфа!

Феодора предпочитала выступать совершенно обнаженной и нисколько не стеснялась этого, одежда ее только сковывала и раздражала. Будучи крещеной, она не придавала вероисповеданию большого значения, богословская книжность не коснулась ее, а реальная жизнь диктовала свои законы. Живя со своими сестрами, она с детства наблюдала картины плотских утех, культ тела был зрим и понятен, так что еще до достижения полноценной зрелости Феодора обладала немалым опытом в ремесле жрицы любви.

В этой вакхической стихии, переходя из рук в руки, она чувствовала себя как рыба в воде и пользовалась такой популярностью, что редкая пирушка обходилась без сладострастной и безотказной прелестницы. Она щедро раздаривала свою молодость и красоту, невзирая на ранги, звания, положение в обществе: рабы и патриции, музыканты и матросы встречались в одном будуаре.

О ней ходили легенды, шутки, небылицы, делались ставки: скольких граждан и рабов она примет сегодня. Клиентура Феодоры не выдержала бы никакого учета, самой пикантной новостью вечерних встреч за кружкой вина были ее последние подвиги, мужчины наперебой хвастались, как она им отдалась, восторженно подчеркивая достоинства и внешние данные. А в светлое время суток шарахались и делали вид, что не узнают на улице.

В этом вакхическом угаре шли годы. А годы, как известно, безжалостны. Красота 24-летней Феодоры уже не так блистала, как в 17 лет, тем более на фоне подросших за это время нимфеток. Быть может, она бы еще лет 10 превосходила всех самых юных, если бы… если бы не безрассудно-расточительная, напропалую развратная жизнь.

Видя, что больше никому не нужна, она опустилась ниже некуда. Но так уж, видимо, было ей предначертано — чтобы возвыситься недосягаемо для всех. А пока что ей оставалось лишь вернуться на родину, Кипр, где она решила возложить свою жизнь на алтарь храма Афродиты.

Неизвестно, какой бог помог ей — христианский или

языческий: она встретила Гекебола, префекта одной из областей в Северной Африке. А тот увлекся ею до такой степени, что забросил государственные дела и потерял должность. Не имея более возможности содержать Феодору, он ее выгнал. Из роскоши, которой она до тех пор никогда и не видела, Феодора попала на грязь мостовой.

Близкая к помыслам о самоубийстве, не зная зачем, Феодора вернулась в Византию.

Ей снова встретился спаситель — на сей раз в облике старой ведуньи, которая не только приютила ее, но и предсказала большое будущее, в ожидании которого предложила наполнить свое сердце раскаянием и в качестве епитимьи поработать у нее ткачихой. Предсказанию вторил странный сон, будто повстречается ей сам Князь Тьмы и станут ей принадлежать все сокровища мира.

Жизнь не оставила Феодоре особого выбора: проституция в ее возрасте уже не приносила тех заработков, которые позволили бы иметь кров. И она села за ткацкий станок.

И вот однажды… Как в сказке! Он увидел ее, ткущую холст… И тут же попросил руки!

«Князем Тьмы» оказался византийский военачальник царских кровей Юстиниан, которому суждено было именно после встречи с прекрасной блудницей сделать головокружительную карьеру: в этот же год он назначается консулом, на следующий — объявляется наследником византийской короны. Феодора стала его добрым ангелом.

Юстиниан не останется в долгу. Вот уже Феодора признана равной патрициям. Но самой заветной мечтой Юстиниана была свадьба с ней. По действующим законам Византии, это невозможно: консул не может взять в жены женщину из низов общества. А кроме законов категорически против этого две другие женщины: императрица Евфимия и мать самого Юстиниана. Так что, хоть и принята Феодора в царском дворце, для всех она лишь некая блажь царевича — в недавнем прошлом шлюха с площади. Юстиниана мучило такое положение вещей, и он не собирался с ним мириться. Ведь он сам рожден в крестьянской семье и своим положением обязан лишь дяде Юстину — нынешнему владыке империи!

И тут фортуна повернулась к их любящим сердцам во всем своем великолепии. Евфимия умирает. Юстин I, любящий и племянника, и его избранницу, с большим удовольствием меняет закон, не дающий им жить в браке. В новой редакции эта норма предусматривала возможность бракосочетания знатного византийца и актрисы, если она обещает бросить свое ремесло!

Куда уж демократичнее…

Говорят, мать Юстиниана, еще не так давно простая крестьянка, скончалась в судорогах, не вынеся позора.

А Византия на их венчании ликовала.

Через три года ослабевший император, чувствуя, что смерть его близка, послал за молодыми. Когда они явились, он благословил их на царство, передав обоим как равным и достойным друг друга свой титул. Свидетелем сего был сенат в полном составе. Через три дня два простолюдина (куртизанка и крестьянин) были коронованы Патриархом Константинопольским и заняли византийский престол. Никто не был против. Народ не роптал, армия и церковь — все согласны!

Вот так, выйдя из грязи в князи, Феодора, рожденная в нищете и неоднократно бывавшая на самом дне общества, оказалась у руля одной из величайших империй. И мигом она стала эталоном всего прекрасного и изящного — та, на которую показывали пальцем как на гулящую. Думается, этот сюжет еще ждет своего Шекспира.

В истории немного найдется таких активных и ответственных государственных деятелей, как Феодора. Этапы чудесных превращений этой необыкновенной женщины сравнимы только с биологической цепью «гусеница — куколка — бабочка»: каждый следующий этап — это совершенно другое существо. От бесшабашной и распутной нимфетки ничего не осталось. Императрица Феодора — это достойнейшая правительница своей эпохи, которой груз ответственности за многонациональное и трансконтинентальное государство оказался вполне по силам.

Она занималась государственными делами с не меньшим, а то и большим энтузиазмом, чем муж: принимала иностранные делегации, утверждала бюджет, назначала и снимала с должностей, казнила и миловала.

Особо благодарны должны быть ей грядущие поколения, выросшие на византийской почве, за ее смелую позицию во время восстания Ника. Мятеж в столице достиг такого масштаба, что Юстиниан, показавший себя крайне непоследовательным, никудышным политиком, уже снарядил три корабля, собравшись бежать.

Тогда Феодора на государственном совете сказала столь выразительную речь, обращенную к Юстиниану и прочим потенциальным дезертирам, после которой смерть при защите города и короны показалась им сущим благом в сравнении с позором бегства. Когда защитники города снова поверили в себя, дело оказалось проще простого — окружить ипподром, на котором заговорщики устроили «мирную демонстрацию», и

порубать всех до единого. Говорят, никто не вышел. И завтра в городе уже было спокойно.

Законодательная и благотворительная деятельность Феодоры была ознаменована главным образом законами, облегчающими жизнь женщин. Она же запретила гомосексуальные связи и установила простое наказание — оскопление. Монастыри, клиники, приюты, храмы, фортификационные сооружения были построены под ее кураторством.

Ни внутреннюю, ни внешнюю политику она не выпускала из поля зрения, мир и война с сопредельными государствами были в ее власти. Разбив варваров на севере, Юстиниан намного расширил границы Византии, включив в состав империи области, находившиеся под протекторатом Рима. Если бы не супруга, августейший монарх и пальцем бы не пошевелил.

Вот такая история про византийскую «золушку», ставшую «вольною царицей и владычицей морскою».

Феодора умерла от рака 28 июня 548 года. Похоронили ее в храме Двенадцати апостолов, Юстиниан дал обет безбрачия и с тех пор клялся только ее именем.

Фредегунда

Эта история напоминает кровавый телесериал и дает представление о том, откуда растут ноги у жанра «фильм ужасов».

Дело было в Богом забытом VI столетии нашей эры, когда после падения Римской империи свет культуры в большей части Европы потух и наступило всеобщее одичание. В наступившей тьме рыскали варвары, вандалы, готы, которые в понимании среднего гражданина Византии того же века мало чем отличались от бурых медведей.

Краткий пересказ триллера приводится по двум источникам: хроникам современника и очевидца всех этих кошмаров Григория Турского «История франков», а также по написанной двумя столетиями позже «Книге истории франков». В роли главной злодейки — королева Нейстрии Фредегунда (ок. 540/545–597).

561 год нашей эры. Умирает Хлотарь — первый наследник основателя государства франков Хлодвига I. Трое сыновей делят между собой наследие. Так появляются три королевства: восточное, Австразия, признается за Сигибертом, Нейстрия на западе отходит к Хильперику, Бургундия же остается Гонтрану. Поделили вроде честно, но не сказать, чтобы это их успокоило на века, всегда найдется повод для зависти. А если уж правду

сказать, то каждый спал и видел двух других своих братьев в сырой земле, а их земли — в своем единоличном владении.

В свободное от бандитских набегов время братья, как и подобает потомственным рыцарям, упражнялись, кто больше употребит алкоголя, в искусстве превращения девушек в женщин и выясняли, «кто кого сильнее поколотит». В общем, время коротали весело.

Самым просвещенным из троих был, пожалуй, Хильперик: его вечно тянуло что-то строить (цирки в Орлеане и Париже, например), менять алфавит (добавил к латыни три буквы и стал отцом древнегерманской азбуки). Потому, видимо, он мало кем был понят и обозлен на всех. Особенно утомляли современников его разглагольствования на богословские темы: о таинстве Троицы, например, или как покрестить всех евреев.

Стараясь быть понятным обществу, не в меру просвещенный Хильперик распутствовал и безумствовал похлеще остальных, с особым тщанием, усердно делая вид, как ему это все нравится. В итоге найти женщину, с ним не переспавшую, на вверенной ему территории из современников никто не брался.

Можно себе представить, с каким удивлением он обнаружил однажды незнакомую женщину в своем собственном замке. «Почему не знаю?» — воскликнул он и добавил еще три буквы из изобретенного им алфавита.

Знал бы он, на кого нарвался! В его замок каким-то образом просочилось самое что ни на есть исчадие ада, которое еще всем даст прикурить. А по имени — просто Фредегунда, да и внешне — весьма и весьма! Девушка оказалась новенькой служанкой королевы Аудоверы и — тут же выяснилось еще кое-что — самой искусной и сладострастной любовницей на всем белом свете.

После того как Хильперик в этом убедился, ему уже не захотелось уезжать на очередную войну, да пришлось. А пока доблестный рыцарь искал новых подвигов, супруга родила, и коварная Фредегунда как бы невзначай посоветовала своей госпоже самостоятельно крестить свою дочь в отсутствие достойной кандидатуры крестной матери. Тут Аудовера, видимо, не столь просвещенная, как ее муж, сделала главную ошибку в своей жизни — послушалась совета Фредегунды.

Но вот вернулся Хильперик, и Фредегунда, лукаво улыбаясь, задает ему с виду не более чем шаловливый вопрос: «С кем же мой господин разделит сегодня ложе?» Не придавший этому значения король отправился в опочивальню к жене. Но уже в тот же вечер, поняв, что произошло, навсегда отстранил от себя Аудоверу, впоследствии выгнав ее и отправив в монастырь.

Эта притча о том, как важно быть политически грамотной

даже супруге короля. Оказывается, в то дремучее время церковью были запрещены близкие отношения с кумовьями! И Хильперик, учитывая его положение, не мог игнорировать эту догму.

Так Фредегунда впервые убрала с дороги того, кто ей мешал. В результате служанка заняла место королевы!

В это время пришло известие из Австразии: Сигиберту надоела беспутная жизнь, он женится! Увидев в этом что-то новенькое, как минимум увесистый мешок с приданым, Хильперик решил не отставать от брата и тоже объявил засватанную дочь правителя вестготов Галесвинту своей единственной до гроба. Условие было жестким, король вестготов шутить не любил.

Потеряв вместе с Хильпериком мечту о царской короне, Фредегунда проявила чудеса настойчивости и снова устроилась в замок прислугой. Долго строить глазки августейшему жеребцу и принимать самый несчастный вид не пришлось, молодая жена была вытеснена с брачного ложа. Хильперик и не жил с Галесвинтой, и домой ее не отпускал: подарки не отдарки.

В конце концов Хильперику надоело слушать нытье жены, и он ее задушил. А уже через восемь дней, игнорируя обязательный траур, официально женился на Фредегунде. «От поминок холодное пошло на брачный стол…» Как видим, история Гамлета типична для своего времени.

Так Фредегунда добилась своей цели, как бы фантастично та ни звучала поначалу: она — королева! И тут началось самое интересное. За время своего владычества Фредегунда своими действиями как никто другой постаралась запечатлеть в памяти потомков, как на самом деле выглядит Медуза горгона в исполнении франков середины I тысячелетия от Рождества Христова.

Началось с того, что супруга Сигиберта Брунгильда, узнав о безвременной кончине своей сестры, не поверила, что та умерла своей смертью. Сигиберт, подстрекаемый женой, набросился на Хильперика. Хильперик решил, что брата снова потянуло на «кто кого сильнее поколотит», и пошел войной. И был так поколочен, что скрылся с поля боя в неизвестном направлении. Сигиберт беспрепятственно занял Париж и назначил церемонию коронации на ближайшую пятницу.

Фредегунда не стала ждать, когда ее лишат трона, и решила, что правильнее будет руками своих людей лишить жизни короля Австразии. Он был пронзен отравленными ножами. Самим наемникам это тоже стоило жизни.

Узнав об этом, Хильперик прозрел: так, значит, он победил! И первым делом захватил главный трофей — прекрасную

Брунгильду.

Это не входило в планы Фредегунды. Мысленно она стала внимательно перелистывать картины самых изощренных убийств. Но тут подоспел со своей страстью к трофею папы один из его сыновей от Аудоверы. Брунгильда из соображений мести согласилась.

Хильперик был взбешен. Сына — в монастырь, Брунгильду — туда, откуда пришла! В результате отпрыск наложил на себя руки, а Брунгильда вернулась царствовать в Австразию.

Не без удовлетворения узнав о смерти наследника престола, Фредегунда продолжила избавляться от детей Аудоверы. Вскоре все они были мертвы, как и сама Аудовера в монастырском заточении.

В общем, люди в окружении Фредегунды умирали, как мухи, она даже начала опасаться, что скоро ей нечем будет заняться. Заодно она открыла, что кровопролитие, месть и пытки доставляют ей наслаждение куда большее, чем секс, которым она, по природе своей, никогда насладиться не могла.

Однажды по ее приказу палачи привязали провинившегося управляющего замка к колесу и несколько часов полосовали его ремнями. Наконец, обессилев, присели перекурить. Больше им ни приседать, ни курить не пришлось: им отрубили кисти рук и ступни ног.

Кстати, костры инквизиции тоже можно считать изобретением августейшей особы. В 577 году эпидемия оспы унесла всех детей Фредегунды. Она обвинила в колдовстве трех женщин и сожгла на костре.

Но короне все-таки нужен преемник. Стареющему, истощенному Хильперику на это нечего было возразить, но надеяться на него в столь щепетильном вопросе королева не стала. В этом деле государственной важности совершенно секретно с большим воодушевлением приняло участие чуть ли не все королевство. Результат коллективного труда назвали Хлотарем и объявили наследником престола.

После рождения сына новая волна сексуальной революции ударила в голову ненасытной королеве. Это уже было просто безумие и бешенство, через нее проходили толпы мужчин. Бедный муж как-то осмелился заглянуть к ней в спальню. Фредегунда сидела спиной к двери и, не видя вошедшего, назвала его именем другого мужчины…

Что ж, после этого пришлось убить и Хильперика, который даже не успел понять, как он ошибся. Несчастный случай на охоте — и все дела.

Вот и настал тот момент, когда все цели достигнуты, все

лишние люди с дороги убраны, и королеве нечем заняться. Теперь, когда растрачивать свою неуемную энергию больше не на что, замок был превращен в настоящий, непревзойденный сексодром. От десяти и более истощенных за ночь мужчин буквально выползали из покоев королевы франков. Из них те, кому не удалось адекватно ответить на ее изысканные запросы, — без гениталий.

13 лет непрекращающегося секс-марафона. До самой смерти.

А потом мы спрашиваем, откуда берутся Франкенштейны, Фредди Крюгеры и английские детективы…

В 597 году Хлотарь II наконец воссел на престоле. Его матушка отдала душу. А кому — Богу или дьяволу, — история умалчивает.

У Цзэтянь (У Хоу)

Эта гетера, не имевшая знатного происхождения, почти полстолетия фактически правила Китаем, пережив двух императоров (Тай-цзуна и его сына Гао-цзуна) и приняв титул У Цзэтянь — «первая и единственная женщина, единолично правившая Китаем».

В императорском дворце У Хоу (624–705), как звали девушку, провела фактически всю жизнь: в гарем императора она была доставлена 13-летней. За 12 лет, остававшиеся до смерти Тай-цзуна, наложница успела очаровать не только владыку Поднебесной, но и его сына, молодого Гао-цзуна, что сыграло решающую роль в ее дальнейшей биографии. Традиция была такова, что жены императора после его смерти отправляются до конца своих дней в монастырь. Но Гао-цзун не захотел прерывать отношения с бывшей наложницей отца и в итоге забрал ее из монастыря.

Через пару-тройку лет, пользуясь доверием Гао-цзуна, У Хоу расправилась со всеми, кто мог составить ей конкуренцию, прежде всего — с женой своего господина. Сама же заменила ее тем, что родила ему пятерых детей, и в 655 году была провозглашена императрицей.

У Хоу от рождения обладала крутым нравом и не по-женски сильной волей. Рассказывают один случай. У Тай-цзуна в конюшнях появился жеребец, которого никто не мог объездить. Видя такое дело, девушка с горячим сердцем предложила свои услуги. Она попросила лишь крепкий клинок и железный прут. Ее спросили зачем — и она с невинным видом объяснила, что строптивому животному надо хорошенько надавать прутом по

бокам; если будет мало, тогда по голове; а коли не поможет и это, тогда… отрезать ему кинжалом язык. Испуганный император переспросил: «Язык?» «Язык!» — твердо подтвердила красавица. После этого Тай-цзун уже не приглашал ее на свое ложе. Боялся при ней уснуть и расслабиться, наверное.

Для того чтобы получить императорский титул, честолюбивая У Цзэтянь задумала и осуществила хитрый замысел, который оказался настолько чудовищным в исполнении, что ей поверили. У Гао-цзуна не было наследника, супруга не могла родить. А наложница уже имела от него первенца. Ребенок считался императорским, У Хоу рассматривалась только как его кормилица. После очередного посещения императрицы (та заходила полюбоваться малышкой, поулюлюкать) У Хоу, не дав себе времени подумать, какое злодейство она совершает, набросила на головку своей дочери одеяло и продержала до тех пор, пока она не перестала дышать.

Зашедший через время Гао-цзун нашел девочку мертвой. Император в гневе был страшен, но У Хоу удалось так убедительно разыграть горе, что Гао-цзун, в сознании которого, видимо, не укладывалось, что мать может убить свое дитя, набросился на жену с обвинениями в детоубийстве. Казнить ее он не стал, но больше к себе не допускал — У Хоу вышла на первую позицию, которую Гао-цзун потом закрепил своим указом, проигнорировав общепринятые представления о том, что женщину к управлению государством допускать нельзя.

Поэтическая душа китайского народа воспела их, делящих один престол, назвав «Двумя святыми», а вот правящие круги были возмущены и позволяли себе даже высказывать беспокойство по поводу нечестивой связи бывшей наложницы императора Тай-цзуна с его сыном, это считалось равносильным инцесту. Все недовольства были внимательно зафиксированы новой императрицей и постепенно сняты с повестки дня посредством избавления от недовольных. Главный свой удар она нанесла по придворной группировке дяди своего супруга: там кого обезглавили, кого удушили, особо вельможных топили в вине. В итоге в 660 году бороться оказалось уже не с кем, так что можно было и государственными делами наконец заняться.

Видя такой энтузиазм супруги в наведении порядка в государстве, Гао-цзун решил, что ее энергии хватит на двоих, и отошел от штурвала. В итоге У Цзэтянь дошла до того, что взялась и за армию. Вот уж где отвела душу! По себе зная, каким комплексом качеств необходимо обладать, чтобы успешно вести кровопролитные войны, владычица У провела такие перестановки в генералитете и продемонстрировала такие методы убеждения,

которые наконец помогли императорским войскам захватить Корейский полуостров. Это стало серьезным ударом по династии Тан, которая десятилетиями не могла справиться с этой задачей.

Убрав после смерти Гао-цзуна в 683 году всех его наследников и посадив на трон своего сына Чжун-цзуна, У Цзэтянь добила династию Тан и провозгласила начало правления новой династии Чжоу.

Слабовольный сынок не оправдал надежд, оказавшись подкаблучником своей жены, а Поднебесной, по глубокому убеждению императрицы, требовалась сильная рука. Так что Чжун-цзуна она сняла с занимаемой должности и отправила вместе с женой в ссылку, на престоле же оказался ее следующий сын, Жуй-цзун, который, по крайней мере, умел слушаться маму. В ответ в стране кто-то попытался побунтовать и тем самым дал госпоже Китая продемонстрировать, что будет с каждым, кому эта безумная мысль впредь придет в голову.

Еще оставались в стране неосторожные романтики, мечтавшие возродить династию Тан. В Янчжоу образовался тайный революционный кружок во главе с Сюй Цзином и Ло Биньваном. Последний для поднятия настроения народных масс набросал какую-то прокламацию, которая попала в руки повелительницы Поднебесной. Ей зачитали — она поинтересовалась, чьему перу принадлежит сие гениальное произведение, в котором, в частности, вспоминается о ее происхождении, недостойном трона. Узнав имя автора, она сокрушенно воскликнула: «Какой талантище, а прозябает в безвестности!» И решила вписать имя Ло Биньвана в анналы истории. Это восстание она удостоила отправки карательного отряда в 300 тысяч штыков. Мятеж был жестоко подавлен, вожаки убиты.

В 690 году У Цзэтянь отправила сына на заслуженный отдых и сама себя провозгласила императором. Это было неслыханно, все понимали, что «так нечестно», но возражений ни у кого не возникло. Тут быстро сориентировались проникшие из Кореи в страну буддисты и «нашли» где-то в своих священных книгах пророчество, подтверждающее право божественной У Цзэтянь на престолонаследие. Сама У провозглашена Шакти Бодхисаттвы (женской инкарнацией божества). После этого буддийские храмы, монастыри и ашрамы стали расти в стране как грибы.

После провозглашения династии Чжоу престолонаследниками в своих радужных мечтах стали считать себя все родственники У Хоу. Надо было их отрезвить и вернуть с небес на землю. С этой целью У Цзэтянь призывает снова во дворец Чжун-цзуна и называет его будущим владыкой

Поднебесной.

В целом деятельность У Цзэтянь на высшем государственном посту можно оценить положительно. Она продолжила период расцвета Китая, начавшийся с династии Тан. При ней в стране была строгая вертикаль власти, что способствовало наведению порядка во всех сферах социальной и экономической жизни. Этот период ознаменован активным развитием промышленности и сельского хозяйства, реформой армии, приведшей к долгожданным победам, внимательной и грамотной кадровой политикой.

Запомнилась У Цзэтянь и некоторыми «гениальными идеями», характерными для диктаторского режима. Так, она пыталась дополнить китайскую грамоту десятками недостающих, с ее точки зрения, иероглифов (в истории не сохранились). Также, думая отомстить всем представителям сильного пола за унижения в бытность свою наложницей, внесла изменения в придворный церемониал: отныне прием по личным вопросам начинался с «облизывания тычинок лотоса», то есть с куннилингуса, долженствующего знаменовать наступление эпохи господства женщин над мужчинами. Впредь без выражения своего уважения в такой форме к ней не заходил даже премьер-министр с докладом.

Вообще, в последние годы жизни разум восседающей на троне стал отказывать. С этим надо было что-то делать, и в феврале 705 года придворная карьера У Хоу была окончена. В результате дворцового переворота императором был провозглашен Чжун-цзун, а престарелая императрица переведена в тихий уютный домик в окрестностях столицы — доживать свой век. Там У Цзэтянь и умерла, достигнув возраста 82 лет.

Место для ее праха было подготовлено сразу после ухода из жизни Гао-цзуна — в мавзолее Цяньлин, рядом с его телом. Перед входом была установлена громадная каменная стела с орнаментом, но без единого слова. Почему, можно строить гипотезы, но так или иначе, эпитафию при захоронении посчитали неуместной. Памятник значится в списках ЮНЕСКО.

Мария Склирена

Мария Склирена (? — ок. 1045) была представительницей благородного рода и принадлежала к той же фамилии, что и византийская императрица Елена, приходясь ей то ли кузиной, то ли племянницей. Осталась в истории как фаворитка императора Константина IX Мономаха, удостоенная титула «севаста», или

«августа», — «священная, величественная», то есть равная Их Императорским Величествам. Вполне могла быть бабушкой Великого князя Киевского Владимира Всеволодовича Мономаха.

О Марии вообще мало что известно, в основном мы знаем о ней по «Хронографии» византийского историка Михаила Пселла, жившего в одно время с героиней данной истории. Пселл описывает Марию как «красивую и вообще-то целомудренную девушку» и недоумевает, чем ее мог соблазнить Константин: «… Подарками, то ли обольстил любовными речами, то ли воспользовался какими-то иными средствами».

О легкомысленной и ветреной натуре тогдашнего фаворита императрицы Зои в Константинополе ходили анекдоты. Своим возвышением он обязан не себе и своим достоинствам, а поначалу своему зятю Роману III Аргиру в период его правления, а впоследствии уже самой Зое. Их связь с Зоей вызывала недовольство при дворе, потому следующий царь Михаил IV Пафлагонянин отправил Константина с глаз долой — на остров Лесбос.

Мария так полюбила незадачливого Константина, что продала все свое имущество и отправилась в ссылку вместе с ним. Она не представляла себе жизни без него.

Конечно, в самых сладких своих мечтах она видела Константина в царской короне и себя рядом с ним на престоле, но судьба не пожаловала ей знаков царской власти.

После смерти Михаила IV и свержения следующего за ним Михаила V Зоя Порфирородная, оставшись фактически единовластной правительницей, возвращает своего любовника в столицу и вступает с ним в брак. Зое было уже за 60, разница в возрасте между супругами была столь явной, что патриарх отказался участвовать в этом фарсе, мотивируя свой отказ тем, что православная церковь не приветствует такие браки. Венчание все равно состоялось, хотя венчавший их первый пресвитер Святой Софии так и не посмел возложить на них руки, лишь обнял.

Главным условием Константина было, чтобы Мария вернулась в Константинополь к нему. Зоя сдержала слово и приняла любовницу своего давнего любовника, а теперь супруга, как родную. Это ж надо так любить мужчину!

Константин поселил Марию в доме, выглядевшем неброско, но объявил его своей резиденцией и тут же начал перестраивать, что позволило ежедневно приезжать к Марии якобы по делу — контролировать ход строительных работ.

Однако отношения их невозможно было скрыть, все равно они были на виду у всего общества, а раз нельзя скрыть, значит,

нужно узаконить. Для начала, чтобы угомонить недоброжелателей и заткнуть рты сплетникам, мудрая императрица (не без влияния Константина, конечно) дарует Марии титул севасты, который требует от всех соответствующего обращения к обладательнице — не ниже «госпожа» и «царица». Мария принадлежала к роду Склиров, уже сидевшему на престоле во времена Елены, так что особого ропота этот шаг вызвать не должен был. Однако родственники Константина, давно бывшие во вражде со Склирами, вместе со сторонниками Македонской династии (к которой принадлежал Константин) распространили слухи о замысле Константина убить Зою вместе с сестрой ее Феодорой — «наших единственных матушек!», — чтобы жениться на Марии и сделать ее императрицей.

Чтобы показать, насколько нелепы подобные измышления, и вернуть спокойствие горожанам и обществу, обеим царицам (Феодора как сестра формально уравнивалась в правах с Зоей) пришлось выйти на балкон дворца — живым, здоровым и лишенным каких бы то ни было опасений.

Безусловно, Константин тоже мечтал сделать свою любимую законной правительницей и в конце концов так бы и поступил, несмотря на целые военные действия, развернутые против него при дворе (измена военачальника Георгия Маниака — лишь вершина айсберга, известная истории), если бы Мария вдруг не заболела чем-то таким, от чего лучшие лекари мира не смогли спасти. Ее мучили боли в груди, наконец дышать стало нечем, и она умерла.

Он долго строил Манганский монастырь, даже учредил специальный налог. Там был установлен великолепный саркофаг, ждавший его смерти. Его, а не ее! Но первой в этот саркофаг легла Мария. Константин возляжет рядом через 10 лет, в 1055-м.

Пселл, бывший свидетелем трагедии, написал по случаю возвышенную эпитафию. Марию он описывал так: «В ее внешности не было ничего замечательного, но не давала она поводов и для осуждения или насмешек; что же касается ее нрава и ума, то первый мог смягчить и камень, а другой способен был постичь что угодно; несравненной была и ее речь: утонченная, украшенная цветами красноречия, ритмизированная, как у искусных ораторов; сладостные слова сами собой струились с ее уст и придавали говорящей несказанную прелесть. Нередко покоряла она и мое сердце вопросами об эллинских мифах и сама добавляла, если ей довелось что-нибудь услышать по этому поводу от знатоков. Слух у нее был чутким, как ни у какой другой женщины, и связано это, как я полагаю, не с ее природой, а с тем, что все кругом, и она знала это, судачили на ее счет; слово,

процеженное сквозь зубы, было для нее уже молвой, а шепот давал основания для подозрений».

Джоан Клиффорд

Среди самых романтичных европейских легенд, столетиями будоражащих сердца и умы людей, — песнь о Розамунде, в основе которой история любви Джоан Клиффорд (1150–1176) и Генриха II. Эта история воспета столькими поэтами и менестрелями и обросла такими пышными цветами творческой фантазии, что за фасадом с амурами и розочками уже не различить истины.

По легенде, вельможному английскому королю приглянулась девушка из простого сословия — дочь булочника Розамунда (в переводе с латыни «роза мира»). Девушка, восхищенная королевским вниманием, приняла ухаживания, в ее сердце вспыхнула ответная страсть. Опасаясь мести ревнивой и коварной королевы Алиеноры, узнавшей о романе своего супруга, Генрих решает спрятать возлюбленную в специально построенном лабиринте замка Вудсток, ориентироваться в котором можно лишь с помощью шелковой нити. Хитрая и мстительная Алиенора была настойчива в поисках. Вот уже нить у нее в руках — она находит Розамунду и предлагает ей самой выбрать, от чего умереть: от яда или от кинжала. Розамунда приняла яд и умерла в судорогах. Узнав об этом, Генрих, вернувшийся из похода, предал Алиенору пожизненному заточению. Прожив еще несколько лет в жгучей тоске по ушедшей из жизни любимой, он скончался в годовщину ее смерти.

Таковы черты, приписываемые этой истории народным воображением. Но что же было на самом деле?

Джоан Клиффорд, дочь лорда Уолтера де Клиффорда и Маргарет Исабель де Тосни, родилась, по данным большинства источников, в 1150 году. Король впервые увидел 13-летнюю Джоан в ее фамильном замке, а конечно же не в булочной, по дороге с какой-то одной войны на другую. Розамунда, как ее прозвали впоследствии, была прекрасна не только внешне, но и внутренне, она и вправду была нежна как цветок, скромна и доброжелательна.

30-летний Генрих Плантагенет уже был женат. Королева Франции Алиенора Аквитанская, старше его на 11 лет, была из тех женщин, что берут жизнь в свои руки, а не ждут с моря погоды. Ее так пленил 17-летний юноша, прибывший однажды к королю Франции вместе со своим отцом, что ни разница в

возрасте, ни в социальном статусе (Генриху и не светило тогда стать королем) не могла ей помешать соединиться с ним.

Алиенора пошла на развод с Людовиком VII и в 1152 году вышла замуж за Генриха Плантагенета. Бывший супруг, оскорбленный еще и тем, что Генрих не пошел к нему на поклон, а решил свою судьбу сам (каждый подданный должен был подавать королю прошение о браке), пошел на Генриха войной и был разбит.

Воодушевленный успехом и подбадриваемый супругой, Генрих проводит двухлетнюю военную кампанию по утверждению своего права на трон. И все-таки, если бы не Алиенора с ее владениями в Аквитании, не видать бы молодому графу королевской короны как своих ушей.

Новоявленный король Англии был маленький, толстенький и рыженький. Правда, энергии в нем было на семерых. Их с Алиенорой, часто плечом к плечу сопровождавшей его в походах, объединяли главным образом честолюбивые амбиции. А через 14 лет совместной жизни стали объединять еще и 8 детишек.

И в это время Генриху, уже повторно, как на беду, встречается повзрослевшая и округлившаяся красавица Джоан, которая к тому же на 28 лет моложе его благоверной. Жена в это время беременна восьмым…

Казалось бы, неблагодарная скотина — самое мягкое, что о нем можно сказать, но в легендах так не говорят, а в песнях поют: благородный рыцарь, добрый молодец…

Алиенора, до сих пор смотревшая сквозь пальцы на некоторые увлечения своего мужа, на этот раз обиделась не на шутку. Восемь лет королевская чета прожила в состоянии необъявленной войны, а в 1174 году Алиенора таки не выдержала и поддержала бунт их сына, Ричарда Львиное Сердце, против Генриха. Оставшиеся 16 лет ей довелось провести в заточении, так распорядился супруг. С этого момента королю больше нечего скрывать: королева по его приказу брошена в крепость, и Прекрасная Розамунда отныне всегда с ним, на виду у всех.

О причинах их расставания мало что известно. Последние свои дни, спустя два года, казалось бы, безоблачной жизни с Генрихом, Джоан Клиффорд проводит в монастыре Годстоу. Скорее всего, Джоан не вынесла насмешек и обвинений в греховной связи и ушла в монастырь, чтобы очиститься. Известно, что как раз в 1174 году священник из Уэльса Гиральд Камбрийский в своей проповеди назвал Розамунду «розой распущенности, нецеломудренности», что в символическом контексте звучало весьма изощренным оскорблением, завуалированным под эвфемизм, смысл которого был

анекдотически прозрачен. Видимо, Джоан, попав в скабрезные анекдоты, не смогла с этим жить.

Легко убедиться, насколько могут не совпадать легенда и действительная история. В романтике народных песен Алиенора — коварная, злая, мстительная убийца Розамунды, тогда как на самом деле она ни в чем не виновата и на момент смерти последней уже два года содержалась под стражей в каменном мешке.

Возможно, легендарные измышления объясняются английским патриотическим духом? Ну не любят англичане иноземцев, не простили они Алиеноре бунт против мужа, своего короля. Может, его потому и потянуло к тихой гавани Джоан, что француженка ему всю жизнь испортила: сначала этой короной, потом этими детьми. Заставляла искать славу и доблесть в постоянных походах. И в конце концов он попал в историю! А королю хотелось в легенду, к розе мира…

Даже Чарлз Диккенс, и тот не выдержал и в своей книге для детей «Истории Англии» намекнул на некоторые отличия реальной истории от всем известной сказки о Розамунде: «Прекрасная Розамунда, — осторожно начинает он, — разумеется, была на самом деле, и была она (осмелюсь сказать) самой прекрасной девушкой на земле, и король, конечно же, был ею очарован, и плохая королева Алиенора, разумеется, была вне себя от ревности. Но я боюсь — я говорю, боюсь, потому что история эта мне ужасно нравится, — что не было никакого тайного убежища, ни лабиринта, ни шелковой нити, ни кинжала, ни яда. Я боюсь, что Прекрасная Розамунда ушла в монастырь возле Оксфорда и мирно там почила».

К могиле Джоан Клиффорд началось настоящее паломничество: в основном девушки и женщины, каждая со своим грехом, приходили исповедоваться и раскаяться перед той, что стала для них примером победы душевной чистоты над чувственной природой телесности.

Даты смерти Джоан и Генриха совпадают — 6 июля, разнятся лишь годы: 1176-й — она, 1189-й — он. Так что о смерти легенда не врет: «Жили они счастливо и умерли в один день».

Эпоха возрождения

Леонора Теллеш де Менезеш

Леонора Теллеш (1350–1386) принадлежала к знатному португальскому роду Теллеш де Менезеш. Когда-то это были кастильские бароны. Барон, отвоевавший Альбуркерке у мавров, женился на внебрачной дочери португальского короля Саншу I. Его потомки от этого брака поступили на португальскую службу.

Дядя Леоноры, Жуан Афонсу Теллеш де Менезеш, с 1370 года носил титул графа Барселуш и был очень влиятельным человеком при дворе. Ее сводная сестра была супругой первого графа Бенавенте, а кузина — женой одного из последних Хиронов (их потомки носят сдвоенную фамилию Теллеш-Хирон).

Юная Леонора рано вышла замуж за португальского дворянина Жуана Лоренсу де Кунья. Вскоре у них родился сын.

Мария Теллеш, сестра Леоноры, была фрейлиной инфанты Беатрисы, дочери короля Педру I, и его второй жены Инес де Кастро. Навещая сестру, Леонора познакомилась с Фернанду I (братом Беатрисы, сыном Педру и Констанцы Кастильской), девятым королем Португалии. Девушка так очаровала Фернанду, что он развел ее с мужем и выслал его в Кастилию. Если верить

легенде, после этого де Кунья добавил к своему родовому гербу золоченые рога. А Фернанду и Леонора тайно обвенчались 5 мая 1372 года в монастыре недалеко от Матозиньюш. Взяв в жены Леонору Теллеш, Фернанду отказался от брака с кастильской принцессой Элеонорой Арагонской (дочерью короля Энрике II), что усугубило напряженность отношений с Кастилией и негативно повлияло на заключенный незадолго до этого военный альянс.

В браке с Фернанду у Леоноры родилась дочь Беатриса. Однако муж сестры, инфант Жуан, вызывал у новоиспеченной королевы опасения по факту престолонаследия. Считается, что Леонора подтолкнула Жуана к убийству жены, обвинив ее в неверности и пообещав якобы обманутому супругу руку своей дочери. Однако обещание она не сдержала, и Жуан был изгнан из Португалии в Кастилию, где получил от короля герцогство Валенсия-де-Кампос.

Ранний брак Беатрисы был в первую очередь продиктован политической необходимостью. Король Фернанду неоднократно организовывал и отменял помолвку дочери. Чтобы укрепить союз с Англией, девятилетняя Беатриса была даже помолвлена с восьмилетним сыном герцога Кембриджского Эдмонтом. Однако в конце концов Леонора уговорила мужа выдать девочку за короля Кастилии и Леона — Хуана I, потерявшего свою первую жену, Элеонору Арагонскую. Хуан охотно согласился на этот брак, учитывая, что женитьба на португальской наследнице делала Португалию провинцией Кастилии. Свадебное торжество назначили на 17 мая 1383 года в Элваше (Беатрисе тогда было всего одиннадцать лет). Это событие вызвало в народе недовольство королевой Леонорой, поскольку именно она спланировала этот брак.

После смерти Фернанду 22 октября 1383 года Леонора, согласно брачному договору, получила регентство при своей дочери и ее зяте (так как законных наследников мужского пола король не оставил). Основными претендентами на престол были незаконнорожденные братья Фернанду: инфант Жуан, высланный в Кастилию, и инфант Жуан, сын Педру и Терезии Лоренцо, магистр ордена Святого Беннета Ависского. Временной промежуток с 1383 по 1385 год, когда в Португалии не было коронованного монарха, считается смутным временем, периодом гражданской войны и анархии.

Став регентом, Леонора не скрывала своих отношений с любовником, графом Жуаном Фернандешем Андейру, весьма непопулярным в стране из-за своего испанского происхождения. В связи с этим она получила в народе презрительное прозвище

Продажная (или Предательница). А брак ее дочери Беатрисы с кастильским королем (что, как уже упоминалось, делало Португалию испанской провинцией) лишь подливал масла в огонь, усиливая всеобщее недовольство.

Первые враждебные действия против существующей власти предпринял магистр ордена Святого Беннета Ависского Жуан I, который 6 декабря 1383 года при поддержке своих сторонников устроил во дворце переворот, во время которого был убит любовник Леоноры. Благодаря этому заговору Жуан возглавил оппозицию, которая спровоцировала начало процесса передачи регентства над Беатрисой, находившейся в это время в Бургосе с мужем. Сторонники Жуана I захватили Лиссабон, Бежа, Порталегри, Эштремош и Эвору. Леонора была вынуждена бежать, а ее зять ввел в Португалию свою армию и оккупировал Сантарен. Чтобы сохранить корону своей супруги и отстоять право на престол для новорожденного сына, Хуан Кастильский убеждает Леонору отказаться от регентства и берет управление государством в свои руки.

В Португалии вспыхнуло восстание, сопровождаемое вооруженными столкновениями с кастильцами. Когда Хуан Кастильский начал осаду Лиссабона (без коронации в столице ни он сам, ни его жена Беатриса не считались полноправными правителями), сторонники Жуана Ависского продолжили наступление на города, поддерживавшие кастильцев. Находясь в это время в Сантарене, Леонора тоже пыталась участвовать в политической игре.

В конце концов большинство португальских городов, бывших на стороне Кастилии, оказались захвачены. Жуан Ависский созвал в Коимбре Португальскую королевскую ассамблею, и 6 апреля 1385 года совет королевства провозгласил Жуана, магистра Ависского ордена, десятым королем Португалии. Это фактически послужило началом войны с Кастилией.

Леоноре пришлось бежать в Испанию, где она нашла убежище в монастыре Тордесильяс, недалеко от Вальядолида. Там она и скончалась 27 апреля 1386 года. Согласно иной версии, в монастырь ее сослал собственный зять, Хуан Кастильский, в ответ на затеянный против него заговор.

Изабелла Баварская

Изабелла Баварская (1371–1435), типичная королева своего времени — яркий пример ничем не ограниченного распутства, процветавшего при дворах европейских монархий, среди которых

по этому показателю пальма первенства принадлежала, безусловно, двору французскому.

Отец Изабеллы Стефан III Ингольштадтский по достижении дочерью 15-летнего возраста получил выгодное предложение от Филиппа Смелого выдать свое сокровище замуж за действующего короля Франции Карла VI Безумного. У Карла и правда было психическое расстройство, которое постоянно прогрессировало, так что идея заключалась, конечно, не в соединении двух любящих сердец. Отец Карла Безумного Карл Мудрый (какова ирония судьбы!), умирая, просил своих братьев, будущих регентов при неполноценном дофине, женить его на девушке германских кровей, дабы породнить два монарших дома и тем самым укрепить позиции Франции в перманентной борьбе с Англией. Для другой стороны наведение мостов с Францией, занимающей ключевое геополитическое положение в Европе, также было выгодно.

Герцога беспокоило только одно: атмосфера французского двора, тамошние стандарты поведения, о которых ходили такие слухи, что Стефан небезосновательно боялся опозориться. Чего стоил хотя бы «смотр» — традиционная процедура, при которой невеста перед венчанием раздевалась в присутствии придворных дам, а те осматривали ее на предмет невинности и материнской состоятельности.

Семнадцатилетний Карл VI был так взбудоражен новостью о женитьбе, что насилу дождался приезда своей будущей супруги и уже на третий день, хотя свадебное платье не было готово, повел ее под венец. В силу физиологических особенностей своего организма Карл был необыкновенно чувствителен и возбудим, это его свойство было настолько гипертрофированно выражено, что выдавалось за побочный эффект его психического заболевания.

17 июля 1385 года в Амьене Карл и Изабелла обвенчались. Свадебный пир был организован с невиданным шиком, с него Франсуа Рабле мог бы писать эпизоды к своему роману «Гаргантюа и Пантагрюэль». Но молодожены не стали засиживаться и удалились возлечь на брачном ложе.

Эта ночь произвела на Карла VI такое впечатление, что уже утром он был полон решимости выступить против Англии и умчался во Фландрию осматривать свой флот.

Изабелла проснулась в замке Боте-сюр-Марн в одиночестве. Возможно, впервые она оказалась без присмотра, предоставленная самой себе. Выйдя к гостям и осмотревшись, она встретилась глазами с мужчиной, к которому ее повлекло. Это был Буа-Бурдон — юноша, весьма интересный внешне и обладавший безукоризненными манерами. Следующую ночь она

провела уже у него в постели.

Буа-Бурдон с удовольствием посвятил ее в тайны французского двора. Изабелла слушала восхищенно и впервые ощутила, как бы ей хотелось померятся силой в искусстве плетения интриг. Она сказала Буа-Бурдону, что готова на все, а наградой ей будет максимальное влияние при дворе, которое ощутит на себе каждый. Тогда молодой человек подкинул ей несколько творческих идей, и Изабелла включилась в игру.

Вскорости она уже «сдавала экзамен» по теории придворного влияния своему наставнику. Тот был восхищен изысканным коварством столь невинного с виду создания. В долговременных планах Изабо (как ее стали называть) было несколько вариантов отстранения от управления государством регентов, назначенных еще покойным Карлом Мудрым. Подружиться же следовало с братом своего супруга герцогом Туреньским. Выбору в его пользу немало послужила внешность знойного юноши.

Молодой герцог не подкачал. В первую же ночь она чуть не влюбилась в него, временами забывая о целях своей политической борьбы. Порой эти цели и впрямь утрачивали очертания в чаду сексуальной вакханалии, круглосуточного марафона, устроенного Изабо в Венсене, где она вскоре основала «салон любви» — настоящий вертеп разврата. Это добавило ей сторонников из числа завсегдатаев салона, которые все друг с другом тесно перезнакомились в частых шоу с переодеваниями: кто в костюме рыбки, кто в костюме птички. Сама королева неоднократно предоставляла здесь свое тело для подробного изучения.

Как в этом сексуальном угаре королева не забывала выполнять свои супружеские обязанности, остается загадкой, но факты налицо: каждый год она рожала Карлу по ребенку. Любящий супруг был счастлив и щедр на подарки. А «благодарная» жена уже разработала план и против него, целью которого было довести короля до приступа настоящего, очевидного для всех безумия и сместить с престола, объявив сумасшедшим.

Как раз в это время Карл собирался выступить в поход против герцога Бретонского, укрывавшего мятежного маркиза де Краона: то ли эта мысль сама родилась в его воспаленном мозгу, то ли ему ее внушили, но Изабелле с ее планом нейтрализации короля и выдвижения на престол своего возлюбленного герцога Туреньского это явно подходило. Заинтересованный герцог был посвящен во все детали, ибо его руками Изабелла и планировала совершить задуманное.

Им все удалось. В припадке тонко спровоцированного

бешенства король Франции лишил жизни четверых подданных. Однако сместить с трона безумного монарха не получилось — регенты не дали этого сделать. Тут Изабелла поняла свою ошибку: надо было все-таки сначала разобраться с опекунами. А пока что уговорила Карла подарить своему брату еще одно герцогство. Так Людовик Туреньский стал еще и Орлеанским.

Но в ставках на своего любовника Изабо скоро разочаровалась: большинство при дворе было против Людовика. Королева осознала: ей не удалось бы протащить его кандидатуру; поддерживая его, она и сама теряла популярность. В центре наиболее влиятельной придворной группировки их противников был герцог Бургундии Иоанн Бесстрашный, тоже член королевской семьи, приходившийся Карлу VI кузеном. Посмотрев на него внимательнее и разглядев в кандидате на престол массу полезных в своей борьбе качеств (отважен, циничен, тщеславен, охоч до женского пола), Изабо без особого труда заменила одного любовника другим.

Вскоре двор накрыло страшной новостью: герцог Орлеанский убит. Королева, перечисляя полезные качества Иоанна Бесстрашного, не подумала о его недостатках — он оказался неосторожным: герцога убрали по приказу Иоанна, об этом узнали все.

Бесстрашный бежал. Совершив преступление, он остался безнаказанным. В Париж он вернется еще как минимум дважды, и каждый раз — с идеей государственного переворота, но в конце концов будет смертельно ранен.

В результате бесконечных интриг, разжигаемых королевой, в стране вспыхнула настоящая гражданская война: бургиньоны (сторонники герцога Бургундского) против арманьяков (приверженцев герцога Орлеанского). Стороны поочередно призывали в поддержку английские войска, чем был спровоцирован новый цикл Столетней войны. Результатом стала Айзенкурская трагедия 1415 года, когда орлеанские войска выступили против английских агрессоров и потерпели сокрушительное поражение. В этой бойне погибло 30 тысяч человек, глава арманьяков Карл взят в плен.

Со временем положение королевы становилось все более шатким. Бернар д'Арманьяк занял Париж и был назначен коннетаблем при дофине Карле. Постоянный пособник королевы Буа-Бурдон был схвачен и казнен, а вскоре арестована и королева.

Ее сослали сначала в Буа, потом в Тур, откуда ее однажды освободил герцог Бургундский. Вскоре погибнет и он, и у Изабеллы не останется влиятельных союзников.

Изабо очень тяжело переживала гибель своих любовников:

сначала Людовика, потом Буа-Бурдона и наконец Иоанна… И все ее беды произошли из-за сына — нынешнего дофина 16 лет, Карла VII…

Изабелла объявила его незаконнорожденным — все равно что прокляла. Этого оказалось достаточно для того, чтобы у Карла VII было отобрано наследство. Далее она требует обвинения сына в убийстве. Иоанн Бесстрашный-де пал от его руки. Изабелла сходится с сыном погибшего герцога Филиппом Бургундским и отдает ему в жены свою дочь Мишель — все ради победы в собственных интригах! Но Мишель плохо поняла мамочку и стала симпатизировать своему брату Карлу VII. Вскоре Мишель нашли мертвой от передозировки популярных при дворе ядов.

Дальнейшие события в жизни Изабеллы Баварской, которой давно уже было пора на заслуженный отдых, оказались не в ее пользу. Ей пришлось уйти с политической арены. 30 сентября 1435 года королева Франции сделала свой последний вдох. Она умерла всеми покинутая, в обстановке для нее более чем скромной.

Одетта де Шамдивер

Одетта (Одинетта) де Шамдивер (?—1425), известная как «маленькая королева», осталась в истории любовницей-служанкой французского короля Карла VI Безумного, который и вправду был не в себе. На протяжении ряда лет от нее, единственной, кто имел влияние на необузданный нрав короля и кого он только и слушался, во многом зависело, какие решения примет Франция — как во внутренней, так и во внешней политике.

Будучи дочерью королевского конюшего и сестрой придворного метрдотеля, Одетта имела непосредственное отношение ко двору. Их родословная брала начало в Бургундии, а выдвижению своему она обязана брату короля герцогу Орлеанскому, любовницей которого какое-то время являлась. Так герцог усиливал свое влияние при дворе, заодно делая должницей королеву, которая просто-таки боялась своего супруга, все чаще избивавшего ее в припадках психоза. Изабелла измучилась и не знала, что делать. Наконец она решилась поставить вопрос на государственном совете. И тут герцог Бургундский Филипп Смелый перехватил инициативу и предложил нанять в служанки королю Одетту, которую он хорошо знал и мог ею распоряжаться: по слухам, отец Одетты, будучи вассалом герцога, уступил Филиппу свою дочь в ответ на его настоятельные просьбы. В общем, с кандидатурой Одетты

согласны были все, даже ярые враги.

Так Одетта поступила на свою новую работу — сиделка-служанка-любовница. В общем, зам законной супруги. Герцог же получал фактически круглосуточный контроль за августейшей особой.

Одетта приступила к обязанностям с 1404 года. А уже с 1407-го полностью заменила королеву. Та родила ребенка и забыла о муже насовсем, все заботы вкупе с соответствующими полномочиями передав нанятой специально для этой цели Одетте. О состоянии рассудка короля Франции говорит уже то, что еще долгое время он не подозревал, что спит не с супругой, а с другой женщиной, просто потому, что Одетта, ложась спать, надевала ночнушку королевы.

Безумие Карла, по свидетельствам современников, проявлялось в дичайших приступах звериного бешенства, когда он мог нанести повреждения не только людям, находящимся рядом, но и самому себе. В этом состоянии власть над ним имела только Одетта: одного намека на то, что она им недовольна и готова немедленно оставить, было достаточно, чтобы чудовище снова превратилось в покорное и добродушное существо. Видимо, Карл больше всего боялся, что и Одетта — последний друг — разлюбит и бросит его. Она ухаживала за ним как могла, постоянно выдумывала для него развлечения. Первая колода игральных карт во Франции была изготовлена по ее заказу: «ребенок» теперь целыми днями играл и никого не трогал.

В том же 1407 году Одетта, как и королева, родила от Карла. Девочку назвали Маргаритой. Позже Карл VII даст ей свою фамилию, а королева дарует обеим, и матери, и дочери, по имению — в Кретейле и Баньоле. В 1428-м Маргарита Валуа вышла за Жана д'Арпедана. Были ли у Одетты еще дети от короля, достоверных свидетельств нет.

Где бы ни появлялся король, его видели не с Изабеллой, а с Одеттой. Потому, как рассказывает монах Сен-Дени, среди горожан она была удостоена особого титула — *petite reine* («маленькая королева»), на что королева Изабелла вовсе не обижалась, ее все устраивало.

С Карлом, наверное, никогда не было рядом столь преданного существа. Он умер в октябре 1422 года от лихорадки, метался по постели в беспамятстве, стонал, бредил. У смертного одра не было никого, кроме врача и Одетты. Похороны тоже прошли без особого ажиотажа, Изабелла не пришла даже попрощаться с мужем. Как и дети — с отцом.

После смерти короля Одетта де Шамдивер оказалась не нужна, и королева сослала ее с дочерью сначала в Сен-Жан-де-

Лонь, а в 1424-м — в Дижон, не выделив никаких средств к существованию. Лишь добрый герцог еще пару раз поддержал ее деньгами.

В эти годы Одетта попала в криминальный сюжет. Это единственный дошедший до нас эпизод, по которому мы можем судить об участии фаворитки Карла VI в политической жизни. Возможно, потому и единственный, что остальные не были запротоколированы, ибо о них никто, кроме самих участников, так и не узнал. В Бургундии был замечен францисканский монах Этьен Шарло, который явно собирал информацию о степени укрепленности городов, их безопасности. Одетта выяснила, что это шпион Карла VII, и передала вместе с ним дофину донесение о планируемом захвате Лиона наемниками английского герцога Солсбери. Одетта сочувствовала арманьякам, на стороне которых был король, и пыталась предупредить о том, что их собираются вырезать.

На обратном пути шпиона арманьяков схватили люди герцога Бургундского. Монах прикинулся добрым самаритянином и, не доводя дело до пыток, все честно рассказал, не преминув упомянуть и девицу де Шамдивер.

Видимо, дело получило статус чрезвычайной важности, поскольку за него взялся сам канцлер Бургундии. На допросе Одетта не стала отпираться от предъявленных ей обвинений — сообщила лишь о мотивах своего поступка, мол, руководствовалась исключительно христианской моралью, пытаясь предотвратить бойню с человеческими жертвами. Ей устроили очную ставку с монахом Шарло, и тот подтвердил, что всю информацию Одетта сообщила ему на исповеди. Юная Маргарита, тоже вызванная на допрос, судя по ее ответу, в свои 16 лет уже также была научена мамой, как себя вести в такой ситуации. Этот ответ заслуживает аплодисментов: «Моей бедной матери, — сквозь слезы проронила девочка, — волею обстоятельств лишенной всех земных благ, только и остается, что сберечь свою христианскую душу».

Поверили ей или нет, но осудить и наказать Одетту после такого допроса никто бы не решился: фактически шпион — монах Шарло выступил уже ее свидетелем, а не свидетелем обвинения, а наказывать за действия, совершенные во спасение души, — значит, идти на конфликт с церковью.

В следующем, 1425 году, Одетта де Шамдивер умерла. Ее имя носит теперь сорт розы.

Агнесса Сорель

Речь пойдет о фаворитке короля Франции Карла VII. Агнесса Сорель (1409/22–1450), прозванная *Dame de Beauté* — Дама Красоты, оставила незабываемый след в истории Франции и всей Европы. Благодаря ей фактически была поставлена точка в Столетней войне. Король Франциск I называл ее спасительницей Франции, освободившей страну от англичан. В годы связи с Карлом VII, увлекшимся ею до потери контроля за государственными делами, вольно или невольно она замещала короля по многим вопросам, выводя на чистую воду его подхалимов и выдвигая на первые должности грамотных людей.

Агнесса Сорель — та женщина, благодаря которой мировая история обогатилась такой героической фигурой, как Жан-на д'Арк. Агнесса взяла Жанну под свою опеку и убедила короля исполнить желание этой хрупкой с виду, но такой сильной духом девочки — сделать ее главнокомандующей французским войском в Столетней войне.

Агнесса родила королю трех дочерей. Им был присвоен титул *filles de France* — «девы Франции».

Оказавшись при дворе, Агнесса стала законодательницей мод и, возможно, первой женщиной, поднявшей движение за моральное раскрепощение представительниц слабого пола. Она первая стала носить обтягивающие наряды и бриллианты, не являясь при этом представительницей высшей знати, изобрела многометровый шлейф и декольте, открывающее одну грудь. Сам папа римский, посмотрев на это, не сдержался: «Какая красивая у нее… лицо!»

Ее свободное поведение, игнорирующее ханжеские стандарты эпохи, вызывало волны возмущения и брызги порицания. Особенно у мужей тех дам, что явно проигрывали Агнессе в красоте. Многие, включая представителей духовенства и самого канцлера Жувеналя Дезюрсена, считали такое поведение заслуживающим наказания. Любящий король же призывал смотреть на вещи проще: «Если *Dame de Beauté* сможет носить прекрасные платья, она будет пребывать в прекрасном настроении. Если у нее будет хорошее настроение, у меня тоже будет хорошее настроение. Если у меня будет хорошее настроение, хорошее настроение будет у всей Франции. Следовательно, прекрасные платья необходимы Франции».

О том, в каком году явилась на свет героиня нашего рассказа, точных данных нет. Это может быть как 1409, так и 1422 год. Известно, что Агнесса родилась в семье графского советника и владелицы имения Верней. При дворе она оказалась благодаря своей тете, которая рекомендовала юную красавицу в качестве фрейлины королеве Сицилии Изабелле.

Едва появившись при дворе, Агнесса оглушила общество своей красотой. Все только и говорили о ней. Не сдержался и автор Мартинийской летописи, занеся это событие в анналы истории: «Она, вне сомнения, была прекраснейшей среди молодых женщин своего времени!»

Изабелла вскорости отбыла в поездку по Италии, и девочка осталась на попечение королевы Иоланды, тещи Карла VII. Зная своего легкомысленного и малодушного зятя, она с материнской заботой подыскивала ему пассию. Узнав Агнессу поближе и оценив не только ее внешние данные, но и здравомыслие, и личные качества, она решила представить ее Карлу.

Сказать, что Карл был очарован — ничего не сказать. Ее образ не отпускал его ни днем ни ночью, он постоянно искал встречи с ней. С первой назначенной ей аудиенции, когда король открылся перед Агнессой, она в смущении и страхе убежала.

Отвергнутый король не находил себе места. Лицо его посерело, в глазах появилось отсутствующее выражение.

Тем не менее одним прекрасным утром в высшем обществе был замечен его сияющий вид, улыбка не сходила с его лица. Стало ясно: Агнесса сдала свои позиции.

Шушукаясь между собой по углам, придворные сколько могли оберегали королеву Марию Анжуйскую от этой новости. Но шило в мешке не утаишь — и однажды где-то в коридорах дворца Агнесса предстала взору королевы во всей красе — с обнаженной грудью. Королева знала своего мужа — неутомимого ценителя женской красоты. Смутные подозрения заставили ее попросить своих доверенных лиц понаблюдать за ним несколько дней. Но Карл тоже хорошо знал свою супругу и был так осторожен, что ни разу не попался.

В конце концов мудрая королева решила, что коль уж явных улик нет, можно считать дело закрытым, и подружилась с фавориткой Карла, которой тот на радостях пожаловал этот титул, фактически уравнивавший любовницу с женой.

Так шли дни, годы, и в 1445 году Агнесса забеременела. А к 1448 году успела родить трех девочек. В благодарность король Франции даровал своей возлюбленной дворянский титул и небольшой, но светлый замок в парижском предместье на берегу реки Марны — в Боте-сюр-Марн. Поэтическое изящество сего жеста заключалось в том, что Дама Красоты обретала свою обитель в Красоте-на-Марне.

Тем временем дела королевства, пущенные монархом, увлеченным любовницей, на самотек, шли все хуже и хуже. Налоги росли, народ роптал, англичане начинали хозяйничать, как у себя дома. Видя все это, Агнесса однажды обратилась к

королю с весьма доходчивой речью. «Однажды, еще в детстве, — начала она издали, — мне была предсказана одним астрологом большая любовь. Будто влюбится в меня самый сильный и отважный из королей. Встретив вас, я решила, что предсказание сбылось. Однако, признаюсь, с годами все больше терзают меня смутные сомнения. Вы слишком много занимаетесь собой и совсем забыли о своих подданных. Теперь я думаю, что мне предсказаны не вы, а король Англии, чьи войска с легкостью занимают ваши города, а вам и дела нет. Оставайтесь же таким, какой вы есть. Я ухожу к тому, кто мне предназначен».

Эта история как нельзя лучше иллюстрирует степень влияния Агнессы на Карла. В кратчайшие сроки армия была реформирована, перемирие с Англией нарушено, все французские территории у врага отобраны. Казалось, Агнесса была счастлива, своего короля она теперь называла не иначе как Карл Победитель.

Как ни прискорбно, до окончания Столетней войны Агнесса не дожила. Беременная четвертым ребенком, будучи уже на сносях, она внезапно прибыла в штаб французской армии. Она была в ужасном состоянии, путешествие отняло у нее много сил. Карл испугался и бросился к ней: «Ты с ума сошла! Зачем ты это сделала?» Она улыбнулась, увидев его: «Я должна была предупредить тебя. Никто другой бы этого не сделал».

Уложив ее в постель, он услышал то, во что не смог сразу поверить. Против него организован заговор. Его предали те, о ком бы он и подумать не мог! Все было готово к выдаче его англичанам.

Самим сообщением Агнессе удалось предотвратить действия заговорщиков. Те обнаружили, что раскрыты, и ничего не предприняли.

Успев передать информацию, касающуюся жизни и смерти своего любовника, Агнесса успокоилась и уснула. И тут наконец начались схватки. Результатом тяжелейших родов стала еще одна, четвертая девочка, которая прожила всего полгода и умерла. Агнесса же очень серьезно и, как оказалось, неизлечимо заболела.

Врачи сначала ставили диагноз «дизентерия», их подопечная теряла много жидкости, потом возникло подозрение, что она отравлена ртутью. Но ртуть тогда повсюду добавляли в косметику, так что фактически все ею травились. Отчего умерла Агнесса, так и не было выяснено.

Перед смертью она без конца молилась, раскаиваясь прежде всего в грехе прелюбодеяния, написала завещание, в котором составила целый список тех, кого она хотела бы

облагодетельствовать, наконец призвала священника и 9 февраля 1450 года умерла.

На похоронах Агнесса Сорель была удостоена всех королевских почестей. В капелле Нотр-Дам в Жюмьеже, где погребено ее сердце, стоит надгробие со статуей Агнессы из белого мрамора. Статуя изображает женщину с руками, сложенными в молитве, в этих руках она держит сердце. Тело захоронили отдельно.

После смерти своей возлюбленной Карл не мог больше найти счастья. Вначале он искал Агнессу в ее сестре Антуанетте. Но, конечно, внешнее сходство не могло заменить любимую. Затем он и вовсе ударился в распутство, как это выглядело со стороны, и завел целый гарем из красавиц. Но и все вместе они не могли вызвать в его душе то громадное чувство, то ощущение всесилия и самодостаточности, которое он испытывал с Агнессой.

«Я взошел на престол милостью Бога, но осознал себя королем милостью прекрасной Агнессы», — говорил Карл VII.

Антуанетта де Меньеле

Дочь Жана де Меньеле и Мари де Жуи Антуанетта, баронесса де Вилькье, стала тем бальзамом, который король Франции Карл VII прикладывал к незаживающей душевной ране после смерти своей фаворитки Агнессы Сорель, однажды спасшей его от позора, а возможно, и от смерти.

Антуанетта де Меньеле (ок. 1420 — ок. 1474) была двоюродной сестрой безвременно ушедшей Агнессы, внешне очень похожей на нее. После смерти своей сестры Антуанетта стала фактически приемной матерью дочерей, рожденных Агнессой от Карла.

Король заметил Антуанетту, еще когда она была 14-летней девочкой, и пожаловал ей поместье Меньеле, которое впоследствии не согласный со щедростью монарха за его счет герцог де Бурбон у барышни отобрал.

Через два года умирает Агнесса, и король для отвода глаз выдает ее 16-летнюю преемницу на посту фаворитки за барона де Вилькье, своего камерюнкера. Жаловаться Андре, чья судьба была таким образом решена, по мнению короля, не приходилось: приличная пожизненная пенсия и целый остров Олерон с чуть позже построенным замком в качестве приданого прилагались. Этот брак продлился недолго, в 1454-м Андре де Вилькье скончался.

С этого времени и практически до конца своих дней король

безумно развлекался с барышнями, в этом вопросе ни в чем себе не отказывая. Одна только Антуанетта по пять раз в день оказывалась в его постели. Жаловаться ей было глупо, подарки на нее сыпались как из рога изобилия — казна пустела, бюджет просил пощады.

Этого любвеобильному самодержцу оказалось мало, и вот уже Антуанетта по его просьбе вербует для интимной аудиенции у короля хорошеньких девушек. Как правило, их родственники и попечители нисколько не возражали. Так, например, в летописи сохранилось имя дочери берейтора из Арраса Антуана Ребрев по имени Бланш. Узнав о предложении фаворитки короля, Антуан Ребрев немедленно дал согласие и отправил свою дочь во дворец. А чтобы по дороге 18-летняя девушка не сбежала, наказал своему сыну сопровождать ее. «И в тот же вечер, — зафиксировано в летописи, — очень довольный король отправился на ночлег с юной Бланш и дамой де Вилькье». Интересно, какую огласку должен был получить этот случай, чтобы попасть в летопись…

Король попросил Антуанетту не останавливаться на достигнутом, а работать в этом направлении и впредь, и старательная фаворитка стала действовать через торговцев, разъезжающих по всей стране. Те должны были распространять информацию о поиске прелестниц по городам и весям. Вскоре со всей Франции к королевскому дворцу стали стекаться барышни.

Современники отмечали, что такой роскоши, в какой купались самые приятные «французскому султану» женщины, не видала сама королева. Историк XV века Клод де Сейсель отметил, что король в своем распутстве стал примером для своих вассалов, которые ударились в ничем не прикрытый разврат и безудержные оргии. Безумие охватило всю страну. Люди всех сословий не только не скрывали своих любовных утех, но и старались всячески демонстрировать их на людях.

Дело дошло до того, что пришлось вмешаться самому папе римскому. Он приказал разослать повсюду свое письмо, адресованное «нерадивым пастырям своего овечьего стада», в котором требовал изгнать из своих стад «лошадок дьявола».

Но вакханалией уже была охвачена вся страна. Во всем обществе, от низов до верхов, в каждой семье отцы и старшие родственники по мужской линии, перенимая стандарты морали нового времени, становились сутенерами своих дочерей, сестер, матерей, племянниц. «Почему не доставить удовольствие тому, благодаря которому существует Франция!» — стало девизом времени. Именно в ту пору появилось расхожее выражение, вошедшее в сборники французских пословиц и поговорок: «Ей самое место в постели короля».

А Карла все это не волновало, он разъезжал по стране с гаремом, которому позавидовали бы многие шейхи. В «Мартиньенских летописях» записано, что поскольку король очень занят, сражаясь и болея за страну, он просит не ждать его приглашений, а просто отправлять к нему всех подросших симпатичных барышень. Королеве было горько и стыдно, но она ничего поделать не могла.

Наконец здоровье монарха истощилось. Вернее, он сам себя истощил: у него развился параноидальный невроз, диктовавший ему воздержание от пищи, ибо все вокруг ему очевидно завидуют, только и думая о том, как бы его отравить. Особенно сын Людовик, который давно уже спит и видит папу в могиле, а себя на троне.

Несколько месяцев строгого поста оказались смертельными на фоне безумного разрушения организма и разбазаривания своей энергии — 22 июля 1461 года Его Величество испустил дух.

После смерти Карла Антуанетта решила ответить на давнишние ухаживания герцога Бретани Франциска II. В результате их довольно долгой и плодотворной совместной жизни на свет появились два мальчика и одна девочка: Франсуа, Антуан и Антуанетта. Кстати, дети фаворитки от Карла не были признаны королем, лишь первой дочери, Жанне де Меньеле, он выписал из казны 8250 франков в качестве приданого к свадьбе с господином Рошфором.

Франциск, к которому перешла фаворитка самого короля, был от счастья на грани помешательства. Он был уверен, что сам Господь спустил ему с неба Прекрасную Даму. В действительности в роли Всевышнего выступил новый король Франции Людовик XI — тот самый, который «хотел отравить отца». Приняв Францию после своего папеньки, он просто пытался свести концы с концами и наладить хоть что-то в условиях полной разрухи, так что на этапе отбора и отправки своих шпионов в провинции для сбора информации остановился на Антуанетте как удачной кандидатуре для агентурной работы в Бретани. На нее была возложена миссия очаровать Франциска.

В первую же ночь Антуанетта привела герцога Бретани в такой восторг, что уже на следующее утро стала обладательницей еще одного имения — Шоле, с замком, в котором, как правило, проводились всевозможные гуляния, состязания и прочие шалости. В общем, гостиница с услугами полной релаксации.

Поначалу Антуанетта исправно снабжала Людовика XI разведданными — секретной информацией обо всем том, что происходило в Бретани. Потом ей стало это надоедать, и в конце концов ручей писем к обладателю французской короны иссяк.

Почему? Да она просто влюбилась в этого смешного Франциска. Вот так. Влюбилась настолько, что продала свои многочисленные бриллианты, когда казна герцогства оказалась пуста. Людовик разводил руками: это невозможно! Это же против всех правил агентурной деятельности! А как же инструкции?

Во всей этой истории жаль одного человека. Жена герцога Маргарита Бретонская не вынесла происходящего и тихо ушла. Из жизни.

Публика, наблюдавшая за интригой при герцогском дворе, тут же поставила на то, что Антуанетта женит на себе Франциска. Эта ставка не сыграла. Антуанетта позволила герцогу сочетаться браком с Маргаритой де Фуа, а та в знак признательности подружилась с фавориткой мужа.

Так они и жили. Антуанетта отшивала одного жениха за другим, не желая ничего менять. Особенно, как даже отмечено в той же летописи, был удивлен отказом Людовик Орлеанский.

Наконец линия жизни Антуанетты оборвалась. Это случилось, скорее всего, в 1474-м. А может быть, и правда в 1470-м, как значится на надгробной плите в часовне францисканского монастыря, где она погребена, как и просила при жизни. Теперь эта плита — экспонат музея в Шоле.

Джейн Шор

Джейн Шор (1445–1527), урожденная Элизабет Шор, была одной из блистательных английских особ периода правления короля Эдуарда IV (1461–1483). О том, насколько разносторонней была эта женщина, говорят хотя бы эпитеты короля в ее адрес: самая веселая, самая хитрая, самая святая… Маленькая, с круглым личиком и белой кожей, Джейн обладала развитым интеллектом, красноречием, способностью искрометно вести дискуссию.

Элизабет Шор (позже она по неизвестным причинам переименует себя в Джейн) родилась в семье богатого купца из Лондона Томаса Вайнстида. Девочка получила хорошее воспитание и еще в детстве была засватана ювелиром Уильямом Шором. За него же в конце концов отец и выдал ее замуж. Уильям был молод и богат, но не вызывал в душе Элизабет никаких чувств. К тому же у доброго молодца якобы была одна пикантная проблема, из-за которой в то время даже допускалось без проблем расторгнуть брак: Уильям страдал мужским бессилием. Так это или нет, но в 1476 году супруги официально развелись. Хотя с Эдуардом Джейн стала встречаться еще с конца 1475-го —

возможно, причина была в этом, а импотенция мужа — лишь повод, и неизвестно, насколько правдивый (косвенным доказательством могло стать разве что отсутствие детей за годы супружеской жизни).

За годы близких отношений с Эдуардом Джейн приобрела немалый политический вес. Накануне принятия ответственного решения мнение Джейн было весьма важно для короля, однако, по свидетельству Томаса Мора, автора «Истории Ричарда III», «она никогда не злоупотребляла этим и не использовала во вред того или иного человека — только для комфорта людей и облегчения их жизни». Обратной стороной этой медали неизбежно должно было стать вовлечение в многочисленные и порой весьма опасные придворные интриги, которыми изобиловала политическая жизнь Англии эпохи ожесточенной борьбы за власть между местными феодалами.

Связь с королем оказалась очень крепкой, ее смогла оборвать лишь смерть Эдуарда в 1483 году. Политическое равновесие в королевстве, хоть и весьма относительное, пошатнулось. Ближайшим наследником становился младший брат Эдуарда герцог Глостерский Ричард, но это не всем нравилось, а сам Ричард был в отъезде. Что обнадеживало, например, влиятельное семейство Вудвилей, ведь вдова Эдуарда, Елизавета Вудвиль, продолжала жить. Так что был организован заговор против Ричарда с целью назначить Елизавету регентом. И хотя это решение не было поддержано при дворе большинством, каша уже была заварена, и ее пришлось расхлебывать.

В горниле этих событий по велению судьбы и сердца оказалась и Джейн Шор. Один из ее любовников, Уильям Гастингс, выступил в поддержку Ричарда, второй же, Томас Грей, оказался на стороне Вудвилей. В конечном итоге после прихода к власти Ричарда III и тот и другой от этого потерпели, причем от одного и того же указа короля.

Уже через месяц после провозглашения Ричарда Глостерского лордом-протектором, 9 июля 1483 года дети Эдуарда IV были объявлены незаконнорожденными. А на четвертый день после этого по приказу нового короля Уильям Гастингс вместе с еще одним лордом и двумя епископами был арестован и казнен в Тауэре по обвинению в измене. На этот раз для Джейн все обошлось, под преследования она не попала, хотя, по некоторым данным, исполняла посреднические функции между противоборствующими лагерями. Но она любила еще одного «незаконнорожденного».

Для Томаса Грея, маркиза Дорсет, Елизавета Вудвиль была не какой-то седьмой водой на киселе, а матерью. Помимо

родственной связи Томас всем был обязан семье и королю. Свой титул маркиза Дорсет он получил от Эдуарда IV, который специально возродил его, чтобы удостоить им своего пасынка.

С приходом к власти Ричарда III Томас Грей был лишен всех титулов и бежал на север, найдя убежище в монастыре. Позже Генрих VII вернет ему титулы, но до этого было еще далеко. В это время против Ричарда восстал Генри Стаффорд, герцог Бекингем. Узнав об этом, Томас помог собрать армию и подготовиться к выступлению. Но они потерпели поражение, герцог был казнен, а Томасу снова удалось бежать, на этот раз во Францию.

Джейн Шор также была обвинена в измене. Сын королевы был слишком видной фигурой, не заметить с ним рядом его любовницу было невозможно. Так она и попала в категорию заговорщиков. Ричард, конечно, понимал, что на измену ее прегрешения не тянут: делить ложе с заговорщиком еще не значит изменять королю, казнить девицу легкого поведения по обвинению в измене смешно. Но в списки она попала — что-то с ней делать надо.

Для нее была придумана показательная расправа. Ее бросили в тюрьму и обвинили в распутстве и беспорядочных сексуальных связях. Наказанием ей должно было послужить привселюдное покаяние у собора Святого Петра. Ее провели через весь Лондон со свечой в руках под улюлюкание злорадствующей толпы, из которой неслись ругательства, смешки, скабрезности. Еще бы! Та, что еще совсем недавно была у трона, нынче опущена ниже самого подлого хама.

Ричард еще помнил, каким влиянием при дворе пользовалась Джейн при Эдуарде, так что совсем не обратить на нее внимания в этой истории не мог. Конечно, она не представляла для него никакой угрозы, назвать ее врагом было бы слишком, но коль уж она обвинена именем короля, то общественное порицание с религиозным уклоном, размышлял Ричард, было бы для нее в самый раз. Тем более — сама виновата, проститутка! Ее связь с Эдуардом началась еще при официальном муже, это все знают.

В белой рубахе, с восковой свечой в руках, она ступала босыми ногами по холодной лондонской мостовой. Вот и собор Святого Петра, скоро это закончится… Ей зачитали епитимью и снова отправили в тюрьму.

Но надо было знать Шор! Она выбралась из тюрьмы самостоятельно. Ее взял в жены адвокат самого короля, Томас Лайном. То ли она его влюбила в себя, то ли он сам… Только когда Ричард услышал о происшедшем, он смог по-другому посмотреть на эту женщину. Он амнистировал ее и отдал под опеку отцу. От Лайнома же потребовал развестись немедленно.

Однако Томас не только проигнорировал королевский наказ, но и смог остаться придворным адвокатом.

Вскорости у Джейн и Томаса родилась девочка.

Последние годы жизни Джейн Шор провела в нищете. В 1527 году ее не стало.

Томас Мор, исследовавший эпоху короля Ричарда III, встретился с Джейн, когда та была уже ветхой старушкой, но и он, будучи моложе женщины на 33 года, не смог не заметить в ее глазах отсвет былого очарования.

Маргарита де Сассенаж

Маргарита де Сассенаж (ок. 1449–1471) известна как жена Эмара де Пуатье и фаворитка короля Франции Людовика XI. Внучка же ее, Диана де Пуатье, станет фавориткой Генриха II Французского, так что Маргариту де Сассенаж можно назвать еще и основательницей известной династии. А если учесть, что на фаворитках в те времена зачастую держалась страна, то это уже немало.

Кому как не Людовику это было известно. Он хорошо запомнил Агнессу Сорель, от которой его отец Карл VII очень сильно зависел. Далеко не все из тогда задуманного ему удалось — Агнесса не допустила. В 1445 году, когда Агнесса была беременна первым ребенком от отца, ему пришлось громко хлопнуть дверью, сказав, что вернется только после его смерти. Так что еще с тех пор золотым правилом будущего короля стало женщину к штурвалу не допускать. Он боялся усиления влияния женщин при дворе, потому и бросил в конце концов Маргариту, родившую ему двух девочек: страх оказался сильнее привязанности. А казалось, они любили друг друга…

Обеих дочерей он потом удачно выдаст замуж: Жанну — за адмирала Людовика Бурбонского, Мари — за Эмара де Пуатье, сеньора де Сен-Валье. Жанну он даже объявит своей сестрой, чтобы вывести в свет как благородную даму.

Но обо всем по порядку.

22 июля 1461 года Карл VII умирает, и Людовик возвращается в Париж. Король умер — да здравствует король! Зная веселый нрав вчерашнего дофина, на коронации «подаются блюда», специально для него приготовленные. Фонтан Понсо струится не водой — вином. Вокруг фонтана порхают три совершенно обнаженные «сирены», без тени стеснения привлекая своими прелестями.

В тот же вечер, не изменяя своим традициям, Людовик

оставляет скучный королевский двор и вместе с известным пройдохой Гийомом Бишем, вызванным в качестве проводника, незаметно смешивается с толпой веселящихся в честь нового монарха горожан и углубляется в самые смрадные подворотни, где наконец отводит душу, разделяя с гуляками тосты: «За короля!» Приводят обратно его под утро.

Молодой королеве Шарлотте Савойской пришлось привыкать к такой жизни. Несмотря на высокий титул, ей при дворе отводилось весьма скромное место — сидеть дома, в замке Амбуаз, заниматься рукоделием, молиться, гулять по двору и ни в чем себе не отказывать.

Вкусы у нового короля были самые невзыскательные. Его доверенные рыскали по подворотням Парижа в поисках «ночных бабочек», достаточно опытных в своем ремесле для того, чтобы изысканные ласки монарха не шокировали их. Суровая, как солдатский сапог, душа Его Величества не знала слова «ласка». Трезвый практик, он подходил к женщине исключительно в прикладном аспекте. При этом физиологическая потребность его в слабом поле явно превышала норму: сколько бы ни прошло через его спальню за ночь, всегда нужна была еще одна барышня про запас.

В длительных переездах Людовику приходилось использовать каждую возможность и зачастую проявлять смекалку. Тяготы военных походов заключались для него главным образом в этом. Был показательный случай. Во время сражения с герцогом Бургундским у деревни Жигон к нему каким-то образом пробилась и вцепилась в ноги исходящая в рыданиях женщина, обвиняя его в убийстве мужа. Король склонился над ней, взял за подбородок, поднял ее лицо и сказал, что сегодня вечером ждет ее у себя, а виновных обязательно накажет по всей строгости.

В Париж, после перемирия с герцогом, он вернулся уже с Жигон, как стали звать новую любовницу короля при дворе. С этого дня он не забывал делать ей подарки, чтобы она поскорее забыла об утрате мужа. И она осталась с ним, и даже родила ему дочь, которую по достижении 18 лет выдали за принца Бурбонского.

Свои пороки Людовик пытался компенсировать молитвами, порою весьма усердными и продолжительными, но… видимо, ничего не мог поделать со своей природой. Немалая набожность короля Франции, вплоть до паломничества к святыням, совмещалась в нем с противной всякой морали гиперсексуальностью, откровенным развратом и не мешала ему проявлять свое мужское «я» в компаниях с женщинами известного поведения.

Таким был монарх, которого решилась соблазнить Маргарита де Сассенаж. Зная нрав Людовика, она сделала просто: стала на дороге, по которой ежедневно проезжала карета короля и, якобы потеряв подвязку, подняла подол платья, чтобы заменить пропажу лентой. Ножка оголилась, и Людовик, увидевший в окно кареты изящные линии бедра Маргариты, напрягся. Не прошло и двух часов, как девушку нашли и доставили во дворец.

Два года они прожили счастливо. Людовик даже изменился, таким влюбленным его никто не видел ни до Маргариты, ни после.

Рассказывают, однажды Маргарита сильно заболела. Лекари один за другим недоуменно пожимали плечами, хворь была на тот час неизвестна науке. А королевский астролог был, видимо, по натуре патологически честен, но политически неграмотен — предсказал Маргарите скорую кончину. Людовик не понял шутки и приказал казнить. Когда того повели на плаху, король ехидно заметил: «Ты, притязающий на знание человеческих судеб, предскажи же нам, сколько осталось до смерти тебе самому!»

«Мне суждено уйти из жизни за три дня до вашей смерти, ваше величество», — нашелся астролог. Забавно, но Людовик поверил, решил не испытывать судьбу и распорядился не только освободить предсказателя, но и обеспечивать его всем необходимым до конца жизни.

Симонетта Веспуччи

Есть женщины, которые стали обликом эпохи, ее звучанием или песнью. И у эпохи Ренессанса есть такое особое звучание — Симонетта Веспуччи (1453–1476), оратория Возрождения!

Великолепная женщина, Белладонна, ставшая для выдающихся представителей своего времени дамой сердца. За право нанести ее образ на свой штандарт сражались на рыцарских турнирах, ее возносили до небес и боготворили творцы Возрождения, ее образ понесли в будущее полотна и фрески, стихи и скульптуры.

Несравненная Симонетта родилась в Генуе 28 января 1453 года в богатой купеческой семье Каттанео. Позднее, в результате естественной мифологизации образа Симонетты место ее рождения было «перенесено» в Портовенере, где, как считалось, родилась сама богиня красоты.

Однако с Портовенере Симонетту действительно связывает немало. Туда в результате некоторых придворных интриг пришлось перебраться из Генуи семье Каттанео. Их приютил

герцог Пьомбинский, где они и познакомились с Марко. Оказалось, что семья Пьеро Веспуччи также гостила в это же время у герцога.

Их отцов связали деловые отношения. В конце концов Пьеро отправил своего сына в Геную постажироваться в банке, директором которого был Гаспаре Каттанео, отец Симонетты. Создать родственную связь было выгодно обоим, особенно Каттанео, чьи дела сильно пошатнулись после падения Константинополя. Все произошло гармонично, дети и сами рады были объединить свои судьбы.

Наконец свадьба состоялась. 16-летняя Симонетта Каттанео сочеталась браком с Марко Веспуччи. На церемонии венчания в храме Сан-Торпете весной 1469 года присутствовал сам дож Генуи со всей своей свитой.

Молодые переехали во Флоренцию и тут же попали с корабля на бал. Как раз в это время Лоренцо Великолепный был провозглашен правителем Флоренции. Этот титул перешел ему по наследству после смерти отца. Во дворце и на вилле Кареджи состоялось грандиозное торжество, на которое новобрачных привел родственник Марко Америго Веспуччи, в будущем знаменитый мореплаватель. Их появление вызвало в обществе и восторг, и недоумение, суть которого можно выразить словами: «Да что эта девушка божественной красоты, к тому же столь богатая невеста, нашла в маленьком толстеньком Марко?» Все с завистью поздравляли Марко, пытаясь понять, в чем его секрет.

Когда Америго подвел Симонетту и Марко к виновнику торжества, Лоренцо Медичи, тот взглянул на девушку и обмер от восторга. Ее волосы цвета солнца, янтарные глаза, безупречные черты лица… «Мадонна!» — сами произнесли губы. Такой женщине хотелось молиться. Сама же Симонетта за спиной Лоренцо заметила Джулиано, его 16-летнего брата. И почувствовала, что не может отвести взгляд.

Приход герцога Лоренцо Медичи к власти в республике стал началом небывалого расцвета Флоренции. Бесконечный праздник — так можно назвать будни одного из самых ярких городов, которыми представлена эпоха Ренессанса. Карнавалы и джостры (состязания, в основном военного толка) входят в повседневность и становятся формой жизни. В них и в качестве действующих лиц, и в качестве спонсоров выступают богатейшие люди города, знатные особы — деньги налево, деньги направо, повсюду блеск и роскошь — все оправдано всеобщим весельем. Костюмированные представления, комедии, танцы, песни, в том числе сочинения самого герцога и его лучших друзей, — вихрь красок и восторга! В этих песнях пелось о возрождении лучших традиций

античности, красота и счастье человека — высшее благо, и настало время просто взять от жизни все, что хочешь, жить сегодняшним днем и ни о чем дурном не думать.

В январе 1475 года Лоренцо объявил начало рыцарского поединка (джостры). Джостра, как правило, начиналась боями диких животных, и в каждой следующей джостре должна была присутствовать какая-то изюминка. На этот раз сюрпризом стал выпущенный на арену жираф — подарок правителя Вавилона.

И вот народ дождался начала турнира. Рыцари выехали на площадь Санта-Кроче. Джулиано ярко выделялся из всех: кольчуга из серебра и куртка, расшитая жемчугом и сверкающая самоцветами, на штандарте — Афина Паллада, очень похожая на Симонетту… Над этим портретом трудился сам Боттичелли, да Джулиано никому другому и не доверил бы — только лучшему живописцу во всей Флоренции.

Написать портрет этой «звезды Генуи», как ее уже успели прозвать во Флоренции, мечтал бы каждый художник. Богинь писали именно с нее. Один только Сандро Боттичелли сделал из Симонетты Мадонну, Венеру и Весну. А Леонардо да Винчи нарисовал ее в доспехах — он тоже присутствовал на той джостре.

Исключительной особенностью красоты Симонетты Веспуччи являлось то, что она нравилась всем — и мужчинам, и женщинам, от мала до велика. Эта красота не вызывала ревности или зависти — но только восхищение и все лучшее в душах людей. Мужчины любили ее платонически, трепетно и заботливо. Анджело Полициано, поэт Ренессанса, известный своими переводами Гомера, отметил, что с ней было необыкновенно приятно общаться, она обладала какой-то магией голоса, взгляда, речи, благодаря которой каждого, с кем она заговаривала, охватывало комплексное чувство восторга, гордости и благодарности. Ее не ревновал даже муж, на глазах которого происходило это тотальное поклонение его супруге. Вот в каких строках воспел Симонетту Веспуччи Анджело Полициано:

Она бела и в белое одета:
Убор на ней цветами и травой
Расписан; кудри золотого цвета
Чело венчают робкою волной…

За свою жизнь Анджело вручил ей и ее памяти громадный букет из стихов, а его «Стансы на турнир» — поэма, посвященная Джулиано и Симонетте, — прославили ее на весь мир.

Но праздник не может длиться вечно. Прискорбно, но такова

жизнь. Симонетта заболела чахоткой.

Сандро Боттичелли как раз писал портрет Несравненной, заказанный ему Джулиано. Симонетта, позировавшая ему, все чаще стала уставать, работа шла медленно, а однажды она даже не на шутку закашлялась. Подбежавший Джулиано подал ей платок. Когда она его вернула, на платке была кровь.

Узнав от лекарей диагноз, родители увезли красавицу на морское побережье, в Пьомбино. Через три месяца она вернулась во Флоренцию, но дни ее были сочтены. 26 апреля 1476 года в возрасте 23 лет Симонетты Веспуччи не стало. Не стало «звезды Генуи», Мадонны, Венеры, Весны… Вот какое чувство накрыло всех знавших эту девушку или хотя бы слышавших о ней.

Узнав о ее смерти, Лоренцо, бывший в отъезде, бросил все и стремглав помчался во Флоренцию. Но к похоронам не успел, она уже лежала на кладбище Всех Святых в семейном склепе.

Судя по количеству сонетов, написанных им на смерть Симонетты, Лоренцо был влюблен в нее не меньше брата. Джулиано же надолго ушел в себя — именно закрылся от всех и рыдал сутками. Когда он вышел к людям, это был уже другой человек. Веселого, улыбчивого красавца уже больше никто никогда не увидит. Джулиано стал мечтать об одном — поскорее соединиться с Симонеттой. Этой идеей он жил и бредил, постоянно вспоминал в разговорах с людьми о предсказании гадалки: та обещала, что расставание с возлюбленной окажется недолгим.

Через два года после кончины Симонетты, 26 апреля 1478-го, в республике вспыхнул заговор. Могущественный клан Пацци вознамерился свергнуть семью Медичи, находившуюся у власти. Идею подал папа римский, аристократические круги подхватили: в условиях кризиса, наступившего после падения Константинополя, на повестку дня вновь выходила задача раздела сфер влияния, и обретение власти стало основным принципом в этой борьбе.

В светлый праздник Пасхи в кафедральный собор прямо во время богослужения, когда их меньше всего ждали, ворвались люди с кинжалами наголо. Для любого человека это кощунство, даже не очень верующего, — только не для организатора кровавого дебоша папы римского Сикста IV. Увидев их, Джулиано улыбнулся и, раскинув руки, пошел на встречу к Симонетте… Пронзенный множеством кинжалов, он даже не вскрикнул от боли.

Лоренцо и Полициано удалось отбиться. Быть может, благодаря Джулиано и Симонетте, призванным Господом в один день.

Лаура Дианти

Этот рассказ — о женщине, ставшей отрадой души для герцога Феррарского Альфонсо I д'Эсте после утраты им своей супруги Лукреции Борджиа.

О рождении и детстве Лауры Дианти (ок. 1480–1573) известно лишь то, что она появилась на свет в семье торговца шапками по имени Бокаччи. В следующий раз ее имя в документах встречается уже через 44 года. Это запись в расходной книге герцогского двора. Там она значится как «дама, получившая подарки».

Альфонсо и Лаура если и были обвенчаны, то разве что тайно. Документальных данных об этом нет. С одной стороны, подписывалась она фамилией герцога, с другой — известно, что Альфонсо до самой смерти не упоминал ее как свою жену в документах.

Об этом говорит, в частности, нотариально заверенная дарственная, по которой девице Дианти отходило поместье Делиция дель Вергинезе. Овдовев буквально через несколько дней, она перебралась в него, и вскоре усадьба превратилась в салон, гостями которого были ее выдающиеся современники. Она так и умерла в этом доме, а ее привидение и по сей день там появляется, если люди не врут.

Этот день рождения Лаура Дианти отметила дома, то есть в публичном доме, хозяйка которого получила от своих подопечных характерное прозвище Жаба. В свои 16 лет юная девушка выглядела по-итальянски знойно: карие очи, черные брови да густющие смоляные волосы, — с точки зрения тогдашних представлений о прекрасном, ну совершенно некрасивая. Жаба же требовала от всех следовать моде. Это значило носить светлые волосы и выглядеть мертвенно бледной. «Уродина» — Лауре вбили эту характеристику в голову с детства — этого терпеть не могла. Она была худенькая и казалась совсем девочкой, с лица еще прыщи не сошли. Лаура не умела красиво ходить, расправив плечи, горбилась, была неразговорчива — она себя стеснялась. Мужчины ее не интересовали, принадлежать им приходилось, потому что так устроена жизнь.

В это время она впервые мельком увидела на улице будущего отца своих детей. Обратить на него внимание заставила траурная процессия — хоронили его жену Лукрецию Борджиа. Альфонсо шел за каретой, невысокий, но коренастый, и напоминал скорее молотобойца, чем герцога. Позже она узнает, что главным занятием Альфонсо была война — так распорядились жизнь и папа римский, воевавший с герцогством Феррара, пытаясь

отхватить от него побольше земли и ресурсов. В том, что этого до сих пор не произошло, главная заслуга его, герцога, вкладывавшего и средства, и силы, и здоровье в модернизацию войск, а главным образом — в любимую им артиллерию. Артиллерия была его страстью. Он сам изобретал новые пушки, бомбарды, мортиры, сам рассчитывал параметры нового орудия и отливал в собственных доменных печах, зачастую лично.

В этот же день Лаура приглянулась одинокому канонику Джованни Салерно, которому как раз не хватало хозяйки в доме. Он выкупил девочку у Жабы, ему это стоило недорого: за угловатое, конопатое и вечно угрюмое создание много не возьмешь.

Каноник был уже немолод, но добр, ласков и заботлив. Со временем Лаура потеплела к нему, а там и прикипела. Да и в постели он выгодно отличался от всех известных ей мужчин: по крайней мере, она узнала, что от мужчины может и не нести вином и немытым телом.

Он любил ее и постоянно обращал ее внимание, как она красива, даже подарил ей дорогущее зеркало венецианского стекла, — в конечном итоге благодаря ему она почувствовала себя женщиной, даже симпатичной, даже, может быть… хорошенькой. Ей уже исполнилось 17, она округлялась и менялась на глазах. Со временем ею стали восхищаться и делать предложения. Правда, все эти предложения в мыслях ухажеров, чувствовала Лаура, начинались и заканчивались постелью.

Так они прожили пять лет. Перед смертью Джованни отписал ей немного имущества, поделив поровну с детьми, и выделил две комнаты, чтобы она вновь не оказалась на улице.

Лауре было уже 22, она уже знала себе цену и могла распорядиться собой. Она стала роскошно красивой женщиной с осанкой королевы. Прием у нее стоил дорого, но от мужчин отбою не было: она умела дарить не только тело, но радость и душевную теплоту.

Вскорости она уже жила в палаццо на Виа делле Вольте и имела гардероб по последнему писку моды. Так постепенно подошло время их встречи с герцогом Феррарским. Это был шумный пир по поводу чьей-то помолвки. Лаура не любила их, но была приглашена неким офицером, который как-то быстро опьянел и уснул в картинной галерее. Неожиданно они с Альфонсо встретились глазами — она вспомнила седовласого широкоплечего «молотобойца», угрюмо шедшего за катафалком, а он жестом подозвал ее к себе.

Прошло два месяца совместной жизни. Герцог изменился до неузнаваемости. Он будто сбросил с плеч лет двадцать. К нему

вернулись бодрость, уверенность, легкость, улыбка все чаще посещала его уста. Секрет один — дома его ждала Лаура. Никогда раньше женщина не входила к нему в спальню, тем более не жила в ней, он сам навещал жену по ночам. Теперь же он не понимал, как он мог жить по-другому.

Только Лауру по-настоящему интересовали его пушки, селитра, мортиры, снаряды. Только ей он мог подолгу и увлеченно рассказывать о баллистике и сплавах металлов, видя в ее глазах живой отклик. Только ей было важно, как он себя чувствует, не устал ли, что произошло за день. Только с ней ему нравилось подолгу лежать рядом, уткнувшись носом в ее грудь.

Они прожили вместе десять лет. Лаура Дианти родила герцогу двоих мальчиков: Альфонсо и Альфонсино, которых он в своем завещании признал законными детьми. И хотя перед смертью герцога они с Лаурой даже тайно обвенчаются, официальным наследником станет его старший сын — от Лукреции Борджиа.

Герцог умер в 1534-м. Ему было 58. Любимая Лаура находилась с ним рядом все последние дни и минуты.

Вот и все. Во дворце ей больше делать нечего. Лаура собрала вещи и вместе с детьми переехала в подаренное герцогом поместье Делиция дель Вергинезе с чудным, словно игрушечным домом. Сюда все последние годы они с детишками переезжали на лето, здесь прошло столько незабываемых дней, столько дней…

В Делиция дель Вергинезе Лаура смогла воплотить в жизнь свою давнюю мечту — окружить себя творческой элитой и в этой атмосфере вырастить детей. Да и самой научиться многому, чему всегда хотелось: понимать стихи, живопись, музицировать, разбираться в философских и религиозных течениях. Ведь герцог был известным меценатом, крупнейшим покровителем представителей искусства. По его заказу появились такие шедевры живописи, как «Пиршество богов» Джованни Беллини, «Праздник Венеры», «Вакханалия», «Вакх и Ариадна» и несколько собственных портретов работы Тициана, «Сцены из Энеиды» Доссо Досси. Микеланджело писал для него «Леду», к сожалению, не дошедшую до нас. Альфонсо зазывал ко двору известнейших музыкантов и поэтов, покровительствовал поэту Лудовико Ариосто.

Лауре было суждено прожить вторую половину жизни в атмосфере, созданной своими руками. Ее дом превратился в представительство Парнаса на земле. Видимо, это позволило ей прожить дольше семидесяти лет, понянчить внуков и в 1573 году спокойно умереть. Один из внуков, Чезаре, все-таки станет герцогом Феррарским, обойдя наследников из рода Борджиа.

Хотя впоследствии, в 1598 году, очередной папа Климент VIII придрался-таки к непрозрачной ситуации с браком Лауры и Альфонсо и отобрал у Чезаре герцогство Феррара, за которым столько поколений вел охоту папский престол. Что ж, Богу — Богово, а кесарю — кесарево…

Франсуаза де Фуа

Графиня Шатобриан, или «Бретонская роза», как называли Франсуазу де Фуа восхищенные ее красотой современники, около 10 лет была любимой фавориткой короля Франции Франциска I.

Франсуаза де Фуа (1495–1537) родилась в знатной семье: отец — Жан де Фуа, виконт де Лотрек, мать — Жанна д'Эди, графиня де Комменж. Приходясь королеве Анне Бретонской троюродной сестрой, воспитание и образование получила при дворе.

Франсуазе было всего 11 лет, когда она произвела неизгладимое впечатление на Жана де Лаваль-Монморанси, графа де Шатобриана. Он сразу же добился помолвки с ней и еще до венчания увез к себе в Бретань. В итоге через два года 13-летняя Франсуаза родила дочь. Ее назвали Анной, и прожила она всего 13 лет. По закону того времени обвенчаться можно было лишь после достижения 14-летнего возраста, так что под венец Франсуаза пойдет лишь в следующем, 1509 году, фактически с ребенком на руках.

Лишь после родов и бракосочетания Франсуаза окончательно оформилась как женщина. Она была брюнеткой безупречной красоты. От ее восхитительных форм, от походки и каждого ее жеста исходила магия манящей женственности. Само выражение «Бретонская роза» возникло во французском языке с появлением в обществе графини Шатобриан.

По характеру она была тверда и настойчива, но насилие ей претило. Естественная заботливость и внимание по отношению к близким людям не мешали ей быть разборчивой и рассудительной с окружающими. Родственные отношения для Франсуазы — безусловный приоритет. Долг и достоинство — ее базовые ценности. И душой, и телом Франсуаза являлась образцом эстетики. В ней покоилось чувство меры, вкуса, гармонии. Такая женщина не может не восхищать — в двадцать лет о ней уже говорили все, от Бретани до Парижа. Донеслись эти слухи и до короля.

С некоторых пор Франциск так часто стал отмечать упоминания в обществе о некой «Бретонской розе», что ему стало

казаться, будто он один только ее и не видел. И он настойчиво попросил графа де Шатобриана не жадничать, а представить августейшему взору свое сокровище. Графу очень не хотелось это делать, но пришлось — шила в мешке не утаишь. Он тянул с этим как мог, целый год отбивался, но в конце концов доставил Франсуазу ко двору.

Король не остался в долгу. Поняв, как важно для Франсуазы использовать свое влияние в обществе для блага семьи, родных и близких, он раздал по должности всем, кого она назвала. Граф стал командиром роты, брат — губернатором в Милане, все остальные тоже пошли на повышение. В итоге Франсуаза всех облагодетельствовала и с чистой совестью стала фавориткой короля Франции.

25 апреля 1519 года Франсуаза де Фуа с мужем были приглашены королем на крестины его сына, церемония состоялась в Амбуазе. Ее место оказалось в одном ряду с принцессами, а это очень много значило. Всем окружающим, и в первую очередь придворным, было тем самым показано, как высоко ценит король эту особу. Такой чести могла быть удостоена только фаворитка.

Была у этой медали, конечно, и обратная сторона: влияние Франсуазы на Франциска стало так сильно, что даже у матери короля пробудило ревность. К тому же она была женщиной старой закалки и привселюдная демонстрация сыном своей любовницы при живой жене претила Луизе Савойской. Она хотя и была плоть от плоти придворной жизни со всеми ее прелестями, но такая «прелесть», как «фаворитка», ставшая при французском дворе уже просто-таки социальным институтом, не вызывала в ней понимания. Особенно когда это затронуло ее лично. Королева стала делать все для того, чтобы имя графини де Шатобриан никогда более не упоминалось рядом с именем Франциска. Ее желание крепло по мере приложения усилий и достигло такой формы чисто женской ненависти, когда она уже даже была согласна с самим положением вещей: пусть у короля будет фаворитка, но только не эта! Кто угодно, только не она!

Середина XVI столетия — это время бесконечных войн для Франции. Страна воевала на всех фронтах: с Англией, Германией, Испанией, Италией. 24 февраля 1525 года французская армия потерпела весьма болезненное поражение от испанцев в битве при Павии. Франциск I был дважды ранен, пленен и фактически взят у Франции в заложники. Начались затяжные переговоры с Испанией о возвращении короля. Почти год французы с испанцами не могли договориться о сумме выкупа и остальных условиях подписания мирного договора. Лишь 14 января 1526

года Франциск его подписал. Все это время длилась переписка Франсуазы с королем, они не забывали друг о друге.

Без короля Франсуаза не имела никакого веса при дворе. К встрече освобожденного Франциска ее не допустили. Луиза Савойская решила воспользоваться этим шансом на все сто: она сама представила сыну его будущую фаворитку — прелестную 18-летнюю Анну де Писсле. Луиза угадала со своим выбором, в последовавшей затяжной борьбе за внимание короля Франсуаза проиграла более молодой сопернице и вернулась в свое поместье в Бретани. С Франциском у нее будет еще лишь несколько недель счастья — в 1532-м, когда они встретятся вновь.

Через пять лет ее не станет. Дата смерти вместе с эпитафией Клемана Маро высечена на надгробии в церкви тринитариев в Шатобриане: 16 октября 1537 года. Несмотря на этот факт, Францию еще долго будоражили слухи о кровавой расправе ревнивого мужа графини Жана де Лаваля над Франсуазой. Якобы он ее полгода держал в темнице, а потом убил, порезав вены. Этому посвящены даже исторические исследования, в которых утверждается, что граф откупился от обвинений в убийстве.

Мария Болейн

Известная придворная дама в Англии XVI столетия, чья сестра стала королевой, впоследствии обезглавленной мужем. Сама же Мария (1499–1543) успела побывать и в Англии, и во Франции, и везде, где бы ни появлялась, была принята тамошними королями с радушием, превышающим обязательный этикет. Успев за свою жизнь побывать в фаворитках сразу двух королей, Мария и о семейной жизни не забывала: дважды замужем, четверо детей.

В графстве Норфолк есть городишко Бликлинг-Холл. Именно там рождаются такие яркие личности. Хотя выросла Мария уже в Кенте, в замке семьи Болейн. В крови отца Марии Томаса Болейна не было голубого красителя, тем не менее он смог добиться такого положения при королевском дворе, которое позволяло ему устраивать дела своей семьи. По линии же матери, Элизабет Говард, чего стоит один только неутомимый радетель семейных дел Томас, ставший герцогом Норфолком. Во многом именно благодаря ему Анна, младшая дочь в семействе Болейн, станет королевой.

В сравнении со своей сестрой Мария красивее безусловно. У нее покатые плечи, которые всегда горделиво расправлены; сильные, но изящные руки с крупными кистями и ухоженными

пальцами; длинные стройные ноги с маленькими ступнями; тонкая талия. В некотором смысле она немного непропорциональна, но хороший вкус в заказе одежды позволяет ей скрашивать эти недостатки. У Марии лицо вытянутой, овальной формы, с широкими скулами и бледной кожей, на которой редко появляется румянец, а также длинная, лебединая шея. У нее красивые темно-каштановые волосы, которые вьются и тщательно ухожены, длиной чуть ниже лопаток. Чаще всего они распущены, либо же пряди по бокам от лица скручены в жгуты и соединяются сзади в маленьком узком хвосте. Такого же цвета, разве что чуть более синеватого оттенка, и густые брови Марии, которые имеют особенность взлетать вверх, «сминая» невысокий лоб в морщинки. Большие светло-зеленые глаза в обрамлении ресниц смотрятся просто потрясающе, когда пухлые губы растягиваются в улыбке.

Отношения между Марией и ее сестрой Анной были теплые, но далеко не самые близкие, как у настоящих сестер. Разница в возрасте была слишком велика. Мария поддерживала более тесные отношения с братом Джорджем, который также видел ее нечасто. Тем не менее Мария любила свою семью так, как только можно было любить родных.

Доброжелательная, воспитанная в лучших традициях, Мария была развита и этически, и интеллектуально. Уступчивая и мягкая, она была чиста и непорочна. Мария выглядела скромной, благородной красавицей. Любила простой домашний уют — никогда бы и не подумала жить при королевском дворе. Но жизнь распорядилась по-другому.

Ей было 12 лет, когда отец добился для нее места среди фрейлин Марии Тюдор, сестры короля, которая направлялась во Францию для бракосочетания с Людовиком XII. Мария попала во Францию, в Париж. И зарекомендовала себя так, что, когда после смерти Людовика на трон взошел Франциск I, лишь ее из всей свиты Тюдор захотели оставить при дворе. Возможно, конечно, благодаря отцу, который к тому времени был уже английским послом во Франции.

Думается, Франциск не обошел ее вниманием, поскольку документально зафиксирован его отзыв о Марии: «Большая любительница приключений, самая бесстыжая из всех».

Это, наверное, и стало причиной ее отъезда в Англию, когда приехавшая из Нидерландов сестра Анна осталась во Франции. Родители, вероятно, испытывали некоторое беспокойство относительно поведения старшей дочери, так что получение должности фрейлины у королевы Екатерины Арагонской стало для них настоящим успокоением.

Так Мария оказалась при дворе короля Англии. Престол в те годы занимали Генрих VIII и Екатерина Арагонская, фрейлиной к которой и была призвана Мария. При дворе она провела десять лет, результат — два ребенка от Генриха VIII, которых король не признал.

Мария Болейн стала любовницей короля, который скоро пресытился ею, а когда она забеременела, по-быстрому отправил в деревню, где она и осталась.

Спустя год после возвращения в Англию Мария вышла замуж за Уильяма Кэри, состоятельного дворянина и весьма приближенного к королю человека — этот брак выглядел очень выгодным для семьи Болейн. На церемонии присутствовал Его Величество. Видимо, тогда он и заметил Марию. Сколько длились эти отношения — несколько месяцев или даже пару лет, неизвестно. Ходили неподтвержденные слухи, что первый потомок Болейн, Екатерина Кэри, была незаконнорожденной дочерью короля Генриха VIII, поскольку родилась во время его активных отношений с Марией Болейн. Генрих Кэри, второе дитя Марии, — тоже, скорее всего, ребенок Его Величества. Многие свидетели смели утверждать, что он как две капли воды похож на короля.

Еще до рождения первого чада Марии Анна Болейн вернулась в Англию и сразу завоевала большую популярность. Сестры редко общались, Анна интересовалась тем, что не привлекало Марию. Король заметил Анну и предложил ей стать его фавориткой, но та отказалась. Пожалуй, благодаря уму и расчетливому нраву молодая женщина более успешно манипулировала королем, который воспылал к ней непреодолимой страстью. С помощью виртуозной игры в социальных кругах сестра Марии добилась развода короля с Екатериной Арагонской.

Муж Марии скончался, и король Генрих поручил Анне заботу о детях Марии, которые были в результате устроены в престижную монастырскую школу. Томас Болейн не интересовался тем, как идут дела у его первой дочери, лишь Анна проявила заботу и назначила ей небольшую пенсию — сто фунтов стерлингов.

Через год после того, как Анна была коронована, Мария тайно вышла замуж за Уильяма Стаффорда. Это был брак по любви, заключенный в тишине, никто не был оповещен. Королевский конюх Уильям Стаффорд не блистал ни положением в обществе, ни деньгами — семья королевы Англии ни за что не дала бы согласие на подобный брак. Когда Болейны узнали об этом союзе, пару выгнали со двора. Выгнала сама Анна.

Жить было сложно, финансового обеспечения не было. Мария

даже обратилась за помощью к кардиналу Томасу Кромвелю, чтобы тот заступился за нее перед королем и королевой, но Генрих VIII остался равнодушным к судьбе Марии. Кромвель по просьбе женщины обратился к ее дяде и отцу, но они тоже не отреагировали. Лишь Анна отправила Марии большую золотую чашу и немного денег, но приписала, что появляться при дворе ей не надо. Все-таки это было примирение и, похоже, единственный контакт Анны и Марии вплоть до дня казни последней.

До этого страшного дня у Марии появилось еще двое детей — Энн и Эдвард Стаффорд. Ни Мария, ни ее дядя Томас Говард не захотели посетить Анну и Джорджа Болейн, когда те были приговорены к смерти через обезглавливание и ждали своей участи в каменном мешке Тауэра.

После смерти родителей Мария унаследовала собственность Болейнов в Эссексе, где, очевидно, и прожила остаток своих дней в благополучии и мире с мужем. Умерла она в возрасте сорока четырех лет 19 июня 1543 года.

Такой была судьба Марии Болейн — прекрасной кроткой девушки, волею рока вовлеченной в драматический политический спектакль.

Диана де Пуатье

Диану де Пуатье (1499–1566) можно назвать выдающимся политическим деятелем Франции середины XVI века. С момента прихода к власти Генриха II 31 марта 1547-го до самой его смерти в 1559 году Францией впервые в ее истории управляла фаворитка короля, и стране это пошло только на пользу. Так что правильное направление в свое время выбрали предшественники Генриха на престоле: фаворитка для Франции — это больше, чем удовольствие короля и его шалость, фаворитка — это социальный институт, сыгравший в истории государства свою незаменимую роль.

Диана родилась в семье великого сенешаля Франции Жана де Пуатье, сеньора де Сен-Валье. Едва девочке исполнилось 13 лет, как она уже была не только засватана, но и выдана замуж за отпрыска незаконнорожденной дочери Карла VII и его фаворитки Агнессы Сорель. Мужа звали Луи де Брезе, граф де Мольврье. Супруги прожили вместе 18 лет. 23 июля 1531 года Луи не стало. С этого дня до самой смерти Диана не снимала с себя траур по мужу, одеваясь лишь в черное и белое. Но она была прекрасна даже в трауре! Когда ее отца, мятежника, выступившего на стороне заговорщиков против престола, приговорили к казни, Диана добилась аудиенции у Франциска I и бросилась ему в ноги с мольбами о помиловании. Франциск не выдержал этого напора, этой божественной красоты в слезах и простил своего недоброжелателя. Возможно, Диана была признательна королю, история об этом умалчивает. Но даже если так, дальнейшие события показали, что эта женщина была героиней не его романа. Ей суждено было сыграть особую роль в жизни его сына, герцога Орлеанского, который станет королем Франции через 16 лет.

В 1525 году Франция потерпела весьма чувствительное поражение от испанцев в сражении при Павии. Франциск I был взят в плен. После подписания кабального для французов Мадридского договора король вернется, но в качестве гарантии выполнения своих условий испанцы потребуют в заложники детей короля. Маленькому Генриху было всего 6 лет, когда его провожали в Испанию. Самым ярким впечатлением того дня стала для него прекрасная Диана, которую он видел впервые и которая его поцеловала на прощание в лоб. Ни разница в возрасте в 19 лет, ни тот факт, что Диана была чьей-то женой, не могли поколебать мечту Генриха и его решимость по возвращении из плена, который длился целых 10 лет, найти эту женщину и

жениться на ней. Все десять лет он только этой мечтой и жил.

Мечты сбываются! Воплотив свои планы в жизнь, Генрих из солидарности со своей любимой до конца дней одевался только в черное и белое, а своим вензелем сделал буквы D и H — Диана и Генрих.

После смерти своего старшего брата Франциска Генрих становится дофином — престолонаследником — и в 1547 году после кончины отца принимает корону Франции. С этого момента Диана де Пуатье фактически приходит к власти. Какое-то время ей пришлось укреплять свое влияние при дворе в противоборстве с фавориткой бывшего короля герцогиней д'Этамп. Герцогиня была на 10 лет моложе и называла Диану «Старый гриб». Ее сторонники распространяли слухи, что старший брат Генриха не просто так ушел из жизни, это Диана его отравила. Придворные разделились на два лагеря: за герцогиню д'Этамп и за Диану де Пуатье. Одни живописцы и поэты воспевали в своих творениях Диану, другие — герцогиню, в итоге культура обогатилась шедеврами искусства таких мастеров, как Приматиччо и Бенвенуто Челлини. Но все эти интриги уже не имели особого значения, фактически Диана была прекраснее и умнее своей соперницы, так что победа ее была предрешена. Потом, добравшись до штурвала, Диана всех недоброжелателей сбросит за борт. Герцогиня и ее неутомимый подлиза министр финансов Бояр окажутся первыми в этом списке. Многие станут называть Диану мстительной — видимо, как раз те, кто все это время страстно желал ее унижения.

Любопытно, что официальная королева Екатерина Медичи в этой борьбе вообще не рассматривалась как соперница. Они с Дианой были в прекрасных отношениях, последняя даже следила за детьми королевы, но Екатерина жила своей жизнью, у нее был свой круг общения, где она проводила все время и ни в жизнь мужа, ни в жизнь государства не вмешивалась. Реальная власть при французском дворе в то время формировалась, как видим, не августейшими особами, а их любовницами. Видя это, придворный хронист Пьер Брантом выразился как нельзя точнее: «Французский народ должен молить Бога, чтобы никогда не было фаворитки хуже, чем эта».

И вот Диана взяла в свои руки все рычаги управления государством. От нее зависели все: министры, парламентарии, заключенные, торговцы, судьи, армия. Она раздавала должности, казнила и миловала. Генрих был счастлив, он называл себя ее слугой и гордился этим высоким званием! Для короля Франции был только один закон — воля Дианы, его повелительницы.

Ознакомившись с тем, что творится в государстве, Диана

приступила к кадровой политике. Первыми полетели со своих должностей канцлер и премьер-министр. Не остались без внимания фаворитки короля ни парламент, ни королевский совет. С 1550 года ее власть стала безраздельной. Главы государств и дипломатических миссий вели переписку напрямую с ней, а не с Генрихом. Серьезнейшие вопросы мировой политики находились в ведении Дианы де Пуатье. Папа римский Павел III был доволен таким положением вещей. Он не забывал передать ей свои добрые слова с очередным нунцием, отмечая «ее набожность, благочестие и выдающиеся услуги, которые она оказала Святому престолу при французском королевском дворе».

Такое положение вещей нравилось далеко не всем. Политика Дианы де Пуатье получила весомую критику и современников, и в дальнейшей истории Франции. Флорентийский посол Козимо Медичи не видел в этом ничего хорошего: «Она ведет себя таким образом, что нам остается лишь сожалеть о мадам д'Этамп». Многие обвиняли ее в абсолютизации власти, корыстолюбии, назначении на должности своих любимчиков. Что ж, всем не угодишь. Пожалуй, наиболее весомыми критическими замечаниями в адрес неназванной «королевы» Франции периода правления Генриха II были обвинения в нарушении договора о мире с Испанией и гонениях на протестантов.

В 1548 году она удостоилась титула герцогини Валентинуа, и король заказал известному зодчему Делорму дворец для герцогини. В нем Диана де Пуатье проведет последние годы своей жизни.

Красота Дианы де Пуатье обладала особым свойством: она была неувядающей. Брантом видел ее в последние дни перед смертью и успел записать свое восхищение. Диана — это румянец на щеках жизни. Она никогда не болела, вставала в 6, умывалась ключевой водой, седлала лошадь и отправлялась на прогулку. По возвращении посвящала несколько часов чтению и самообразованию. Ее интересовало все: искусство, политика, философия, литература. Король обмолвился как-то, что именно этим она его очаровала.

Генрих II умер в результате несчастного случая — смертельно ранен на рыцарском турнире. Смерть на дуэли была ему предсказана давно, и не одним астрологом, но принять всерьез такое предсказание никто не мог: король — на дуэли?! Сам монарх улыбался, говоря, что примет как должное любую смерть. И если ему действительно суждено умереть от чьей-то руки, пусть это будет рука достойного человека. Генрих не просто считал себя рыцарем, он был им до мозга костей — не столько монархом, сколько рыцарем. И смерть ему была уготована рыцарская.

30 июня 1559 года в Турнелле король принял участие в состязаниях. Он сам устроил этот 3-дневный турнир — в честь дочери, которую отдал замуж, и торжеств по поводу подписания Като-Камбрезийского мира. Король, как рыцарь с именем своей дамы сердца, одетый в ее цвета — черное и белое, — выехал на арену против графа Монтгомери. Неизвестно, был ли в происшедшем злой умысел, но очевидно, что граф переусердствовал, его копье сломалось о доспехи Генриха, и обломки полетели тому в лицо, один из них пробил голову, войдя в глаз. Получив помощь лучших лекарей, король прожил еще 10 дней и скончался. Увидеться с Дианой перед смертью ему не дали.

Для Дианы все кончилось. Придворная толпа ее терпеть не могла. Екатерина Медичи, подстрекаемая Франциском II, восшедшим на престол после смерти своего отца, вышвырнула ее со двора, не забыв отобрать все драгоценности — королевские подарки. Эти подвески, ожерелья и прочие украшения уже много поколений переходили от одной фаворитки к другой. Диана ответила, что горе, которое она испытывает, слишком сильно для того, чтобы ощутить какую-то досаду по поводу сдачи этой обязательной при дворе амуниции.

Так Диана де Пуатье успела послужить Франции и удалилась на заслуженный отдых. Последние шесть лет своей жизни она провела в спокойной и уютной атмосфере своего замка Анэ, подаренного королем. Замка, строительство и обустройство которого она сама контролировала: обставляла мебелью, выбирала гобелены… Здесь же, в церквушке, ей поставят памятник, который потом перейдет в музей Лувра.

Передав, перед тем как уйти из этого мира, некоторые свои сбережения на строительство больниц, 26 апреля 1566 года Диана де Пуатье, герцогиня Валентинуа скончалась. Ее образ запечатлен во множестве скульптур и полотен художников, а также в романе Дюма «Две Дианы».

Роксолана

Эта рабыня, ставшая женой султана Османской империи в период ее расцвета, показала всем, на что способны славянки.

Роксоланой ее назовут позже в Европе, где со времен Страбона так звали жителей Северного Причерноморья. Настоящее имя нашей героини — Анастасия Гавриловна Лисовская, родилась она в 1506 году в семье священника из города Рогатина на Тернопольщине, то есть, по тем временам, в

Речи Посполитой. В поисках живого товара в эти земли постоянно наведывались крымские татары. Похищенные доставлялись на невольничий рынок в Крым. Настя попалась как раз накануне собственной свадьбы. Ей было 15 лет.

Вопреки расхожему мнению, Роксолана отнюдь не блистала красотой. «*Giovane, ma non bella*» — дали ей характеристику венецианские купцы. Что означает: «Юна, но не красавица». Однако тот, кому она досталась, наверное, знал, что делает: он повез ее продавать не куда-нибудь, а в Стамбул. И долго стоять на рынке ему не пришлось. Сам визирь султана Рустем-паша заинтересовался ею — он подбирал подарок своему господину.

В середине XVI столетия в Османской империи султанствовал Сулейман I Законодатель. Именно он заслужил наибольший перечень превосходных эпитетов от благодарных потомков и довольных историков. В общем, Насте взамен ее рогатинского жениха достался вполне приемлемый экземпляр: сильный, справедливый, умный, образованный, творческий: среди прочих увлечений — искусства, философско-религиозная мысль, поэзия, кузнечное дело, всех и не перечислить. Тогдашние европейские монархи и в подметки Сулейману не годились.

Правила османского престолонаследия для уха современного европейца звучат дико. За годы владения гаремом из сотен и тысяч барышень у султана накапливалась бездна незаконнорожденных детей. Из них высоким положением пользовались только дети от четырех официальных жен. Престол же наследовал лишь один — первый от любимой жены, остальных, как котят, топили.

Гарем султана по сложности своей организации не уступал институту, где девушек учили отнюдь не только «науке любви». В этом институте преподавали ученые мужи и представители искусств, имели свои рабочие места доктора, костоправы, акушеры, массажисты и другие. Руководил им главный евнух, его должность называлась так: кызлярагассы.

Попав в гарем, Настя получила имя, немало говорящее нам о ее характере и темпераменте. Даже в этой ситуации она показалась всем смеющейся — Хюррем. По дошедшим до нас данным можно судить, что Настя вела себя в Турции, как Маша из мультфильма «Маша и медведь», тем и произвела на Сулеймана впечатление. На первом же осмотре вновь прибывших рабынь она выскочила на середину площадки, заливисто смеясь. Заткнула рот девушке, демонстрировавшей свои певческие способности, и сама запела народную песню. Дежурный евнух машинально вытащил из кармана шелковый шнурок для удушения и начал проверять его на прочность, ожидая только приказа. Но султан

оказался в восторге от такой выходки! И одарил Хюррем своим платком. Это был знак, известный всем: вечером ко мне! Так что вместо шнурка Насте стали готовить одежду для аудиенции у султана. И это в первый же день! Тогда как сотни новеньких ждали этого и готовились месяцами. Для того чтобы попасть к султану, следовало пройти пять ступеней подготовки, и только мать правителя выбирала ему девушку на ночь из «уста» — достигших последнего, высшего ранга. Знай наших!

Обычно у своей избранницы султан спрашивал, чего она хочет, и по мере своих скромных возможностей исполнял просьбу. Услышав ответ Анастасии, султан опешил: она пожелала… посещать его библиотеку. А вернувшись из очередного похода, узнал, что Настя свободно общается на персидском, арабском и турецком, пишет на этих языках и посвящает ему стихи. Султану стало страшно: с кем он имеет дело, а при дворе уже вовсю ползли слухи о «славянской ведьме». Но Сулейману нравилось быть ею околдованным. А в гареме наступили мрачные времена: султан не хотел больше видеть на своем ложе никого, кроме Хюррем. Даже находясь вдалеке от своего дворца, он не прекращал общаться с ней.

«Наконец соединимся душою, мыслями, воображением, волей, сердцем, всем, что я заронил своего в тебе и взял с собой твоего, о моя единственная любовь!» — так заканчивал Сулейман I одно из своих писем к «славянской ведьме». «Господин мой, твое отсутствие распалило во мне негаснущий огонь, — писала в ответ Роксолана. — Пожалей мою страдальческую душу и поспеши со своим новым письмом, чтобы я могла найти в нем хоть малое утешение».

Живя при дворе, Роксолана быстро разобралась в здешних правилах игры и перво-наперво приняла ислам. Главное, чем она отличалась от прочих невольниц, — она была не куплена, а подарена. Это означало, ни много ни мало, что она свободна и могла стать женой правителя. В конце концов Сулейман женится на ней и назовет главной женой, своей хасеки — «милой сердцу». Для Османской империи, да и вообще во всем мире, это было невиданно и неслыханно: рабыня добивается престола и наравне с правителем участвует в государственных делах — принимает иноземные делегации, глав дипломатических миссий, ведет деловую переписку, курирует искусства и протежирует их представителей. Ревностное исполнение мусульманских обрядов вызывало к ней уважение у придворной знати.

За всеми этими делами султанша успевает управляться и со своими прямыми обязанностями жены. Она дарит Сулейману одного за другим пятерых здоровеньких детишек: Мехмеда,

Селима, Баязида, Джихангира и малышку Михримах. Как бы ни была приближена Лисовская к престолу, положение ее все равно оставалось весьма шатким. Молодость не вечна, красивых девушек в гареме много — рано или поздно Сулейман захочет другую. Чтобы закрепиться раз и навсегда, необходимо было сделать своего сына прямым наследником престола. Но таковым считался Мустафа, сын Гульбехар. Значит, надо пользоваться своим положением, пока его у тебя не отняли. Пока не оказалась в мешке с кошками и змеями (так избавлялись в гареме от надоевших султану жен и наложниц).

Когда подросла дочь, Хюррем начала действовать. Она предложила Рустем-паше взять ее в жены. Тот пользовался исключительным положением при дворе, будучи вдобавок ко всем своим преимуществам еще и воспитателем Мустафы. Ну кто же откажется от предложения породниться с султаном — ведь Хюррем не кто-нибудь, а официальная жена!

Отныне у Лисовской была вся свежайшая информация из первых рук. Это понимал и Сулейман. А значит, можно было пойти на блеф. В те годы политическая жизнь при дворах правителей изобиловала заговорами, мятежами, попытками свержения, так что десять-пятнадцать лет спокойной жизни у трона было уже благом, но после этого срока следовало обновлять состав приближенных: в тихом омуте могли завестись черти. Видимо, Сулейман доверял своей возлюбленной больше чем кому бы то ни было, ибо поверил не своему визирю и первой жене, но ей. Именно эти двое, Рустем-паша и Гульбехар, по утверждению Роксоланы, готовили покушение на жизнь падишаха, чтобы посадить на трон Мустафу.

Перенеся жуткие пытки, Рустем, видимо, не выдержал и признался во всем, что было и чего не было. Сулейман распорядился отрубить ему голову. Но на этом останавливаться было нельзя, Лисовская пошла дальше и сумела так оговорить перед падишахом его детей, что он их всех вместе с Мустафой предал смерти. Их удушили шелковым шнурком. Мать детей черкешенка Гульбехар тронулась рассудком и умерла. Валиде Хамсе, мать султана, с ужасом смотря на происходящее, не смогла не вмешаться, на ее глазах происходило истребление семьи. Вскоре ее нашли бездыханной — отравление!

Наконец путь к трону был расчищен. Первым наследником стал сын Сулеймана и Роксоланы Селим. Но Лисовская уже, видимо, не могла остановиться. По ее распоряжению были найдены и лишены жизни и все внебрачные отпрыски султана. На всякий случай. Мало ли: сегодня внебрачный, а завтра официально признан. Даже другие сыновья самой Роксоланы

были найдены задушенными. Поневоле задашься вопросом: а не причастна ли к их смерти сама мать, ведь Селим был ее любимчиком.

«Еще не было в оттоманском дворце другой женщины, которая бы имела такую власть», — выразился о Роксолане Наваджеро — посол Венеции в Стамбуле. Пожалуй, это еще мягко сказано.

Селим II будет править с 1566 по 1574 год и останется в истории как Селим Пьяница. Любимый сын Хюррем в нарушение Корана заливался вином до потери пульса. В конце концов однажды пульс исчез. Но сама Хюррем этого уже не увидит. Займет ли ее обожаемый Селим турецкий трон, Роксолане не дано было узнать: около 1558 года она умерла.

То, что совершила Анастасия Лисовская, не имеет аналогов в истории. Попасть из тернопольских лесов в Стамбул — это было все равно что на другую планету. И на этой планете, где все чуждо: воздух, язык, религия, нравы, — ощутив себя невольницей, оказавшись в полной изоляции и неизвестности, поймать кобру судьбы за голову, выдавить из ее зуба весь яд и создать свою судьбу своими руками, поднявшись на вершину господства над теми, чьей невольницей считалась еще так недавно, — это ли не мастер-класс по управлению действительностью и обстоятельствами своей жизни!

Перед смертью Роксолана распорядилась снести невольничий рынок, на котором когда-то стояла, как лошадь, выведенная на продажу. На этом месте теперь стоят мечеть, приют с клиникой и мусульманская школа, медресе, — целый район называется Хасеки, «милая сердцу».

Анна д'Этамп

Анна де Писле, де Эйи, по мужу д'Этамп (1508–1576), — одна из тех фавориток, что запомнятся Франции надолго. Достаточно сказать, что из-за нее была начата война, принесшая множество жертв и закончившаяся унизительным для французской короны мирным договором.

Занималась выдвижением на первые роли Анны де Писле сама королева-мать Луиза Савойская. Она была заранее против любого самостоятельного выбора своего сына и считала, что лучше знает, какие девушки ему нравятся. Когда Франциск I вернулся из испанского плена после проигранного сражения при Павии, мать представила ему 18-летнюю красавицу. Луизой владела не вполне обоснованная ненависть к мадам де

Шатобриан — любимой фаворитке Франциска. Единственной ее целью было убрать Франсуазу с глаз долой.

Луиза не ошиблась. Госпожа д'Этамп при дворе оказалась как рыба в воде, эта среда позволила ей проявить и развить свои врожденные таланты, главными из которых были умение плести интриги и немалые драматические способности, неоднократно испытанные на малодушном монархе. Красавица и умница, Анна завладела троном настолько, насколько им владел король.

Анна де Писле родилась в многодетной семье обедневшего дворянина Гильома де Писле де Эйи и Анны Сежен. К 18 годам она полностью оформилась и выглядела просто шикарно. «Надо только представить себе, — говорил Дре дю Радье, — юную особу семнадцати-восемнадцати лет, прекрасно сложенную, блеск молодости которой усугубляется прекрасным цветом лица, живыми глазами, полными огня и сообразительности, и перед вами предстанет мадемуазель де Эйи, в том что касается ее внешнего облика. Что касается ее ума, он был не только приятным, тонким и игривым, но также основательным, обширным и чутким к красотам искусных творений. За ней даже закрепилась репутация самой образованной среди красавиц и самой красивой среди образованных».

Король по достоинству оценил подарок матери по случаю своего возвращения из испанского плена, и вскоре Анна уже была неотлучно повсюду с ним.

Так начался первый раунд многолетнего и расточительного противоборства придворных фавориток: Анны де Писле и Франсуазы де Фуа. Война, начавшаяся во дворце, во втором раунде (где противницей Анны была уже Диана де Пуатье) выплеснулась на площади и улицы и перелилась за границы Франции. Двор был в восторге, этот нескончаемый сериал вызывал споры, давал пищу для сплетен, смаковались пикантные новости, принимались ставки.

Король, только и занятый утешениями то одной любовницы, то другой, запустил насущные дела в государстве, спал с лица, а в перерывах между зарифмованными амурными посланиями к обеим судорожно думал, что с этим всем делать. В конце концов он смог провернуть во рту одну фразу, которая ему никак не давалась, — Франциск попросил Франсуазу не обижаться и принять достойное второе место. Мол, это ничего такого не означает, чистая формальность. Франсуаза смерила его долгим тоскливым взглядом, собралась и уехала к себе в Бретань.

Победив, Анна приняла на себя всю тяжесть титула фаворитки, который не выпустит из рук уже до самой смерти «возлюбленного». Проблема лишь в том, что тот собирался

жениться, и отнюдь не на Анне. Таково было одно из условий Мадридского мирного договора: два королевских двора должны породниться посредством брака сестры испанского монарха Карла V Элеоноры Австрийской и Франциска I. Максимум, что получит Элеонора, — голый титул, реальная власть останется за Анной де Писле. Уже на церемонии встречи принцессы прожженная в придворных баталиях фаворитка дала ей более чем прозрачный намек: король встречал будущую супругу в обнимку с Анной. Они стояли на балконе напротив собора, наблюдая за подготовкой к коронации. Представители иностранных делегаций были шокированы. Зато Анна всем показала, кто в доме хозяин.

Однако после этой свадьбы она оказалась в щекотливом положении, которое принижало ее женское достоинство, и король решил подарить ей… мужа и титул. Этот шаг призван был легитимизировать положение Анны при дворе. На роль мужа по здравом размышлении согласился некто Жан де Бросс, принявший от короля заодно титул герцога д'Этамп: во-первых, расплатился Франциск щедро, а во-вторых, в его объятиях теперь нет-нет да и окажется красивейшая и влиятельнейшая женщина Франции, фаворитка самого короля!

Франциск подарил своей пассии дом и построил рядом с ним еще один, с потайными ходами, которыми эти дома сообщались. Отделка фасада в виде огненного сердца между буквами «альфа» и «омега» должна была говорить о несгораемой, всеисчерпывающей любви августейшего к возлюбленной.

Но заверений в любви, даже самых горячих, герцогине было мало, убедить ее в истинности своих чувств можно было только действиями, для которых, учитывая обширное семейство де Писле (только братьев и сестер у Анны насчитывалось до тридцати!), открывались обширные просторы. Через некоторое время все родственники Анны были наделены доходными должностями.

В общем, Анна сделала короля послушным, при этом мало в чем себе отказав. Франциск уже был ручной, из него веревки можно было вить. Даже откровенная постельная сцена, свидетелем которой ему пришлось стать, не смогла разорвать его привязанность к Анне. К фаворитке в опочивальню стал захаживать Кристиан де Нансе. В коридоре на страже была оставлена одна мадемуазель, которая уснула и пропустила появление короля. Тот зашел, увидел это безобразие и вышел, сделав вид, что ошибся дверью.

С возвращением из плена Генриха II при дворе оказывается Диана де Пуатье. И у заскучавшей было Анны снова появляется цель в жизни, ей опять есть с кем скрестить шпаги!

Двор снова разделился на два фан-клуба. Но на этот раз с определенного момента болельщикам стало не до игры: драка двух разъяренных кошек грозила перерасти в религиозную войну и межгосударственный конфликт.

Герцогиня сочувствовала протестантам, а Диана ревностно отстаивала символы католической веры. Ее доводы о том, что протестантизм угрожает целостности государства, является посягательством на моральные и духовные устои общества и может оказаться бомбой замедленного действия, заложенной под престол Французской монархии, не вызвали понимания у Франциска, который, похоже, просто поддерживал, не глядя, все инициативы своей любовницы. Вопрос с протестантами не стал исключением — чтобы показать ей, как он ее любит, Франциск I взял их под свою опеку.

Амбиции Анны д'Этамп разрастались — и вот она уже в Королевском совете. На самом деле ее более всего волновал один вопрос: когда-нибудь Франциск умрет, а ближайший престолонаследник — Генрих II. Это значит, что когда-нибудь Диана займет ее место. Анна не могла с этим смириться. Она стала воплощать в жизнь свой безумный план по передаче трона Карлу Орлеанскому, приходящемуся королю младшим братом. Для этого она начала переговоры со злейшим врагом Франции — королем Испании Карлом V, предлагая ему выдать свою дочь за брата французского монарха.

Результатом стала еще одна война с испанцами. Л. Прюдом отмечал: «Верная своим обязательствам перед Карлом V, герцогиня выдавала все планы французского двора и даже сообщила ему число генералов и министров. Одним словом, она может быть названа одной из основных причин военных бедствий».

Действуя под диктовку своей фаворитки, безответственный и слабовольный король подписал с испанцами мир, одним из пунктов которого значилось бракосочетание Карла Орлеанского и дочери испанского короля. Взамен Испания получала несколько десятков французских городов под честное слово передать Карлу Орлеанскому некоторые территории после выполнения п. 1.

К счастью, этому не суждено было случиться: Карл Орлеанский некстати умер. И в 1547 году трон занял Генрих II.

К определенному времени ожесточенное противостояние двух фавориток, непримиримых в религиозном вопросе, поставило страну на грань гражданской войны. 24 июня 1539 года Франциск I отважился принять первое за много лет самостоятельное решение — протестантизм признается ересью и ставится вне закона. Эскалация конфликта перешла в стадию

откровенного противоборства — Франция была объята огнем пожарищ.

Позже, когда Франциска не станет, герцогиня много лет проведет в страхе расправы со стороны Дианы де Пуатье. Ее и правда предали суду, но вина доказана не была, и Анна вернулась в свой Лимурский замок. Диана не стала добивать соперницу, понимая, что и сама-то когда-нибудь может оказаться в ее положении.

Узнав, что герцогиня утратила свое положение и больше опасности не представляет, Жан де Бросс вспомнил, что он ее законный муж, и потребовал свою долю от былого соглашения. Анна подписала все бумаги, по которым, в частности, Жану отходили имения Дурдан, Шеврез и сам Лимур. После этого герцогиня была перевезена в замок Ардуин доживать свои дни. Там ли умерла Анна де Писле, неизвестно, как и то, где покоится ее тело.

Джейн Сеймур

Леди Джейн Сеймур (1508–1537) — фаворитка, а впоследствии третья жена короля Англии Генриха VIII, мать короля Эдуарда VI.

Джейн родилась в 1508 году в поместье Вулфхолл (графство Уилтшир) и происходила из древнего дворянского рода. Сеймуры предпочитали вести тихую и скромную жизнь, хотя в молодые годы сэр Джон служил при дворе короля Генриха VII и активно участвовал в нескольких военных кампаниях. Его супруга, леди Марджери Уэнтворт, была одной из самых ярких и блистательных придворных дам и музой известного поэта Джона Скелтона. Семейство было связано родственными узами с некоторыми довольно могущественными аристократическими кланами. Особо тесной была их связь с Говардами.

Леди Элизабет Говард, мать Анны Болейн, второй жены короля Генриха VIII, была кузиной матери Джейн. Следовательно, Джейн и Анна являлись троюродными сестрами.

Джейн была старшей из дочерей сэра Сеймура. Она получила довольно посредственное образование: девушка умела только читать и писать. Впрочем, это неудивительно, ведь основной упор в воспитании девочек из дворянских семей в то время делался на рукоделие и грамотное ведение домашнего хозяйства.

Впервые Джейн появилась при дворе как фрейлина королевы Екатерины Арагонской в середине 1520-х годов. Ее старший брат Эдуард к тому времени уже сделал карьеру при дворе: в детстве

он был пажом в свите Марии Тюдор, а по возвращении в Англию занимал различные должности при короле и кардинале Уолси.

После расторжения брака Генриха и Екатерины Арагонской и его женитьбы на Анне Болейн Джейн и ее сестра Элизабет перешли в распоряжение новой королевы. И уже летом 1533 года посланник императора Карла V отмечал в своих донесениях, что королева Анна «впала в ревность — и не без оснований».

Вначале мимолетные и несерьезные связи короля с фрейлинами не представляли никакой угрозы положению новой королевы. Однако после рождения вместо ожидаемого сына дочери Елизаветы и нескольких неудачных беременностей Анны Генрих стал от нее отдаляться.

Осенью 1535 года во время путешествия по стране монаршая чета остановилась в наследственном владении Сеймуров Вулфхолле, и именно там Генрих впервые обратил пристальное внимание на леди Джейн Сеймур, юную дочь хозяина.

Белокурые локоны, бледная кожа, полное спокойствие и непритворная скромность Джейн пленили короля. Джейн была похожа на златокудрого кроткого ангела, воплощение нежности и покорности. Генриху это особенно понравилось по контрасту с черноглазой, черноволосой и строптивой Анной.

Джейн и Генрих были знакомы еще до визита короля в Вулфхолл. Но любовное озарение снизошло на монарха именно там.

Старшие братья Джейн — Эдуард и Томас — заметив, что король откровенно симпатизирует их сестре, и четко представляя себе выгоду от такого положения вещей, всячески старались устроить так, чтобы Генрих проводил наедине с Джейн как можно больше времени. Кроме того, было абсолютно ясно, что отношения Генриха и Анны к этому времени себя совершенно изжили — король снова думал о разводе. В конце концов он во всеуслышание заявил, что его «соблазнили и завлекли в этот брак колдовством» и что ему «следует взять другую жену».

Совсем скоро, весной 1536 года, Генрих стал совершенно открыто преподносить Джейн поистине королевские подарки и часто бывал с нею на людях, чем вызывал вполне понятное возмущение королевы. Придворные же спешили засвидетельствовать свое почтение новой фаворитке, так как Анна успела насолить практически каждому представителю английской знати.

После очередного выкидыша в январе 1536 года судьба горе-королевы была предрешена: она была обезглавлена по сфабрикованному обвинению в «государственной и супружеской измене».

На следующий день после казни Анны Генрих и Джейн тайно обручились, а 30 мая в часовне Уайтхолла их обвенчал Томас Кранмер, архиепископ Кентерберийский. 4 июня Джейн во всеуслышание была официально провозглашена королевой Англии, однако с ее коронацией Генрих не спешил: он хотел увериться, что Джейн родит ему наследника.

В качестве королевы Джейн была великолепна: добрая, тихая, благочестивая, к тому же последовательница старой религии. Протестанты слегка побаивались, что новая королева будет влиять на церковные реформы, но Джейн была далека от политики.

Джейн не предпринимала попыток влиять на решения и действия короля. Смыслом ее жизни стало стремление создать для него спокойную и умиротворяющую семейную обстановку. Королева выбрала себе девиз «Готовая подчиняться и служить» и следовала ему до конца своих дней. Почти все время она проводила за рукоделием в компании своих фрейлин, самыми близкими из которых были ее сестра Элизабет и жена Эдуарда леди Энн Сеймур.

Джейн была очень добра, сострадательна и абсолютно неревнива. По ее просьбе король позволил Марии, своей дочери от Екатерины Арагонской, вернуться ко двору, а со временем во дворец привезли и дочь Анны Болейн Елизавету.

Весной 1537 года Джейн сообщила королю о своей беременности. Генрих окружил жену небывалой заботой и исполнял все ее желания. Чтобы порадовать будущую мать, он даже подарил ее брату Эдуарду членство в Тайном совете.

В сентябре королева переехала в Хэмптон-корт, а 12 октября 1537 года исполнила самое заветное желание короля, родив ему наследника — Эдуарда, принца Уэльского. Но через несколько дней состояние королевы ухудшилось, и 24 октября 1537 года она умерла от родильной горячки.

Джейн Сеймур похоронили в капелле святого Георгия в Виндзорском замке. По признанию самого Генриха VIII, она была его любимой женой. В знак этого король завещал похоронить себя рядом с ней.

Барбара Радзивилл

Барбара Радзивилл (1520–1551) — знаменитая литовская красавица, любовница, а впоследствии жена великого князя Литовского и короля Речи Посполитой Сигизмунда II Августа.

Барбара родилась 6 декабря 1520 года предположительно в

Вильно в семье могущественного литовского магната Юрия Радзивилла. Как представительница самого крупного магнатского рода девушка получила прекрасное домашнее образование. О красоте Барбары с ее первых выездов на балы слагали легенды. Она и правда была очень красива, причем не обычной для здешних мест красотой. Ею, естественно, увлекались мужчины, и недостатка в поклонниках девушка не испытывала.

Барбару в семнадцать лет выдали замуж. При этом никто не думал о личном счастье девушки, брак должен был укрепить достаток и процветание рода Радзивиллов. В качестве мужа для наследницы был выбран сын влиятельного литовского магната Альберта Гаштольда, богатый и знатный новогрудский воевода Станислав. При этом учитывалось, что у него не было детей, то есть прямых претендентов на наследство.

Замужество не принесло Барбаре счастья. Ее супруг, будучи человеком преклонного возраста, через четыре года умер, и молодая вдова вернулась в родной дом. Достаток ей был обеспечен, а вот любви и тепла не хватало.

Когда закончился срок траура по супругу, Барбара уже могла позволить себе выезжать и окунулась в светскую жизнь с головой. Да и сами Радзивиллы устраивали многочисленные празднества, не уступавшие в пышности королевским приемам. На этих балах считали за честь бывать практически все влиятельные люди того времени. Появлялся на приемах Радзивиллов и сын тогдашнего короля Речи Посполитой, Сигизмунда I Старого, его тезка.

Молодой человек не мог остаться равнодушным к удивительной красоте 22-летней вдовы. Сигизмунд и Барбара начали тайно встречаться. Первыми о бурном романе своей сестры узнали братья Барбары. Однажды ночью ее родной брат Николай Рыжий и двоюродный — Николай Черный буквально ворвались в покои молодой женщины и застали там Сигизмунда. Ссориться с влиятельным человеком, который, вполне вероятно, мог стать польским королем, Радзивиллы не стали, но поставили условие: сын короля должен оставить их сестру, ведь внебрачная связь может плохо отразиться на репутации не только самой Барбары, но и всего рода Радзивиллов. В противном случае ему, как достойному человеку, придется жениться.

В планы Сигизмунда женитьба на красавице вовсе не входила. Он прекрасно понимал, что этот брак может стать для него препятствием для восхождения на польский трон, ведь Сейм вряд ли обрадовался бы еще большему укреплению клана Радзивиллов на политической арене. Поэтому молодой дворянин пообещал прекратить связь с Барбарой.

Но Сигизмунд не сумел сдержать слово. Он действительно

полюбил эту молодую женщину и был не в силах отказаться от нее. Тайные встречи продолжились.

Очередное рандеву снова прервали братья Барбары и напомнили аристократу о его обещании. Человек слова, Сигизмунд согласился на венчание, но при этом поставил условие — брак должен быть тайным. Радзивиллы без колебаний пошли на это, и молодые люди тайно обвенчались.

Вскоре после церемонии молодоженам пришлось расстаться на полгода — Сигизмунд отправился на Сейм в надежде добиться разрешения на этот брак, а Барбару отослал в имение в Дубинки. Молодожены поддерживали связь, посылая друг другу трогательные письма и маленькие подарки.

В 1548 году Сигизмунд Старый умер, и на трон взошел его сын. Он заявил, что женат, и потребовал признать Барбару Радзивилл королевой Польши. Разразился страшный скандал. Против этого брака выступил не только польский Сейм, опасавшийся засилья Радзивиллов — сторонников полной независимости Литвы, но и мать молодого короля, Бона Сфорца.

На Сигизмунда Августа всячески пытались воздействовать, привлекли для этого влиятельных епископов, которые соглашались признать процедуру венчания недействительной. Но король стоял на своем. Коронация Барбары Радзивилл состоялась только 7 мая 1550 года в Кракове. Она все-таки стала польской королевой.

Трудно сказать, какой была совместная жизнь этих молодых людей. Сложены легенды об огромной любви, которую питал Сигизмунд к своей Басеньке. Они были своего рода польско-литовскими Ромео и Джульеттой. Эта любовь настолько выбивалась из традиций жизни тогдашней аристократии, что над супругами даже втихомолку посмеивались. Хотя это не мешало счастливой чете польских королей наслаждаться друг другом.

Но в 1551 году Барбара тяжело заболела. Ее пытались лечить сначала придворные лекари, затем Сигизмунд настоял на приглашении европейских светил медицины. Королева жестоко страдала, ее тело покрылось зловонными кровоточащими язвами, даже сиделки не могли долго находиться в комнате больной. Тут и проявилась искренняя любовь короля. Сигизмунд постоянно сидел с любимой, как мог, ухаживал за Барбарой и поддерживал ее. 8 мая 1551 года королева умерла.

Сигизмунд не захотел хоронить любимую там, где ее не приняли при жизни. В карете, запряженной шестеркой черных лошадей, король совершил печальное путешествие из Кракова в Вильно. Причем во всех населенных пунктах, встречавшихся по пути, скорбящий король шел пешком, а карета ехала как можно

медленнее.

Естественно, многих интересовало, что же за болезнь поразила неугодную королеву. Подозревали Бону, мать Сигизмунда II Августа. Не стоит забывать, что Бона Сфорца происходила из рода Медичи, знаменитого как раз своими познаниями в различных ядах. Неизвестно, ее ли рук это дело… Но даже после смерти Барбары те, кто хотел более удачного брака для короля, так и не смогли добиться своей цели. Сигизмунд оставался верным своей любимой до самой смерти.

Об этой любви существует множество легенд. В Вильнюсе (Вильно) хранится чудотворная икона Богородицы Остробрамской. Одно из преданий гласит, что икона была написана именно по заказу короля Сигизмунда II Августа с его жены. В пользу данной версии свидетельствует тот факт, что это едва ли не единственная известная икона Богородицы, где она одна, без Христа. Ведь у Барбары Радзивилл не было детей…

Бьянка Каппелло

Бьянка Каппелло (1548–1587) — красивейшая венецианка своего времени, многолетняя любовница, а затем вторая жена великого герцога Тосканского Франческо I.

Бьянка родилась в 1548 году в знатной венецианской семье, ее отцом был патриций Бартоломео Каппелло, а дядей — Гримани, епископ Аквилеи. Девочка рано потеряла мать, ее воспитывала мачеха.

Однажды пятнадцатилетняя Бьянка встретила в церкви симпатичного юношу. Это был Пьетро Бонавентури, банковский служащий в торговом доме Сальвиати. До молодого человека дошли слухи о необычайной красоте дочери патриция Бартоломео Каппелло и он решил во что бы то ни стало увидеть девушку. Пьетро украл деньги, купил пурпурно-красные шелковую куртку и берет и стал искать встречи с Бьянкой. И когда девушка после службы выходила из собора Святого Марка, юноша попался ей на глаза. Бьянка и Пьетро полюбили друг друга с первого взгляда. Юноша представился как Пьетро Сальвиати.

Бьянку Каппелло держали в строгости. От своей умершей матери, урожденной Морозини, Бьянка получила богатое наследство, и отец мечтал выдать ее замуж за достойного человека — она была обручена с сыном дожа Приули. Домашнюю жизнь девушки сделала суровой мачеха. Ей не разрешали даже показываться у окон, выходивших на канал. Бьянка вознаграждала себя тем, что каждый вечер подходила подышать

воздухом к маленькому высокому окну, обращенному на улицу, где жил Пьетро. При помощи знаков юноше удалось признаться в любви, но проникнуть в палаццо он никак не мог — любовникам грозила бы смерть, если бы их поймали. Но страсть заставила Бьянку достать ключ от калитки и устроить свидание с молодым человеком.

Какое-то время девушка беспечно наслаждалась своим счастьем. Но вот она с ужасом поняла, что ждет ребенка. Законы венецианского общества были очень суровыми и обрекали на изгнание и отлучение от церкви девушку, которая без брака отдавалась любимому. Единственным спасением для них с Пьетро стало бегство. Пара бежала на родину юноши — во Флоренцию. Там, во время обручения в церкви, Бьянка узнала, что возлюбленный обманул ее и представился при знакомстве чужим именем.

В Венеции разразился скандал. Высший Совет под председательством дожа собрался на суд. Совратитель Бьянки Пьетро Бонавентури был единодушно приговорен к смертной казни. За поимку беглецов назначили награду в 1000 дукатов. Такую же сумму со своей стороны назначил глубоко оскорбленный отец Бартоломео Каппелло — дочь тайком прихватила из дому все драгоценности.

Несмотря на то что за ними шла охота, беглецы добрались до родителей Пьетро и поселились у них. Девушка быстро разочаровалась в родственниках мужа. Старшие Бонавентури ненавидели жену своего сына. Бьянка научилась молчать и терпеть. Она родила дочь, но положение молодых людей не менялось. Их по-прежнему разыскивали, супруги не могли выходить на улицу. Все это изменило Бьянку: она стала жестче и расчетливее. Но лишения не коснулись ее внешности, наоборот, после рождения дочери ее красота расцвела.

Однажды молодая женщина забыла об осторожности и выглянула в окно. В это время мимо проезжал дворянин на лошади. Он был просто сражен красотой незнакомки. С этого момента богатый и влиятельный дон Франческо де Медичи не мог забыть ее и сох от любви. Одна из его придворных дам вызвалась стать посредницей и отправилась к Бьянке.

Она стала любовницей Франческо. Тот, наследник и фактический правитель Флоренции, начал заниматься делами Бьянки. Для начала с помощью флорентийского посланника в Венеции и папского нунция он уладил большинство проблем Бьянки и ее мужа с Венецией и даже способствовал тому, чтобы ей выдали наследство ее покойной матери. С тех пор жизнь беглецов полностью изменилась: пара поселилась на вилле, дон

Франческо выхлопотал для супругов вид на жительство. Бьянка стала хладнокровной и расчетливой. Пережив нищету, теперь она мечтала о богатстве. И для этого она решила стать женой дона Франческо. Но она была замужем, а католическая церковь не признавала разводов. К тому же отец дона Франческо, герцог Козимо, категорически не одобрял увлечения сына. Ведь Франческо де Медичи накануне знакомства с Бьянкой собирался жениться: отец выбрал ему в супруги эрцгерцогиню Иоанну Австрийскую, сестру императора Максимилиана, для укрепления союза с Габсбургами. Герцогиня была очень знатной, но не особо привлекательной. Узнав о матримониальных планах герцога Козимо, Бьянка предоставила Франческо полную свободу. Но этим она еще крепче привязала к себе влюбленного аристократа.

Во время свадебных торжеств, проходивших во Флоренции с необычайной пышностью, на знатную венскую герцогиню почти не обращали внимания. Зато Бьянка просто блистала. И бледная женщина, сидевшая на троне, никак не могла быть ей соперницей. Франческо тоже понял это очень скоро: уже через несколько дней после свадьбы он отправил к Бьянке своих придворных с ценными подарками. Это означало, что только ее он признает повелительницей своего сердца. Бьянка снова стала его любовницей, но ее притязания на этом не заканчивались, конечной целью был дворец герцога — воплощенное в камне могущество Медичи…

Франческо потерял голову от любви, а Бьянка немного скучала. Ведь и в Венеции, и во Флоренции она вынуждена была вести жизнь затворницы. Герцог под разными предлогами увеличивал состояние ее мужа, и постепенно ему удалось привязать к себе Бьянку.

Муж Бьянки Пьетро Бонавентури получил от Франческо высокую должность в правительстве и большое жалование. Он вел разгульную жизнь. Шикарно разодетый, сорящий деньгами, Бонавентури проводил дни и ночи в будуарах флорентийских дворянок. И однажды ночью, когда Пьетро возвращался от знатной флорентийки Кассандры Риччи, его зарезали. Нападение, естественно, было подстроено и, как говорят, не без покровительства герцога.

Бьянка была потрясена — ведь, несмотря ни на что, Пьетро был отцом ее ребенка. Дон Франческо был доволен, что Бьянка стала вдовой, и поклялся, что женится на ней, когда тоже станет свободным. Любовница успокоилась. По ее просьбе преследование убийц Пьетро прекратили.

Герцог поселил пассию в доме недалеко от своей официальной резиденции. Некоторое время отношения Бьянки и

Франческо не афишировались, но в 1566 году она была представлена ко двору.

В 1569 году по указу папы Пия V Козимо стал великим герцогом Тосканским. Все итальянские властители заявили протест, но это ни к чему не привело.

Бьянка подружилась с римским кардиналом Фердинандом, братом Франческо, и их сестрой Изабеллой, женой Джордано Орсини. У нее было завидное самообладание, железная выдержка облегчала ей жизнь, и Бьянка никогда не позволяла себе расслабиться.

Между тем герцог Козимо умер, и великим герцогом Тосканским стал Франческо. Он засыпал свою фаворитку ценными подарками. Обычно довольно скупой, для нее он не жалел денег.

Теперь связь Франческо с Бьянкой уже не скрывалась. Законная супруга герцога Иоанна безуспешно жаловалась в письмах своему брату, императору Священной Римской империи, на любовницу мужа. Современники описывали случай, когда женщины случайно встретились на мосту Ла-Тринита, и только вмешательство графа Гелиодоро Костелли не дало Иоанне отдать приказ слугам столкнуть Бьянку в реку. Иоанна была скучной и очень надменной женщиной. Но кроме несимпатичного супругу характера дополнительной бедой жены герцога было то, что она не могла принести ему наследника (у нее родилась дочь — Мария Медичи, будущая королева Франции).

Бьянка написала в Рим кардиналу Фердинанду, что подарит своему повелителю сына. С помощью подкупленных врачей и двух служанок Бьянка устроила грандиозную аферу — она объявила герцогу о своей беременности. Когда пришло время «родов», служанка принесла в футляре от скрипки купленного младенца. Флоренцию облетела весть: «Донна Бьянка родила мальчика!» Это было в конце августа 1576 года. В честь рождения сына Бьянка распорядилась устроить особенно пышный праздник. К вечеру в ее дворце собрались лучшие артисты и циркачи. Она хотела обставить этот праздник как можно более изысканно, чтобы еще раз очаровать герцога. Франческо был доволен. Он признал мальчика своим бастардом и принял в семью как Антонио де Медичи, купив ему за 200 тысяч дукатов земельные владения в Неаполитанском королевстве.

Бьянка написала в Венецию своему отцу и получила ответ, в котором Бартоломео Каппелло был готов наладить отношения со своей могущественной дочерью. Вскоре он нанес ей визит. В знак примирения Бьянка купила отцу дом в Венеции.

В 1577 году великая герцогиня родила сына Филиппа.

Ликование народа было неслыханным. И Франческо был счастлив. Скупой герцог даже приказал на радостях раздавать деньги народу. После рождения маленького принца Бьянка сочла необходимым на некоторое время покинуть Флоренцию, но герцог жить без нее не мог, и когда эйфория от рождения законного наследника у него прошла, он призвал любовницу обратно, засыпав и ее, и Антонио подарками. В этой разлуке Бьянка пережила едва ли не самые трагичные часы своей жизни.

Торжество Иоанны как матери наследного принца было недолгим. Она умерла при родах 11 апреля 1578 года. Флорентийцы были расстроены пренебрежением, проявленным новоиспеченным вдовцом к покойной жене. Бьянка также проявила мало деликатности: когда похоронная процессия проезжала мимо ее дома, она высунулась из окна, а герцог, увидев любовницу, салютовал ей. В начале июня вдовец Франческо тайно обвенчался с Бьянкой.

Франческо был уязвлен и оскорблен враждебным отношением народа и знати к Бьянке и согласился с планом, который она ему предложила. Она решила послать в Венецию тосканских дворян Сфорца и официально объявить сенату о своем замужестве. В то же время она хотела просить сенат признать ее «Дочерью Республики». С этим титулом Бьянка Каппелло могла возвыситься над всеми итальянскими принцессами, так как становилась в ряды высшей знати. И ее план удался. Итальянские властители не могли ничего возразить против коронации Бьянки. Могущественная Венецианская республика присвоила ей наивысший титул. Отцу и сыну Каппелло был присвоен титул рыцарей Золотой Звезды. В октябре, как только позволили приличия соблюдения траура, во Флоренции состоялось торжественное официальное бракосочетание и коронация Бьянки, на которое были потрачены колоссальные суммы.

И все это было делом рук умной женщины. Только ее железной воле, ее хитрости, ее гибкости в щекотливых дипломатических отношениях, ее безграничному терпению можно было приписать весь этот огромный успех.

Бьянка вызывала ненависть подданных своего мужа и даже заслужила прозвище Колдунья. Смерть сына Франческо Филиппа в 1582 году приписывали ее яду, не говоря о кончине герцогини Иоанны. Но репутация колдуньи могла быть связана и с тем, что Бьянка, по воспоминаниям современников, очень интересовалась химическими исследованиями и приборами Франческо и прекрасно в них разбиралась, что в глазах необразованных людей могло нанести ущерб ее репутации.

Франческо и Бьянка умерли почти одновременно после

торжественного обеда в честь очередного примирения с братом — кардиналом Фердинандо, который стал наследником герцогства после смерти сына Иоанны. На этом последнем обеде, состоявшемся 8 октября 1587 года, присутствовал также архиепископ Флоренции. Современники намекали на отравление, хотя доктора поставили диагноз «малярия». Франческо скончался 19 октября, его жена — на следующее утро.

Герцог был похоронен рядом с Иоанной в семейном склепе в базилике Сан-Лоренцо. А место захоронения Бьянки неизвестно. Ее похоронили отдельно: из-за ненависти, которую она вызывала у кардинала Фердинандо в течение долгих лет, он воспрепятствовал ее погребению вместе с мужем.

Мари Туше

Мари Туше (1549–1638) — многолетняя фаворитка короля Карла IX, у которой было от него два сына.

Мари родилась в 1549 году в Орлеане. Она была дочерью лейтенанта Жана Туше, служившего помощником наместника в Орлеанском суде, и его жены Марии Мати. Мари была привлекательна, умна и жизнерадостна. У нее были круглое лицо, живые глаза красивого разреза, симпатичный нос, маленький рот и прекрасно очерченная нижняя часть лица. Неудивительно, что молодой Карл IX, встретив девушку в Орлеане на охоте осенью 1566 года, заинтересовался ею. Сохранился портрет Туше кисти Клюэ, глядя на который понятно, что король увлекся довольно упитанной барышней с красивыми плечами и великолепным бюстом. Карл в ту же ночь затащил ее в постель.

Эта ночь сыграла в судьбе Мари решающую роль. Видимо, фламандка прекрасно показала себя в любовных играх, потому что на следующий день влюбленный король попросил свою младшую сестру Маргариту взять Туше к себе камеристкой, чтобы она могла повсюду ездить с королевским двором.

С тех пор юная орлеанка сопровождала Маргариту, и король мог постоянно видеться с ней. Карл прогуливался со своей пассией в рощах и парках Амбуаза, Шамбора, Блуа… Король был пылко влюблен и постоянно изливал девушке свои чувства. От природы угрюмый и на редкость жестокий человек, со своей любовницей он был ласков и деликатен. Однажды он явился к Мари и показал маленький листок бумаги, на котором девушка прочла: «Я околдовываю все». Туше недоумевала. Король пояснил: «Это анаграмма вашего имени, которую я только что придумал».

Но бурных ночей с королем и постоянных проявлений

нежности с его стороны пылкой Мари, видимо, было недостаточно: она не прекратила отношений с первым любовником, Блезом де Монлюком.

Королю рассказали об этой связи. Карл ужасно расстроился и решил выяснить, любит ли Мари соперника. Однажды вечером монарху сообщили, что его любовнице передали письмо от Монлюка и она прячет его в кошельке, подвешенном на поясе. Король тут же придумал план. Он заявил, что устраивает обед и приглашает хорошеньких дам. Конечно, Мари была тоже приглашена. Тем временем Карл приказал капитану своей гвардии привести к нему несколько ловких карманников. Воры должны были незаметно срезать кошельки с пояса всех дам, сидевших за столом, и передать доверенному человеку короля.

Когда стол был накрыт, монарх посадил Мари Туше рядом с собой, чтобы она не успела перепрятать письмо, которое ему так хотелось получить. Карманники справились со своей задачей, и доверенный человек отнес добычу в спальню короля. Карл прекрасно знал кошелек любовницы. Он поспешно открыл его и нашел письмо, о котором ему говорили.

На другой день король показал письмо своей неверной пассии. Та пыталась отпираться и уверяла короля, что письмо адресовано не ей: там не было подписи. К сожалению, она не могла не признать остальных вещиц, лежавших в ее кошельке вместе с письмом, и в конце концов во всем призналась, рыдая и умоляя о прощении. В письме не было ничего важного, и король пообещал обо всем забыть, если Мари даст слово решительно порвать с Монлюком. Обрадовавшись, что так легко отделалась, красавица поклялась никогда больше не встречаться с этим человеком и сдержала свое слово.

После этой истории Карл еще больше полюбил Мари. Он очень хотел ее покорить, решив приложить все силы для этого: заняться политикой, стать ярким деятелем, мудро управлять государством — в общем, сделаться настоящим королем, несмотря на враждебное отношение королевы-матери Екатерины Медичи, желавшей править безраздельно.

Польщенная тем, что любовник повел себя как настоящий мужчина, Мари поддержала его. Ее влияние на Карла заметно возросло, особенно в вопросах религии. Она была гугеноткой, и ей казалось, что дружеское сближение Карла IX и протестантских вождей может в конце концов привести к примирению, а значит, и к общему миру в стране.

По совету любовницы король благосклонно отнесся к адмиралу Колиньи, с которым Екатерина в то время вела переговоры. Но старый адмирал был большим хитрецом: ему

удалось склонить на свою сторону Карла и вовлечь в свою игру. Стремившийся понравиться Мари король дал Колиньи обвести себя вокруг пальца, и адмирал в обмен на приветливые улыбки и пустые обещания добился больших уступок. В самый разгар преследований протестантов Колиньи умудрился войти в состав частного совета короля, а также получить аббатство с доходом в двадцать тысяч ливров и сто пятьдесят тысяч ливров в дар. Его влияние при дворе вскоре стало таким значительным, что Екатерина Медичи забеспокоилась. Королева-мать догадывалась, что Колиньи обязан этим именно Мари Туше. И Екатерина, чтобы устранить орлеанку, решила женить Карла на австрийской принцессе Елизавете Габсбург.

Елизавета считалась тогда красивейшей принцессой в Европе. Обаятельная изящная блондинка сразу влюбилась в своего супруга. Несмотря на это, Карл не мог забыть о пышных прелестях Мари и при первой же возможности помчался в Орлеан, куда ей пришлось возвратиться.

Увидев его, Туше поняла, что жена Карла ей не соперница. И оказалась права, потому что король никогда больше с ней не расставался. Так что, вопреки всем надеждам королевы-матери, Мари сохранила свое влияние на короля, а Колиньи продолжал пользоваться милостями, словно был принцем крови.

В 1574 году здоровье Карла IX резко ухудшилось. Больного короля перевезли в Венсенский замок, считавшийся тогда местом отдыха. Однажды вечером Мари Туше пришла проведать его и осталась ночевать. Как утверждал один из историков, Карл ускорил свою смерть любовными утехами. Эта ночь стала последней для больного туберкулезом короля. 30 мая 1574 года в возрасте двадцати трех лет Карл IX умер.

У Карла и Мари было двое детей. Один сын умер в детстве, другой, Карл Валуа, получил титул герцога Ангулемского.

После смерти возлюбленного Мари Туше возвратилась в Орлеан и в 1578 году вышла замуж за Франсуа де Бальзака, маркиза д'Антрага, который был там губернатором. От этого брака она родила двух дочерей. Одна из них, маркиза де Верней, сделалась фавориткой Генриха IV, другая — маршала де Бассомпьера. Мари Туше прожила долгую и счастливую жизнь и умерла в 1638 году в возрасте 89 лет.

Баффо

Баффо (1550–1603) — венецианка, захваченная в плен турецкими корсарами, попавшая в гарем султана Мурада III, мать

Мехмеда III. Впоследствии во время правления Мехмеда носила титул валиде-султан (мать султана) и являлась одной из важнейших фигур в Османской империи.

София Баффо родилась в Венеции и была родственницей венецианского сенатора и поэта Джорджио Баффо. Ее мать умерла во время эпидемии чумы. Отец Софии получил назначение губернатором на остров Корфу, тогда принадлежавший Венеции. Опасность, угрожавшая этому острову со стороны турок, и неразбериха в управлении требовали от губернатора энергичности, решительности и храбрости, и всеми этими качествами, по мнению венецианской синьории, обладал Баффо. Синьор Баффо собрал свое имущество и вместе с дочерью, юной красавицей, которую Тициан не отказался бы взять в натурщицы для своей Венеры, погрузился на фрегат.

В ясный февральский день 1565 года в Отрантском проливе небольшую венецианскую флотилию атаковали турецкие корсары. Они поджидали европейские суда и нападали на них. Груз захваченного корабля доставался победителям, храбрых пленников, сражавшихся с корсарами, ожидала казнь, остальных — рабство. Женщин и детей продавали в гаремы пашей и султанов.

За час до рассвета несколько оружейных выстрелов сверкнули на галере, следовавшей за фрегатом. Затем послышались вопли корсаров, настигавших свою добычу. Два часа шел кровопролитный бой, но турки одержали полную победу. Капитан фрегата был убит, из двадцати человек свиты губернатора Баффо в живых осталась половина, и те были ранены. Старый синьор во время абордажа оказался за бортом и утонул в волнах. Туркам достался фрегат и караван губернаторских галер. Кроме молодых служанок дочери Баффо корсары нашли тюки драгоценных тканей, парчи, бархата, ящики с серебряной посудой, оружие… Но самым ценным сокровищем была дочь Баффо, попавшая в плен к победителям.

Через некоторое время после этого страшного дня синьорина Баффо, облаченная в богатейший восточный наряд, осыпанный бриллиантами и жемчугами, сияющая своей свежей красотой, была представлена турецкому султану Мураду III. Когда его мать, валиде-султан, сняла с прелестной венецианки покрывавшую ее с головы до ног кисейную чадру, повелитель правоверных просто онемел. На долгое время она стала единственной фавориткой, получив имя Сафие, что в переводе с турецкого означает «чистая». Ради нее он забыл весь свой гарем с десятками наложниц со всего земного шара. В течение первого года жизни в султанском гареме Баффо сумела совершенно подчинить своему влиянию внука

Сулеймана Великолепного, сына Селима II Пьяницы. При этом Мурад III вел непрерывные войны с ее родиной; кроме Венеции, ему подчинялась Венгрия, данницей султана была и Австрия.

Любовь Мурада к Баффо возрастала с каждым днем, а после рождения сына-первенца уже не имела границ. Когда его отец стал султаном в 1566 году, Мурад отправился наместником в провинцию, и любимая наложница отбыла вместе с ним. Считается, что такая преданность наследника, а после и султана Сафие была обусловлена проблемами с потенцией, которые она умела как-то преодолевать.

Обитательницы султанского дворца невзлюбили венецианку. Желая уверить сына, что он околдован Баффо, валиде-султан усердно принялась наговаривать ему на любимицу и обвинять в колдовстве. (Кстати, София Баффо приходилась родственницей своей свекрови, Нурбану Султан — до того, как она попала в гарем, ту звали Сесилией Баффо.) Сначала Мурад отвечал смехом, потом начал задумываться; наконец, действительно видя в своих чувствах к Сафие что-то сверхъестественное, решил провести следствие.

Султан, не сказав ни слова своей любимице, велел арестовать и пытать ее служанок. Их допрашивали о соучастии в чародействе Баффо. Пять прислужниц Сафие погибли от истязаний, других изувечили, но ничего подозрительного не узнали. Стыдясь своего легковерия и желая вознаградить Баффо за подозрения, Мурад объявил матери и членам дивана, что намерен предоставить своей любимой такие же права, какие Сулейман I предоставил Роксолане. Никто не осмелился ему возразить.

Мурад не сделал Сафие своей официальной женой (при этом в своем труде крупнейший османский историк Мустафа Али называет ее женой султана). Посол Морозини в 1585 году писал, что хотя Сафие не является официально женой султана, все ее так называют. Ее вознесению на высоту, недостижимую для женщины Востока, кроме красоты, в немалой степени способствовало умение приспосабливаться к характеру султана и потакать его слабостям. Главными страстями Мурада были сластолюбие и скупость. Баффо, неутомимая в ласках, при каждом удобном случае стремилась угодить Мураду или сокращением каких-нибудь дворцовых расходов, или предложением экономических реформ, или, наконец, указанием на новый источник дохода. По ее советам гарем был сокращен на две трети; цветы и фрукты из садов сераля продавались частным лицам, и вырученные деньги поступали в султанскую казну; подарки и денежные награды чиновникам были заменены милостивыми словами и похвалами повелителя правоверных; многие должности были упразднены,

жалованье войскам — уменьшено… Все это вызывало недовольство среди подданных, в войсках начался ропот.

Точных данных о количестве детей Сафие нет. Ко времени восшествия Мурада на престол у него было две дочери (Айше и Фатма) и два сына (Мехмед и Махмуд). В 1581 году или немного раньше Махмуд умер, что ставило династию под удар, так как Мехмед еще не имел детей.

Сафие-султан была вынуждена разделять свое влияние на повелителя с его матерью, Нурбану. То обстоятельство, что свекровь приходилась ей родственницей, никак не смягчало их взаимную вражду — венецианки постоянно воевали друг с другом за лидерство как в государственных делах, так и в делах гарема. Победила молодость, и в 1583 году, после смерти свекрови, Сафие смогла заняться исключительно укреплением позиций в качестве наследника своего единственного сына Мехмеда, которому тогда только исполнилось 15 лет. А причины для беспокойства у нее имелись — невероятно растолстевший к тому времени султан был недоволен популярностью старшего сына у янычар и опасался, что тот свергнет его с престола. Так что целых 12 лет, вплоть до смерти повелителя Блистательной Порты в январе 1595 года, Сафие опасалась за жизнь сына, отслеживая и предупреждая попытки убить его.

Со смертью Мурада III могущество султанши Баффо не уменьшилось, более того, в лице ее сына Мехмеда III она была настоящей государыней и правительницей империи. По ее совету Мехмед ознаменовал свое восшествие на престол удавлением девятнадцати своих братьев и утоплением десяти одалисок, оставшихся после Мурада в интересном положении (очевидно, после вступления на престол Мурад излечился от импотенции, потому что с тех пор он не отличался приверженностью к моногамии и после смерти оставил 20 сыновей и 27 дочерей). Это зверство, по мнению Баффо, было необходимо. Оно устраняло возможность свержения нового султана одним из его сводных братьев. Усыпляя в своем сыне всякое стремление к государственной деятельности пирами, праздниками и ласками его многочисленных наложниц, Баффо управляла империей с умом и тактом, которым мог бы позавидовать самый талантливый государственный деятель. Помимо непосредственного управления делами империи валиде-султан переписывалась с европейскими монархами — в том числе, королевой Великобритании Елизаветой I, которая подарила ей настоящий европейский экипаж. В этом экипаже Сафие любила кататься по городу, вызывая потрясение подданных, не привыкших к такому скандальному поведению женщин, даже правительниц. Баффо

имела важное преимущество перед Роксоланой: она не ограничивалась семейными интригами, без устали занимаясь политическими делами. Тем более что подвиги Мехмеда III в Венгрии напомнили ей времена Сулеймана.

Но известие о раскрытии заговора в Константинополе заставило Мехмеда поспешить с возвращением на родину, чтобы учинить в столице суд и расправу. Организатором заговора, как оказалось, был младший сын Баффо Селим, без ведома матери намеревавшийся свергнуть брата и провозгласить себя султаном. Баффо могла бы вымолить ему прощение, однако не пощадила мятежника, и Селим в 1600 году был повешен. Казнь Селима, нисколько не устрашившая заговорщиков, лишь заставила их быть осторожнее, и заговор тлел, как огонь под золой. Главной целью мятежников было удаление Баффо от участия в государственных делах и предоставление неограниченной власти самому султану.

Баффо могла предотвратить готовившийся бунт, но эта женщина в свои 50 лет держалась за власть с редким упрямством и готова была предпочесть смерть своему изгнанию. Положение султана было щекотливым: победитель венгров и австрийцев робел и перед своей матерью, и перед народом. Он не мог не понимать, что требования народа справедливы, что женщина во главе правительства страны, где религия лишает женщину всяких прав, — явление непозволительное… Но Мехмед не мог убить свою мать.

Тем временем заговор распространился по всей империи, проник в азиатские области и угрожал революцией. Народ не отважился бы на восстание, если бы не имел надежной поддержки у янычар. Бунт вспыхнул летом 1602 года почти одновременно в европейских и азиатских владениях султана. В течение нескольких дней в Константинополе царили резня, грабежи, пожары и прочие ужасы. С этого дня Мехмед правил сам. Визирь и многие паши по повелению султана были повешены, и их смерть усмирила народное волнение в Константинополе…

Умерла знатная венецианка, достигшая высших титулов и почестей в чужом ей государстве, примерно в 1603 году, в возрасте около 53 лет, в изгнании. Ее сын султан Мехмед III, за власть которого она плела интриги всю свою жизнь, пережил мать всего на несколько месяцев, скончавшись в декабре того же 1603 года, в возрасте всего 35 лет, от сердечного приступа. Мятежи в азиатских областях продолжались до самой смерти Мехмеда.

Диана д'Андуэн

Диана д'Андуэн (1554–1620) — единственная дочь виконта Лувиньи, одна из возлюбленных Генриха IV. За красоту в честь героини цикла рыцарских романов об Амадисе девушку прозвали Прекрасной Коризандой.

О любвеобилии Генриха слагались легенды. Ему приписывают фразу «Иметь одну женщину — значит, ударяться в целомудрие», которая в полной мере характеризует признанного ловеласа. Список любовниц Генриха насчитывает более 50 дам, однако статуса официальной фаворитки удостоились лишь некоторые из них.

В столице Наварры Нераке началась большая любовь Генриха к молодой вдове Диане д'Андуэн, графине де Грамон. Диана была ровесницей короля и подругой его сестры Екатерины Бурбон. Это была женщина лет двадцати четырех, белокурая, как мадонна Рафаэля, и белокожая, будто лилия — северный цветок, пересаженный под южное небо, голубоглазая красавица с насмешливой улыбкой. Кроме красоты и ума она отличалась мужеством и бескорыстностью. В тринадцать лет Диану выдали замуж за Филибера Грамона де Гиша, беарнского сенешаля. Генрих влюбился в Диану с первого взгляда, но, как утверждают мемуаристы, она была верной женой и ответила королю взаимностью только после смерти мужа в 1580 году. Красавица не только стала любовницей молодого монарха, но и заменила ему мать — впервые после смерти королевы Жанны д'Альбре Генрих мог довериться любимой женщине, не опасаясь предательства и притворства.

Но есть и другая версия событий: якобы еще до вдовства Диана, пустив в ход свои чары, ловко окрутила короля Наваррского, при этом он дал возлюбленной письменное обязательство, подписанное кровью, жениться на ней и предлагал признать ее сына от герцога Грамона — Антония.

Один из современников писал, что фаворитка имела над королем неограниченную власть и в праздничные дни «ходила в церковь со своим сыном от Генриха в сопровождении пажа, пуделя и шута». В отсутствие жены Генриха королевы Маргариты (супруги подолгу жили отдельно) Диана разыгрывала роль почтенной матери семейства, и король Наваррский был весьма эффектен в роли отца.

Во время кровавой вражды между католиками и гугенотами, религиозных войн, образно названных историками «войной трех Генрихов», король особенно сблизился с Дианой. Прекрасная Коризанда помогала своему возлюбленному не только словом, но и делом, не одними советами, а зачастую и деньгами, закладывая для формирования войск и покупки лошадей свои драгоценности

и владения. В войне против Лиги она предоставила в распоряжение Генриха все свое немалое состояние. Король хотел даже развестись с женой, Маргаритой Валуа, чтобы жениться на Диане, но его отговорили от этого шага.

В июне 1584 года умер Франциск, герцог Алансонский. Примерно через два года Генрих, ставший наследником французского престола, твердо решил жениться на любовнице, оправдывая себя тем, что может назвать как минимум тридцать монархов, женившихся на женщинах ниже их по происхождению. Однако д'Обинье возразил королю и перечислил причины, по которым этот брак лучше было отложить: Генрих де Бурбон, король Наварры, наследник французской короны и покровитель церквей, должен заботиться о чести своей фамилии и об интересах государства, быть примером строгого соблюдения закона и уставов церкви. Смерть герцога Алансонского приблизила его к трону, так не стоит останавливаться на середине пути. Д'Обинье поддержал Тюренн, пытавшийся отвлечь короля от женитьбы военными проблемами. В конце концов Генрих решил отложить женитьбу на Диане де Грамон на пару лет.

В марте 1586 года, захватив несколько знамен в битве у стен Кастеля, Генрих привез эти трофеи Диане, чтобы отдохнуть в ее объятиях. После кровопролитной битвы при Кутрасе 20 октября 1586 года король Наваррский, вместо того чтобы развивать успех, снова поспешил с захваченными знаменами к своей Прекрасной Коризанде. Для Генриха любовные интриги стали делом жизни, а война — развлечением.

Письма короля к любовнице свидетельствуют о том, что у него не было от Дианы никаких секретов. Он писал фаворитке о битвах и политических замыслах, опасениях и надеждах, делах настоящего и мечтах о будущем… Письма короля проникнуты любовной поэзией, это тем более удивительно, учитывая, что отношение Генриха к Коризанде было грубо чувственным… В своих письмах король Наваррский, словно влюбленный юноша, пытался напугать возлюбленную рассказами об угрожавшей ему смерти, о своих душевных и телесных страданиях, пытаясь вызвать у Дианы горячее сочувствие. Ну и, разумеется, мужчина, стремясь угодить любовнице, ругал свою законную жену. Генрих в письмах к графине де Грамон выражал желание свернуть Маргарите шею, молил Бога о скорейшей ее смерти. Король также уверял фаворитку: «Верность моя безукоризненна… Не сомневайтесь в моей верности — она, если только это возможно, усиливается… Люблю вас и до гроба буду вам верен… Не сомневайтесь в верном вашем рабе — он никогда не изменит…»

Понятное дело, эти клятвы не мешали ему наслаждаться ласками других женщин. Хотя в какой-то момент король желал жениться на своей пассии, его чувства не хватило надолго — Генрих унаследовал не только упорство матери, но и любвеобильность отца.

Начало охлаждения короля Наваррского к Диане совпало по времени с его восшествием на французский престол в 1589 году. Генрих — наследник престола обожал Диану, но Генрих IV — король Франции бросил ее. Любовь стала остывать после смерти их сына, одновременно с угасанием в сердце короля родительских чувств. В своих последних письмах к фаворитке король без церемоний осуждает намерение своей сестры вступить в морганатический брак. Этот грубый намек разрушил мечты Прекрасной Коризанды о браке с Генрихом IV. Король просил любовницу помочь избавить его сестру Екатерину от любви к графу Суассонскому и устроить ее брак с королем Шотландским. Но графиня де Грамон, наоборот, помогла влюбленным. Екатерина дала письменное обещание выйти за графа Суассонского и вышла бы за него, если бы министр Пальма Кайе не расстроил этот брак. Как мы помним, связанный с Дианой таким же документом, Генрих IV попросил своего верного слугу герцога де Сюлли добыть у фаворитки письменное обязательство сестры, данное графу Суассонскому. Сообразительный Сюлли добыл сразу два документа и избавил короля от больших неприятностей. Освобожденный от обязательств Генрих вздохнул свободнее и в марте 1591 года решил оборвать переписку с Дианой, еще и обвинив ее напоследок в умысле рассорить его с сестрой.

Брошенная фаворитка оставила двор. Покинутая всеми, она умерла в 1620 году.

Габриэль д'Эстре

Габриэль д'Эстре (1573–1599) — герцогиня де Бофор и де Верней, маркиза де Монсо, официальная фаворитка Генриха IV.

Габриэль родилась в 1573 (по другой версии, в 1570) году и была шестой из восьмерых детей начальника артиллерии Антуана д'Эстре. Маркиз д'Эстре был честным гражданином, хорошим солдатом и добрым католиком. Большую часть своей жизни он провел в походах. Но супруга маркиза, Франсуаза, урожденная Бабу де ла Бурдезьер, принадлежала к семье, женщины которой издавна славились во Франции своим легкомыслием. Не менее двадцати пяти представительниц прекрасного пола из этого рода,

некоторые замужние, некоторые — посвятившие себя служению Богу, не стесняясь ни положения, ни сана, открыто имели по нескольку любовников.

В шестнадцать лет девушку вполне заслуженно называли «прекрасная Габриэль». Замечательная фигура, высокая грудь, чудесный цвет лица, красивые белокурые волосы, выразительные голубые глаза, чувственные губы… Обладая такой внешностью, в образовании девица не нуждалась. Говорят, в ее библиотеке была всего одна книга — часослов, да и ту красотка листала нечасто.

Мать при посредничестве герцога д'Эпернона предложила прекрасную Габриэль королю Генриху III. Сводник так расписал красоту девушки, что возбудил в холодном к женским ласкам монархе желание обладать ею. И вскоре через другого королевского вельможу, маршала Монтиньи, король послал маркизе д'Эстре 6000 экю. Посланник, посчитав плату слишком высокой, 2000 взял себе за услугу. В итоге невинность Габриэль была продана всего за 4000 экю. Но Генрих III недолго наслаждался объятиями юной любовницы — королю девушка не понравилась, она напоминала монарху его нелюбимую жену Луизу.

Внимание короля подняло престиж Габриэль. Маркиза д'Эстре предложила свою дочь итальянцу-финансисту и тайному агенту герцога Тосканского Себастьяну Замету, но не сошлась с ним в цене. Зато Людовик де Гиз, кардинал Лотарингский, сразу влюбился в красавицу. Его страсть длилась около года. После этого Габриэль несколько раз перепродавалась. Так, переходя из рук в руки, молодая женщина стала любовницей конюшего Генриха III, красавца герцога де Бельгарда, которого и сама полюбила. Король, всячески угождавший фавориту, осыпал любовников своими милостями.

В смутное время воцарения Генриха IV мать увезла прекрасную Габриэль в родовой замок Кевр, расположенный недалеко от Манта, ставшего негласной столицей Франции после того, как парижане отказались открыть ворота города королю-гугеноту. Герцог де Бельгард, перешедший на службу к Беарнцу, лишь иногда мог навещать любовницу, жившую в замке с семьей. Но в Кевре прекрасная Габриэль вовсе не скучала в одиночестве, даря свои ласки соседним дворянам.

Однажды Бельгард похвастал достоинствами своей любовницы перед Генрихом IV. Он так живо описал ее, что король-гугенот заочно влюбился в прекрасную Габриэль и на следующий день отправился в Кевр вместе с герцогом. Габриэль с первого взгляда очаровала Генриха IV. Бельгард горько пожалел о своей ошибке, но было поздно. Влюбленный монарх не хотел,

чтобы она принадлежала другому, и ревниво оберегал свое сокровище. На следующий день перед отъездом Генрих IV взял слово с маркиза д'Эстре в ближайшем будущем вместе с дочерью приехать погостить в Мант.

Пока король Франции завоевывал свое королевство, не имея возможности овладеть Парижем, прекрасная Габриэль, проживавшая уже в Манте, снова возобновила связь с Бельгардом, который долго на это не соглашался, не желая обманывать доверие короля, и с герцогом де Лонгвилем, мало беспокоившимся о Генрихе. При первой же встрече с королем д'Эстре объявила, что любит герцога де Бельгарда и тот обещал на ней жениться, а на следующее утро красавица в сопровождении двух слуг возвратилась в Кевр. Влюбленный король поспешил за ней. Такое путешествие в то время было для него достаточно опасным, и мили за три до замка король переоделся в крестьянскую одежду, прихватил мешок соломы и с ним на спине вошел в Кевр. Прекрасная Габриэль была поражена, увидев монарха в таком виде. Но не оценив его жертву и не желая отвечать на его любезности, резко объявила: «Государь, вы так некрасивы в этом наряде, что мне противно смотреть на вас!..» И захлопнула дверь перед самым носом Генриха Наваррского.

Но маркиз д'Эстре, которого король осыпал незаслуженными почестями, отправил дочь обратно в Мант, что несколько приободрило короля. Отец Габриэль считал положение достаточно щекотливым и, чтобы снять с себя ответственность, решил выдать дочь замуж за богатого и родовитого Николя д'Амерваля, сеньора де Лианкура, горбатого до уродства. Король одобрил выбор, желая отомстить красавице за холодность и надеясь позже заслужить ее расположение. Габриэль умудрилась, выйдя замуж в четверг, до воскресенья еще не стать женой собственного мужа: в первую ночь сказалась больной, во вторую — уложила в свою постель подругу, которой будто бы стало плохо, а в третью — не сказав мужу, уехала ночевать в соседний замок. Горбун уже хотел силой вступить в свои права, когда пришел королевский приказ немедленно явиться в Шони для представления супругов.

Король, готовившийся к осаде Шартра, без церемоний отправил мужа-горбуна назад в Мант, а Габриэль увез с собой. Ему удалось завоевать сердце красавицы нежностью и лаской. Когда пал Шартр, молодая женщина стала его любовницей. Генрих праздновал двойную победу.

Вскоре после этого король формально развел Габриэль с мужем по причине якобы его неспособности к брачной жизни (хотя от первого брака у д'Амерваля было 14 детей). Несмотря на

наличие законной королевы, фаворитка всюду сопровождала Генриха, даже в военных кампаниях и на сносях. Он очень любил Габриэль. Финансы страны были почти исчерпаны, но король осыпал подарками свою любовницу, хотя ему самому в то время частенько приходилось голодать.

Королевская фаворитка была католичкой и, пытаясь уладить конфликт Генриха с Лигой, постепенно сумела уговорить короля сменить веру. В 1593 году Генрих Наваррский покаялся в своих заблуждениях и принял католицизм, а пятью годами позже подписал Нантский эдикт, положивший конец затяжным религиозным войнам и давший гугенотам свободу вероисповедания.

В июне 1594 года, через три месяца после провозглашения Генриха королем Франции, д'Эстре родила сына, которого в честь Гая Юлия Цезаря назвали Сезаром. Счастливый король хотел даже развестись с Маргаритой Валуа и возвести Габриэль на престол. Однако развести его с королевой Марго, с которой он состоял в браке 17 лет, мог только папа римский. Государственный канцлер был отправлен в Рим для переговоров с Климентом VIII. Между тем положение Габриэль при дворе значительно ухудшилось. Красавицу окружала ненависть, спрятанная под льстивыми улыбками. Мысль, что выскочка станет королевой Франции, возмущала придворных Генриха IV. Для компрометации фаворитки не гнушались ничем: в ход пошли клевета, сплетни, подметные письма… Но Генрих ни на что не обращал внимания и пожаловал любовнице титул маркизы де Монсо, подарив ей со всеми землями и доходами графства Вандейль и Кресси, герцогство Бофор, графства Жонкур и Луазинкур, принадлежавшие герцогине Гиз, и, наконец, графства Монретон, Сен-Жан и герцогство д'Этамп. Таких владений не имела ни одна французская королева. К тому же в 1595 году он узаконил Сезара, пожаловав ему позже титул герцога Вандомского.

В 1596 году в Руане, в монастыре Сент-Уэн, герцогиня де Бофор, как теперь звалась королевская фаворитка, подарила Генриху дочь Екатерину-Генриетту, которую окрестили так торжественно, как дофину. С этих пор прекрасной Габриэль стали оказывать почести, как законной королеве Франции, что, конечно, не прибавляло ей популярности.

В 1598 году любовница родила королю второго сына Александра. Все видели, что фаворитка вскоре станет королевой.

Теперь Габриэль д'Эстре могла полноправно стать женой Генриха и королевой Франции, все было готово к свадьбе. Но на Страстной неделе 1599 года находившаяся на четвертом месяце

беременности Габриэль была отравлена фруктами, присланными ей от имени ее жениха. 10 апреля она умерла. Ее прекрасное тело почернело, а лицо было обезображено страданиями. При дворе поговаривали, что фаворитку отравили представители тех придворных кругов, которые были заинтересованы в заключении брака короля с представительницей семейства Медичи.

Известие о смерти возлюбленной повергло короля в шок. Он плакал, как ребенок, и даже надел траур. Но Генрих не мог тосковать вечно. В декабре 1600 года в Руане король женился на тосканской принцессе Марии Медичи и подарил ей все богатства, раньше принадлежавшие герцогине де Бофор. Вторая жена родила ему шестерых законных детей, в том числе и будущего короля Франции Людовика XIII.

Габриэль д'Эстре была похоронена в аббатстве Нотр-Дам-ла-Рояль де Мабюссон в Иль-де-Франсе.

Екатерина Генриетта де Бальзак

Екатерина Генриетта де Бальзак д'Антраг (1579–1633) — дочь Франсуа де Бальзака д'Антрага, губернатора Орлеана, официальная фаворитка Генриха IV.

Генриетта родилась в 1579 году в Орлеане в семье маркиза д'Антрага и Мари Туше, бывшей любовницы короля Карла IX. Это была грациозная блондинка, умная, образованная, с голубыми глазами и очень привлекательными формами.

После смерти своей фаворитки Габриэль д'Эстре Генрих IV надел траур, чего ни один король никогда не делал, и заявил, что жизнь его кончена. Друзья Беарнца, из тех, кого герцог Сюлли пренебрежительно называл «поставщиками курочек и наперсниками разврата», решили попробовать изменить его настроение. Прекрасно зная натуру Генриха, они рассказали ему о красавице по имени Генриетта д'Антраг, которая живет в Мальзербе.

Через шесть дней после смерти своей прежней любовницы король отправился охотиться на зайцев в окрестности Мальзерба, увидел Генриетту и был поражен ее красотой настолько, что забыл о своей утрате. Семейство д'Антраг любезно пригласило короля в свой замок. В ту же ночь Генрих пожелал проникнуть в спальню красавицы и доказать ей, что в свои сорок восемь лет он все еще горячий мужчина. Но дверь спальни оказалась крепко заперта. Генриетта, получившая от семьи строжайшие инструкции, отказалась впустить короля.

Семья будущей фаворитки умело спекулировала невинностью

дочери, то подавая Генриху надежду, то отказывая. В конечном итоге девственность Генриетты была продана за сто тысяч экю, титул маркизы де Верней и письменное обещание короля жениться. Страстно влюбленный Генрих согласился на все условия, с оговоркой, что женится на Генриетте лишь в том случае, если она подарит ему наследника престола (на тот момент у короля не было официальных наследников). Генрих IV помчался в Париж, чтобы потребовать нужную сумму у герцога Сюлли, который занимался всеми делами. Тот не хотел давать денег — через несколько дней ему предстояло внести четыре миллиона для возобновления мирного договора со швейцарцами. Но король настаивал, и министру пришлось подчиниться. Чтобы Генрих осознал всю степень своего безумия, министр приказал выдать сумму мелкими монетами, которые лакей разложил на полу в королевском кабинете. Когда все деньги были внесены, ими оказался покрыт весь пол, и Беарнец не мог удержаться от возгласа: «Черт побери! Недурная плата за одну ночку!»

10 октября 1599 года король подписал соответствующую бумагу, обязуясь жениться на Генриетте: «…В случае ее беременности через шесть месяцев, начиная с сегодняшнего дня, и разрешения ее от бремени сыном…» Но у фаворитки случился выкидыш, и Генрих IV счел себя вправе беспрепятственно жениться на Марии Медичи, дочери великого герцога Тосканского, рассчитывая с помощью ее приданого избавить Францию от долгов.

Свадьба короля и Марии состоялась 17 декабря 1600 года в Лионе. После двух ночей, проведенных с женой, король покинул Лион и возвратился в Париж, где его ждала Генриетта д'Антраг. После нескольких дней, отданных долгу, он разрешил себе немного наслаждения. Полная и глуповатая флорентийка вызвала у него ностальгию по стройной и умной любовнице. Едва добравшись до столицы, Генрих сразу же отправился в особняк Ларшан, где жила Генриетта, и доказал ей, что женитьба нисколько не лишила его сил. Любовники не покидали постель несколько дней. Когда же наконец встали, Генриетта оказалась беременной…

Генрих поселил фаворитку в Лувре, поблизости от апартаментов королевы, и все время бегал от одной дамы к другой и обратно. Женщины постоянно ссорились, Генриетта называла себя «настоящей королевой» и не упускала случая оскорбить Марию Медичи. Обе бесконечно поносили друг друга и поочередно устраивали сцены ревности Генриху IV, который выкручивался с помощью обещаний и подарков. Королева, менее умная, чем фаворитка, с проклятиями преследовала короля по

всем галереям дворца. Временами она доходила до того, что поднимала на него руку, чего никогда не бывало ни с каким королем Франции.

В сентябре 1601 года королева родила сына. Несколько недель спустя, страшно досадуя на то, что она припозднилась, Генриетта также родила мальчика, которого назвали Анри Гастоном (узаконен в 1603). Брат Генриетты, герцог Ангулемский, неоднократно заявлял, что именно этот ребенок является настоящим дофином. Семья д'Антраг утверждала, что брак короля с Маргаритой де Валуа не был аннулирован, следовательно, Мария Медичи не может считаться законной женой и ее дети являются бастардами. В 1602 году брат и отец Генриетты приняли участие в заговоре Бирона, целью которого было возведение на престол Анри Гастона после смерти короля (скорее всего, насильственной). Заговор был раскрыт, 31 июля 1602 года Бирон казнен. Шарль Ангулемский выдал всех своих сообщников и избежал наказания.

Между тем отношения короля и фаворитки ухудшались. Генриетта наставляла Генриху IV рога с принцем Жуанвилем и отзывалась о нем с крайним презрением, обзывая «старикашкой». Генрих ее сильно ревновал. По свидетельству мемуаристов, «они больше не занимались любовью без громкой брани». Но в январе 1603 года маркиза де Верней родила королю дочь Габриэль-Анжелику.

В 1604 году Филипп III, король Испании, предложил маркизе де Верней пенсию, владения и инфанту в жены ее сыну, которого обещал сделать королем Франции. План был прост: маркиза с детьми скрывается в Испании, где Филипп III выделяет ей денежное содержание в пятьдесят тысяч ливров, а также несколько укрепленных городов. В обмен на это маркиза женит своего сына на испанской инфанте, и все ждут смерти Генриха IV. Брат и отец фаворитки вступили в новый заговор, который в 1605 году был раскрыт.

Герцог Ангулемский и Франсуа д'Антраг, у которого при аресте нашли письма испанского короля и изъяли брачное обещание Генриха IV, на процессе обвиняли друг друга. Генриетта заявила, что ничего не знала о связях родственников с Испанией. 2 февраля 1605 года был оглашен приговор, согласно которому герцог Ангулемский и д'Антраг приговаривались к смертной казни, а маркиза де Верней ссылалась в монастырь. Король присутствовал на процессе и даже завел себе новую фаворитку — Жаклин де Бей. Но несмотря на новую любовницу, которую он вскоре сделал графиней де Море, Генрих IV очень быстро затосковал по маркизе де Верней. Король вмешался в ход

судебного процесса и своею властью всех помиловал. В результате обоим заговорщикам смертную казнь заменили пожизненным заключением (вскоре д'Антрага освободили), а фаворитка была помилована… Любовь оказалась сильнее государственных интересов. Генрих не забывал свою неверную фаворитку, он не виделся с ней, но обменивался письмами. Ей было позволено вернуться в Верней, а затем в Париж. После этого король оставил свою новую любовницу и возобновил связь с Генриеттой, которая продолжалась до 1609 года.

После гибели Генриха IV 14 мая 1610 года мадемуазель д'Эскоман, служанка королевской фаворитки маркизы де Верней, публично заявила, что Равальяк, убийца короля, действовал по указанию маркизы и герцога д'Эпернона. Председатель суда допрашивал маркизу пять часов. Но ничего не добился. Жаклин д'Эскоман не смогла привести убедительных доказательств своих обвинений, и 5 мая 1611 года судьи, принимая во внимание высокое положение обоих обвиняемых, отложили дело. Парижский парламент приговорил обвинительницу к пожизненному заключению за клевету, а герцог д'Эпернон в 1622 году женился на дочери Генриетты Габриэль-Анжелике.

Маркиза де Верней продолжала жить в Париже, там же она и умерла в 1633 году.

Жаклин де Бей

Жаклин де Бей-Курсийон, графиня де Море (ок. 1588–1651) — фаворитка короля Франции Генриха IV.

Жаклин родилась около 1588 года в семье бретонского дворянина Клода де Бей, сеньора де Курсийон, и Катрин де Монтеклер. Она была их четвертым ребенком. Отец Жаклин участвовал в завоевании престола Генрихом Наваррским и его борьбе против Лиги. Девочка рано осиротела: ее родители умерли в 1596 году. Жаклин было 16 лет, когда она начала появляться при королевском дворе и обратила на себя внимание Генриха IV. Двор в то время перешел от галантности к разврату, а король пытался забыть свою прежнюю фаворитку Генриетту д'Антраг. Генриху понравилась юная блондинка, платья которой совершенно не скрывали соблазнительную линию плеч и груди.

Расчетливая девица согласилась уступить королю лишь за кругленькую сумму. Современники писали, что «Генрих IV, который всегда искал себе только хорошеньких женщин и, несмотря на старость, увлекался ими и безумствовал еще больше, чем в молодости, сторговался с нею за тридцать тысяч экю».

Перед тем как стать его фавориткой, юная Жаклин также потребовала от короля найти ей жениха, принадлежащего к знатной семье. Генрих выбрал для нее мужа — Филиппа де Арле де Шамваллона, графа де Сези, о котором мемуарист Пьер де Л'Этуаль сказал: «Хороший музыкант, играет на лютне, но ничего больше не умеет».

Брачная церемония 16-летней Жаклин состоялась 5 октября 1604 года в деревушке Сен-Мор-де-Фоссе (сейчас — пригород Парижа). Об этой свадьбе рассказывали достаточно пикантную историю. Увидев, как новоиспеченный муж входит с его любовницей в приготовленную для молодоженов спальню, король испытал сильный приступ ревности. Одним прыжком подскочив к двери, он резко отворил ее, выгнал из комнаты Филиппа де Арле, лег рядом с Жаклин де Бей и наслаждался ее прелестями до наступления следующего дня, в то время как несчастный новобрачный рвал на себе волосы в соседней комнате…

Король, невзирая на ночные похождения в Париже в компании своих фаворитов Рожера де Бельгарда и Антуана де Роклора, сильно привязался к новой любовнице, и в 1605 году пожаловал Жаклин титул графини де Море и содержание в размере 9000 ливров. В мае 1607 года Жаклин родила Генриху IV сына, получившего имя Антуан де Бурбон-Бей. Маленький граф де Море был узаконен королевским патентом в январе 1608 года.

Но через какое-то время Жаклин, не прекращая отношений с королем, стала любовницей Клода Лотарингского, герцога де Шеврез. Генриху, конечно, донесли об этом. Он устроил фаворитке сцену ревности. Графиня де Море смогла успокоить короля, хотя герцога все равно выслали в родную Лотарингию. Тот не смог перечить королю, несмотря на любовь к Жаклин, и вернулся из ссылки только после смерти Генриха IV.

Король сделал вид, что поверил любовнице, но через какое-то время она вступила в связь с другим дворянином. Все это охладило чувства Генриха к Жаклин, и он разорвал с ней отношения.

Весной 1617 года, спустя 7 лет после смерти Генриха IV, графиня де Море вышла замуж за Рене II дю Бек-Креспена, маркиза де Варда, сына Рене I и Элен д'О. Она была богатой невестой: кроме графства Море сын Генриха Людовик XIII назначил 29-летней Жаклин ренту в 14 000 ливров в благодарность за услуги, оказанные его отцу. В этом браке родились двое сыновей.

Жаклин скончалась в первых числах октября 1651 года в возрасте 63 лет. Младший сын от второго брака перевез тело матери в Море-сюр-Луан, где ее похоронили в городской церкви.

Эбба Магнусдоттер Браге

Эбба Магнусдоттер Браге (1596–1674) — шведская придворная дама, в нее был влюблен король Швеции Густав II Адольф.

Эбба родилась 16 марта 1596 года в семье близкого друга короля графа Магнуса Браге, королевского дротса (одна из высших должностей в Скандинавии), и была единственной дочерью графа и Бриты Леийонхувуд. Она приходилась двоюродной сестрой Перу Браге Старшему, видному деятелю шведской культуры. В 1611 году умерла ее мать, и девушка стала фрейлиной шведской королевы Кристины, вдовы Карла IX. Королева воспитывала Эббу, как свою дочь.

При дворе необыкновенно красивая Эбба покорила сердце 19-летнего принца, будущего короля Швеции Густава Адольфа. Молодой человек был так сильно влюблен, что, как свидетельствуют его письма от 1613 года, собирался просить у графа Браге согласия на брак с его дочерью. Но королева-мать решительно воспротивилась этой связи. Выбор королевской невесты был определен политическими мотивами. Вдовствующая королева Кристина решила вмешаться в судьбу принца и попросила графа Якоба Делагарди, известного полководца, вернувшегося из очередного военного похода, взять Эббу в жены.

Не сумев преодолеть влияния королевы-матери на Густава Адольфа, Эбба в 1618 году вышла замуж за Якоба Делагарди. Он был представителем знатной шведской семьи французского происхождения, крупным магнатом, возглавлял шведские войска, находившиеся в России в период Смутного времени, а впоследствии был назначен наместником Ревеля.

В 1620 году Густав II Адольф женился на бранденбургской принцессе Марии Элеоноре Гогенцоллерн. Но его брак был неудачным. Первая дочь королевской четы умерла, после рождения второй дочери Кристины Августы (будущей королевы Швеции) детей у супругов больше не было.

Эбба же в браке родила 14 детей, но семеро из них умерли в младенческом возрасте. Среди ее сыновей больше всего известен Магнус Габриэль Делагарди (1622–1686), канцлер и фаворит королевы Кристины (в XVIII столетии упорно распространялись слухи, что он — сын Эббы и короля Густава II Адольфа).

Якоб Делагарди умер в 1652 году. После смерти мужа графиня попросила королеву назвать какой-нибудь город в его честь, так получил свое имя Якобстадт (финское название города Пиетарсаари). После этого Эбба взяла управление семейным хозяйством в свои руки. Вдова занималась садоводством, особенно любила салаты и редис. Ее сын Магнус привозил для

матери из дальних путешествий различные растения и пряности.

Эббе Браге удалось многократно преумножить свое состояние. Она купила несколько поместий, в 1667 году судилась с сыном канцлера Швеции Юханом Оксеншерном. На одном из ее земельных владений было найдено крупное месторождение железной руды, и Эбба достаточно успешно занялась добычей руды и металлургией, еще больше увеличив свой капитал.

Умерла она в 1674 году в своем поместье.

Любовной истории шведского короля и молодой аристократки посвящена пьеса Густава III «Густав Адольф и Эбба Браге».

XVII век

Марион Делорм

Марион Делорм (1611–1650) — знаменитая французская куртизанка, среди ее обожателей были кардинал Ришелье, герцог Бекингем, Сен-Мар, принцы Конти и Конде.

Мария-Анна родилась 3 октября 1611 года в Шампани, в небольшом городке Шалоне на Марне в семье судебного пристава Граппена. Она была поздним и долгожданным ребенком — отцу шел сорок восьмой год, его жене Франсуазе было за тридцать, хотя они состояли в браке двенадцать лет, детей у них долго не было. Крестными родителями девочки стали маркиз де Вилларсо и его двоюродная сестра графиня Сент-Эвремон, которые, возвращаясь из путешествия по Германии, остановились на отдых в Шалоне. Не найдя в городе приличной гостиницы, знатный вельможа и прекрасная дама попросились на ночлег в дом судебного пристава. В благодарность за гостеприимство аристократы окрестили дочь Граппенов.

Девочка росла и хорошела, ей готовили блестящую карьеру, однако смерть Франсуазы все изменила. В двенадцать лет Мария-Анна оказалась на попечении служанки, мэтр Граппен постоянно

находился в разъездах и не мог заниматься воспитанием дочери.

Когда девушке исполнилось пятнадцать лет, она заскучала в своем маленьком городке и написала крестной матери, не видевшей ее со дня рождения, письмо с просьбой разрешить ей погостить в Париже. Вскоре за Марией-Анной прислали экипаж. Крестница приятно поразила графиню Сент-Эвремон: высокая, стройная и смуглая брюнетка, с густыми вьющимися волосами и выразительными синими глазами. Собравшиеся у графини гости пришли в восторг от Марии-Анны, и на следующий день в аристократических салонах Парижа только и говорили о юной красавице.

На четвертой неделе пребывания девушки в Париже пришло трагическое известие — скоропостижно скончался ее отец, мэтр Граппен. Мария-Анна искренне его оплакивала. Но долго горевать в Париже было невозможно, тем более у нее как раз появился красивый и богатый поклонник — двадцатипятилетний Жак Валле-Дебарро, сын министра финансов Генриха IV. Веселый и остроумный молодой человек сразу понравился Марии-Анне. Он предложил свои услуги в качестве преподавателя пения и получил возможность ежедневно по два часа проводить с юной красавицей. Его страстное признание в любви не произвело впечатления на девушку. И тогда он пошел на хитрость: однажды вечером, когда графиня Сент-Эвремон и Мария-Анна прогуливались по бульвару, несколько горожан, подкупленных Дебарро, окружили дам и стали к ним приставать. В это время как из-под земли появился Дебарро, храбро разогнал мужланов и проводил перепуганных дам домой. А уже ночью благодарная Мария-Анна наградила храбреца своими ласками. Дебарро провел с девушкой целую неделю, днем скрываясь в чулане и приходя к ней в комнату по ночам. Вскоре парочка перебралась в его замок. За ужином, представляя любовницу друзьям, Дебарро дал ей более благозвучное имя — Марион Делорм. Полгода парочка наслаждалась безмятежным счастьем, но вскоре молодая женщина надоела Дебарро. Между любовниками произошло бурное объяснение, положившее конец их отношениям.

Мария-Анна стала куртизанкой, легко завязывая непродолжительные интрижки и связи — с неким Рувиллем, дравшимся из-за нее на дуэли с графом ла Ферте-Сенектером, президентом де Шеври, поэтом Клавдием Киллье… Пока наконец не оказалась в объятиях всесильного герцога Ришелье, любителя хорошеньких женщин. В глубине сада кардинала была построена беседка для тайных встреч, куда Марион Делорм тайно пробиралась, переодетая пажом, чтобы приласкать министра. Когда «каприз» кардинала прошел, он сохранил добрые

отношения со своей любовницей, которая в будущем могла оказать ему немало услуг.

Ее любовников можно было отнести к четырем категориям: одних она ласкала ради денег, других — по политическим мотивам, третьих — от скуки, но были и те, к кому она испытывала чувства. Делорм нельзя отнести к тем развратницам, которыми были переполнены в то время улицы Парижа. Она скорее является героиней авантюрного романа, воспетой литераторами и принятой великосветским обществом благодаря красоте, уму и популярности.

В 1625 году ко двору Людовика XIII прибыл посланник английского короля Карла I, его любимец герцог Бекингем. Англичанин произвел впечатление на французский двор своей внешностью, необыкновенной щедростью, а главное — дерзким ухаживанием за королевой Анной Австрийской. Однажды на прогулке Бекингем увидел Марион Делорм. Сопровождавший англичанина граф ла Ферте, ее содержатель, вызвался познакомить герцога с прекрасной дамой за 25 000 экю. Бекингем без сожаления выложил деньги и был представлен Делорм на приеме. Когда после ужина гости расположились за карточными столами, Марион увлекла Бекингема в ярко освещенный будуар и сбросила одежду. Герцог замер от восхищения: у Марион было совершенное тело…

Ришелье, узнавший о том, что его экс-любовница и тайный агент вступила в связь с послом Карла I, разорвал с ней отношения и поклялся уничтожить герцога. Всесильный кардинал сдержал обещание: через три года, 23 августа 1628 года, Бекингем был убит.

В 1635 году умерла графиня Сент-Эвремон. После смерти графини завсегдатаи ее салона перебрались в дом Марион Делорм на Королевской площади. Салон куртизанки посещали ученые и литераторы, среди них — Рене Декарт, Мильтон, Корнель и сын королевского камердинера Поклен, прославившийся впоследствии под псевдонимом Мольер. В начале 1641 года «отец философии» Декарт привел с собой на вечер земляка, прибывшего из Турени, — маркиза д’Эффиа, более известного под именем Сен-Мар. Генрих Сен-Мар по протекции Ришелье был приставлен к Людовику XIII, чтобы развлекать меланхоличного монарха и, главное, сообщать кардиналу обо всех словах, действиях, планах и проектах короля. Сен-Мар, быстро заслуживший расположение Людовика, который пожаловал ему звание «великого конюшего», не оправдал надежд министра Ришелье, за что позднее поплатился головой.

При первой встрече маркиз не понравился Марион, да и она

ему тоже. Двадцатилетний Сен-Мар относился ко всему свысока, что было не по душе куртизанке, привыкшей к поклонению. Но смуглая властная женщина с насмешливым взглядом, привыкшая повелевать, разбудила в нем любопытство. Каждый день посещая салон куртизанки, маркиз без памяти влюбился в Марион. В течение месяца она томила красавца, опасаясь, что, получив желаемое, он сразу же охладеет к ней. Миньон Людовика XIII выдержал испытание: он действительно полюбил Марион. Куртизанка оборвала все связи с друзьями и поклонниками, желая принадлежать лишь одному «обожаемому Генриху», и никуда не выходила. Делорм каждый раз встречала любовника в новом наряде, желая доставить ему удовольствие, и растратила почти все отцовское наследство. Но наотрез отказывалась взять у Сен-Мара хотя бы одно су, внушив себе, что это будет равносильно концу их любви.

Об этой связи судачили повсюду, ходили даже слухи о тайном браке Сен-Мара и Марион. Королю тоже рассказали обо всем. Недруги стремились таким образом опорочить фаворита в глазах Людовика XIII и добились своего — король решил вмешаться. У маркиза не было другого выхода, кроме как пообещать прекратить связь с куртизанкой. Он не сдержал это обещание: теперь он пробирался к возлюбленной по ночам и попадал в покои Марион с помощью веревочной лестницы, возвращаясь домой на рассвете. Но счастье влюбленных было недолгим. В 1642 году Сен-Мар, участвовавший в заговоре против Ришелье, был казнен.

Делорм больше года провела в затворничестве, оплакивая свою первую и единственную любовь, пока не обнаружила, что скоро ей будет не на что жить. А Марион больше всего на свете боялась нищеты… Она снова окунулась в беспорядочную жизнь, в конце концов продавшись старому некрасивому еврею, ростовщику Натану Розельману.

Вскоре умер всесильный кардинал Ришелье, а в следующем году — и Людовик XIII. На престол взошел его малолетний сын, регентшей стала королева-мать Анна Австрийская, всецело находящаяся под влиянием своего министра — кардинала Мазарини. Марион Делорм приняла сторону врагов королевы-матери и плела интриги против кардинала. В ее доме во времена Фронды собирались вожди этой партии.

Но противники оказались сильнее. Фронда была побеждена, герцоги Конде, Конти и Лонгвиль арестованы, та же участь угрожала и куртизанке. Но внезапная смерть освободила ее от мести кардинала Мазарини. Марион Делорм умерла в 1650 году, когда ей было всего 38 лет. Забеременев в пятый или шестой раз,

она прибегла к слишком сильному средству и простилась из-за этого с жизнью. Делорм болела всего три дня, но за это время она неоднократно исповедовалась, постоянно вспоминая о каком-нибудь грехе, в котором забыла признаться священнику.

Поклонники куртизанки не могли смириться с тем, что она так рано ушла из жизни. Возникла легенда, гласившая, будто Марион Делорм, чтобы не попасть в Бастилию, якобы пустила слух о своей смерти и, полюбовавшись из окна замка собственными похоронами, уехала в Англию. Там она вышла замуж за богатого лорда. Овдовев в 1661 году, куртизанка решила вернуться во Францию, но по дороге в Париж была захвачена разбойниками. Атаман шайки, покоренный красотой пленницы, женился на ней и увез Марион в Померанию, но вскоре погиб. Делорм поселилась во Франции, в третий раз выйдя замуж — за прокурора Франсуа Лебрена, которого пережила, как и двух предыдущих мужей. В 1705 году, овдовев в третий раз, Делорм была обворована собственными слугами. Как утверждает легенда, она прожила еще 18 лет, получая через одного из друзей старые долги. Но в 1723 году, лишившись всех источников дохода, рискнула обратиться к Людовику XV с просьбой выделить ей пенсию. Монарх вместе с кардиналом Флери несколько раз навещал старую женщину, видевшую его прапрадеда, и назначил ей хорошую пенсию. Марион Делорм якобы умерла в 130 лет. В знаменитых «Летописях Круглого Окна» можно прочитать: «Смерть Марион Делорм в 1741 году… почти удивила парижан, привыкших смотреть на нее, как на незыблемый памятник, упоминая одинаково башни собора Нотр-Дам и Марион, если говорили о том, что не поддается разрушительному времени…»

Нинон де Ланкло

Нинон де Ланкло (1615–1705) — знаменитая французская куртизанка, писательница и хозяйка литературного салона. Она славилась своей красотой и остроумием. Сохранила привлекательность до самой смерти в 89 лет.

Анна де Ланкло родилась в Париже в семье туренского дворянина Генриха де Ланкло и его супруги, урожденной Ракони, из древней орлеанской фамилии. Нинон — уменьшительное имя, данное ей в детстве, которое она впоследствии сохранила. Девочка была хрупкая и слабенькая, похожая на изящную миниатюру. Ее отец, философ-эпикуреец, жил, как говорится, в свое удовольствие, не особо заботясь о том, что скажет свет. Мать же придерживалась самых строгих правил, была женщиной

высокой нравственности и крайне религиозной. Она мечтала, что Нинон станет монахиней. А отец внушал дочери свою легкую и приятную философию. Девочка занималась музыкой, пением, танцами, декламацией, изящные искусства стали ее любимыми предметами, она делала в них успехи. Нинон много читала, правда, ее библиотека состояла из сборников стихов — элегических, любовных и шуточных, и таких сочинений, как «Искусство нравиться и любить», «Истории знаменитых своим легкомыслием или любовью женщин» и т. п. Обладая прекрасной памятью, она знала почти наизусть все прочитанные книги, огорчая мать вкусами, казавшимися греховными женщине, проводившей время в молитвах и постах.

В квартале Маре в Париже располагался отель, где находился так называемый «Дом Эпикура». Отец ввел туда юную Нинон. Она сразу же всех очаровала и была немедленно провозглашена первой красавицей. К сожалению, отцу не удалось насладиться успехами своей любимой Нинон: в 1632 году он был выслан из Франции за дуэль и умер на чужбине. Вскоре умерла и мать. В шестнадцать лет молодая девушка оказалась предоставленной самой себе. Она унаследовала от отца довольно приличное состояние. Нинон сумела разумно распорядиться и собой, и капиталом. Она обратила деньги в пожизненную ренту, фактически удвоив капитал, ежегодно получала 10 000 ливров и так удачно вела дела, что впоследствии оказывала помощь нуждающимся друзьям.

Современники превозносили красоту Нинон: превосходный цвет лица, огромные синие глаза, прекрасная фигура. Держалась девушка грациозно и благородно, но без гордости. Конечно, такая красавица не могла не привлекать поклонников. Она увлеклась герцогом Шатильонским, Гаспаром Колиньи, внучатым племянником адмирала, погибшего в Варфоломеевскую ночь. Когда он познакомился с Нинон, уже шли переговоры о его браке с сестрой герцога Люксембургского. Молодой человек был так очарован Нинон, что решил жениться на ней. Но, к его удивлению, красавица отказалась. «Я и сама люблю вас», — призналась она Колиньи. И в тот же вечер он стал ее любовником. Но так как, по ее заявлению, «женщины чаще отдаются по капризу, чем по любви», вскоре Нинон объявила, что ее каприз прошел, и любовники расстались.

В дальнейшем, под влиянием философии эпикурейцев и взглядов Мишеля Монтеня, Нинон решила посвятить свою жизнь удовольствию — физическому и умственному. Молодая женщина собиралась оставаться не состоящей в браке и независимой. Именно в этот период началась ее жизнь в качестве куртизанки.

Нинон сменила множество богатых и знатных любовников, включая кузена короля Конде и Франсуа де Ларошфуко (принца де Марсийака). Нинон постоянно окружали многочисленные поклонники, но возлюбленный у нее был только один, и меняя его на другого, она всегда сообщала ему об этом прямо, чем заслужила репутацию дамы волевой, решительной и экстравагантной.

Кстати, прозвище «царицы куртизанок», данное Нинон, не вполне справедливо. Безусловно, она была куртизанкой, но только по причине своей страстной натуры, не делая из этого профессии, как, например, Марион Делорм. Она не торговала своими прелестями, а дарила их тем, кто ей нравился. Она считала любовь прихотью тела и сразу бросала любовника, как только этот «каприз» проходил. Она жила для любви, но не любовью.

Однажды кардинал Ришелье, питавший слабость к красивым женщинам, предложил Нинон де Ланкло за ночь с ней 50 000 экю. Несмотря на значительность суммы, предложение Ришелье было отвергнуто. Нинон отказалась, заявив, что она «отдается, но не продается», — в то время у нее была связь с одним советником Королевского суда, которого она любила. Считается, что денег Нинон со своих возлюбленных не брала никогда, в подарок от них принимала только цветы, а свою репутацию заслужила «неприличным» для незамужней женщины поведением.

Купив домик на улице Турнель, она собрала вокруг себя не только поклонников, но и выдающихся людей своего времени, создав своеобразный салон. Он стал центром споров и бесед о литературе. К примеру, постоянным гостем Нинон был Мольер. Именно в салоне де Ланкло Мольер впервые прочитал своего «Тартюфа». Вообще Мольер часто выводил ее в своих пьесах. Очаровательная Селимена в «Мизантропе» — не кто иная, как «царица куртизанок». Нинон была неистощима на оригинальные идеи, заслужив бессмертие наравне с Ла-Брюйером и Мольером, так как они часто писали то, что она говорила. Завсегдатаями салона были Ларошфуко, аббат Скаррон, Шарль Перро, Лафонтен.

Нинон имела массу врагов, завидовавших ее красоте, молодости, независимости, которым удалось убедить Анну Австрийскую, тогда регентшу Франции, положить конец «распутству девицы де Ланкло». Стиль жизни, а также вольнодумство в вопросах, касающихся религии, привели к тому, что по навету госпожи де Граммон Анна Австрийская велела заключить Нинон в монастырь Мадлонетт. Но через некоторое время узницу посетила Кристина, бывшая королева Швеции, которой вместе с Конде удалось добиться освобождения Нинон.

В качестве реванша Нинон де Ланкло стала писать произведения, в которых защищала свою позицию — достойную жизнь без религии. Среди них особенно выделяется «Месть кокетки» (1659). Она знала испанский и итальянский языки, хорошо ориентировалась в классической литературе, играла на клавесине и лютне. Нинон прославилась также своими остроумными высказываниями. По просьбе Сент-Эвремона она написала автобиографию, оставив за скобками свои любовные истории: «Вот мой портрет, но только по пояс». В эти годы она стала другом Расина.

Как-то у Нинон было одновременно два любовника — граф д'Эстре и аббат д'Эффиа (брат Сен-Мара). Они оба страстно влюбились в нее, оба были молоды и красивы. Де Ланкло симпатизировала обоим и придумала выход, чтобы не ссорить друзей: одного она принимала днем, другого — ночью. Результатом такого «содружества» явился младенец мужского пола. Оба любовника претендовали на почетный титул отца. Чтобы решить спор, молодые люди доверились судьбе: они бросили жребий. У д'Эстре оказалось 14 очков, у его соперника — 11. Де Ланкло не отличалась материнскими чувствами, и граф д'Эстре воспитал ребенка, получившего фамилию де ла Бюсьер. Сын Нинон впоследствии блестяще служил во флоте, получив чин капитана. Раз в год она принимала его, как совершенно постороннего.

Количество посетителей салона ле Ланкло все увеличивалось. Аристократия и даже королевский двор прислушивались к Нинон, побаиваясь ее острого языка. Сам Людовик XIV интересовался: «А что сказала об этом Нинон?» Позже она стала близкой подругой Франсуазы д'Обинье, более известной как мадам де Ментенон, фаворитки, а затем второй жены «короля-солнца». Когда Ментенон предложила ей место при дворе, «царица куртизанок» якобы ответила: «При дворе надо быть двуличной и иметь раздвоенный язык, а мне уже поздно учиться лицемерию…»

В 1653 году де Ланкло несколько месяцев была любовницей маркиза де Жерсея и забеременела от него. Маркиз был холост, окружил ее заботами и увез в свое провинциальное поместье. Нинон родила мальчика и оставила его маркизу де Жерсею, вернувшись в Париж.

Зимой 1667 года Нинон, гуляя в Тюильри, встретила маркиза де Жерсея в сопровождении красивого молодого человека. Юноша, представившийся Альбером де Вилье, был ее сыном. Нинон заговорила с ним и, получив разрешение маркиза, пригласила юношу к себе в гости. Де Ланкло было пятьдесят два

года, но выглядела она гораздо моложе. Хорошо принятый на улице Турнель, Альбер де Вилье вскоре стал частым гостем в салоне, страстно влюбившись в Нинон. Любовь мальчика забавляла куртизанку, но когда он признался ей в своих чувствах, ей пришлось сказать, что она его мать. Потрясенный юноша убежал в сад и повесился. Безутешная Нинон искренне оплакивала своего сына.

Несмотря на то что де Ланкло было уже за пятьдесят, она, как и в молодости, продолжала очаровывать окружающих. В пятьдесят три года она сошлась с молодым и красивым графом Фиеско из известного генуэзского рода. Разница лет не играла роли в их отношениях — любовники обожали друг друга.

В пятьдесят пять Нинон в третий раз стала матерью. На этот раз она родила дочку, умершую вскоре после рождения. Но девочка была до такой степени красива, что ее отец, как утверждают, принц крови, приказал забальзамировать маленький трупик и под стеклянным колпаком выставил его в своем кабинете.

Некий Гурвиль, один из любовников Нинон, спасаясь от Мазарини, вынужден был отправиться в изгнание. Уезжая из Парижа, он отдал на хранение 20 000 экю своему другу-священнику, настоятелю монастыря. Такую же сумму получила на сохранение Нинон. Когда Гурвиль несколько лет спустя вернулся и попытался получить свои деньги, настоятель сделал вид, что ничего подобного не было. Расстроенный изгнанник даже не стал обращаться к Нинон, не рассчитывая на честность куртизанки. Она сама нашла его и отдала ему 20 000 экю, объяснив, что если он и потерял место в ее сердце, то память ей не изменила. Вообще все ее друзья гордились дружбой с Нинон, не будучи в состоянии ни в чем ее упрекнуть.

Граф Шуазель, впоследствии маршал Франции, стал ухаживать за Нинон, когда ей исполнилось шестьдесят лет. Шуазель был безумно влюблен в куртизанку, наверное, потому, что он был на двадцать лет моложе предмета страсти и вместе с любовью питал к красавице величайшее уважение.

В 1686 году в Париж приехал молодой барон Сигизмунд Банье, сын шведского генерала. Граф Шарлеваль, его двоюродный брат, один из отвергнутых поклонников неувядающей красавицы, предложил познакомить его с Нинон. Барон, еще в детстве слышавший о красавице Ланкло, решил, что семидесятилетняя женщина вряд ли представляет для него какой-либо интерес. Однако граф настаивал, и швед согласился, заключив пари: если даже Нинон и обратит на него внимание, он останется абсолютно равнодушным к ней. Познакомившись с куртизанкой, барон

признал, что был глупцом. Когда Банье вышел из ее спальни, он готов был поклясться, что Нинон не более восемнадцати. Молодой человек поделился своим счастьем с кузеном, но тот, отвергнутый поклонник Ланкло, вызвал его на дуэль и убил. Куртизанка упрекала себя в том, что не предотвратила трагедии.

Последним любовником Нинон был восьмидесятилетний аббат де Жедуаэн. Куртизанка целый месяц томила возлюбленного и отдалась ему в тот день, когда ей тоже исполнилось восемьдесят. Эта связь длилась целый год, но ревность аббата заставила Нинон с ним расстаться.

Умея угадывать таланты, Нинон за год до смерти познакомилась с девятилетним мальчиком по имени Франсуа-Мари Аруэ, сыном своего счетовода, и по завещанию оставила ему 2000 франков на покупку книг. Этому мальчику впоследствии суждено было прославиться под литературным псевдонимом Вольтер. Он навсегда сохранил самые теплые воспоминания о женщине, которую называл «моя красивая тетя».

Нинон умерла 17 октября 1705 года, в 89 лет, в своем доме на улице Турнель. Рассказывают, что, умирая в полном сознании, она сказала: «Если бы я знала, что это все так кончится, я бы повесилась».

Франсуаза д'Обинье

Франсуаза д'Обинье (1635–1719) — фаворитка, а позднее тайная жена Людовика XIV. Оказывала заметное влияние на монарха до самой его смерти.

Внучка предводителя гугенотов Агриппы д'Обинье родилась в ноябре 1635 года в крепости Ниор, куда ее родители были заточены по распоряжению Ришелье. По повелению кардинала девочка была крещена по католическому обряду, а ее восприемниками стали герцог Ларошфуко, губернатор Пуату, и супруга коменданта крепости.

Тетка Франсуазы, маркиза де Виллет, хотела воспитать ее в духе кальвинизма, но родители отправились в ссылку на остров Мартиника и взяли дочь с собой. Франсуаза воспитывалась в строгости: мать читала ей Библию и «Жизнеописания великих людей» Плутарха. Отец, Констан д'Обинье, скоро умер, оставив жену и дочь в полной нищете. С большим трудом они возвратились во Францию, где их приютила маркиза де Виллет, возобновившая свои попытки обратить племянницу в кальвинизм. В процесс запутанного религиозного воспитания дочери и внучки известных гугенотов пришлось вмешаться самой Анне

Австрийской, постановившей, что Франсуаза будет католичкой. Девочку отдали на воспитание другой ее тетке, госпоже де Нейльян, а та устроила ее в женский монастырь урсулинок.

Потеряв мать в 1650 году, пятнадцатилетняя Франсуаза возвратилась к госпоже де Нейльян, которая начала вывозить ее в свет. Франсуаза познакомилась с Мере, о котором сохранила самые теплые воспоминания на всю жизнь. Именно Мере ввел «прекрасную индианку» (так ее называли, намекая на долгое пребывание на острове Мартиника) в гостиную Нинон де Ланкло, где собирались и блистали многие поэты и острословы того времени. Там девушка встретила поэта Скаррона.

Зависимость от тетки тяготила ее, поэтому Франсуаза приняла предложение поэта, пользовавшегося известностью во Франции благодаря своим сатирическим произведениям. Скаррон был намного старше супруги и у него была парализована рука, но в дальнейшем Франсуаза вспоминала годы брака как самое лучшее время жизни. Талант мужа, красота и живой ум жены сделали дом Скаррона центром светской жизни того времени. О госпоже Скаррон заговорили, как о редкой женщине, представители высшего общества заискивали перед ней. Этот брак длился десять лет, но в 1660 году ее муж скончался, не оставив супруге наследства, кроме своего известного имени.

Франсуаза осталась без средств к существованию. Спасла ее маркиза де Монтеспан, с которой молодая женщина познакомилась, уже будучи вдовой. Маркиза выхлопотала ей у короля ежегодную пенсию в 2000 лир (200 пистолей) и пригласила ее воспитательницей к своим детям от Людовика.

Франсуаза сразу поняла, какие выгоды можно извлечь из создавшегося положения. Она предприняла атаку, однако потерпела неудачу: пресыщенный «король-солнце» не проявил к ней интереса. Тогда вдова сделала вид, будто очень привязалась к детям короля, которых отец любил больше законных. Людовик XIV заметил внимательное и заботливое отношение к своим детям, выгодно отличавшееся от отношения к ним со стороны родной матери, видевшей в детях прежде всего способ удержать короля и сохранить положение при дворе, и обратил внимание на уже немолодую неприметную вдову. Однажды Людовик XIV был искренне растроган представшей перед его глазами картиной: Франсуаза одной рукой поддерживала спящего графа Вексенского, другой качала мадемуазель де Нант, а на коленях держала больного герцога де Мэна… В результате «самоотверженная» воспитательница получила прибавку к пенсии и щедрый подарок в 100 000 ливров.

Вдове Скаррон было уже сорок лет. Как обратить на себя

внимание короля? Она заметила, что монарху начинает надоедать легкомыслие и порочность мадам де Монтеспан. И Франсуаза стала образцом благочестия и добродетели — все ее мысли были обращены к Богу, а губы постоянно шептали молитвы. Она оплакивала грехи человечества и свои слабости. Король был заинтригован, а мадам де Монтеспан даже в страшном сне не могло присниться, что такая добродетельная особа станет любовницей Людовика.

Постепенно отношения между воспитательницей детей и королем становились все более близкими. Пара проводила все больше времени за совместными беседами. Мадам Скаррон была умна, благодаря супругу вращалась в среде интеллектуальной элиты Парижа и, в отличие от большинства других придворных дам, обладала прекрасным кругозором. В 1675 году Людовик сделал Франсуазу маркизой де Ментенон. Она увлекла его своим смиренным видом, мягкими речами и искренними проповедями. Она указывала королю на его ошибки, разоблачала царящие в обществе нравы, не забывая при этом ловко и с самым беззлобным видом обличать слабости мадам де Монтеспан. Король не привык к таким речам. Они действовали на него неотразимо. Ему нравились эти «откровенные» речи, и ему нравилась сама Ментенон.

Во время частых бесед Людовик успел увлечься ее красивой фигурой, плавными движениями, тихим, вкрадчивым голосом и необыкновенными глазами. Живая и подвижная, она в то же время умела быть сдержанной, и эта сдержанность очень нравилась королю. Когда он признался госпоже Ментенон в своих чувствах, хитроумная женщина решила, что соглашаться еще не время, и ответила отказом, одновременно дав понять, что влюблена в короля, но ее добродетель противится преступной любви. «К тому же, — добавляла Франсуаза, — у вас есть супруга. Ей одной принадлежит ваша любовь. И если вы обратитесь к другим, от вас отвернется небо». Это окончательно заставило короля понять, какая пропасть лежит между порочной мадам де Монтеспан и богобоязненной Ментенон. Судьба метрессы была решена. Монтеспан отступила на задний план, а благодаря все более усиливавшемуся влиянию Ментенон даже удалось склонить короля к сближению с давно покинутой им супругой Марией Терезией.

Король вел с маркизой де Ментенон долгие разговоры о смысле жизни, о религии, об ответственности перед Богом. И постепенно сочетание сурового протестантизма и нетерпимого католицизма, в которых воспитывалась маркиза, отразились и на «короле-солнце». Став официальной фавориткой, Франсуаза

принялась воспитывать и самого монарха. Его двор, некогда бывший самым блистательным из дворов Европы, стал целомудренным и высоконравственным. Версаль превратился в довольно унылое место. Эпоха балов и чувственных удовольствий закончилась: король постоянно постился, читал духовную литературу и проводил вечера в душеспасительных беседах. Ментенон не ограничивалась двором — в Париже была создана так называемая полиция нравов, штрафовавшая дам за слишком глубокие декольте.

Однако мадам де Монтеспан не успокаивалась и пыталась интриговать, привлекая на свою сторону других аристократов. Но король удалил интриганов от двора.

Только после этого Ментенон решилась уступить требованию короля и сделаться его любовницей. В июле 1683 года Мария Терезия умерла, и вся привязанность Людовика обратилась на Ментенон. В октябре того же года «король-солнце» сочетался тайным браком с маркизой. При церемонии присутствовали только архиепископ де Шанваллон и личный исповедник Людовика.

Началось царствование Ментенон. У Франсуазы имелось множество врагов и не было друзей. Из всех фавориток короля Ментенон была самой нелюбимой при дворе. Ее прозвали «черной королевой» за мрачный нрав и нелюбовь к светским забавам. Единственным развлечением, которое позволял себе теперь король, являлась охота. В моду вошли скромные черно-серые наряды без всяких излишеств. Фаворитка уединенно жила в Версале, выезжала редко, но все государственные дела вершились в ее спальне. Король ежедневно в определенный час приходил в ее покои, чтобы поработать с министрами в присутствии Ментенон. Ни один министр не осмеливался идти с докладом к королю, не обсудив прежде дело с Франсуазой. Вероятно, госпожа Ментенон с большим правом, чем сам король, могла бы воскликнуть: «Государство — это я!»

Людовик XIV прожил с Франсуазой тридцать лет. Он умер в 1715 году. После смерти короля Ментенон удалилась в Сен-Сир, где еще в 1686 году она основала школу для дочерей бедных дворян. В Сен-Сире через четыре года она и умерла.

Олимпия Манчини

Олимпия Манчини (1637–1708) — племянница кардинала Мазарини (одна из так называемых мазаринеток), известная своей бурной жизнью при французском дворе, фаворитка

Людовика XIV.

Олимпия появилась на свет 11 июля 1637 года в Риме в семье Микеле Лоренцо, барона ди Манчини, и Джеронимы Мазарини, сестры первого министра Франции. Она была сестрой Лауры, Поля, Марии, Филиппа, Альфонса, Гортензии и Марии Анны Манчини. Когда Олимпии было десять лет, кардинал Мазарини, принимавший близко к сердцу дела семьи, после смерти их отца привез ее и двух сестер — Лауру Викторию и Анну Марию Мартиноцци — во Францию, чтобы устроить их судьбу и выдать племянниц замуж.

При дворе сестры Манчини считались почти уродливыми: они были смуглыми, с черными курчавыми волосами и желтоватой кожей, с чересчур большими глазами, слишком худые и угловатые. Вместе они напоминали стайку испуганных козочек.

Но это не помешало сестрам стать подругами по играм юного Людовика XIV. Они целыми днями играли в саду Пале-Рояля (однажды короля чуть не утопили в одном из фонтанов), а чуть повзрослев, стали затевать балы и другие развлечения. Именно тогда король внезапно влюбился в свою ровесницу Олимпию Манчини.

Двор обратил на это внимание на рождественских гуляниях 1654 года. Демонстрируя свои чувства без всякого стеснения, Людовик XIV сделал Олимпию королевой всех праздничных торжеств последней недели года. Он буквально не расставался с ней ни на секунду, только ее приглашал танцевать, не сводил с нее глаз и отличал так, что казалось, будто все балы и пиры устраивались лишь ради нее. Внимание молодого короля было таким пристальным, что многие придворные посчитали юную итальянку его любовницей. По Парижу даже пошли слухи, что Олимпия станет королевой Франции.

Но любовь короля — это одновременно и очень много, и очень мало. Олимпии нужно было выйти замуж, а именно этого король и не мог ей дать. Мать Людовика, Анна Австрийская, не на шутку рассердилась. Она готова была не обращать внимания на чрезмерную привязанность сына к племяннице своего первого министра, но ее оскорбляла сама мысль, что она может быть узаконена. Состояться свадьбе она не позволила.

И юной Олимпии, которая приобрела слишком большую власть над королем, было приказано удалиться из Парижа. Мазарини быстро нашел ей знатного мужа, не короля, но принца — Олимпия стала супругой Евгения Мориса Кариньян-Савойского, графа де Суассон, правнука короля Испании Филиппа II и его супруги, французской принцессы Елизаветы Валуа. Свадьба состоялась в феврале 1657 года. Девушка сделала

прекрасную партию.

Уехав на некоторое время из Парижа, новоиспеченная графиня позже вернулась ко двору. Жизнь придворных всегда была неспокойной, а у Олимпии — вдвойне: сказывалась горячая итальянская кровь. Став близкой приятельницей супруги брата короля, герцогини Орлеанской (английской принцессы Анны Генриетты), она принимала участие во всяческих придворных интригах. Графиня очень не любила новую фаворитку монарха Луизу де Лавальер: видимо, сказывалась ревность и она все еще не могла забыть, как когда-то Людовик увлекался ею самой. Именно Олимпия была первой, кто сообщил о романе короля и хромоногой скромницы фрейлины королеве Марии Терезии, супруге Людовика. Но это было еще не все: в 1679 году Олимпия оказалась замешанной в громком деле «версальских отравительниц». Ей предъявили обвинение в том, что она посещала отравительницу Ла Вуазен и покупала у нее яд. Некоторые биографы полагают, что Олимпия хотела отравить Луизу де Лавальер, любовницу короля. Другие мемуаристы утверждают, что Олимпия просто хотела вернуть благосклонность короля, приворожив его.

Графиню де Суассон подозревали также в отравлении ее мужа, который скончался шестью годами ранее, а еще в смерти Марии Луизы Орлеанской, королевы Испании, придворной дамой которой Олимпия была с мая 1686 года. Дело закончилось тем, что Людовик приказал Олимпии больше не появляться при дворе. И хотя она утверждала, что невиновна и была оклеветана, ей пришлось покинуть Францию. Но она еще легко отделалась: Ла Вуазен была казнена.

Олимпия Манчини уехала в Брюссель, со своими сестрами Марией и Гортензией она путешествовала по Европе, побывала в Англии, Испании.

Но главный след, который Олимпия оставила в истории, — вовсе не это «дело отравительниц». Графиня родила мужу восьмерых детей, и один из них, Евгений, стал впоследствии знаменитым полководцем. Принца Евгения Савойского все окружающие упорно считали сыном Людовика XIV, а не графа де Суассона, хотя сам король это отрицал. Скорее всего, это действительно были лишь придворные сплетни — ведь Евгений родился в 1663 году, когда после романа короля и юной Олимпии прошло уже много лет. Правда, впоследствии, когда графиня жила при дворе, король часто захаживал в ее покои, так что — кто знает?..

Реализовать свои амбиции при французском дворе молодому принцу так и не дали, поэтому он предложил свои услуги

австрийскому императору Леопольду I (супругу инфанты Маргариты), а позже служил и его наследникам. Так и получилось, что в начале XVIII века, во время военных столкновений Франции и Австрии, командовали враждующими сторонами два двоюродных брата — герцог Луи Жозеф де Вандом и принц Евгений Савойский, сыновья двух родных сестер Манчини — Лауры и Олимпии…

Олимпия долго жила в Брюсселе, там же она и умерла 9 октября 1708 года.

Мария Манчини

Мария Манчини (1639–1715) — еще одна из мазаринеток, итальянская аристократка, фаворитка французского короля Людовика XIV.

Мария, пожалуй, наиболее знаменитая из сестер Манчини, она прожила весьма насыщенную жизнь. Родилась Мария в 1639 году в Риме и была дочерью Джеронимы Мазарини, сестры кардинала, и Микеле Лоренцо, барона ди Манчини. Во Францию она приехала еще подростком — Марии было всего тринадцать. Поначалу девочка жила у своей старшей сестры Лауры, в замужестве герцогини де Меркер, а по прибытии в Париж дядюшка Мазарини отправляет ее жить при монастыре, где Мария провела полтора года. В 1655 году 16-летняя племянница первого министра была представлена ко двору. Девушка проводила много времени со стареющей королевой-матерью Анной Австрийской. А когда ей исполнилось восемнадцать, ее наконец-то заметил король.

Мария считалась самой некрасивой из сестер Манчини, тем не менее с ее портретов смотрит на нас яркая девушка с правильным овалом лица, изящным носом, темными вьющимися волосами и бездонными черными глазами. Неудивительно, что молодой король влюбился в Марию.

Правда, по слухам, первой открыла свои чувства именно Мария, которая уже давно была влюблена в Людовика, а уж затем, польщенный чувствами девушки, король ответил ей взаимностью. После осады Дюнкерка Людовик заболел тяжелой лихорадкой. Все придворные думали, что он умирает, и оставили его одного. Король ненадолго пришел в себя и вдруг увидел перед собой залитое слезами лицо высокой девушки, которая плакала не переставая. Король понял, что любим. Позже, в Фонтенбло, куда Людовика перевезли до полного выздоровления, Мария с сестрами приехали развлекать больного. В течение нескольких

недель там устраивались водные прогулки, танцы до полуночи, балеты. Королевой всех развлечений была Мария.

Но как бы ни начался роман, со временем чувства молодых людей все усиливались. Вскоре король осмелел настолько, что признался Марии в своей любви и преподнес ей несколько подарков. Отныне их всегда видели вместе: Людовик XIV и Мария Манчини прогуливались по садам Пале-Рояля, не обращая внимания на улыбки придворных.

Правда, вопреки широко распространенному мнению, Мария не была любовницей короля — она была его любовью. Людовик замирал от счастья, лишь заглянув в ее черные глаза, молодой человек был очарован ее живым умом, а затащить возлюбленную в какое-нибудь укромное местечко ему и в голову не приходило. Впоследствии супруг Марии был удивлен, обнаружив, что взял в жены невинную девушку. Людовик не просто был влюблен — он уважал Марию… Настолько уважал, что захотел на ней жениться.

Чтобы понравиться девушке, которую он считал своей невестой, Людовик XIV, получивший довольно поверхностное образование, стал усиленно заниматься. Стыдясь своего невежества, он приналег на французский язык и начал изучать итальянский, одновременно уделяя большое внимание сочинениям древних авторов. Под влиянием Марии, которая, по воспоминаниям современников, отличалась живым умом и образованностью, знала наизусть множество стихов, молодой король прочел Петрарку, Вергилия, Гомера, увлекся искусством и открыл для себя новый мир, о существовании которого прежде даже не подозревал.

Благодаря Марии Манчини Людовик XIV позже займется возведением Версаля, будет покровительствовать Мольеру и оказывать финансовую помощь Расину. Девушке удалось не только преобразить духовный мир короля, но и внушить ему мысль о его великом предназначении. Мария пробудила в Людовике дремавшую гордость, она подолгу беседовала с ним о славе и долге монарха. Ведь королю было двадцать лет, а он все еще покорно подчинялся матери и первому министру кардиналу Мазарини. Ничто в нем не предвещало могущественного властелина: при обсуждении государственных дел он откровенно скучал и решение важных вопросов предпочитал перекладывать на других. Мария же хотела, чтобы ее герой вел себя, как подобает коронованной особе. Так Людовик постепенно изменялся — «короля-солнце» создала любовь.

Казалось бы, Мазарини мог только порадоваться такому исходу — его племянница может стать французской королевой! Но первый министр думал прежде всего о благе Франции, а не о

личной выгоде, своей или племянницы. Стране нужен был союз с Испанией, поэтому в то время уже велись переговоры о возможном браке между Людовиком и инфантой Марией Терезией. В 1659 году идиллические отношения Марии и Людовика угрожали заключению мира в Пиренеях: мир зависел от брака короля с испанской инфантой, а король всеми силами стремился жениться на Марии Манчини. Значит, Манчини придется уехать. Король был безутешен, Мария рыдала, но они ничего не могли поделать. После обручения Людовика XIV с испанской инфантой Марией Терезией эта любовная связь прекратилась. Летом 1660 года состоялась свадьба Людовика, а вскоре выдали замуж и Марию…

Кардинал Мазарини к тому времени был уже тяжело болен, но тем не менее постарался обеспечить будущее племянницы. К Марии Манчини сватался герцог Лотарингский, однако этот брак не состоялся. Наконец 25 февраля 1661 года был подписан брачный контракт между Марией и князем Лоренцо Онофрио Колонна, герцогом Тальяколи, князем Палиано и Кастильоне, коннетаблем Неаполитанского королевства. Все происходит очень быстро — кардиналу нужно было торопиться. Мазарини умер 9 марта, а 15 апреля сыграли свадьбу Марии. Она уезжает в Италию.

Поначалу совместная жизнь супругов складывалась нормально: оба были поклонниками и покровителями изящных искусств, у Марии был свой салон, где собирались выдающиеся представители богемы. Особенно супруги Колонна увлекались театром — у них в палаццо даже был свой собственный. Вскоре один за другим родились трое сыновей: Филиппо, Маркантонио и Карло. Теперь князь мог гордиться не только интересной и умной женой, но и своими наследниками. Но Мария решает: раз наследники фамилии и семейных богатств у коннетабля есть, значит, ее долг супруги выполнен. И княгиня отказывается делить с мужем семейное ложе. В декабре 1665 года Мария объявила своему мужу, что отныне желает быть освобождена от супружеского долга. Она слишком страдала от двух выкидышей и уже перенесла три беременности, чтобы снова подвергнуть себя подобному испытанию. Князь Колонна впадает в ярость. Мария даже начинает всерьез опасаться за свою жизнь — боится быть отравленной. Супруги прожили вместе одиннадцать лет, но в 1672 году с помощью младшей сестры Гортензии Мария покинула мужа и тайно уехала из Рима.

Сестры отправляются в южные провинции Франции. В память о былых нежных отношениях с Людовиком Мария обращается к нему за помощью. «Король-солнце» откликается на ее просьбу, и

Мария получает от него своего рода «охранную грамоту».

Но князь Колонна не сидит сложа руки, ведь закон на его стороне — Мария является его женой. Женщине приходится покинуть Францию. Но возвращаться к мужу в Италию она не собирается и уезжает во Фландрию, а затем в Испанию. Там, чтобы почувствовать себя в безопасности, Мария в конце концов уходит в монастырь. Но став монахиней, княгиня не отрезала себя полностью от мира: она вела активную переписку, могла покидать обитель и принимать гостей.

Женщина оставалась в Мадриде вплоть до смерти князя Колонна в 1689 году, а затем вернулась в Италию. Там Мария принимала активное участие в политической жизни, и даже, как говорили, в шпионаже. Умерла княгиня Колонна в Пизе в 1715 году, в один год со своей самой большой любовью, королем Людовиком XIV. Ее судьба вдохновила драматурга Жана Расина на создание трагедии.

Франсуаза Атенаис де Монтеспан

Франсуаза Атенаис де Рошешуар де Мортемар, известная как мадам де Монтеспан (1640–1707), — фаворитка короля Людовика XIV в 1667–1683 годах, в период своих романтических отношений с королем из-за огромного влияния на двор имела неофициальный титул «истинной королевы Франции».

О самых знаменитых фаворитках Людовика XIV довольно метко сказано, что Лавальер любила его как любовница, Ментенон — как гувернантка, а Монтеспан — как госпожа. Среди многих других дам, которым удалось завоевать сердце любвеобильного короля, Монтеспан, пожалуй, представляет наибольший интерес.

Франсуаза де Рошешуар де Мортемар родилась 5 октября 1640 года в замке Люссак. От отца, Габриэля де Рошешуара, герцога де Мортемара, она унаследовала остроумие. Ее мать, Диана де Грансен, старалась привить дочери принципы благочестия. Франсуаза, как и другие знатные дамы того времени, воспитывалась в монастыре.

18-летняя Франсуаза вышла из обители в 1658 году, а вскоре, благодаря протекции королевы Анны Австрийской (ее тетка играла с королевой-матерью в карты), была представлена ко двору. Сначала девушка была придворной дамой супруги младшего брата короля. Позже она становится фрейлиной молодой королевы Марии Терезии. Франсуаза ходила к причастию каждый день, чем внушила набожной королеве-

испанке очень высокое мнение о своей добродетели.

В 1663 году 23-летняя Франсуаза вышла замуж за маркиза де Монтеспана, дворянина из своей провинции. Он был моложе ее на год. Этот брак соединил родовитость, положение и могущество. Маркиза родила супругу двоих детей. Пара жила в Париже в скромном доме невдалеке от Лувра, что позволяло мадам Монтеспан появляться при дворе. Очень быстро за ней закрепилась слава первой красотки королевского двора: у нее были выразительные голубые глаза, длинные густые золотистые волосы, вьющимися локонами спадавшие по плечам, и чувственная фигура. Однако красоту нельзя назвать единственным достоинством мадам Монтеспан: она была образованным и приятным собеседником. Ею восхищались мадам де Севиньи и Сен-Симон. К тому же Франсуаза старалась быть в курсе основных политических событий и государственных дел. Все это делало молодую женщину довольно привлекательной в глазах высших особ Франции, уже тогда у нее было множество поклонников.

Но маркизе де Монтеспан не давала покоя слава любовницы короля Луизы де Лавальер. Считая, что во всем превосходит соперницу, маркиза сделала ее мишенью своих острот и стала донимать фаворитку злобными проделками. В скором времени старания прекрасной интриганки увенчались успехом — она была замечена Людовиком и сделала все для того, чтобы вытравить образ спокойной и нежной Лавальер из сердца короля. Но как именно она это сделала, стало известно лишь значительно позднее узкому кругу ее современников и самому монарху…

Маркиза стала фавориткой короля в мае 1667 года. Живая и игривая, она очаровывала своим присутствием и была знаменита своими остротами, не щадившими никого.

Однако открытой связи с королем предшествовали долгие супружеские баталии. Маркиз де Монтеспан был несдержанным гасконцем. Он не хотел отдавать жену Людовику, устраивал ей бурные сцены и награждал звонкими пощечинами. Узнав о ее отношениях с королем, маркиз неожиданно прибыл в Сен-Жерменский дворец в карете, украшенной огромными оленьими рогами, и устроил большой скандал, обвиняя супругу в неверности. В итоге королю пришлось устранить соперника — маркиз де Монтеспан был выслан к себе на родину, в Гасконь, где жил до самой смерти в 1691 году.

В скором времени придворные убедились в близости отношений между Франсуазой и королем. Комнаты маркизы находились недалеко от апартаментов монарха, и проницательные придворные сразу понимали, почему обоих

одновременно не было в обществе королевы. Действующая фаворитка Луиза де Лавальер очень скоро осознала, что ее место в сердце короля заняла другая.

Новая пассия короля была признана всеми. Она сразу же добилась новых должностей для своих родных: ее отец стал губернатором Парижа, брат — маршалом Франции, сестра получила пост аббатисы богатого монастыря. В салоне Монтеспан собирались лучшие представители аристократии и мира искусств. Она покровительствовала Расину и Буало, добилась пенсии для старого Корнеля. Сен-Симон так описывал маркизу: «Она всегда была превосходной великосветской дамой, спесь ее была равна грации и благодаря этому не так бросалась в глаза…»

В Версале маркиза занимала на первом этаже двадцать комнат, хотя королева Мария Терезия на втором — всего одиннадцать. Шлейф маркизы несла старшая статс-дама, а шлейф королевы — обычный паж. Одно из платьев Франсуазы из необыкновенной ткани современники описывали так: «золото на золоте, вышитое золотом, окаймленное золотом и все это перевито золотом». При выездах Монтеспан обязательно сопровождали гвардейцы. Если она куда-нибудь ехала, ее встречали лично губернаторы, а города направляли ей подношения. За каретой маркизы, запряженной шестеркой лошадей, следовала такая же с придворными дамами, повозки с поклажей, 7 мулов и 12 человек конного конвоя.

«Король-солнце» построил для любовницы замок в Кланьи — «второй Версаль», который находился неподалеку от первого. Маркиза родила королю троих детей, которых Людовик признал: старшему сыну он даровал титул герцога Мэнского, второму — графа Вексенского, дочери — титул мадемуазель де Нант.

Однако Луиза де Лавальер не хотела уступать свое место. Действительно любившая короля прежняя фаворитка стойко переносила наступившие тягости: охлаждение своего возлюбленного, безразличие придворных, насмешки сильной соперницы… Только в 1674 году Луиза покинула королевский двор, и мадам де Монтеспан после рождения пятого внебрачного ребенка удостоилась титула официальной фаворитки Людовика XIV.

Мадам Монтеспан смягчила общественные нравы (и, возможно, испортила их), придала дополнительный импульс развитию торговли и производства, а также всячески поощряла таланты мастеров изящных искусств. Можно предположить, что именно она способствовала развитию у Людовика XIV вкуса к крупным свершениям и к роскошной пышности. Эпоха мадам Монтеспан является самым блестящим и самым славным

периодом в годы правления «короля-солнца».

Но при всем могуществе и великолепии, несмотря на бесконечные балы и пиры, которые устраивались самой маркизой и в ее честь, только в первые годы ее влияние было несомненным. Уже с 1672 года маркиза страдала от ревности. Зная непостоянство Людовика, она все время опасалась появления более молодой или более ловкой соперницы. Мадам де Монтеспан окружали завистники и недоброжелатели, многих раздражало ее высокомерие и острый язык, за ней постоянно следили, чтобы обо всем доносить королю и таким образом спровоцировать дворцовый переворот — среди придворных дам все время находились желающие занять место фаворитки. Опасаясь стремления короля Людовика к новым ощущениям, мадам Монтеспан даже на какой-то период смогла отменить существование фрейлин королевы.

Но вскоре тревоги маркизы утихли, и Людовик к ней вернулся. Король и мадам Монтеспан возобновили свои отношения, и у них родились еще двое детей, дочь и сын, узаконенные Людовиком. Король и его возлюбленная в последующие месяцы были более близки и общались гораздо чаще, чем прежде. Казалось, чувства прежних лет вернулись. Мемуаристы утверждали, что их любовь достигла наивысшей точки. Но затем все повторилось — и значительно серьезнее.

Маркизе исполнилось тридцать восемь лет, и ее могла вытеснить соперница, годящаяся ей в дочери. В марте 1679 года Франсуаза просила духовника Людовика молиться за короля, стоявшего на краю глубокой пропасти. Этой «пропастью» была прекрасная мадемуазель де Фонтанж. Восемнадцатилетняя девушка с волосами цвета спелой ржи, бездонными серыми глазами и милым румянцем была представлена родственниками ко двору, чтобы подыскать себе хорошую партию. Современники писали, что маркиза неожиданно оставила двор по причине своей ревности к мадемуазель де Фонтанж. Однако Людовик не разрешил фаворитке покинуть его. И, как когда-то Лавальер, теперь сама Монтеспан должна была служить фоном для новой метрессы.

В 1670-е годы в Париже разгорелось дело об отравлениях. Расследователи сумели получить обширные свидетельские показания против мадам Монтеспан: говорили о том, что она давала королю афродизиаки без его ведома, для сохранения красоты неоднократно заказывала черные мессы, на которых приносили в жертву невинных младенцев. В 1676 году маркиза не ограничилась только черной мессой для поддержания своего могущества, она послала двух колдуний в Нормандию, к некоему

Галле, занимавшемуся производством ядов и любовных напитков. Галле дал свой порошок. У Монтеспан, как уверяют, даже была мечта — лишить жизни оставившего ее любовника и его новую пассию. Она хотела, чтобы колдунья пропитала ядовитым порошком одежду короля или то место, где он должен был сидеть, чтобы он в конце концов ослабел и умер, но потом отказалась от этой идеи. Уличенная маркиза плакала, затем засыпала всех упреками, утверждала, что все это ложь. И в конце концов заявила, что она пошла на эти преступления только из-за огромной любви к королю.

Господство Фонтанж длилось не более двух лет. Уже в конце июня 1681 года она скончалась от воспаления легких, осложненного потерей крови при родах. Она умерла, убежденная, что отравлена своей соперницей. Людовик думал так же и даже хотел, чтобы произвели вскрытие, однако родственники герцогини выступили против этого. Установить истинную причину смерти не удалось. Несмотря на это, версия об отравлении получила распространение, и многие придворные этому верили. Эта печальная история стала началом конца власти маркизы над королем.

Со временем мадам Монтеспан располнела, и ее красота поблекла. А король Людовик XIV с возрастом стал ощущать тягу к более размеренной и благочестивой жизни, к чему его особенно поощряла мадам Ментенон, со временем ставшая его подругой. Людовик вдруг впал в глубокую набожность, и наблюдательные люди сделали вывод — маркиза ему надоела… Но час окончательного прощания Людовика с Монтеспан еще не наступил, так же как и окончательное воцарение мадам де Ментенон. С 1683 года мадам Монтеспан лишилась титула официальной фаворитки короля, но, не в силах оставить Людовика, жила при дворе еще 8 лет, ведя прежний образ жизни и участвуя в больших празднествах. Король продолжал посещать ее комнаты в Версале (теперь они находились далеко от основной резиденции короля), правда, теперь в присутствии других дам. Проницательность, обаяние и умение оживить беседу, присущие маркизе, немного сглаживали ее новое положение отвергнутой фаворитки.

Позже Монтеспан получила от короля небольшую пенсию и с тех пор уединенно проводила свои дни в Бурбоне, в Фонтевро, в своих родовых владениях в Антене, но прошло много лет, прежде чем она окончательно покорилась своей судьбе. Ей было очень трудно отказаться от блеска высшего света, в котором проходила ее жизнь. В 1691 году мадам Монтеспан обратилась к Людовику XIV с просьбой покинуть двор. В возрасте 51 года

маркиза посвятила себя раскаянию и искуплению: она поселилась в основанном ею монастыре Святого Иосифа и там каялась и пыталась замолить свои грехи.

В мае 1707 года она исповедалась в присутствии слуг, попросила прощения за все свои злодеяния, получила отпущение грехов и умерла. Людовик достаточно холодно воспринял известие о кончине своей бывшей фаворитки, заявив, что маркиза умерла для него еще тогда, когда он изгнал ее, и даже запретил своим младшим детям от Монтеспан носить траур по матери. Маркизу похоронили в часовне кордельеров в Пуатье.

Луиза Франсуаза де Лавальер

Луиза Франсуаза де ла Бом ле Блан, герцогиня де Лавальер и де Вожур (1644–1710) — фрейлина Генриетты Орлеанской, фаворитка Людовика XIV. Несмотря на то что она не отличалась красотой и немного прихрамывала, ей удалось очаровать короля своей миловидностью и приветливым нравом.

Луиза де Лавальер родилась в 1644 году в Туре в небогатой семье. В детстве, потеряв отца, воспитывалась в замке Блуа, принадлежавшем Гастону Орлеанскому. Она получила хорошее образование, была смышленой и начитанной. В пятнадцать лет по рекомендации своей дальней родственницы, герцогини де Сен-Реми, Луиза поступила фрейлиной к Генриетте Орлеанской. На этой службе она обратила на себя внимание двора — покорила всех умом и грацией, несмотря на небольшой физический недостаток: с детства Луиза любила верховую езду, в 11 лет упала с лошади, сломала ногу и поэтому всю жизнь прихрамывала.

Людовик XIV, охладев к своей жене, стал часто навещать Генриетту Орлеанскую в Сен-Жермене, дав ей повод думать, что сочувствует ее безответной любви к нему. Но на самом деле король искал в толпе придворных дам новый предмет страсти, и его взгляд особенно часто останавливался на молоденькой Лавальер. Заговорив с ней однажды, он был очарован. Было заметно, что этот разговор доставил удовольствие и ему, и ей.

Вначале король вел себя с фрейлиной Генриетты настолько осторожно, что о его чувствах никто из окружения даже не догадывался. Позднее Людовик, очарованный Луизой, стал писать ей нежные письма и дарить подарки. Так началась одна из самых трогательных любовных историй того времени.

Лавальер вовсе не считалась красавицей, на ее бледном лице виднелись следы оспы. Она была невысокой и худощавой, с неровной прихрамывающей походкой. Привлекательности ей

добавляли белокурые волосы, яркие губы, голубые глаза и томный выразительный взгляд. Девушка отличалась живым умом, умела здраво рассуждать, была хорошо воспитана и имела нежное жалостливое сердце.

Лафайет, написавший краткую биографию герцогини Орлеанской, рассказывал, что в Луизу были влюблены несколько мужчин, среди них — граф де Гиш. Но он благоразумно отступил, когда заметил, что к Луизе неравнодушен сам король.

Нелегкий жребий выпал и на долю министра финансов Фуке, полюбившего Лавальер. Красивый, молодой, образованный Николя Фуке построил великолепный дворец в Во с позолоченными залами, мраморными лестницами и волшебным садом. Он чуть ли не открыто бравировал перед королем своими любовными победами и попытался добиться благосклонности Лавальер. Он даже добыл портрет фаворитки, на котором она была изображена в виде Дианы, и повесил его на стене своего кабинета.

В августе 1661 года Фуке организовал в честь короля помпезный праздник, на котором была впервые исполнена комедия Мольера «Докучные». Сад вечером освещался сотнями лампад, имевших форму больших лилий с открытыми чашечками. Именно во время этого праздника Людовик признался Луизе в своих чувствах. В ответ она ничего не сказала, но ее влюбленный взгляд был красноречивее слов.

Этот праздник погубил министра финансов. Влюбленный в Лавальер, он через свою подругу Дюплесси-Бельер хотел передать ей 20 тысяч пистолей. Но Луиза, хоть и была еще совсем небогатой и не имела связей при дворе, решительно отказала ему, заявив, что не продаст свою любовь даже за 20 миллионов. Тем временем король прохаживался вместе с матерью по роскошным помещениям замка Во. И вдруг он заметил в кабинете хозяина портрет Лавальер. Судьба могущественного министра Фуке тут же была решена.

Спустя две недели король со всем двором отплыл в Нант, а перед отъездом отдал приказ арестовать Фуке. Выполнять его выпало д’Артаньяну. Во время обыска в доме министра нашли список девушек, над которыми ловелас одержал победу, а также коллекцию женских локонов и любовных писем. Имя Лавальер было тоже включено в этот скандальный список побед. Фуке был присужден к изгнанию с конфискацией всего имущества. Но король счел приговор слишком мягким и заменил изгнание пожизненным заключением. Бывшего министра финансов отвезли в замок Пиньероль, где он и провел остаток жизни.

Благодаря сближению с Лавальер Людовик словно ожил

душой. Он писал любовнице нежные оды, осыпал любезностями при встречах и дарил множество подарков. Луиза любила его всем сердцем. Когда Людовика не было рядом, она утешала себя тем, что рассказывала о нем своей единственной подруге Монтале. Та была посвящена во все тайны Луизы еще в Блуа, где они вместе жили при дворе овдовевшей герцогини Орлеанской. Когда в Луизу влюбился один провинциальный дворянин и написал ей несколько страстных писем, Монтале знала и об этом. Это было давно, мать Луизы, проведав о поклоннике дочери, отослала письма провинциальному воздыхателю обратно. А теперь Монтале проболталась об этой чисто платонической связи, и ее рассказ дошел до ушей короля. Людовик, услышав эту историю, вспылил. Произошла бурная сцена ревности. Он винил пассию в том, что Луиза клялась ему, будто он ее первая и единственная любовь. Клялась, что у нее никогда не будет от него никаких тайн, а тайна, оказывается, есть. Выходит, она его обманула. Ни мольбы, ни слезы, ни клятвы девушки не помогали — Людовик ушел.

Лавальер ждала его до полуночи, помня обещание, которое они дали друг другу, — что бы ни случилось, не оставаться в ссоре до следующего дня. Но ее возлюбленный не явился. Измученная, в полном отчаянии, на рассвете Луиза уехала в монастырь Сен-Клу. Королю сообщили о ее побеге во время обедни. Людовик тут же отправился в монастырь. Всего через час влюбленные уже вели нежную беседу. Оба торжественно вернулись во дворец, ссора была забыта.

С тех пор началось возвышение Луизы. Для нее был построен Версаль, где теперь устраивались торжества и пиры в честь возлюбленной монарха. Этот восхитительный замок — памятник любви французского короля к Лавальер, созданный из мрамора и украшенный статуями, террасами, фонтанами, рощами и цветниками. О Луизе сочинялись песни. Все, на что была способна фантазия, Людовик пускал в ход, чтобы угодить любовнице. Хотя ей ничего не было нужно, кроме любви короля.

А любовь Людовика была безгранична. Он сам поддерживал фаворитку во время родов. В приступе страшных болей Луиза обхватила его шею и разорвала ворот из драгоценных английских кружев, стоивших около десяти тысяч фунтов, а затем потеряла сознание. В испуге король кричал, что отдаст все, что угодно, только чтоб ему вернули Лавальер. Вечером того же дня, когда у нее родился первый ребенок, Луиза прибыла на бал к герцогине Орлеанской в шикарном платье и с цветами в волосах. Доверенным лицам она сказала, что лучше умрет, чем вызовет подозрение, что стала матерью.

Как ни любила Лавальер короля, их отношения приносили ей и немало огорчений. Ее тяготила незаконность их любовной связи. Луиза всегда краснела, когда оказывалась под пристальным взглядом королевы Марии Терезии. Тогда еще была жива Анна Австрийская, и Людовик XIV из страха перед матерью скрывал, что у него есть незаконные дети от Лавальер. Луиза родила королю четверых детей, но выжили только двое. Свидетелями при крещении приглашали простых, никому не известных людей.

Чуть позже к стыду, который испытывала Лавальер, добавились еще и интриги. Ей многие завидовали, ее хотели унизить и погубить. Для этого королеве посылали анонимные письма, в которых сообщалось о похождениях Луизы, чтобы сделать ее положение при дворе невыносимым.

Анна Австрийская на это реагировала нравственными проповедями, которые читала королю. Тот в ответ говорил: «Когда нас утомит любовь, когда мы пресытимся ею и состаримся, тогда и мы в свой черед ударимся в ханжество и пустимся в нравоучения». Однажды Лавальер, проходя мимо Марии Терезии, услышала, как королева сказала по-испански: «Видите эту девушку с драгоценными серьгами? Она любовница короля». Но Луиза сохранила за собой место официальной фаворитки, несмотря на недовольство матери и супруги короля и к еще большей досаде многочисленных завистниц.

Лавальер по-настоящему и искренне любила короля. Она ни разу не воспользовалась своим влиянием, не просила о милостях ни для себя, ни для своих родных. Луиза относилась благосклонно даже к тем, кто ее оскорблял, выступала с ходатайствами обо всех, кто попадал в немилость из-за нее.

В 1667 году король возвел в герцогство имения Вожур и два баронства в Турени и Анжу. Он подарил их Луизе в знак его расположения к ней, за ее красоту и добродетель, то есть сделал свою фаворитку герцогиней. Затем он признал обоих выживших детей от Лавальер — графа Вермандуа и Анну де Бурбон.

Увы, счастье Луизы длилось недолго. «Король-солнце» был слишком пылким и страстным, чтобы много лет подряд любить только одну женщину. Он охладел к Лавальер, стал к ней равнодушен. На его горизонте всходила новая звезда — Франсуаза Монтеспан. Монтеспан действовала хитро и умно: в беседе с монархом она вставляла язвительные замечания в адрес Луизы. Она раскрыла королю несколько секретов из жизни официальной фаворитки, бросающих на нее тень. Не забыла она и о Николя Фуке, назвав его счастливым соперником. И ее уловки приносили свои плоды — Монтеспан удалось унизить соперницу

в глазах короля.

Изнывающая от ревности, осознавая свое бессилие вырвать короля из сетей конкурентки, Лавальер понимала те страдания, которые пережила супруга короля. Ведь бывали дни, когда Людовик, оставив Марию Терезию, не слыша ее мольбы и убеждения матери, уезжал к Луизе. Лавальер терзала себя мыслями о том, что она не вправе требовать верности от человека, из-за нее изменившего своей жене.

Для Луизы места в сердце короля уже не было. Она пыталась мириться со своим новым положением и безропотно переносила превосходство другой женщины. Ее нередко даже можно было видеть в обществе королевы и маркизы де Монтеспан. Придворные называли их «три королевы».

Но долго этого Лавальер вынести не могла. Она видела для себя единственный выход — удалиться в монастырь. В феврале 1671 года Луиза бежала в монастырь Святой Марии в Шальо. Это была последняя отчаянная попытка обратить на себя внимание короля и задеть его чувства. Перед бегством она сообщила Людовику через своего друга, маршала Бельфона, что уходит в монастырь, потому что потеряла милость короля, которому отдала свою юность. Но король послал за ней в монастырь, Луиза вернулась и долго плакала у него на груди.

Хотя и это не помогло ей вернуть возлюбленного. Красота Лавальер уже начала увядать. Две болезни, едва не стоившие ей жизни, отразились на внешности. А в это время мадам де Монтеспан становилась все ближе и ближе к королю.

Людовик теперь вовсе не щадил чувств Луизы. В 1673 году маркиза де Монтеспан родила королю уже четвертого ребенка. Девочку назвали Луизой Франсуазой, а Лавальер «король-солнце» заставил стать для нее крестной.

Она больше не могла терпеть издевательств короля. Намерение уйти в монастырь все крепло в сердце герцогини. В феврале 1674 года она пыталась еще раз увидеться с Людовиком. Последнее свидание состоялось, но оно было совсем не таким, как хотела Луиза — король холодно с ней расстался. Надежды больше не было.

Свой последний вечер в Версале Лавальер провела в покоях Монтеспан, там с ней попрощались и принцессы. Это было 19 апреля 1674 года. Утром следующего дня она отправилась в монастырь кармелиток в Париж. Настоятельнице она сказала, что навсегда вручает ей свободу, которой до сих пор так дурно пользовалась. Теперь ее знали под монашеским именем Луизы Милосердной.

Лавальер удалилась от света, но сам свет иногда врывался к

ней. Ее посещали придворные дамы, в 1676 году к ней приезжали королева и новая официальная фаворитка короля де Монтеспан.

В монастыре Луиза вела благочестивый образ жизни, замаливая прошлые грехи. В 1683 году умер ее сын, граф Вермандуа. Луиза была безутешна. Там же, в монастыре, она написала несколько книг. Одна из них, «Размышления о милосердии Бога», проникнута глубоко религиозным настроением.

Лавальер была незаурядным человеком. Она поражала монахинь своей терпимостью и выносливостью. Ее считали святой. В монастыре Луиза прожила 36 лет. В 1710 году, когда она умерла, говорили, что тело ее благоухало и было окружено ореолом.

Гортензия Манчини

Гортензия Манчини (1646–1699) — еще одна из знаменитых сестер Манчини — племянниц кардинала Мазарини, любовница английского короля Карла II, прожившая яркую и полную приключений жизнь.

Родилась Гортензия 6 июня 1646 года в Риме в семье барона Лоренцо Манчини и сестры кардинала Жюля Мазарини Джеронимы. В семье Манчини было три сына и семь дочерей, Гортензия — одна из младших. Барон Манчини умер, когда дети были еще малы для самостоятельной жизни. Поскольку брат баронессы был первым министром во Французском королевстве, Джеронима, чтобы обеспечить будущее детей, решила отправить их в Париж. Сначала во Францию к дяде приехали Лаура и Олимпия Манчини вместе с братом Паоло, а в 1653-м — остальные девицы Манчини.

Гортензия была самой красивой из мазаринеток, к тому же еще и любимицей дяди-министра. Кардинал сделал ее наследницей своего титула при условии, что будущий муж девушки примет имя и герб Мазарини.

В 1659 году, после 13-летия Гортензии, ее руки попросил король-изгнанник Карл II. Если бы дядя-кардинал не отказал ему, история Англии могла бы сложиться совсем по-другому. Тогда у Мазарини были все основания сомневаться в удачности этой партии для своей племянницы: он считал Карла II королем без королевства, фактически нищим, живущим на подачки богатых европейских держав, которому совершенно незачем портить жизнь Гортензии. Он рассудил, что ни Франция, ни лично сам кардинал ничего не выиграют от этого брака. И решил отказать

Карлу. Но очень скоро об этом пожалел. Ведь всего через несколько месяцев после поспешного решения Мазарини политическая картина в Европе изменилась. Карл II был провозглашен королем Англии, Ирландии и Шотландии и готовился вернуться на родную землю к счастливым и воодушевленным подданным. Теперь этот брак для юной Гортензии и для кардинала был не просто удачным, он был более чем желанным, как и для всего французского двора. За Гортензией было назначено приданое в размере 5 миллионов ливров, и кардинал умолял Карла сделаться ему добрым зятем. Но теперь уже король отказал кардиналу. Судьбы Карла и Гортензии, чуть не соединившиеся в одну, разошлись, чтобы вновь пересечься через много лет.

После красноречивого отказа Карла II породниться с Мазарини руки Гортензии попросил Карл Эммануил II, герцог Савойский — кузен Людовика XIV, затем герцог Лотарингский пытался заверить кардинала в искренности своих чувств к его племяннице. Но, по мнению Мазарини, герцоги проявили неуемные аппетиты, они торговались и требовали больше, чем хотел дать кардинал, и им было отказано.

Судьба девушки решилась в 1661 году. 1 марта пятнадцатилетнюю Гортензию выдали замуж за Армана Шарля де ла Порта, герцога де ла Мильерей — одного из самых богатых людей Европы. Вместе с красавицей женой Арман Шарль получил титул герцога Мазарен, а после смерти первого министра Франции, последовавшей вскоре после свадьбы, стал обладателем огромного наследства.

Но Арман Шарль очень необычно распорядился своим достоянием. В первую очередь он занялся своим окружением. Он пытался избавить мир от порока: к примеру, у всех служанок в доме не было передних зубов — их просто выбивали при приеме на работу, чтобы они не соблазняли мужчин. Благодаря красоте и популярности Гортензии муж не мог заниматься членовредительством, и участь быть изуродованной ее миновала. Зато герцог мог спрятать ее от внешнего мира. Сначала Гортензии было запрещено общаться с мужчинами и садиться с ними за стол. Это касалось и короля. Арман Шарль постоянно закатывал жене сцены ревности — среди ночи он устраивал у нее в спальне обыски, ища любовников. К тому же супруг был скуп, мелочен, слишком набожен. В конце концов герцог Мазарен отослал молодую жену из Парижа в Бретань — подальше от мужских взглядов. Но несмотря на все разногласия и на то, что брак не был счастливым, у Армана Шарля и Гортензии родилось четверо детей: три дочери и сын.

Но Гортензия не была похожа на смирную овечку. Очутившись в Бретани, она закрутила бурный роман с шестнадцатилетней Сидони де Крусель. Узнав о проделках жены, герцог отправил девиц в монастырь в попытке исправить их нравственность. Но старания Армана Шарля были напрасными: девушки оттуда бежали. После возвращения в Париж Гортензия обнаружила, что муж уже успел отсудить у нее большую часть состояния в свою пользу. Герцогиня засыпала министра Кольбера письмами с жалобами. Муж в свою очередь жаловался на нее королю и вел бесконечные судебные тяжбы. Но после того как герцог Мазарен решил читать лекции по поводу греха прелюбодеяния самому королю, Людовик XIV взял на себя официальное покровительство над Гортензией Манчини и назначил ей королевскую пенсию в размере 24 тысяч ливров ежегодно.

Но в своем новом положении Гортензия тоже не могла жить спокойно. В Париже из-за нее произошел скандал — дуэль между маркизами Кавуа и Курсель. После этого на нее легла вся тяжесть королевского гнева, как на женщину, слывшую легкомысленной и интриганкой. Тогда Гортензия, оставив детей, приняла решение бежать из Парижа с помощью своего брата Филиппа, герцога де Невер. 13 июня 1668 года на предоставленном братом экипаже и с охраной Гортензия отправилась в Рим под защиту своей сестры Марии, княгини Колонна. Там Гортензия жила в доме богатого зятя и вела веселую и беззаботную жизнь. Но проблемы в семейной жизни ее сестры вскоре вынудили герцогиню искать другое пристанище. Сестры решили вместе бежать из Рима. Возможно, именно Гортензия подбила сестру на побег, поскольку сама неоднократно бегала от мужа.

Мария и Гортензия добрались до Экса. Там их на время приютил граф де Гриньян, друг их брата Филиппа Неверского. Сестер приняли очень радушно. Графиня написала об их приезде своей матери, маркизе де Севинье. Благодаря этому о местонахождении Марии и Гортензии узнал весь Париж, и, конечно, их мужья тоже. Супруг Гортензии стал требовать ее возвращения и даже получил постановление парламента об ее аресте.

Герцогиня Мазарен вернуться во Францию не могла. Тогда она вспомнила про герцога Савойского — бывшего соискателя ее руки — и решила отправиться к нему, поскольку тот был обеспокоен ее судьбой. Савойский правитель, не устояв перед красотой герцогини, объявил себя заступником «несчастной» и предоставил ей замок в Шанбери, в Верхней Савойе. Гортензия блистала при дворе, организовала нечто вроде салона, в котором

собирались философы, поэты, интеллектуальная элита того края. Ведь она, как и все сестры Манчини, получила прекрасное образование. К тому же Гортензия еще и прекрасно стреляла, владела шпагой и разъезжала верхом в мужском седле. Она увлекалась азартными играми и даже появлялась в мужской одежде — словом, ни в чем себе не отказывала и жила как истинная правительница Савойи. И своим поведением восстановила против себя всю семью Манчини.

Чтобы досадить своему мужу, распространявшему о ней сплетни, сделавшие ее европейской знаменитостью, Гортензия написала и обнародовала мемуары. Но супруг все еще не оставлял надежды вернуть ее.

К сожалению, идиллия в Шанбери продолжалась не так долго, как хотелось бы герцогине — всего 3 года. Герцог умер в 1675 году, и тогда его вдова просто изгнала Гортензию за пределы Савойи, дав 10 дней на сборы.

После этого Гортензия направилась в Аннеси, где в это время правил лорд Монтегю. Он был послом Англии в Париже. Как-то, гостя в ее замке Шанбери, он заронил Гортензии мысль стать фавориткой не герцога, а короля. Карл II уже вернул себе престол и наверстывал упущенное за годы изгнания. Видимо, лорд решил, что Гортензия не относится к особам, обремененным высокой моралью. А также он рассчитывал, что красотка сможет отвлечь английского короля от его метрессы Луизы де Керуаль, герцогини Портсмут.

В Аннеси лорд Монтегю передал герцогине приглашение посетить Лондон. Она незамедлительно отправилась туда, чтобы повидать свою кузину Марию Моденскую (дочь кузины Лауры Мартиноцци), герцогиню Йоркскую, жену младшего брата короля. Тридцатилетняя Гортензия была все так же прекрасна и обворожительна. Она сняла дом в Ковент-Гардене. Там появился весь свет Лондона — все спешили засвидетельствовать ей свое почтение.

Расчет Монтегю оказался верным — король Англии был совершенно очарован Гортензией. Она быстро потеснила Луизу де Керуаль в сердце монарха и стала его фавориткой. Ежедневно в 8 утра король и герцогиня совершали заплыв по Темзе, а после играли в теннис. Карл II назначает фаворитке пособие в размере 4 тысяч фунтов в год и лично занимается ее финансовыми делами, в частности возвращением драгоценностей, оставленных во Франции.

А неугомонный супруг Гортензии Арман Шарль все еще пытался вернуть ее, даже обратился за помощью во французский суд. Гортензия не реагирует на постановление суда и остается в

Лондоне.

Но страсть Гортензии к приключениям не давала ей жить спокойно. Она сблизилась с незаконной дочерью Карла II, графиней Энн Сассекс, затем завела интрижку с Людовиком I де Гримальди, принцем Монако, прибывшим с визитом в Лондон. Карл II узнал об этом. Обычно достаточно спокойно относившийся к изменам своих фавориток, на этот раз король вспылил и приказал прекратить выплачивать Гортензии пособие. Но через несколько дней он, успокоившись, отменил свое решение насчет содержания Гортензии. А та поняла, что совершила большую ошибку — король вернулся к своей любовнице Луизе де Керуаль.

Гортензия сохранила все привилегии и деньги, которые ей предоставлял король, а также дом и прежний образ жизни. Но больше она не была возлюбленной Карла II, они остались друзьями, насколько возможна подобная дружба между бывшими любовниками. Гортензия утешалась тем, что вела очень веселую жизнь… Она была богата, свободна, могла распоряжаться собой и своим сердцем, по-прежнему оставаясь одной из женщин, пользующихся повышенным вниманием во всей Англии.

Карл II умер 6 февраля 1685 года. На престол взошел Яков II, бывший герцог Йоркский, его жена Мария Моденская, племянница Гортензии, стала королевой Англии. Они не нарушили течения приятной для герцогини Мазарен жизни и продолжали оказывать ей покровительство.

Но спустя четыре года Вильгельм III Оранский, высадившись в Англии, сверг Якова II. Кому теперь была нужна фаворитка покойного Карла? У нового короля не было никаких причин относиться с уважением к герцогине Мазарен. Вильгельм был человеком строгих нравов, и Гортензия для него была распутницей. Ее лишили пособия, назначенного Карлом, и заставили покинуть малый Сент-Джеймсский дворец. У Гортензии появляются долги.

А супруг из Парижа по-прежнему требовал ее высылки. Но теперь герцогиня не могла уехать, потому что закон не позволял должнику покинуть английскую территорию, не выплатив всех долгов. Этот закон, с одной стороны, охранял Гортензию от преследований герцога, но с другой — заменял ей тюрьму, не позволяя уехать в Рим. Гортензия была вынуждена перебраться в скромный домик в Челси. Ей пришлось ограничиваться самым необходимым. Герцогине остались верны немногие — только ее преданные слуги, а также поэт Сент-Эвремон, который навещал Гортензию каждый день. С годами потихоньку увядала красота, постепенно приближалась старость. Дама искала забвения в

вине…

Тем не менее сердце Гортензии продолжало биться все так же страстно, как и в юности. Она влюбилась в молодого красавца герцога д'Альбмарля. Но на этот раз судьба выкинула злую шутку — соперницей Гортензии стала ее собственная дочь, Мария-Олимпия де Мазарен, маркиза де Ришелье. Герцогиня попросила короля Вильгельма выслать дочь из Англии, на что тот, не зная истинных причин, согласился. Но вслед за Марией-Олимпией отправился и герцог д'Альбмарль. Вот почему, когда вскоре Гортензия умерла, преобладала версия о самоубийстве. Но не из-за неразделенной любви, а из-за бесславного окончания блистательной жизни роскошной женщины. Ей было всего 53 года…

После смерти Гортензии кредиторы наложили лапу на ее небольшое имущество. Они даже «арестовали» ее труп. Мужу пришлось начать новый процесс, чтобы вытребовать тело жены у кредиторов, оплатив ее немалые долги. Получив останки Гортензии, герцог перевез их во Францию. Целый год после этого он возил с собой из одной провинции в другую гроб с телом жены, которая убегала от него целых 30 лет! Вероятно, он не переставал любить жену в глубине своего омраченного безумием сердца. Как его ни убеждали похоронить Гортензию, потребовался приказ короля, чтобы герцог согласился. Погребение состоялось в часовне коллежа Четырех наций в Париже. После похорон герцог удалился в свое владение Ла-Мильерей, где и умер 25 ноября 1713 года в возрасте 82 лет.

Элизабет фон Мейсенбург

Клара Элизабет фон Мейсенбург (1648–1700) — немецкая дворянка, наиболее известна как любовница Эрнста Августа, курфюрста Ганновера, а также своим участием в судьбе графа Филиппа Кристофа фон Кенигсмарка.

Элизабет родилась в 1648 году и была старшей дочерью барона Георга Филиппа фон Мейсенбурга и его жены Анны. Если бы отцу не удавалось поправлять дела благодаря искусной игре в карты, их скудное состояние истощилось бы достаточно быстро. И у барона фон Мейсенбурга было только одно желание: пристроить своих дочерей в постель какого-нибудь богача. Семейство постоянно переезжало. Отец пытался получить для Элизабет и ее сестры Катарины места при французском дворе в Версале, но его попытка провалилась. Тогда барон решил рекомендовать дочерей ко двору Эрнста Августа Брауншвейг-

Каленбергского, епископа Оснабрюка.

В 1673 году фон Мейсенбург с дочерями отправился в Оснабрюк. Первая встреча с местной знатью состоялась в театре. Старшая дочь Мейсенбурга, красавица Элизабет, сразу же понравилась епископу. За церемонией представления из княжеской ложи с натянутой улыбкой наблюдала супруга Эрнста Августа, герцогиня София. Элизабет поняла, что ее чары подействовали на его преосвященство.

Камер-юнкер правителя, Эрнст фон Платен, в сложившейся ситуации увидел выгоду для себя. Он решил, что женится на Элизабет фон Мейсенбург, которая будет пользоваться благосклонностью епископа. Смышленый камер-юнкер хорошо понимал, что это может значить. Но его не смущала перспектива того, что жена не будет ему верна, это казалось ему незначительным по сравнению с открывающимися карьерными возможностями.

Вскоре Клара Элизабет фон Мейсенбург действительно стала супругой камер-юнкера. Семейство Мейсенбург после утомительной кочевой жизни при разных европейских дворах нашло свое счастье в Оснабрюке.

Епископ не скупился — супруги Платен зажили в роскоши. Также он позаботился о карьере камер-юнкера. Платен быстро заметил, как много значат чары его жены: камер-юнкер, затем камергер, главный камергер, а после — гофмаршал. Он только потирал руки и старался быть как можно более преданным слугой своего господина. Настолько преданным, что вскоре с удовольствием передал его преосвященству все «права хозяина» в собственном доме.

Элизабет была умной и скромной, она сделала много выводов из неустроенной кочевой жизни. Ей было нелегко каждый раз утверждаться заново. Поэтому молодой женщине очень хотелось хорошо и надолго закрепиться на новом месте. Итак, все были довольны, а Эрнст Август даже счастлив. Его жена, герцогиня София, скоро поняла, что любовница мужа соблюдает установленные ею границы приличия. Поэтому дело никогда не доходило до открытого скандала.

В 1692 году Эрнст Август стал курфюрстом Ганноверским. Он пригласил свою любовницу в развлекательное путешествие по Италии. Претензии Элизабет заметно возросли. Своими драгоценностями она уже могла бы вымостить целую улицу. Мельчайшие детали, вплоть до украшений карет, заказывались ею из самых дорогих материалов. У ее портных, камеристок и швей не было свободной минуты. Туфли Элизабет частенько летели в головы нерасторопных слуг. Все боялись могущественной

гофмаршальши, и никто ее не любил.

В Италии ганноверская куртизанка имела неслыханный успех. Ей действительно удавалось украсить каждый праздник своим присутствием. Теперь уже вся Италия не переставала говорить о Платен: о ее умении танцевать, красоте, великолепных украшениях. Эрнст Август, обычно сдержанный и холодный на людях, здесь смог полностью отдаться своей страсти, ведь в Ганновере дворцовый церемониал и присутствие герцогини сковывали порывы его любви. Поэтому Платен в этом путешествии была особенно счастлива.

Но с приездом в Италию по приглашению Эрнста Августа четы наследников для нее многое изменилось. Присутствие наследников нисколько не поколебало «культ Платен» в здешнем высшем обществе, на фоне ослепительной гофмаршальши утонченная наследная принцесса отступала на второй план. Однако начали раздаваться голоса, отдающие предпочтение хрупкой женственности Софьи Доротеи. Она обладала редкой привлекательностью и мягким характером. Но ее хвалили лишь тайком, ведь Платен была могущественна, а ее супруг — изворотлив, как уж. Все понимали, что с этой четой придворных лучше поддерживать дружеские отношения.

Конец путешествия ознаменовался громким скандалом между наследным принцем и супругой гофмаршала. Платен позволила себе в довольно широком кругу высказаться о якобы незаконном происхождении наследной принцессы. А Софья Доротея, которая узнала об этом, рассказала все мужу и назвала Элизабет и ее супруга в порыве гнева «слугами нашего дома, которых мы, по нашему желанию, в любой момент можем прогнать».

По возвращении в Ганновер придворные разделились на два враждующих круга: многочисленных приверженцев куртизанки, которые пробились в свет и кормились за счет ее милости, и немногочисленных сторонников наследной принцессы. Теперь у Софьи Доротеи появился серьезный враг.

Фон Платен не находила себе места от гнева и возмущения: один дворянин, прибывший с войны вместе с принцем, до сих пор не нанес ей визит, ей, самой могущественной женщине ганноверского двора. Тогда Элизабет решила на дворцовых вечерах блистать еще ярче. И генерал Филипп фон Кенигсмарк был просто ослеплен ее красотой и великолепием. Поэтому он не заметил, что юная наследная принцесса была необычайно взволнована его неожиданным появлением при ганноверском дворе. После бала Элизабет пригласила супруга в свои покои, чтобы во всем разобраться. Она хотела понять, кто такой этот Кенигсмарк, который игнорировал ее, властную любовницу

самого герцога?! Ее все обожали. А сейчас у нее снова появилось основательно забытое и приятное чувство: ее заставили растеряться…

Ее муж, умный политик, понял, что к чему: саксонский дворянин Кенигсмарк заинтересовал его великолепную супругу. Платен переживал, как бы Элизабет не наделала глупостей: ведь ревность герцога была общеизвестна. И Эрнст фон Платен решил предостеречь жену. Он был очень расчетлив и не собирался из-за мимолетной прихоти супруги жертвовать своей бесценной должностью. Поэтому он обратил внимание Элизабет на прежнюю юношескую дружбу Софьи Доротеи с Кенигсмарком. Принцесса осаждала Кенигсмарка своей верной многолетней любовью, писала ему нежные письма, и они не оставались без ответов. Софья Доротея даже хотела бежать с ним и оставить ненавистного мужа. Она строила планы отъезда во Францию и принятия католичества, просила родителей приютить ее; она уже даже собрала свои драгоценности, готовясь к побегу.

Элизабет все стало ясно. Она была очень благодарна своему дипломатичному супругу. Это было ценное признание. У нее появилась надежда на то, что теперь-то уж Софья Доротея попадет в сети, которые ей расставит хитроумная маршальша…

Спустя несколько недель Платену был пожалован титул графа. Элизабет была без ума от счастья. В ее новом замке Ной-Линден балы следовали за балами. На первом из них появилась и герцогиня София, повелительница даже осталась ночевать. За это изъявление милости графиня была ей очень благодарна. У Элизабет был слуга, мальчик-мавр, который по ее приказу вел наблюдение за многочисленными гостями и прислугой. У негритенка были идеальные слух и зрение, которые помогали ему все замечать даже самой темной ночью. Благодаря ему Элизабет осмеливалась сначала посещать Эрнста Августа в его покоях, а затем принимала Филиппа фон Кенигсмарка в своих. Эти невероятные любовные похождения пьянили ее. На время она вообще забыла о курфюрсте. В объятиях Кенигсмарка она забывала обо всем…

Кенигсмарк был генералом, однако в военной службе его больше всего привлекал легкий успех у дам. Ему не хотелось впасть в немилость к герцогу Ганноверскому, к тому же маршальша быстро надоела ему. У него было достаточно красивых женщин, поэтому он стал избегать встреч с Элизабет. Видимо, он все-таки любил Софью Доротею. Для Кенигсмарка были бесценны их общие юношеские воспоминания. Ее образ постоянно преследовал генерала… Но чтобы не дразнить графиню, он старался ни разу при ней не упоминать имени

наследной принцессы.

Придворные интересовались, почему Платен особо отличает Кенигсмарка. Многие строили предположения, но никто не знал ничего определенного… Тем временем Кенигсмарк снова отправился на войну, и сплетни прекратились. Курфюрст, какое-то время подозревавший Элизабет из-за слухов, теперь искал с ней примирения. Он задаривал ее драгоценностями, чтобы загладить свою вину…

Но графиня продолжала искать встречи с Кенигсмарком, ведь она его любила. Она чувствовала, что никогда не сможет забыть генерала. Эрнст Август теперь ничего для нее не значил. Он давно дал ей все, что она хотела. К тому же он стал толстым, а его красивое лицо уже становилось дряблым.

На протяжении многих месяцев графиня пристально следила за ничего не подозревавшей принцессой Софьей Доротеей. Элизабет знала о том, что Кенигсмарк посещает ее. Она предупредила наследного принца, всего лишь намекнула ему. Она вела себя так, как будто только выполняла свой долг, ведь она не хотела скандала… Георг Людвиг сразу все понял и возненавидел свою супругу. Графиня была довольна.

У Элизабет было много забот, она даже на время стала домоседкой. Ее слуга-негритенок ежедневно доставлял ей все новые сведения. Ему удалось выкрасть письма в покоях Софьи Доротеи и передать Платен. В этих письмах от Кенигсмарка содержались такие важные сведения, что можно было с уверенностью утверждать — теперь сопернице графини конец.

Кенигсмарк и Софья Доротея решились бежать. Разочарование графини Платен в генерале перешло в ненависть к его подруге, особенно после того как Кенигсмарк, будучи в Дрездене, под действием вина хвастал своими близкими отношениями с двумя ганноверскими дамами — не только с принцессой, но и с графиней. В июле 1694 года, в ночь перед планировавшимся побегом, Элизабет принесла курфюрсту компромат против наследной принцессы — украденные письма. Софья Доротея и ее придворная дама были арестованы, а генерал бесследно исчез.

Филипп фон Кенигсмарк из замка не вышел. По одной из версий, он был заколот затаившимися в засаде алебардистами, а тело его было спрятано. Зачинщицей преступления считали графиню фон Платен. Георг Людвиг во время этих событий был в отъезде, своим молчанием он дал согласие на расправу с Кенигсмарком…

Как только наследная принцесса оказалась в заключении, графиня снова стала появляться в окружении своих придворных

дам на всех балах. Она оставалась на вечеринках до глубокой ночи — Элизабет совершенно не выносила одиночества. Мастерица затевать интриги, отныне она не могла отделаться от призраков, которые постоянно терзали ее. Даже ее смех, прежде такой звонкий, стал теперь каким-то хриплым…

Здоровье курфюрста было подорвано излишне роскошной жизнью, и в последующие годы он часто болел. Платен часто сидела у постели Эрнста Августа, но теперь, больной, он вызывал у нее только печаль. Она не хотела, чтобы чья-то болезнь портила ей настроение. Элегантно и богато одетая, все еще красивая женщина, она по-прежнему находилась в центре внимания на всех приемах. Но все это больше ее не радовало. Элизабет не хватало того, который больше никогда не придет…

Эрнст Август, курфюрст Ганноверский, умер после мучительной агонии в ночь с 23 на 24 января 1698 года. После его смерти графиня Платен никого не принимала. Она пыталась стереть из памяти все воспоминания о любви Эрнста Августа, о его благородстве. Сожаления о потерянном могуществе тоже терзали ее душу. Она постоянно находилась в одиночестве и стала очень быстро стареть. Редко приезжал ее муж, еще реже дети — Эрнст Август и София Шарлотта, баронесса фон Киельмансег.

Элизабет приказывала днем и ночью не гасить свечи, потому что не переносила ни малейшей тени или темного угла в своих покоях, страх больше не оставлял ее. В январе 1700 года графиня Платен умерла. Ее последние часы были полны мучений. Она беззвучно молилась, но страх не оставлял ее: ей виделись тени людей, которых она погубила. После смерти Элизабет была найдена копия признания, которое она хотела сделать на смертном одре. В нем графиня подтвердила свою причастность к смерти Кенигсмарка. Но оригинал документа не был найден…

Нелл Гвин

Английская актриса Нелл Гвин (1650–1687) много лет была любовницей короля Англии Карла II и даже имела от него двоих детей.

По слухам, Элинор Гвин появилась на свет на чердаке небольшого дешевого борделя, который держала ее мать. Отца девочка не знала — он то ли умер, то ли бросил крепко пившую супружницу. В пьяном угаре матушка иногда неделями не вспоминала о детях. Когда Нелл нечего было есть, она вместе со старшей сестрой Роуз помогала торговкам рыбой на рынке или

подносила пиво в соседней харчевне. Грошей этих едва хватало на кусок хлеба.

В 14 лет рыжеволосой Нелл неожиданно улыбнулась удача. Ее заметили актеры и взяли в только что открывшийся королевский театр разносчицей фруктов и конфет. Девчушка не была красавицей, но очарования в ней было с лихвой, а ее острый язычок и смешливость тут же привлекали внимание окружающих. Маленького роста, с неправильными чертами лица, она так умела улыбаться, что ямочки на щеках прибавляли ей недостающей красоты. К тому же она была еще очень добра.

Вскоре Нелл Гвин стала любимицей театральной труппы, а главный режиссер театра Томас Киллигрю предложил ей роль в спектакле. Девушку учили актерскому мастерству, пению и танцам, и Нелл быстро усвоила уроки. Так же быстро она обучилась искусству любви — Киллигрю был внимательным и чувственным покровителем. Спустя два года Нелл стала ведущей комедийной актрисой театра.

Неграмотная и простоватая, выросшая в нищете Нелл Гвин удивительно талантливо вбирала в себя то хорошее, что видела вокруг. Она научилась со вкусом одеваться, сумела избавиться от дурных привычек и своими манерами стала походить на благовоспитанных дам.

Однажды в 1668 году на молодую рыжеволосую актрису обратил внимание сам король. Мисс Гвин получила приглашение на ужин в королевских покоях. Однако лорд Дорсет уже до этого оценил ее красоту и взял к себе на содержание, но Карл II, дав ему место при посольстве во Франции, переманил красавицу к себе за ежегодное вознаграждение в 500 фунтов стерлингов. Через четыре года эта сумма выросла в 120 раз и достигла 60 000!

До Нелл Карл II никогда не был так увлечен: он забыл не только многочисленных любовниц, но и законную жену. Королева полностью отдалась унынию после того, как Нелл родила от короля ребенка. Монархиня же оставалась бесплодной и видела именно в этом причину нараставшей холодности супруга.

Король поселил Нелл в специально отведенных для нее покоях и наведывался к ней каждый день. Любовница никогда не вмешивалась в государственные дела, ничего не требовала от Карла — только с ней король мог чувствовать себя спокойно и легко. Даже когда страсть утихла и король вновь обратил внимание на юных красоток, веселая и искренне любившая Карла Нелл оставалась «королевским другом».

Нелл даже умудрялась дружить со своими соперницами, не теряя оптимизма и сохраняя неизменную улыбку с ямочками на щеках. Нелли, ловкая и грациозная, прекрасно танцевала и пела.

Если бы она попросила у Карла чью-то голову, король без раздумий отдал бы ее своей возлюбленной. К счастью, Нелли Гвин не была кровожадна и просила у короля лишь щедрые подарки. Примечательно, что благодаря ее ходатайству артисты по распоряжению короля были названы придворными и числились на государственной службе. Когда же в парламенте был поднят вопрос относительно обложения актеров налогом, это предложение было отвергнуто: мол, актеры служат на потеху королю, а значит, являются почти что придворными.

Одна из любимых лондонцами историй повествует именно об этой рыжеволосой актрисе. Однажды Нелл Гвин проезжала по Лондону в роскошной карете, подаренной королем. Вдруг карету остановила возбужденная толпа: мужчины и женщины выкрикивали ругательства и угрозы, потому что считали пассажиркой кареты другую любовницу Карла — Луизу де Керуаль. Эту француженку-католичку англичане, ненавидевшие в то время римско-католическую веру и ее приверженцев, готовы были разорвать в клочья. Нелл долго терпела оскорбления, но затем все же с добродушной улыбкой выглянула из кареты и весело прокричала: «Люди, успокойтесь! Я не католическая, а протестантская шлюха!» Народ ответил восторженным воплем. Протестантская шлюха — это самая наглая шлюха в королевских владениях: по слухам, она называла монарха Карлом III, потому что до него уже имела двух любовников по имени Карл. Нелл весело помахала зевакам и гордо продолжила свой путь.

Монарх оставил после себя четырнадцать детей. Среди его фавориток были такие известные дамы, как Барбара Кастлмэн, Молли Дэвис, Франциска Стюарт, Луиза де Керуаль, герцогиня Портсмут… Перед смертью в 1685 году по настоянию своей последней любовницы, герцогини Портсмут, король исповедался у католического священника, предав свою англиканскую веру. Но на смертном одре король все же попросил своего брата Якова «не дать бедной Нелл умереть с голоду». Яков выполнил обещание и даже спас Нелл от долговой тюрьмы.

В 1687 году 37-летняя Нелл сильно простудилась и умерла. Яков II похоронил ее с почестями. На похороны бывшей королевской фаворитки пришло множество народа — ее любили за доброту и широту души: Нелл не различала званий и титулов, а ко всем относилась одинаково.

На Трафальгарской площади и сейчас еще есть небольшая пивная, которая носит имя Нелл Гвин.

Анжелика де Скорай де Руссиль

Анжелика де Скорай де Руссиль (1661–1681) — дочь королевского наместника в Оверни, благодаря своей красоте ставшая официальной фавориткой Людовика XIV.

Анжелика родилась в 1661 году и радовала родителей, пока ее не увидел предприимчивый кузен. Поразившись красоте юной родственницы, он уговорил родителей девушки отправить ее вместе с ним в Версаль. Там она стала фрейлиной Шарлотты-Елизаветы Баварской, невестки короля.

А вскоре ее заметила мадам де Монтеспан и, поняв, что новая красотка не может завладеть сердцем и умом Людовика надолго, но отвлечет его от более опасной Франсуазы д'Обинье, сделала так, что юная провинциалка попалась на глаза его величеству. Анжелика, свежая и неопытная, привлекла к себе внимание «короля-солнца» и в 1678 году стала его любовницей.

Современники отмечали ее необыкновенную красоту; сам король называл ее «прелестным созданием». Однако любовные приключения Людовика никогда не мешали ему управлять государством. Это он говорил придворным: «Я всем приказываю: если вы заметите, что женщина, кто бы она ни была, забирает власть надо мной и мною управляет, вы должны меня об этом предупредить. Мне понадобится не более 24 часов для того, чтобы от нее избавиться и дать вам удовлетворение». Людовик XIV всегда подчеркивал, что государственные интересы для него выше личных: «Время, которое мы отдаем нашей любви, никогда не должно наносить вреда нашим делам… Как только вы дадите свободу женщине говорить с вами о важных вещах, она заставит вас совершать ошибки». И действительно, трудолюбивый король государственными делами занимался каждый день.

Но и женщины в жизни Людовика XIV играли важную роль. В молодости король часто менял свои привязанности, но каждая из его любовниц имела официальное положение при дворе. Дети, появлявшиеся на свет божий от фавориток, получали титулы герцогов и графов, а впоследствии занимали генеральские и адмиральские должности. Все они имели большие личные состояния, вступали в браки с отпрысками самых известных аристократических семей Франции и Европы. Понятно, что содержание фавориток дорого обходилось государственной казне. Сластолюбивый монарх был щедр. Он одаривал любовниц дворцами, поместьями, землями, драгоценностями, деньгами. Их просьбы безропотно удовлетворяли министры и другие

государственные чиновники даже после «отставки» из королевской спальни.

Но наша героиня по своей наивности и чистоте не думала о будущем и просто капитулировала под напором страстного короля. Связь с Анжеликой де Скорай де Руссиль оставалась тайной до весны 1679 года — тогда ее объявили официальной королевской фавориткой. В конце года она на очень позднем сроке по непонятной причине потеряла ребенка от короля и после этого несчастья уже не оправилась.

В 1680 году Людовик даровал ей титул герцогини де Фонтанж, что по обычаю того времени означало конец официальных отношений с королем. Будучи уже тяжело больной, Анжелика удалилась в монастырь Пор-Рояль, где и скончалась в 1681 году.

Многие историки придерживаются мнения, что Анжелику неоднократно пытались отравить. Именно этим публика объясняла преждевременные тяжелые роды и внезапное ухудшение здоровья крепкой на вид девушки. Говорили, что на ней проверяла действие яда мадам де Монтеспан, вскоре обвиненная в многочисленных отравлениях. Но современные медики, изучив сохранившееся описание вскрытия, склоняются к версии смерти от плеврита.

Мария Аврора фон Кенигсмарк

Мария Аврора фон Кенигсмарк (1662–1728) была фавориткой короля-курфюрста Саксонии Августа II Сильного.

Родилась она в семье графа Курта Кристофа Кенигсмарка и Марии Кристины Врангель (сводным братом матери Авроры был шведский адмирал Карл Густав Врангель). Ее отец состоял поочередно на шведской и голландской службе и был убит бомбой в 1673 году при осаде Бонна. Мария Аврора была младшей дочерью в семье. Она получила прекрасное воспитание, говорила на немецком, французском, итальянском и шведском языках и читала древних авторов на латыни. С 15 лет в сопровождении матери она бывала при дворах Германии и Швеции, где усвоила изысканные манеры.

Аврора, по описаниям современников, в свои юные годы была высокой и стройной красавицей с цветущим округлым лицом, окаймленным пышными белокурыми волосами. У нее был открытый высокий лоб над огромными глазами, выражение которых приковывало мужские взоры необыкновенной отрешенностью. Маленькие нос и рот ее были идеально

красивыми, как и ослепительно белые зубы…

Аврора фон Кенигсмарк прекрасно разбиралась не только в истории, географии и генеалогии, но и в законах музыки, сочиняя ее для виолы и лютни. К тому же она бесподобно пела и танцевала, занималась живописью и рисовала. Один из современников писал об Авроре так: «Она была необыкновенно умна, одинаково покладиста и противоречива и всегда прелестна, по-новому возбужденно-радостна… Она, случалось, терпеливо убеждала какого-нибудь молодого, но уже сумасбродного вельможу, новичка в искусстве, приобщиться к нему и полюбить его…»

Умная и энергичная Аврора благодаря своему происхождению могла рассчитывать на самую выгодную партию, но спокойная жизнь хозяйки большого дома ее не прельщала. Брат Филипп Кристоф не без оснований называл ее авантюристкой…

Эта юная красавица очень рано произвела сенсацию в высшем свете. В 12 лет на костюмированном балу одетая цыганкой девчонка вызвала всеобщее восхищение. А в 16 она вместе с сестрой в Стокгольме приняла участие в постановке для королевской семьи драмы Расина «Ифигения» и поразила всех своим талантом.

В Стокгольме из-за нее произошел спор, а затем и дуэль между двумя дворянами. Аврора вынужденно возвратилась к сестре в Гамбург, покинутый ею десять лет назад. Теперь она была в полном расцвете молодости и красоты, и ее всюду приветствовали как «шведскую графиню». Она тут же стала центральной фигурой тамошнего высшего общества. Остается загадкой, почему Мария Аврора тогда немедленно не нашла выгодную партию. Вероятно, она просто не желала этого, хотя в то же время благосклонно принимала все знаки внимания, исходили ли они со стороны пожилого герцога фон Брауншвейг-Вольфенбюттеля, или от богатого полковника Мейера, или от семнадцатилетнего герцога Фридриха Вильгельма фон Мекленбург-Шверинского.

Тогда при Дрезденском дворе во всем задавала тон графиня фон Ройслиц, фаворитка курфюрста Иоганна Георга IV. Но правитель неожиданно умер, а его возлюбленная быстро последовала за ним. В итоге трон достался брату курфюрста — Августу, восшествие на престол которого Аврора приветствовала в стихах.

Перевернуло всю жизнь Авроры и все ее планы на будущее исчезновение брата Филиппа Кристофа в замке курфюрста в Ганновере. Не было ни тела, ни сведений о том, жив он или умер.

Сестры обратились к ганноверскому курфюрсту, но безуспешно. Тогда Аврора поведала о печальной судьбе брата своему почитателю, мекленбургскому герцогу Фридриху Вильгельму, но в ответ получила только вежливое соболезнование.

В этот переломный момент 26-летней Авроры стал добиваться молодой курфюрст Август Сильный. Прозвище его зиждилось не на пустом месте — он действительно был таким сильным, что двумя пальцами поднимал с земли длинное и тяжелое ружье; в Раве летом 1698 года он одним ударом сабли отрубил голову быку, а клинок подарил Петру Великому как наставление — мол, вот как надо поступать с его бунтующими боярами. Август уже в возрасте семнадцати лет познакомился с главными по части развлечений городами тогдашней Европы — Парижем и Венецией. За долгую жизнь за ним числилось сотни, если не тысячи любовных связей, а количество внебрачных детей сравнимо с количеством дней в году.

Август, который был на короткой ноге с ее братом Филиппом Кристофом, уже видел Аврору раньше, но тогда не сблизился с ней. Когда она приехала, чтобы просить о помощи в деле поисков брата или признания его умершим, чтобы получить право на наследство, он был в Лейпциге, потом отправился на охоту под Мейсен. Лишь через месяц Аврора смогла поговорить с ним, уже завоевав благосклонность его матери и супруги. Он обещал ей содействие и попросил остаться в Дрездене, пока ситуация не прояснится. В конце концов Аврора оказала Августу свое расположение, после чего он начал заваливать ее дорогими подарками и пригласил в свой охотничий замок Морицбург.

Вскоре Аврора отправилась туда, сопровождаемая придворными дамами, одетыми как амазонки. К своему удивлению, она увидела рядом с Морицбургом новый дворец, которого совсем недавно здесь не было. Когда ворота замка распахнулись, появилась Диана (госпожа фон Байхенлиген) и нимфы, приветствовавшие богиню Аврору и пригласившие ее в замок, чтобы принять клятву верности лесных богов в огромном зале, увешанном картинами, представлявшими различные сцены из античной жизни.

В час обеда пол в этом зале раздвинулся и появился стол, уставленный дорогими яствами. Вскоре зазвучали гобои, флейты и дудки, возвестившие прибытие бога Пана (самого Августа) с другими лесными богами, роль которых исполняли самые галантные придворные. Пан уселся перед Авророй и стал забавлять ее с таким же пылом, как его свита — амазонок и нимф. Вдруг после обеда во дворе раздался собачий лай и звуки рожков — егеря с собаками подняли огромного оленя. Пан,

Аврора, Диана и их свиты вскочили на лошадей и бросились преследовать животное. Олень прыгнул в ближайшее к Морицбургу озеро, но погоня продолжилась. Когда же дамы в гондолах переплыли на остров в центре озера, они смогли присоединиться к остальным охотникам, которые уже поджидали их. В раскинутом на острове роскошном турецком шатре их встретили 24 богато одетые турчанки, предложившие им прохладительные напитки в серебряных кувшинах. За этим шатром оказался еще один, в котором, окруженный янычарами, их встречал сам султан (курфюрст) в сверкающих драгоценными камнями одеждах. Август с Авророй опустился на подушки, а остальные расселись на полу, чтобы полюбоваться турецкими танцами.

После этого была прогулка на лодках в сопровождении плавучего оркестра, а потом гости отправились в Морицбург. Август проводил свою даму в спальню с великолепным ложем: обшитые серебром занавеси из сукна цветов родового герба Кенигсмарков разрисованы амурами, само ложе усыпано цветами, а стены спальни увешаны картинами с изображением сцен любви Авроры и Титана. Во время ужина Аврора нашла на своей тарелке букет из бриллиантов, рубинов, изумрудов и жемчуга. Затем был бал, который они с Августом открыли. Однако в разгар веселья парочка неожиданно исчезла…

В Дрездене Аврора в качестве официальной фаворитки заняла роскошный дом, и праздники, по своей фантазии и размаху подобные летнему, продолжались всю зиму. Курфюрст каждый вечер ужинал у своей возлюбленной и устраивал банкеты, на которых присутствовал весь двор. В январе 1695 года Август устроил грандиозный карнавал, на который съехались гости со всей Германии. Когда Август отправился в Варшаву, то взял с собой трех метресс — Аврору, Ламберг и Шпигель, красивую и знатную пленницу-черкешенку. Аврора думала, что только она — фаворитка, однако курфюрст жаловал своим вниманием всех привезенных дам, о чем не подозревала ни одна из них.

После возвращения в Дрезден роль официальной фаворитки курфюрста для Авроры закончилась. Ей хватило мудрости и такта принять это как должное. Прекрасно зная характер Августа, она никогда не строила иллюзий насчет длительности их отношений. Тем более что теперь она была не в форме, но связь ее с курфюрстом от этого не стала менее прочной: она ждала его ребенка. В октябре 1696 года, когда родился и законный сын Августа, Аврора тоже родила сына. В память о прекрасных днях в Морицбурге мальчик был назван Морицем.

Курфюрст по достоинству оценил поведение своей покинутой

возлюбленной и остался с ней в дружеских отношениях. Правда, почему-то среди его фавориток Аврора — единственная, кого он не выдал замуж…

Родив сына, Аврора в ноябре 1696 года получила от Августа богатые подарки: драгоценные камни, материи, зеркала «и другую галантерею», а также 50 000 талеров. Позднее она получала значительные суммы на воспитание и образование мальчика.

Обладая связями в самых высоких слоях общества, Аврора решила сама позаботиться о своей дальнейшей жизни — она хотела стать аббатисой знаменитого Кведлинбургского монастыря. На этот высокий пост обычно назначались принцессы или представительницы самых родовитых домов, но Август был покровителем монастыря, и Аврора вправе была рассчитывать на его поддержку. Настоятельница в своей грамоте подтвердила ее права на наследование и назначила ее пробстиной монастыря. Однако Аврора редко бывала в Кведлинбурге, пренебрегала советом аббатисы «отрешиться от света и следовать монастырским заповедям», проводя жизнь в путешествиях и принимая ухаживания множества поклонников, потому что, даже перешагнув тридцатилетие, она вполне могла соперничать с более молодыми женщинами в красоте и обаянии, не говоря уже о таланте музыкантши и рассказчицы.

Один из поклонников Авроры, Антон Ульрих фон Вольфенбюттель, к этому времени овдовевший, сделал ей в 1704 году официальное предложение выйти за него замуж и позднее повторил его. Но Аврора продолжала исполнять давно выбранную ею роль отцветающей светской дамы, которая вынуждена вести нелегкую борьбу за достойное существование.

Она чувствовала себя не в своей тарелке в монастыре и охотно покидала его, как только появлялись деньги, чтобы отправиться в путешествие. Но когда красота стала увядать, а деньги иссякать, Аврора превратилась в домоседку. Сын ее тем временем рос и довольно рано во многом стал похож на своего отца, с которым, к сожалению, отношения у него не сложились. Аврора пережила его неудачный ранний брак и быстрый развод, его курляндскую авантюру, закончившуюся так же неудачно, как польская — для его отца. Сама проводила его в Париж, однако не дожила до его победоносного восхождения как полководца на французской службе…

Ее уединение в Кведлинбурге иногда нарушалось высокопоставленными визитерами. Особое удовольствие доставил ей приезд сына царя Петра Великого Алексея с невестой, дочерью почитателя Авроры Людвига Рудольфа

Брауншвейгского. С годами она все меньше выезжала из Кведлинбурга, радовалась гостям, играла и пела на устраиваемых ею самой концертах и вела по мере возможности такую же великосветскую жизнь, как и раньше. Этим, естественно, она вызывала негодование набожных монастырских дам, которые злорадствовали от того, что Аврора все больше страдала от астмы и водянки, развившихся у нее с возрастом.

Как красивый финал ее жизни, были напечатаны сочиненные ею стихи, которые вошли в «Северный фимиам, или Сборник стихов шведских женщин». В конце 1727 года ее состояние значительно ухудшилось, врачи оказались не в силах ей помочь, Аврора написала завещание и умерла в ночь с 15 на 16 февраля 1728 года. От нее осталась небольшая, но очень хорошая библиотека, много нотных тетрадей, несколько драгоценных украшений, 52 талера и множество долгов в разных городах и странах.

Саркофаг из белого мрамора, в который уложили великолепную Аврору, был постоянно открыт, чтобы любопытные посетители и через много лет после ее смерти смогли увидеть почти не тронутую тлением прекрасную женщину, которая была возлюбленной властителя, имевшего самый блестящий двор в Европе. Эта дама также была матерью великого полководца, беспокойная и горячая кровь которого проявилась в потомках Морица: неугомонную девочку в честь его матери назвали Авророй, а потом она стала скандально известной писательницей Жорж Санд.

Мелузина фон дер Шуленбург

Мелузина фон дер Шуленбург (1667–1743) была многолетней любовницей родоначальника Ганноверской династии Георга I.

В Англии, несмотря на почти 250 прошедших лет, ее помнят до сих пор — куклы, изображающие герцогиню Кендалл, выпускаются и пользуются спросом. Но не по причине привлекательности, а потому, что изображают особу яркую, однако неприятную и некрасивую. Недаром в Германии ее прозвали Чучелом, а на Туманном Альбионе — Майским деревом (за худобу и рыжие волосы).

Но вернемся к началу истории. Курфюрст Брауншвейг-Люнебургский Георг Людвиг волею судеб и английского закона 1701 года о престолонаследии в 1714 году оказался в Англии и стал королем Великобритании Георгом I. Георг Людвиг неплохо себя чувствовал и в качестве курфюрста, но отказываться от

британского престола было бы глупо. Тем более что Британские острова далеко, а значит, ничто не будет напоминать ему о жене, которую он держал в заточении. Супруга курфюрста Софья Доротея Целльская, которую он избивал и всячески над ней издевался (при том, что она была его кузиной и матерью его двоих детей, в том числе будущего принца Уэльского), влюбилась в шведского графа Филиппа Кристофа фон Кенигсмарка и в 1694 году планировала с ним убежать. Графа (многие исследователи считают, что по тайному приказу Георга Людвига) схватили, без суда убили, а тело бросили в речку в мешке, набитом камнями. Как бы то ни было, но граф пропал, тело не нашли, а неверную жену курфюрст заточил в отдаленный замок и запретил видеться с детьми и даже с родным отцом до конца ее дней, которые завершились лишь через тридцать два года неволи.

Курфюрст и курфюрстина были протестантами, поэтому развод разрешался и был совершен. Но, естественно, как и раньше, до освобождения от брачных уз, Георг Людвиг не жил бобылем, а пользовался вниманием и любовью прекрасных дам. Правда, одна из них занимала в его сердце абсолютно особое место.

Звали эту счастливицу Эренгард Мелузина фон дер Шуленбург, и в девичестве она состояла фрейлиной при родительнице курфюрста — Софии Ганноверской. Связь курфюрста с юной Мелузиной оказалась на удивление прочной: любовница родила повелителю трех дочек, причем двух — еще до расправы с курфюрстиной и ее несчастным возлюбленным. Но Георг так и не признал отцовство, поэтому девочки подрастали как «племянницы» Мелузины.

В духе того времени любвеобильный Георг взял с собой в Лондон в качестве невенчанной супруги именно Мелузину. Естественно, подросший сын, родная мать которого мучилась в сыром уединенном замке, терпеть не мог и папу, и папину метрессу. А король Георг, пользуясь своей властью, стал осыпать любимую женщину всевозможными почестями и громкими титулами: герцогиня Мюнстерская, маркиза и графиня Данганнонская, баронесса Дандалкская (все это — в 1716), герцогиня Кендаллская, графиня Февершемская, баронесса Гластонбери (1719). А в 1723 году волей императора Карла VI Мелузина стала принцессой Эберштайнской (1723).

Некоторые историки считают, что возведение Мелузины в герцогское достоинство и особенно в ранг принцессы косвенно свидетельствует о ее тайном браке с королем. Королевой, естественно, она стать не могла, но влияния имела побольше, чем у некоторых законных королев. Ведь король ей доверял

безгранично, и потому многие важные дела при дворе и в правительстве придворные и чиновники «проводили» именно через Мелузину. Разумеется, фаворитка имела при этом свой коммерческий интерес.

Герцогиня Кендалл фактически торговала титулами, получая с посредничества весьма немалые проценты (например, за титул герцога 9500 фунтов стерлингов ей заплатил герцог Чендоннский — Джеймс Бриджес). Именно она обогатилась на афере под названием «Южноморская компания», после краха которой в 1720 году разорились тысячи обманутых вкладчиков (компания отстегнула Мелузине 10 000 — за разрешение короля). Однако все это лишь свидетельства современников — ни писем, ни документов не сохранилось.

С историей любви Мелузины и Георга связана еще одна легенда. Якобы король Георг в страстную минуту пообещал своей возлюбленной, что если он умрет раньше, то после смерти непременно навестит ее. Король умер в 1727 году. А через какое-то время в окно замка герцогини влетел черный ворон. Мелузина решила, что в этой птице воплотился покойный король, и нежно заботилась о пернатом пришельце. Сама она умерла в 1743 году.

Анна Монс

Много лет Анна Монс (1672–1714) была фавориткой русского царя Петра Великого.

Фамилию Монс произносят по-разному: Монст, Мунст, *domicella Monsiana*. До переезда в Москву отец Анны занимался в Миндене винной торговлей, а по другим сведениям — игрой в карты. Семейство это вестфальского происхождения, несмотря на их попытки разыскать свою родословную во Фландрии или прибавить к своей фамилии частицу «де» и называть себя «Моэнс де ла Кроа».

Сначала Анна была любовницей наставника юного царя Франца Лефорта, пока в 1692 году не променяла фаворита на Петра I, что принесло ей немало выгоды: собственный дом в два этажа в Немецкой слободе в Москве, драгоценные подарки… Она всюду сопровождала царя, даже на торжественных общественных собраниях. Любовники не стеснялись никого, поэтому Анна Монс вскоре снискала нехорошую славу Кукуйской царицы и Монсихи.

Красивая немка, образец женских совершенств, вряд ли любила страстного Петра, боготворившего ее и возбуждавшегося от ее холодности. Скорее всего, Анна ответила на его ухаживания лишь из соображений выгоды, сама не питая к нему абсолютно

никаких чувств — исследователи, изучившие переписку Монс и Петра, не нашли в ней ни слова о любви, которое исходило бы от Анны. Расчетливая немка была уверена, что Петр не поскупится для нее и обеспечит всю ее семью. К тому же она по многолетней привычке пересказывала все свои разговоры с государем Лефорту.

Но Петр верил ей безоговорочно и даже во время крестин у датского посланника пожелал, чтобы он и Анна стали крестными младенца. Не без колебаний царь в 1703 году преподнес в дар Монс большое поместье Дудино в Козельском уезде. Запросы Анны росли — она писала любовнику через своего секретаря, которому диктовала русские послания Петру, безграмотно подписываясь под ними по-немецки. Например, писала так: «Умилостивись, государь царь Петр Алексеевич! Для многолетнего здравия цесаревича Алексея Петровича своя милостивый приказ учини — выписать мне из дворцовых сел волость».

Она ничем не выказывала свою любовь к Петру, кроме посылки ему «четырех цитронов и четырех апельсинов, чтобы кушал на здоровье», да некоей цедроли в двенадцати скляницах («больше б прислала, да не могла достать»), однако вмешивалась в разные тяжбы и ходатайствовала, имея свой интерес, за немцев и русских. И за себя тоже — знала, что Петр не откажет ей ни в одной просьбе, хотя он был очень скуп в отношении к женщинам. Однажды она получила его портрет, осыпанный драгоценными камнями на 1000 рублей! К тому же Анна Монс выхлопотала себе ежегодный пансион.

Действительно, государь серьезно подумывал жениться на ней, даже развелся с Евдокией. Но все разрушил случай. Однажды в солнечный апрельский день 1703 года в вещах саксонского посланника Кенигсека, случайно утонувшего в пруду, нашли любовные записки. Ту, которая писала их, царь без труда узнал по стилю и почерку. Он тут же повелел заключить свою любовницу под арест. Анна и сестра ее, которая, по мнению государя, способствовала связи Анны с Кенигсеком, когда он находился в отъезде, были отданы под строжайший надзор князя Ромодановского.

Это событие настолько подкосило царя, что Петр долгие годы, вплоть до смерти Анны Монс, не мог прийти в себя. Ведь любовь Петра к красивой дочери виноторговца из Немецкой слободы была по-настоящему крепкой. И если бы госпожа Монс имела побольше ума, не исключено, что она, а не Марта Самуиловна Скавронская (после крещения — Екатерина Алексеевна), была бы первой императрицей России.

Три долгих года провели Анна с сестрой под домашним

арестом — только в 1706 году она была освобождена и смогла посещать церковь. И то все это стало возможно благодаря ее настойчивости и различным хитростям. Понимая, что возврата к прежнему нет, она тут же вступила в новую связь — с прусским посланником Кейзерлингом, который впоследствии на ней женился.

Но до этого Анна снова попала в заточение — ее обвинили в ворожбе, направленной на то, чтобы вернуть под свое влияние царя. По делу проходило более 30 человек, дом и поместья у Монс конфисковали, оставив только движимое имущество и драгоценности. От прежних милостей монарха у нее почти ничего не осталось, поэтому она наотрез отказывалась отдавать портрет Петра. Вероятнее всего, из-за бриллиантов.

Государь так и не простил ей измену, и расследование этой грязной истории продолжалось вплоть до 1707 года. Уже после Кейзерлинг, воспользовавшись хорошим настроением царя, решил выпросить у него место для брата его бывшей фаворитки. Однако Петр резко оборвал посла: «Я держал твою Монс при себе, чтобы жениться на ней, а коли ты ее взял, так и держи ее, и не смей никогда соваться ко мне с нею или с ее родными». Пруссак был настойчив, но в разговор вступил Меншиков: «Знаю я вашу Монс! Хаживала она и ко мне, да и ко всякому пойдет. Уж молчите вы лучше, с нею!» Кончилось все скверно для Кейзерлинга: посланника вытолкали за дверь и спустили с лестницы. Он подал жалобу, но его обвинили в оскорблении государя и заставили извиниться.

Но и с прусским дипломатом Анна не была долго счастлива — в 1711 году госпожа Кейзерлинг неожиданно овдовела. Затем она обручилась с пленным шведским офицером Миллером, но до свадьбы не дожила, скончавшись от скоротечной чахотки 15 августа 1714 года в Немецкой слободе. Возле нее были лишь больная мать и пастор, который слышал, что в беспамятстве она поминала о некой сироте.

Мари Пти

Французская куртизанка и авантюристка Мари Пти (1675—?) отправилась вместе с чрезвычайным послом Фабром в Персию и после смерти Фабра провозгласила себя главой посольства короля Франции. Мари с почетом приняли при дворе персидского шаха. Однако по возвращении во Францию ее арестовали и предали суду, но затем оправдали. В 1715 году Пти нанесла визит прибывшему в Париж персидскому послу. За это ее вновь

арестовали, после чего проследить ее судьбу невозможно. Но в любом случае Мари могла быть довольна — в 1715 году сбылась ее заветная мечта: персидский шах, который никогда не направлял послов к иностранным монархам, решил иметь своего представителя при дворе «короля-солнца»…

Об этой женщине слагали легенды, несмотря на ее более чем определенное положение в обществе. Известно, что в 1702 году на улице Мазарини в Париже находился игорный дом, куда стекалось множество известных личностей, причем посетители приходили не только перекинуться в кости и карты. Заведение процветало благодаря белокурым локонам хозяйки, мадемуазель Мари Пти. Тогда это была необыкновенно красивая женщина двадцати семи лет — ее чудные голубые глаза сверкали, словно бриллианты, а покачивание бедер доводило до исступления мужчин всех возрастов и сословий. Она могла быть резка с теми, кто ей не нравился, и обворожительна с мужчинами, которые возбуждали в ней желание. А таких было ну очень много. Современники говорили, что «она обладала даром привлекать к себе сердца».

Мари заводила любовников иногда на месяц, изредка на неделю, чаще — на ночь или на два часа. Все зависело от желания, которое они в ней возбуждали, однако в любом случае Пти оставалась хозяйкой ситуации и положения.

Наша история началась с того, что в дом этой чаровницы зашел мужчина — лет пятидесяти, с еще горящим взором и хорошо подвешенным языком. Мари он понравился и, когда ушел последний игрок, она увлекла прекрасного незнакомца в спальню. Его звали Жан-Батист Фабр, и после любовных ласк он охотно поведал мадемуазель Пти историю своей жизни. Оказалось, что его семейство торгует с Турцией и что сам он в 1675 году основал коммерческое представительство в Константинополе. Его роскошный дом, по его словам, ничем не уступал дворцам парижской знати, а сам он фактически содержал французского посла — без денег купцов тот просто не смог бы существовать. Правда, Фабр забыл упомянуть, что оказался в долгах и кредиторы поджидали его возвращения в Константинополь. Не сказал он и о том, что жена его стала любовницей посла — господина де Ферьоля. Мари Пти, воображение которой рисовало волшебные картины восточных дворцов и сокровищниц, базаров и гаремов, попросила Фабра взять ее с собой в путешествие.

В январе 1703 года господин Фабр получил официальное предписание отправиться в Персию. Мадемуазель Пти, не помня себя от радости, стала немедленно готовиться к отъезду. Ночами

он излагал Мари суть своей миссии. Ему нужно было завязать тесные отношения с Персией, потому что туда уже начали проникать английские, голландские и португальские торговые компании. Затем добиться безопасности для христиан, которые жили или оказались на территории этой страны. А стратегическая цель — утвердить преимущество французской коммерции и подготовить проникновение на рынок Индии. Для осуществления всего этого требовалась изрядная дерзость, особенно ввиду того, что все предыдущие попытки добиться подобных целей потерпели фиаско.

Особенно акцентировал Фабр внимание Мари на том, что в данный момент материальные затруднения могут обречь предприятие на провал. Чтобы спасти дело, Пти продала сначала вещи, а затем и дом. К этому времени и Людовик XIV определился со списком подарков для шаха. Чтобы их собрать, понадобился целый год. Вот лишь некоторые дары: «Настенных часов — 3 штуки, ручных часов — 24, из них 12 — с репетиром, винных погребков из хрусталя — 6, атласов — 3, канделябров — 2, сверх того — несколько картин, из которых одна — с изображением монарха…»

Когда все было готово, марсельскому негоцианту вручили верительные грамоты, и посольство выехало из Парижа. 2 марта 1705 года корабль «Тулуза» поднял якорь, унося с собой посла Фабра с его свитой. Никто не знал, что на борту находится молодая женщина, но едва Марсель исчез из виду, кавалер с чудными голубыми глазами удалился в свою каюту и появился уже в женском обличье. С тех пор мадемуазель Пти не считала нужным скрывать свою привязанность к послу, чем забавляла команду. 8 апреля «посольство» прибыло в Александрию, а в Алеппо приехало 17 апреля. Но здесь мадемуазель Пти вновь пришлось прибегнуть к маскировке — местные жители могли бы не одобрить, что посланник Людовика XIV путешествует в обществе своей любовницы. Фабр стал представлять Мари в качестве жены главного мажордома миссии, господина дю Амеля. Однако веселой мадемуазель было трудно смирить свою натуру. Отцы-иезуиты, обитавшие в Алеппо, были изумлены некоторыми неосторожными словами и жестами жены мажордома. Отец-настоятель вскоре достоверно установил личность «мадам дю Амель» и решил с помощью паши задержать Фабра в Алеппо. Паша согласился, и полгода караван не мог двинуться дальше.

Мари сочла своим долгом развлекать свиту посла, поэтому ежевечерне она созывала гостей. Со времен игорного дома она сохранила умение веселить компанию и знала множество песенок весьма фривольного содержания. Так жители Алеппо могли

видеть «Версаль в миниатюре» — чрезвычайно забавное отражение великолепного двора «короля-солнца»… Но в октябре 1705 года, убедившись, что паша не собирается менять гнев на милость, Фабр и Мари тайно отплыли в Константинополь, где персидский посланник спрятал их, перед тем как переправить в Эривань.

В Эривани Фабр узнал, что хан Абдельмассин ненавидит французов. Тогда мадемуазель Пти, надев самое красивое платье, отправилась во дворец Абдельмассина и стала его любовницей. Благодаря этому простому решению все проблемы исчезли, и через неделю Фабр получил из Исфахана весть, что верительные грамоты приняты и посольству будет оказан радушный прием.

Но через несколько дней после отъезда из Эривани Фабр внезапно заболел. Он метался в жару, корчась от невыносимой боли, и кричал, что его отравили. 16 августа Жан-Батист отдал Богу душу. Сначала мадемуазель Пти растерялась, но вскоре опомнилась и приняла блистательное решение. На теле любовника она нашла ключи от сундуков и шкатулок, разыскала секретные бумаги и объявила себя главой посольства «от имени французской принцессы».

Отряд французов повернул назад, и вскоре мадемуазель Пти оказалась под надежной защитой хана. Уже через два часа после прибытия она лежала нагая на меховой постели. Пылкий Абдельмассин считал, что «кожа ее слаще меда, внутренний же огонь жжет сильнее перца». Так Мари провела несколько недель, «укрепляя свой дипломатический статус».

Благодарный хан, испытывая признательность за дарованное ему наслаждение, добился, чтобы Исфахан признал Мари в качестве официальной посланницы. Заручившись поддержкой хана, Мари на всякий случай решила найти союзников и среди местных французов. Союзником, разумеется, мог быть только любовник. Она обзавелась двумя, поселив их в большом доме, ставшем ее резиденцией, и тут же заказала кровать соответствующих размеров.

Эскапада Мари шокировала французскую общину: естественно, чтобы мужчина имел нескольких жен, но женщина, имеющая нескольких мужей, нарушает все устои. Поэтому глава христиан Персии Пиду де Сен-Олон написал хану Тебриза, большого города, власти которого контролировали дорогу на Исфахан, и предостерег его от всяких сношений с мадемуазель Пти. Хан Тебриза оказался в весьма затруднительном положении. Пока он раздумывал, как поступить, Мари не теряла времени даром: ее постель была гостеприимно открыта для всех желающих, и среди них оказались несколько влиятельных

чиновников.

Очарованные государственные мужи отблагодарили добрую женщину — в Тебриз, Эрзерум и Исфахан полетели послания, в которых мадемуазель Пти превозносилась до небес. Так вредоносное влияние писем де Сен-Олона было сведено почти на нет. Но затем беда пришла с другой стороны — французский посол де Ферьоль по собственной инициативе решил послать из Константинополя в Персию одного из своих друзей, чтобы он занял место Фабра. В декабре 1706 года Мари получила известие о приближении посланца — некоего Мишеля. Она спешно собралась, приказала подавать верблюдов и нежно простилась со всеми любовниками — требовалось любой ценой опередить конкурента и первой предстать перед шахом в Исфахане.

Узнавший об этом Мишель разозлился и, полагая, что Мари путешествует, подчиняясь неторопливому ходу караванов, он вообразил, что сможет легко догнать обоз, похитить мадемуазель Пти и заменить ее на посту главы посольства. Поэтому, не задерживаясь в Нахичевани, он поскакал в Тебриз и попробовал заручиться поддержкой хана, получившего послание монсеньора Пиду де Сен-Олона. Однако хан намерен был защищать Мари от малейших интриг, направленных против нее. Мишель был в отчаянии — он никогда не думал, что бывшей содержательнице игорного дома удастся обрести столь могущественных покровителей.

А через два дня французский караван вступил в Тебриз. На самом красивом верблюде в плетеной кабинке восседала мадемуазель Пти и весело приветствовала толпу. Вокруг нее держалась группа персидских сановников, которых она, с присущими ей добротой и тактом, отблагодарила ночью.

Мари, узнав, что соперник уже представлялся хану, отправилась к нему и попросила не затевать против нее интриг. Мишель ответил, что должен выполнить миссию. Тогда она задрала юбку и спустила чулок… Ножка была восхитительной, но молодой человек устоял против чар Мари… Через несколько дней ей удалось полностью расквитаться за это маленькое поражение: из Исфахана пришло официальное письмо — шах соглашался принять мадемуазель Пти, а Мишелю предписывалось вернуться в Эривань…

Торжеству Мари не было границ. Как не было их и у роскоши, с которой ее принимали в персидской столице. Представ перед шахом, она преподнесла ему подарки Людовика XIV, превознося до небес достоинства своего монарха. Затем миловидная блондинка остроумно и живо описала Версаль, Париж, французские нравы и обычаи. Шах был очарован посланницей. Ей

был отведен великолепный дворец и персональная почетная стража. Даже в самых смелых мечтах содержательница борделя, которую теперь именовали в Персии «франкской принцессой», не возносилась на такую высоту.

Молодая женщина начала длительные переговоры, обсуждая каждую статью торгового соглашения с хитростью профессионального дипломата. В итоге проект соглашения был принят правителем Персии: Франция теперь вполне могла конкурировать с английскими, голландскими и португальскими торговыми компаниями.

К сожалению, Мари, щедро жертвуя своим телом во имя процветания восточной политики Людовика XIV, серьезно заболела. Недомогание надломило ее дух и решимость — она вдруг ясно представила себе кончину в чужой стране. Уложив вещи и любезно переспав на прощание со всеми любовниками, она пустилась в обратный путь во Францию. После короткого пребывания в Константинополе, где она была принята де Ферьолем, уже горько сожалевшим, что создал ей столько проблем, она прибыла в Марсель. Однако здесь ее ожидал не теплый прием, а неприятности — по навету врагов она была арестована по обвинению в воровстве части подарков, предназначавшихся шаху. От нее требовали признания, что эти вещи перешли в руки ее любовников.

А тем временем новый посол вручал верительные грамоты в Исфахане и подписывал торговый договор с Персией, который появился лишь благодаря титаническим усилиям мадемуазель Пти. Следует заметить, что заслуги Мари были оценены и ей вернули свободу. А через два года, в 1715 году, Мари торжествовала — персидский шах, никогда не направлявший послов к иностранным монархам, пожелал иметь своего представителя при дворе «короля-солнца». Естественно, что она тут же направилась в посольство, но ее арестовали и вроде бы вскоре отпустили. Однако с этого момента следы прекрасной «франкской принцессы» теряются во мраке истории.

Варвара Арсеньева

Фрейлина Екатерины I, любовница Петра I, свояченица князя Александра Меншикова, Варвара Арсеньева (1676 — ок. 1730) вместе с опальным князем была сослана и затем отправлена в монастырь.

Варвара была младшей дочерью якутского воеводы Михаила Афанасьевича Арсеньева. Вместе с сестрами Дарьей и Аксиньей

она была взята еще ко двору матери Петра Великого — Натальи Кирилловны, а затем находилась при дворе наследника престола Алексея. Так что Петр и Меншиков знали Арсеньевых много лет. Добрая и искренне любившая Александра Дарья в 1706 году вышла замуж за Меншикова, но еще до замужества сестры между Варварой Михайловной и князем установились доверительные отношения — Меншиков ничего не предпринимал, не посоветовавшись с ней.

Арсеньева младшая не отличалась красотой, была маленькой и горбатой, но ее живой природный ум и прекрасное для того времени образование сделали ее весьма интересной личностью. Ее дар слова, остроумие и смышленость снискали ей уважение Петра I и привязанность Екатерины I, фрейлиной которой она была. До этого, по утверждениям современников, долгое время Петр I и Меншиков делили между собой благосклонность обеих сестер: «Петр в это время избрал другую сестру Арсеньеву, Варвару, которую Меншиков надеялся сделать царицею, чтобы стать зятем царя. С этою целью он заботился об образовании новой фаворитки и писал жене: "Дарья Михайловна, принуждай сестру, чтобы она училась непрестанно как русскому, так и немецкому ученью, чтобы даром время не проходило"».

Вильбуа тоже описывает Варвару дурнушкой, но очень умной и злой: «Петр любил все необыкновенное. За обедом он сказал Варваре: „Не думаю, чтобы кто-нибудь пленился тобою, бедная Варя, ты слишком дурна; но я не дам тебе умереть, не испытавши любви“. И тут же при всех повалил ее на диван и исполнил свое обещание». Нравы тогдашнего общества допускали подобную сцену, так что историю можно считать вполне правдоподобной.

Петр и Меншиков, вероятно, то и дело сменяли друг друга в отношениях с сестрами. Арсеньевы же отправляли тому и другому послания, переполненные общими воспоминаниями и нежными призывами, частенько сопровождая их подарками вроде галстуков, рубашек или халатов собственной работы. Позднее Варвара, как лучшая советница, имела во дворце зятя свои комнаты, называвшиеся Варварины палаты.

Так неспешно протекала ее жизнь вплоть до 22 мая 1727 года, когда она при обручении своей племянницы Марии Меншиковой с императором Петром II была пожалована в обергофмейстерины двора царской невесты с ежегодным окладом в 2000 рублей. К тому же ей было подарено несколько деревень и ценных вещиц. Но торжество и возвышение Варвары Михайловны было недолгим — после ареста Меншикова в сентябре того же года ее положение изменилось.

Светлейший князь с семьей был отправлен в ссылку, и хотя

Варвары это решение не касалось, она отправилась вместе с сестрой, чтобы по мере сил облегчить их положение и поддержать совсем павшую духом сестру. Но посланный вдогонку из Петербурга капитан Шушерин настиг Меншиковых в Клину, отобрал у изгнанников все ордена и повез Варвару в Успенский монастырь — пришедшие к власти сильно опасались ее предприимчивости и энергичности. Стремясь освободиться из заточения, Варвара писала к царевнам Екатерине и Прасковье Ивановнам, к княгине Татьяне Кирилловне Голицыной, к Ржевской, Толстой и прочим влиятельным дамам того времени, слала им подарки. Однако все было напрасно.

С появлением в Москве подметного письма (24 марта 1728 года) положение Меншиковых ухудшилось: их решено было отправить в Березов, а Варвару Михайловну «послать в Белозерский уезд, в Горицкий девичий монастырь и там ее постричь при унтер-офицере, который ее повезет, и велеть ей там по тому же быть несходно, а игуменье смотреть над нею, чтобы никто, ни к ней, ни от нее не ездил и писем она не писала». Обряд пострижения видел унтер-офицер Веревкин, и Варвара Михайловна была наречена Варсонофьей.

Там же она и скончалась спустя приблизительно год.

Мария Гамильтон

Мария Гамильтон (?—1719) была камер-фрейлиной российской императрицы Екатерины I и любовницей ее мужа — Петра Великого.

Мария Даниловна Гамильтон (иногда — Гамонтова) происходила из древнего шотландского рода Гамильтонов, которые еще при царе Иване Грозном перебрались в Россию и постепенно стали занимать при царском дворе высокие должности. Точная дата рождения Марии, к сожалению, не известна. При дворе Петра она появилась в 1709 году, и предполагают, что ей тогда было около 15 лет. Красивая девушка с точеной фигуркой понравилась супруге царя Екатерине Алексеевне, и она без проволочек сделала ее своей фрейлиной.

Мария выделялась своей жизнерадостностью и бойкостью. К тому же она была хитра, смекалиста и предприимчива. Особых моральных предрассудков эта девушка не имела, что позволило ей затеять рискованную авантюру — она хотела стать фавориткой царя. Старания юной обольстительницы не прошли даром — вскоре Петр увидел в ней «такие дарования, на которые не мог не воззреть с вожделением».

Новенькая фрейлина стала любовницей русского самодержца, пополнив его «постельный реестр» — список метресс. Какое-то время царь просто не мог оторваться от свежего тела новой фаворитки, чуть ли не круглосуточно держа ее при себе и забыв о государственных делах и законной жене. Гамильтон праздновала победу, но счастье ее оказалось недолгим — царь был слишком непостоянен. Добившись своего, он быстро охладел к молодой любовнице.

Тогда склонная к любовным интригам и неравнодушная к плотским развлечениям Мария быстро утешилась в объятиях новых любовников. Она не отказывала никому — ни могучим офицерам, ни разнообразным иностранным гостям, ни заискивающим перед ней придворным, ни всегда готовым слугам. Гамильтон, вероятно, обольстила царского денщика Ивана Орлова, чтобы вернуть венценосного любовника. Ведь денщики неотлучно находились при Петре и исполняли обязанности его личных секретарей, частенько становясь наперсниками государя. Недалекий Иван рассказывал любовнице обо всех государевых сердечных тайнах.

Фрейлина Гамильтон и денщик Орлов встречались несколько лет тайком. В 1716 году император с супругой отправились в Европу, и любимая фрейлина Екатерины и денщик Орлов, естественно, были в царской свите. Путешествие было долгим, и Петр часто приказывал останавливаться на день, чтобы беременная Екатерина Алексеевна могла отдохнуть.

Придворные на стоянках не теряли времени даром, развлекаясь и заигрывая с местными девицами. Не остался в стороне от коллег и Орлов, поэтому с каждым днем он становился равнодушнее к Марии, оскорблял ее и даже избивал. Чтобы задобрить возлюбленного, Гамильтон стала красть драгоценности царицы и продавать их, а на вырученные деньги покупала Орлову дорогие подарки.

Царь тоже не отставал от придворных и однажды вспомнил о бывшей фаворитке. Вскоре Мария поняла, что ждет ребенка. Утягиваясь, надевая широкие платья и притворяясь нездоровой, она долго скрывала свое положение, и уже в России родила ребенка, но утопила его, а потом отдала конюху выбросить. Может, страшное дело и сошло бы Гамильтон с рук, если бы не случай.

Как-то в 1717 году Иван Орлов принес царю важные бумаги. Тот второпях положил их в карман, а в нем была порвана подкладка, и бумаги провалились. Подозрение в краже пало на денщика, и разгневанный государь велел привести Ивана. Перепуганный до смерти Орлов признался во всех грехах.

Удивленный царь стал дальше его расспрашивать о подробностях сожительства с «девкой Гамонтовой». Тот признался, что Мария не раз вытравляла ребенка, но он, мол, к этим страшным делам не причастен.

Тогда к разъяренному Петру на допрос с пытками привели Марию. Она призналась во всем, но отрицала причастие к детоубийству Орлова. Вдобавок женщина рассказала и о том, что воровала у царицы Екатерины Алексеевны деньги и драгоценности, чтобы делать любовнику дорогие подарки и покрывать его долги. Следствие по делу девицы Гамильтон затянулось на четыре месяца, которые она вместе с Иваном провела в Петропавловской крепости, закованная в кандалы. Мария повинилась в убийстве нерожденных детей еще во чреве и в убийстве родившегося ребенка, которого она задушила собственными руками. Свидетельницей злодеяния была горничная Катерина Терповская, подтвердившая рассказ фрейлины.

По окончании разбирательства вышел указ, подписанный государем: «Девку Марью Гамонтову, что она с Иваном Орловым жила блудно и была от того брюхата трижды и двух ребенков лекарствами из себя вытравила, а третьего удавила и отбросила, за такое ее душегубство, а также она же у царицы государыни Екатерины Алексеевны крала алмазные вещи и золотые червонцы, казнить смертию». Императрица повела себя великодушно и простила фрейлине кражу драгоценностей, умоляя Петра не казнить Марию. Однако европейский монарх, недавно учредивший воспитательные дома для брошенных младенцев и беспризорных детей, невзирая на слезы и уговоры супруги, отменить свой указ отказался. Он даже привел в пример другого своего денщика, который охотно женился на забрюхатевшей от него девице, и той, естественно, не пришлось вытравливать плод или топить младенца.

14 марта 1719 года Мария Гамильтон в белом платье с черной отделкой и черными лентами в волосах взошла на эшафот. Толпа, собравшаяся на Троицкой площади, замерла — ни темница, ни жестокие пытки не смогли сгубить красоту арестантки. Палач, взмахнув топором, отрубил несчастной голову. Присутствовавший на казни император спокойно поднял ее из грязи и прочитал лекцию об анатомическом устройстве шеи, демонстрируя перебитый позвоночник. Затем поцеловал уста бывшей любовницы и решительным шагом удалился с площади.

Ивана Орлова простили, а через год его повысил в чине сам Петр, наказавший бывшему денщику держаться в стороне от коварных красавиц. Но тайну «девки Гамонтовой» никто так и не

разгадал. Почему она выгородила предавшего ее человека? Почему Петр так и не отменил жестокий приговор? Многие считали, что ребенок, задушенный Марией, был от Петра, и тот не смог простить любовнице убийства собственного сына.

По преданию, много лет хранилась заспиртованной в большой колбе голова Марии Гамильтон в подвале Кунсткамеры, пока по приказу Екатерины Дашковой ее не похоронили в том же подвале вместе с головой Уильяма Монса. Где было похоронено ее прекрасное тело — не известно.

Интересно, что в Великобритании существует баллада *«Mary Hamilton»*, в которой рассказывается о Мэри Гамильтон, фрейлине королевы Шотландии, забеременевшей от короля Шотландии и утопившей ребенка, за что впоследствии ее повесили. Британские исследователи относят ее к XVI веку, тогда это удивительное совпадение. Но, вероятнее всего, песня более поздняя и основана на сюжете из русской истории. Действительно, во время казни Гамильтон в России находился посол Чарльз Воган. Аналогичного мнения о русских источниках баллады придерживался и Вальтер Скотт, а ранее внимание на сходство обратил Чарльз К. Шарп.

Анна Констанция фон Козель

Анна Констанция фон Козель (1680–1765) была фавориткой Августа II Сильного, короля Польского и курфюрста Саксонского.

Анна происходила из благородного голштинского рода фон Брокдорф. Ее отец был датским кавалерийским полковником, мать — богатой голландкой. У нее было два брата, поступивших на польско-саксонскую службу, сестра ее рано умерла. Сама Анна уже в возрасте пятнадцати лет была принята в свиту дочери герцога Кристиана Альберта Голштейн-Готторпского. В качестве фрейлины Анна последовала за ней ко двору ее жениха в Вольфенбюттель, где стала известна благодаря своей любвеобильности и неразборчивости в связях. Выслана за пределы княжества после того, как родила ребенка, по слухам, от принца Людвига Рудольфа. Но пребывание при дворе не прошло даром — обворожительная голштинка пленила барона фон Гойма. Он был старше ее на двенадцать лет и женился на ней через много лет после помолвки, когда ей шел уже двадцать третий год. Однако брак этот не был счастливым. Очень скоро муж стал вызывать отвращение у молодой жены, она отказалась от совместного с ним проживания. 8 января 1706 года брак был расторгнут.

Так же легко Анна околдовала и курфюрста Саксонского, но

перед ним она не спешила выбрасывать белый флаг. Рассказывали, что Август Сильный первый раз пришел к госпоже фон Гойм с подковой, которую он при ней сломал, и мешком с сотней тысяч талеров. Так этот правитель силой и деньгами домогался милости женщины, которая среди всех его куртизанок занимала особое место.

Баронесса была из той редкой породы женщин, в которых сочеталась природная красота и грация с мужским умом, силой характера и решительностью. Пельниц пишет, что у Анны было «…овальное лицо, прямой нос, маленький рот, удивительной красоты зубы, огромные черные блестящие лукавые глаза. Походка ее всегда была грациозна, а смех — чарующим и способным пробудить любовь даже в самом холодном из сердец… Волосы у нее были черные, руки и плечи — само совершенство, а цвет лица — всегда натуральный. Фигуру ее можно было сравнить с произведением великого скульптора. Выражение лица у нее было величественным, а в танце она была непревзойденной».

С восхищением рассказывает о ней Хакстаузен, сын гофмейстера короля Августа, который остался ей верен даже после ее падения: «Красивая, хорошо сложенная, прекрасно владевшая собой, с прекрасным цветом лица, с красивыми глазами, ртом, зубами, которые, правда, начали портиться. Она была очень умной, очень живой, всегда в одинаковом расположении духа и очень остроумной. Говорила много, но никому это не надоедало. Очень откровенная, она никогда не лицемерила и всем говорила правду, поэтому у нее было много врагов. Резкая и вспыльчивая, храбрая, одинаково хорошо владевшая саблей и пистолетом, Анна Констанция не была злопамятной. Очень экономная, она умела копить деньги, однако не принимала взяток. Ревнивая до умопомрачения, она преследовала своих соперниц как только могла и старалась изгнать их из королевского двора. Сам король побаивался ее и относился к ней с большой осторожностью. Так как у него было множество любовниц, он был вынужден выдумывать тысячи уверток, чтобы отделаться от ее постоянного наблюдения. Она так командовала им и так за ним наблюдала, что ему зачастую удавалось с большим трудом свободно располагать своим собственным временем, и совещания с министрами, строительство, охота и многое другое служило ему поводом, чтобы сбежать от нее».

Также Хакстаузен сообщает, что баронесса спала с Августом каждую ночь и умела так его развлечь, что он обо всем забывал.

Бракоразводный процесс еще длился, когда завязались

отношения Анны с Августом. С июня 1705 года она стала получать подарки: вино, мебель, дома, турецкие ковры, из русских субсидий ей было выплачено 30 000 талеров. После развода она потребовала, чтобы он окончательно расстался с прежней любовницей, княгиней фон Тешен, и выплачивал содержание в 15 000 талеров, которое та до сих пор получала, ей. Король также вынужден был пообещать при свидетелях, что после смерти королевы именно баронесса фон Гойм займет ее место, а родившиеся у них дети будут признаны законными детьми Августа.

Соглашение это состоялось 12 декабря 1705 года, а документ, составленный по этому поводу, был передан для хранения в семейный архив родственнику Анны, графу Рантцау. Документ сохранился не полностью, но вот отрывок из него: «Мы из достаточно веских и особых соображений, по примеру королей Франции и Дании, а также других европейских властителей, признаем ее (баронессу) нашей законной супругой и при этом обещаем помогать ей всеми возможными способами, а также сердечно любить ее и всегда оставаться ей верными…»

Честолюбивая баронесса, став официальной любовницей короля, тут же потребовала нового статуса. В феврале 1706 года она стала уже графиней фон Козель и к ней надо было обращаться «Ваша светлость». Чтобы подчеркнуть ее высокое положение, был сооружен дворец, к которому от королевского замка вел особый ход. С обеих его сторон были поставлены часовые.

Анна вытребовала также поместье Пильниц, виноградник, право на медицинское обслуживание при дворе, получение рыбы из придворных прудов и строительных материалов из королевских лесов. Переполовинила она и сокровищницу короля — набрала оттуда массу драгоценной утвари: столов, зеркал, шалей, гобеленов, турецких ковров, кружев, драгоценностей…

Но важнее всего — при несомненной бережливости, граничившей с жадностью, — для нее были громадные суммы наличными. Графиня постоянно требовала денег и стоила Августу столько же, сколько целая армия. А еще она давала взаймы значительные суммы знатным господам с сомнительной репутацией, а затем была вынуждена участвовать в длительных судебных тяжбах и нести убытки.

Отличная наездница, хороший стрелок, Анна была единственной женщиной, которая принимала участие во всех путешествиях короля, в поездках на охоту, соревнованиях по стрельбе. Например, 1 августа 1707 года она стала чемпионом и получила в награду подзорную трубу из слоновой кости и премию

в 7 талеров.

После рождения первого ребенка и непродолжительного визита в город и горную крепость Штольпен (там впоследствии Анна в качестве изгнанницы проведет почти полвека), где она вместе с Августом развлекалась охотой на дичь, король тайно отправился в увеселительное путешествие в Голландию. Причина поездки была уважительной: «отдохнуть от забот, которые уже давно одолевают меня», — так писал он своим министрам. Вероятно, он просто хотел вырваться из-под строжайшего контроля графини. Ее властолюбие и честолюбие не имели границ; она свергла любимца короля, канцлера, графа Бейхлинга; подобные же попытки относительно князя Эгона фон Фюрстенберга и фельдмаршала графа Флеминга были причиной ее собственного падения.

В Голландии Август нашел утешение в объятиях танцовщицы Дюпарк из Брюсселя, но графиня полностью сохранила присутствие духа, хотя доказательства его неверности были налицо. Она не опасалась женщин типа Дюпарк, так как привязала к себе короля не только совершенной красотой, но и умом. Анна вела себя как настоящая королева, при случае давая понять высоту своего положения женам министров и придворных. Когда в 1709 году в Дрездене появился датский король, он тотчас обратил на нее внимание — Анна стала украшением устраиваемых им балов, а ее усыпанное бриллиантами платье сияло ярче, чем платье королевы.

В октябре жизнь ее долго висела на волоске после рождения второй дочери, однако сила духа победила болезнь, и вскоре она уже принимала депутацию саксонского духовенства и знати, прося всех быть крестными ее ребенка. В результате этого искусного маневра Анна получила «на зубок» дочери 4000 талеров. Обе дочери были признаны «законными королевскими дочерями и высокородными графинями». Но на этом графиня не остановилась — она задумывалась об охлаждении Августа к ней и, наученная горьким опытом предшественниц, хотела максимально упрочить свое положение. После одного из своих визитов в Варшаву, получив новые доказательства неверности короля, Анна поехала в Голштинию к родителям и оставила на хранение в банке Гамбурга 31 большой ящик с различными ценностями…

В 1712 году, перед рождением третьего ребенка, она добилась от Августа юридических гарантий своего положения: «что она, а также ее наследники могут беспрепятственно владеть всем тем, что значится в перечне недвижимого имущества, а также всем движимым имуществом, которое она имеет теперь, а также всем

тем, что может быть пожаловано ей Нашей Милостью в будущем. Без оговорок она может пользоваться этим в дальнейшем, так же как и ее наследники, не внося за это никакой платы, в том числе и в случае утраты. А также обладать полной властью над всем этим и по желанию продать, обменять или, другими словами, рассматривать как наследное имущество и иметь возможность завещать кому угодно…»

Анна была фавориткой чрезвычайно изменчивого Августа почти восемь лет — это обстоятельство ярче всего доказывает ее необычайную энергию и ум. Однако фаворитка переоценила свое влияние на короля — она надеялась, что так будет продолжаться и дальше. Но спустя девять месяцев после рождения третьего ребенка — долгожданного сына, наследника, господство Анны над королем сильно пошатнулось. Конечно, ее положение нельзя было сравнить с положением других фавориток Августа — Кенигсмарк, Эстерле, Тешен — они были для него всего лишь любовницами, тогда как она была названа его супругой, дети других были бастардами, а ее — официально признаны.

Основной ошибкой ее стало то, что она отпустила Августа одного в Варшаву, где интриганы смогли развернуться вовсю. Уже давно изменчивому королю разъясняли, что для повышения авторитета у поляков он должен наряду с саксонками взять себе любовницу-польку. И ему тотчас представили некую графиню Марию Магдалину фон Денхоф.

Правда, когда новости из Варшавы стали совсем уж тревожными, графиня летом 1713 года решилась на поездку. Но Анну по указанию охладевшего к ней короля, которого науськали враги, задержали во Вроцлаве и передали ей приказ возвращаться в Дрезден. Все кончилось скандалом, графиня не хотела подчиняться и позднее сожалела, что не воспользовалась пистолетом, чтобы проложить себе дорогу в Варшаву. Однако в конце концов она сдалась и в сопровождении своей обезоруженной свиты повернула обратно.

Август к зиме собирался вернуться в Дрезден вместе с Денхоф и больше не хотел видеть там Анну, поэтому ее против воли отправили в Пильниц. Еще недавно могущественная фаворитка теперь была всеми покинута. Она ломала голову, как вернуть милость короля, изгнать ненавистную соперницу и отомстить недругам. Для этого Козель даже применяла различные магические средства: приказывала готовить приворотные зелья и произносить заклинания, чтобы «наслать напасть» на врагов.

Но в июле 1714 года она, казалось, отступилась от короля: отдала ключи от дрезденского дворца, кольцо, которое Август подарил ей; подписала обязательства никогда не появляться в

Польше и в Саксонии в тех местах, где останавливался король. Вот лишь некоторые выдержки из этого документа: «Я обязуюсь никогда не говорить и не делать ничего такого, что может быть неприятно королю или противно его интересам. А также воздерживаться от участия в любых интригах и сплетнях, никогда более ни в письмах, ни в разговорах не вмешиваться в дела, касающиеся короля, и вообще постоянно вести себя так, как следует из этой грамоты, которую я подписала. А если я в чем-либо нарушу данные условия, то вызову справедливый гнев короля и признаю, что тогда Его Величество имеет полное право лишить меня всех своих милостей, которые он мне оказал при условии, что я не нарушу условия договора. И да поможет мне Бог до конца дней моих».

Как последний призыв к возлюбленному можно оценить длинный постскриптум, в котором графиня протестовала против клеветы в свой адрес и просила короля сохранить ее привилегии и имущество. Но уже в 1715 году она согласилась на предложение Августа кончить дело миром и вернуть драгоценный документ. Затем сомнения вернулись, и она решилась бежать.

12 декабря 1715 года Анна тайно покинула Пильниц. Сначала она жила в Берлине, затем в Галле. Кроме торговцев провизией Анну посещал еще некий прилично одетый господин, которого считали ее любовником. По воспоминаниям одного из ее современников, знавшего ее в ту пору жизни, «невозможно было представить себе более прекрасной и возвышенной картины. Тоска, снедавшая ее, проявлялась изысканной бледностью у нее на лице и грустью в глазах… Это была тридцатишестилетняя красавица, у нее были огромные живые глаза, белоснежная кожа, красиво очерченный рот, безукоризненной формы нос. Во всем ее облике было нечто величественное и проникновенное. Наверное, королю было не так просто освободиться от ее чар…»

Прусский король по настоянию Августа согласился на ее арест, и возле дома, где она проживала, была выставлена стража. В ее берлинской квартире был проведен обыск, чтобы найти обязательство короля, где он обещал жениться на ней, но Анна успела его перепрятать. Затем ее перевели в Лейпциг, потом — в замок Носсен, где стерегли как особо опасную преступницу. Здесь она чуть не помешалась — фантазировала, беспричинно смеялась и плакала. После того, как Анна немного поправилась, ее под усиленной стражей переправили в крепость Штольпен. Без суда и следствия она была приговорена к пожизненному заключению — Август Сильный просто смертельно боялся графини. Ведь он официально обещал на ней жениться и гарантировал неприкосновенность ее имущества, однако обманул ее и бросил.

Заключение Анна, натура деятельная и общительная, переносила с большим трудом и не переставала везде, куда обращалась за помощью, подчеркивать это. В 1727 году, после одиннадцатилетнего заключения, она увидела короля из окна. Он прибыл в Штольпен, чтобы присутствовать на стрельбах. Графиня окликнула его, однако он только приподнял шляпу и ускакал.

1 февраля 1733 года Август умер в Варшаве, но графиня по-прежнему томилась в замке, хотя ей были сделаны некоторые послабления режима заключения. Козель могла принимать гостей, несколько раз в году встречаться с детьми, которым она стала за это время совершенно чужой… Однако графиня так и не была освобождена и в марте 1765 года тихо угасла. После ее смерти искали деньги и драгоценности, но в волосяном матраце нашли только завернутые в бумагу 105 гульденов…

Екатерина Первая

Марта Самуиловна Скавронская (1684–1727) сначала была любовницей Петра Первого, а затем его супругой и после смерти государя — российской императрицей (1725–1727).

Петр Великий встретил ее в 1705 году и больше с ней не расставался. У Петра и Екатерины были две дочери — Анна и Елизавета. В 1711 году сопровождала государя в Прутском походе и своими советами оказала Петру и России неоценимую услугу. Брак между ними был заключен в 1712 году, тогда Петр узаконил обеих дочерей. После смерти Петра была возведена на престол А. Д. Меншиковым, который фактически был правителем страны.

Вообще происхождение царицы Екатерины весьма туманно. Поэтому существует несколько версий ее жизни до встречи с царем Петром. Марта Скавронская (или Василевская?) была дочерью литовского крестьянина и принадлежала к римско-католической церкви. Мать ее, овдовев, переселилась в Лифляндию, где вскоре умерла. Судьбою сироты занялась ее тетка, которая отдала ее в услужение пастору Дауту. Марта приняла лютеранство. Вскоре она перешла в качестве горничной к пастору Глюку. Когда ей было 17, Марта обручилась со шведским драгуном Раабе, который накануне свадьбы отбыл на войну. При взятии Мариенбурга к ней воспылал любовью сначала генерал Боур, затем у него отобрал девушку главнокомандующий Шереметев, и, наконец, ею, как трофеем, завладел фаворит Петра I Меншиков.

Однажды в 1705 году, будучи в гостях у своего любимца Александра Даниловича Меншикова, Петр увидел девушку,

которая поразила его миловидностью, бойкими движениями и остроумными ответами на любые вопросы. На вопрос о том, кто это такая, Меншиков отвечал, что это одна из мариенбургских пленниц, а когда Петр потребовал подробностей, рассказал, что при взятии Мариенбурга русскими войсками 25 августа 1702 года в числе пленных оказался Глюк, у которого эта девушка находилась в услужении.

А так как Петр, начиная с Анны Монс, отдавал предпочтение женщинам-иноземкам, которые в обхождении с мужчинами были менее чопорны и застенчивы, то 25-летняя дородная красавица вскоре была перевезена из дома Меншикова к Петру Алексеевичу во дворец. Затем Марта приняла православие, ее нарекли Екатериной Михайловой, а в 1708 году новая связь государя закрепилась рождением дочери Анны (младенцы, рождавшиеся до этого, умирали почти сразу).

Ближайшее окружение Петра смирилось с появлением у государя постоянной любовницы, но народ и солдаты выразили недовольство связью царя с «немкой». «Неудобь сказываемые» толки катились по Москве: «Она с князем Меншиковым его величество кореньем обвела».

И правда, после истории с Монс казалось, что Катеринушка словно «кореньем обвела» Петра. В разгаре борьбы с Карлом, когда он всерьез опасался за свою жизнь, государь не забыл ее и назначил выдать ей с дочерью 3000 рублей — сумма значительная, особенно для бережливого Петра. Чувство выявлялось не только в посылках цитрусовых да бутылок с венгерским — царь постоянно заботился о любимой женщине. Забывая первенца и его воспитание, изгладив из памяти образы злополучной первой супруги Евдокии и метрессы Анны Монс, Петр особенно ценил и оберегал вторую, более счастливую фаворитку.

Насмешливый деспот, человек с железной волей и характером, смотревший спокойно на истязание родного сына, Петр по отношению к Екатерине был неузнаваем — посылал к ней множество писем, полных любви и предупредительной заботливости. «Горазда без вас скучаю», — писал он ей из Вильно. «Для Бога ради приезжайте скорей, — приглашал государь «матку» в Петербург. — А ежели зачем невозможно скоро быть, отпишите, понеже не без печали мне в том, что не слышу, не вижу вас…»

По отзывам современников, близко знавших Петра и его жизнь, с появлением Екатерины в доме царя поселилось веселье — она отличалась умением отвлечь государя от забот, ловко потешить супруга, любить его со страстью, которой он никак не

мог дождаться от Анны Монс. Петр любил Катерину сначала как простую фаворитку, которая нравится и развлекает, но которую он не затруднился бы и бросить, как бросал многочисленных безвестных метресс, однако с течением времени он полюбил ее как женщину, тонко освоившуюся с его характером и ловко приспособившуюся к его привычкам и вкусам.

Малограмотная, она умела радоваться и горевать вместе с мужем, жила его интересами, нуждами и заботами. Поэтому Петр постоянно подчеркивал, что жена его умна, и не без удовольствия делился с нею разными политическими новостями, соображениями и размышлениями о событиях настоящих и будущих.

В 1712 году Петр, который долго не решался нарушить обычай предков, открыто объявил Екатерину второй, Богом данною женою. Дочерей, родившихся от нее, — Анну и Елизавету, — признал царевнами. А в мае 1724 года Екатерина была коронована как императрица.

Однако слишком часто достоинства Екатерины становились ее недостатками — страстность брала верх над разумом, и государыня нередко оказывалась слабой рабой своих чувств. Кроме Петра она одаривала горячими ласками и своего благодетеля Меншикова. Вряд ли государь знал, что в последние двадцать лет своей жизни он плясал под дудочку этой пары «сановных особ». Не храня верности Петру, она сама прощала его любовные увлечения.

При дворе ее появлялись красавицы, приглянувшиеся Петру. Желая угодить властелину и своему «хозяину», Екатерина тепло принимала своих соперниц. Среди них особенно выделялись генеральша Авдотья Ивановна Чернышева, которую Петр называл «Авдотья бой-баба», славившаяся красотой княгиня Марья Юрьевна Черкасская, Головкина, Измайлова… Список этот можно дополнить именами Анны Крамер, Марии Матвеевой, юной княжны Кантемир, камер-фрейлины Марии Гамильтон.

Когда страсть Петра к ней сменилась чувством глубокой привязанности, Екатерина стала благоволить к своему новому придворному Уильяму Монсу, старшему брату Анны Монс. Вскоре она так привязалась к молодому немцу, что царедворцы начали заискивать перед фаворитом. Петр узнал о связи Екатерины с Монсом лишь в 1724 году. Получив донос и проведя расследование, царь получил доказательства измены жены и использования служебного положения ее любовником.

Монсу было предъявлено обвинение во взяточничестве, а 16 ноября 1724 года на Троицкой площади в десять часов утра Уильяму Монсу отрубили голову. Екатерина была в тот день

напоказ весела. Вечером Петр прокатил царицу в коляске мимо того столба, на который была посажена голова Монса. Государыня, опустив глаза, произнесла: «Как грустно, что у придворных столько испорченностей».

В ноябре император Петр, простудившись во время спасения утопающих, заболел воспалением легких и не смог оправиться после него. Умер он через два с половиной месяца на руках у Екатерины, с которой примирился чуть ли не на смертном одре. По слухам, после смерти мужа страстная императрица ежедневно предавалась разгулу с партнерами, сменявшимися чуть ли не каждую ночь: Левенвольдом, Девиером, графом Сапегой…

Царствование Екатерины Первой началось в январе 1725 года, но было оно формальным — всем заправлял Верховный тайный совет. В него входили Меншиков, Толстой, Апраксин, Голицын, Головкин и Остерман, а императрица лишь подписывала бумаги. Балы, празднества, застолья и кутежи, следовавшие непрерывной чередой, подорвали ее здоровье, и 10 апреля 1727 года она слегла. 6 мая императрица умерла от осложнения абсцесса легкого.

Адриенна Лекуврер

Адриенна Лекуврер (1692–1730) — талантливая французская актриса XVIII века, многолетняя любовница графа Саксонского, внебрачного сына польского короля Августа II Сильного.

Адриенна Куврер родилась 5 апреля 1692 года в провинции Шампань в небогатой семье шляпника. Позже семья переехала в Париж, где отец открыл мастерскую. Девочка, чтобы немного развлечься, каждый день приходила к небольшому театру, находившемуся недалеко от их дома, и наблюдала за актрисами. Их жизнь казалась Адриенне необыкновенной, и она решила тоже стать актрисой.

Девочка настойчиво шла к своей цели: в 14 лет она дебютировала в любительском представлении. Когда Адриенне исполнилось двадцать пять, она уже играла на сцене маленького парижского театра, прибавив к фамилии артикль Ле. Немного позже ее приняли в труппу «Комеди Франсез». Адриенна приобрела у публики необычайную популярность благодаря сочетанию таланта и красоты. Обладая удивительным актерским даром, способная перевоплощаться в любой образ, играя не только простые роли, но и глубоко трагичные, Адриенна вскоре затмила всех актрис театра. Ею восхищались, у ее ног были самые известные мужчины Парижа.

Мадемуазель Лекуврер стала знаменитой и богатой. С ней желали познакомиться аристократы, философы, художники… Ее приглашали даже в дворянские салоны. Да и в гостиной самой актрисы всегда было интересно, весело и уютно.

Слава и признание не изменили девушку, Адриенна всегда оставалась искренней, открытой и доброй. Вольтер вспоминал: однажды, когда в его дом были приглашены гости, с философом внезапно случился приступ горячки. Приехавший врач поставил больному страшный диагноз — черная оспа. Из дома Вольтера бежали все. Осталась только мадемуазель Лекуврер. Актриса несколько дней дежурила у постели больного. Когда тот пошел на поправку, он был тронут такой самоотверженностью. Современники считали, что с тех пор у философа появилось к актрисе нежное чувство. Но ее сердце уже было занято другим — она любила Морица Саксонского.

Будущий граф Саксонский (1696–1750) был внебрачным сыном польского короля Августа II Сильного. Сила и прекрасное здоровье мальчика позволили родителям быстро выбрать дело для него: Мориц стал военным. Когда сыну исполнилось двенадцать лет, Август направил его в саксонскую пехоту (он участвовал в войне за испанское наследство под командованием Евгения Савойского), а спустя четыре года отец пожаловал ему титул графа Саксонского.

Юный граф быстро дослужился до полковника. Он серьезно изучал математику, фортификацию и военное дело. Но была у молодого человека одна слабость — он был распутником. В семнадцатилетнем возрасте Мориц женился и за несколько лет умудрился растратить немаленькое состояние жены на многочисленных любовниц. К двадцати пяти годам граф успел послужить в польской, саксонской и австрийской армиях и перешел в королевскую армию Франции, на долгое время обосновавшись в Париже. Граф Саксонский стал советником короля Людовика XV. Злые языки утверждали, что стать другом французского монарха ему помогла женщина — фаворитка Людовика маркиза де Помпадур.

Мориц вел такую вольную жизнь, что быстро заслужил в Париже репутацию развратника. Графа называли «великим авантюристом». Утверждали, что он прекрасно знал женщин, умел предугадывать желания своих любовниц, красиво преподносил изысканные подарки, к тому же был замечательным рассказчиком, поэтому дамы могли слушать его часами.

Но особенно Мориц Саксонский любил актрис, и Адриенна не могла миновать его. Они познакомились в 1723 году, когда Лекуврер было уже тридцать лет. Полковник признался ей в

самых искренних чувствах, и актриса оказалась не в силах отказать красавцу военному. Они стали любовниками.

Для Адриенны Лекуврер эта страсть была роковой: она так сильно любила графа, что во всем потакала возлюбленному. Зная о ветреной и темпераментной натуре Морица, великодушная женщина прощала ему многочисленные измены. А он, продолжавший любить знаменитую актрису, всякий раз после очередного любовного похождения возвращался к ней с повинной, новым признанием в любви и оригинальными подарками. К примеру, узнав, что Лекуврер любит фиалки, граф сразу же преподнес ей золотую печать с выгравированным на ней маленьким цветком фиалки.

Актриса была способна ради любимого на все. Чтобы помочь Морицу стать герцогом Курляндским, Адриенна продала все свое столовое серебро и драгоценности, собирая графу нужную сумму для взятки. С этого дня актриса по праву считалась самой щедрой и самоотверженной женщиной Парижа. Лекуврер родила от возлюбленного дочь.

В 1730 году в красавца графа влюбилась 23-летняя герцогиня Буйонская, женщина пылкая и властная. Став любовницей Морица, она захотела, чтобы тот принадлежал только ей одной. А когда граф Саксонский отверг ее, герцогиня решила устранить помеху — убить свою соперницу, которую считала единственной преградой к счастливому союзу с полководцем.

Мемуаристы выдвигали разные версии убийства Адриенны Лекуврер. По одной из них, герцогиня Буйонская якобы подсыпала смертельный яд в маленький букетик фиалок, которые так любила актриса, и отослала его Адриенне от имени поклонника-театрала. Другая утверждает, что Лекуврер была отравлена шоколадными конфетами, которые ей преподнесла герцогиня. Не известно, как случилось на самом деле, но в итоге бедная Адриенна слегла.

Актриса умирала в одиночестве, никто не пришел проститься с ней. Только Вольтер проводил последние дни рядом с преданной подругой. В те времена занятие актерством считалось греховным. Когда Лекуврер спросили, не хочет ли она отречься от своего ремесла, она ответила отказом: она и перед смертью осталась верна своей детской мечте. Церковь запретила хоронить актрису на освященной земле. Вольтер и граф Мориц с помощью своих друзей погребли ее на берегу Сены. Могила ее быстро затерялась. Этот случай сподвиг Вольтера написать горькую оду на смерть актрисы.

После смерти Адриенны герцогиню Буйонскую презирали как тайную отравительницу. Она многократно пыталась доказать, что

не имеет отношения к смерти актрисы. Историки, глубоко изучавшие жизнь высших кругов Франции XVIII века, подтверждают, что Адриенна Лекуврер действительно умерла от естественной болезни, а герцогиня Буйонская ушла из жизни оклеветанной.

В начале 1740-х годов граф Саксонский был среди инициаторов войны за Австрийское наследство. В 1744 году он получил звание Главного маршала Франции и стал самым знаменитым военачальником страны.

Мориц Саксонский пережил Адриенну Лекуврер на двадцать лет. Он умер 30 ноября 1750 года в возрасте пятидесяти четырех лет.

Потомки не забыли великую актрису Адриенну Лекуврер, блиставшую на сцене «Комеди Франсез» в комедиях Мольера и в трагедиях Корнеля и Расина. В театрах мира исполняют оперу композитора Чилеа «Адриенна Лекуврер» и ставят одноименную пьесу Эжена Скриба.

Евдокия Чернышева

Евдокия Чернышева (1693–1747) известна как одна из многочисленных любовниц Петра Великого.

Евдокия (по-домашнему — Авдотья) была дочерью Ивана Ивановича Ржевского и Дарьи Гавриловны (урожденной Соковниной), впоследствии получившей от Петра шутовской титул «князь-игуменьи».

В 1708 году 15-летней девочкой Евдокия попала в постель к царю, а через два года Петр пристроил ее, выдав замуж за своего любимца, бывшего денщика, а тогда уже тридцативосьмилетнего бригадира Григория Петровича Чернышева (1672–1745), в будущем генерал-аншефа, сенатора, Московского генерал-губернатора, родоначальника графской фамилии и отца будущих деятелей блестящего екатерининского правления. Муж Евдокии был отважен и честолюбив, особенно же он прославился подвигами в Северной войне — участвовал в штурмах десятка крепостей, взял в плен коменданта Нарвы генерала Горна. Чернышев был много раз контужен и ранен, поэтому свою женитьбу на царской фаворитке он расценил как награду за боевые заслуги.

Супруга принесла бедному бригадиру немалое приданое, да и Петр одарил молодых богатыми подарками. В приданое от Петра I она получила 4 тысячи душ крестьян, что весьма обогатило жениха, не имевшего собственного состояния. Ее муж в

своих записках так вспоминает об этом событии: «По взятии Выборга и по прибытии оттуда в Питербург, в 1710 году, женился (38 лет), взял Иванову дочь Ивановича Ржевского, девицу Авдотью; венчали в крепости, в деревянной церкви, во имя святых апостолов Петра и Павла; от церкви ехали в государевом буере, какой называется «Фаворит», а прочие присутствующие при том особы — в других буерах, вниз Невою, на Васильевской остров, в дом его светлости генерала-фельдмаршала князя Александра Даниловича Меншикова. И во оном доме был стол…»

После свадьбы царь долгие годы сохранял с нею прежнюю связь, по слухам, даже был отцом шестерых ее детей — трех сыновей и трех дочерей. Правда, учитывая весьма легкий нрав Евдокии, отцом этих детей мог быть любой из ее многочисленных поклонников. Беспутное поведение очень уменьшало ее шансы как фаворитки. Если верить слухам, ей удалось добиться только знаменитого приказания, данного Петром ее мужу: «Пойди и выпори Авдотью». Царь якобы заболел и считал любовницу — Евдокию — виновницей своей нехорошей болезни. Однако сама Авдотья после смерти Петра рожала детей и прожила еще двадцать лет, что ставит под сомнение наличие у нее столь страшного диагноза.

В 1715 году Авдотья принимала участие в шутовской церемонии венчания собственной матери с «князь-папой» Н. М. Зотовым, бывшим учителем Петра Великого. Была она в польском костюме, а ее муж — в асессорском платье и «с соловьями», особого рода музыкальным инструментом.

Как все достаточно практичные метрессы, пользуясь расположением к ней Петра I, Авдотья всемерно способствовала возвышению мужа, а ее сыновьям Петр жаловал «на зубок» деньги и деревни. Удивительно, но даже члены собственно царской семьи прибегали к ее помощи, ходатайствуя перед Петром.

В 1717 году ее имя фигурирует в скандальном деле Марии Гамильтон, с которой Петр также имел интимную связь. Любовник Марии, царский денщик Иван Орлов, якобы стал изменять ей с Авдотьей. Желая подставить соперницу, Мария как-то рассказала любовнику, что Чернышева, мол, говорила с каким-то денщиком об императрице Екатерине, что та ест воск и оттого у нее на лице угри. Затем она рассказала придворным дамам, что об этом с Чернышевой якобы говорил сам Орлов. Вернувшийся из командировки Орлов с ужасом узнал, какие о нем ходят сплетни, и якобы кинулся в ноги императрице. Екатерина, до которой эти сплетни не дошли, была удивлена, но стала разбираться. Гамильтон сначала отнекивалась, что пустила слух, когда же «ее побили», призналась. Началось следствие, а тут попутно выявился

факт абортов Гамильтон, убийства ею новорожденного и вытравливания других беременностей. В результате все эти злодеяния привели Гамильтон к казни. Авдотью Чернышеву следствие в принципе никак не затронуло.

Когда после недолгого царствования Екатерины и смутного междуцарствия на престол взошла Анна Иоанновна, Евдокия была назначена в число восьми статсдам (3 мая 1730 года). Она пользовалась большим расположением новой императрицы за умение рассказывать анекдоты и городские новости, однако несмотря на это Анна Иоанновна никогда не позволяла ей садиться при себе. Однажды Чернышева, разговаривая с императрицей, почувствовала себя плохо и едва могла удержаться на ногах. Государыня, заметив это, сказала: «Ты можешь опереться на стол, служанка заслонит тебя и, таким образом, я не буду видеть твоей позы».

При Елизавете Петровне Авдотья сохранила свое влияние — ее муж получил графское достоинство (1742) и Андреевскую ленту.

Когда же в 1745 году Чернышева овдовела, то удалилась от двора и через два года тихо скончалась. Похоронена в Александро-Невской лавре.

Мария Румянцева

Мария Румянцева (1699–1788) была одной из многочисленных фавориток императора Петра Великого. Она происходила из древнего дворянского рода и была дочерью действительного тайного советника графа Андрея Артамоновича Матвеева (1666–1728) от первого брака с Анной Степановной Аничковой (1666–1699). Мать ее умерла вскоре после рождения дочери. Девочка получила хорошее европейское образование, а первые годы своей жизни вообще провела в Вене и Гааге, где ее отец служил послом до 1710 года. Воспитанием Марии занималась мачеха, Анастасия Ермиловна Аргамакова.

Мария свободно говорила на французском и немецком, хорошо танцевала, была красива, энергична и остроумна. Именно эти качества привлекли к ней внимание Петра I. Царь настолько привязался к Марии Матвеевой, что однажды даже наказал ее собственноручно за слишком смелое обращение с кем-то из придворных и пригрозил ей, что выдаст ее замуж за человека, который сумеет держать ее в строгости и не позволит ей иметь любовников, кроме него одного. Она действительно занимала первое место среди любовниц великого императора, он любил

Марию Андреевну до конца жизни и даже ревновал ее, что случалось с ним нечасто.

Как бы то ни было, но 10 июля 1720 года, с богатым приданым, данным царем, Марию выдали замуж за денщика Петра — Александра Ивановича Румянцева, получившего чин бригадира и отличившегося в деле царевича Алексея. Царь пожаловал жениха «немалыми деревнями», конфискованными у казненного А. В. Кикина. Молодожены поселились в хорошем доме на Красном канале, а позже Петр I подарил Румянцеву в 1724 году большой участок на левом берегу Фонтанки, у дороги в Царское Село.

Впоследствии там выстроили загородный одноэтажный дом и разбили сад. В этом деревянном доме 18 февраля 1756 года была освящена церковь Божьей Матери «Знамение». Но в Петербурге супруги прожили всего несколько лет, за это время успев обзавестись тремя дочерьми. Затем настало время, когда муж постоянно был в разъездах (то в Константинополе, то на границе с Персией для размежевания), и Мария переселилась в Москву к родственникам. Там она произвела на свет четвертого ребенка — сына, крещенного в честь царя Петром, которому суждено было стать знаменитым полководцем.

Многие современники и историки соглашались с версией о том, что отцом мальчика был не законный супруг, а сам Петр Великий. Мальчик оказался последним из крестников вскоре после этого скончавшегося императора. Крестной матерью стала императрица Екатерина. Но Румянцева оставалась особой, приближенной ко двору, и после смерти ее любовника и заступника. Мария имела влияние при дворе, оказывала помощь французскому посланнику Кампредону, дружила с юной цесаревной Елизаветой.

Однако в царствование Анны Иоанновны, за нерасположение к немцам и протест против роскоши при дворе (по другим источникам — за отказ занять предложенную ему должность президента Камер-коллегии или за избиение Бирона, уличенного им в казнокрадстве), Румянцев был лишен чинов и сослан в казанскую деревню. Там семейство Румянцевых провело около трех лет.

В 1735 году ее муж был восстановлен в чине генерал-лейтенанта, а затем сделан астраханским и после — казанским губернатором. Как опытного военачальника и дипломата Румянцева назначили командующим войсками, отправленными против взбунтовавшихся башкир.

Затем через три года Румянцева сделали правителем Малороссии, и семья переехала в Киев. Из щедрой Малороссии

при посредничестве Мавры Шуваловой Мария Румянцева поддерживала связь с опальной цесаревной Елизаветой. Скоро ее супруга перевели в действующую армию, а в 1740 году назначили чрезвычайным и полномочным послом в Константинополь. В том же году Румянцев был назначен уполномоченным от России на конгресс в Або, а его жена при праздновании заключенного там мира получила от новой императрицы Елизаветы звание статс-дамы. Вдобавок, поскольку муж ее был возведен в графское достоинство, стала графиней и приобрела очень большое влияние при дворе — Елизавета не забывала тех, кто не забывал ее во время опалы.

Благодаря своему уму и такту Мария способствовала успеху многих миссий — например, поручения шведского генерала Дюринга, французский посланник Далион считал необходимым платить ей пенсию. Но английский посол Вейч безуспешно пытался склонить ее на свою сторону (Румянцева с мужем стойко держались профранцузской партии Шуваловых).

В 1744 году императрица Елизавета поручила ей заведовать двором будущей Екатерины II, пока еще принцессы Ангальт-Цербстской. Понятно, что Мария Андреевна была той самой доверенной особой Ее Величества, поставленной для надзора и опеки над принцессой, с обязательством отдавать императрице подробный отчет обо всем происходящем вокруг нее. Поэтому Румянцеву на «малом дворе» очень боялись. Екатерина II вспоминала в своих записках о том времени: «Во время этих маскарадов заметили, что у старой графини Румянцевой начались частые беседы с императрицей, и что последняя была очень холодна с матерью, и легко было догадаться, что Румянцева вооружала императрицу против матери и внушала ей ту злобу, которую сама питала с поездки в Украину ко всей повозке, о которой я говорила выше; если она не делала этого раньше, так потому, что была слишком занята крупной игрой, которая продолжалась до тех пор и которую она бросала всегда последней, но когда эта игра кончилась, ее злость не знала удержу».

Мария Румянцева сопровождала императрицу Елизавету в поездке из Москвы к графу Разумовскому в Глухов в 1744 году, а затем в Петербург, присутствовала с нею на пиру у Разумовского в Гостилицах в день ее именин 5 сентября 1745 года. В общем, была доверенной особой российской императрицы.

Когда же немецкую принцессу и великого князя Петра Федоровича обвенчали, Румянцева была уволена с должности гофмейстерины и получила приказ вернуться к супругу. Причиной этому, скорее всего, стала неприязнь матери великой

княгини Екатерины — Иоганны Гольштейн-Готторпской, а также канцлера Бестужева-Рюмина. Однако свое положение особы, дружной с императрицей, Румянцева сохранила.

К несчастью, слишком рано, в 1749 году, Мария овдовела, но осталась при дворе. Она продолжала жить расточительно, заменив увлечение танцами игрой в карты. Однако иногда страсть к игре заканчивалась большими проигрышами. Тогда Румянцева обращалась за финансовой помощью к Елизавете, а потом и к Екатерине, при дворе которой, как старейшая придворная дама, современница Петра и мать фельдмаршала, пользовалась большим уважением. Французский граф Сегюр так писал о хозяйке салона, где он любил бывать, Марии Румянцевой: «Разбитое параличом тело ее одно обличало старость; голова ее была полна жизни, ум блистал веселостью, воображение носило печать юности. Разговор ее был так интересен и поучителен, как хорошо написанная история».

Екатерина II, хорошо помнившая, как Румянцева мучила ее, когда была управляющей ее двора, став императрицей, сделала ее гофмейстериной (10 июня 1776 года). Вероятно, этому немало поспособствовали заслуги ее сына-полководца. А после заключения Румянцевым Кючук-Кайнарджийского мира его матери был пожалован орден Святой Екатерины (12 июня 1775 года). Графиня почти всегда присутствовала на разных обедах, свадьбах и торжествах при дворе. А в день первого бракосочетания великого князя Павла Петровича в 1773 году она просила молодожена оказать ей честь протанцевать с нею, так как она в свое время имела честь танцевать с его прадедушкою, дедушкою и батюшкою. Честь была оказана, и весь зал любовался, как еще вполне бодрая графиня мастерски кружилась по залу. А много лет спустя, на придворном балу 24 ноября 1781 года, в день именин императрицы, Мария Андреевна прошлась в польском с одним из внуков Екатерины II — великим князем Александром Павловичем. 22 сентября 1778 года она стала обер-гофмейстериной Высочайшего двора.

Как вспоминали современники, графиня отличалась широтой души и необыкновенной добротой, никому не отказывая в помощи. Она одной из первых в 1763 году стала принимать в своем доме подкидышей и беспризорных детей. С назначением ее сына правителем Малороссии все отправлявшиеся в этот край приходили к графине за рекомендательными письмами. Графиня всем помогала и писала сыну даже о тех людях, которых не знала. Также она охотно занималась делами в имении сына Павлино, полученном им в приданое за женой. Следила она и за строительством в поместье церкви архитектором Бланком.

Скончалась Мария Румянцева 4 мая 1788 года и погребена в Благовещенской церкви Александро-Невской лавры. Поэт и государственный деятель Г. Р. Державин посвятил ей оду — «На смерть графини Румянцевой».

XVIII век

Мария Кантемир

Считается, что Мария Кантемир (1700–1757) была последней и самой сильной любовью российского императора Петра Великого. Однако многие полагают, что именно она стала причиной гибели Петра I: мол, еще в отрочестве княжна узнала, что должна продолжить род своего предка Тамерлана, родив сына от российского императора. На ладони княжны якобы был выжжен магический знак Тамерлана — три соединенных кольца, ей часто являлись видения и слышались голоса. Есть свидетельства того, что Мария опаивала Петра I приворотными зельями, отчего он делался буйным в ревности и терял здоровье. Но судьба сыграла злую шутку с княжной — она влюбилась в Петра и сильно страдала, причиняя ему вред. Якобы даже хотела убрать действие приворотных зелий, но не знала, как это сделать. Петр умер, а Мария до конца своих дней оплакивала государя и их общего сына, который мог бы стать наследником империи, но не выжил.

Сказанное выше, конечно, лишь красивая легенда, но людям свойственно верить в чудеса. Однако происхождение княжны

Марии Кантемир действительно необыкновенно.

Татарин Темир, называвший себя не только мурзою, но и ханом, в местном произношении молдаван — Кантемир, поселясь в Молдавии в 1540 году и приняв христианство, стал родоначальником князей, права которых на титул никто не оспаривал. Один из представителей рода был выбран в господари Молдавии и правил ею до смерти. Это был князь Константин Федорович Кантемир (1627–1693), женатый три раза. Старшие сыновья были господарями после отца, но князь Димитрий, при вступлении Петра I в пределы княжества в апреле 1711 года присоединившийся к нему и при неудаче на Пруте не выданный туркам, стал верой и правдой служить русскому царю.

Заключив Прутский мир, Петр I дал князю Димитрию Константиновичу хорошие средства и обширные поместья вдобавок к тем землям, которые были выделены под поселение его людей и свиты. Бывшему господарю пожалованы Петром I титул светлости, чин тайного советника и сан сенатора. Князь был женат два раза: в первом браке — на дочери валахского господаря княжне Кассандре Щербановне Кантакузен (1682–1713), а во втором браке — на княжне Настасье Ивановне Трубецкой. От первой жены князь Димитрий Константинович Кантемир имел пять сыновей и двух дочерей.

Мария еще в младенческом возрасте попала вместе с родителями в Стамбул, где служил ее отец. Как и отца, ее учили греческому, латыни, итальянскому и французскому. А по своему воспитанию это была уникальная православная христианка — она грезила об освобождении своей родины от турецкого ига и видела в Московском государстве прежде всего силу, способную освободить христиан от власти мусульманской Турции. Образованием детей князя Димитрия Кантемира занимался греческий монах Анастасий Кандоиди, по некоторым сведениям, секретный информатор русского посла в Стамбуле Петра Толстого. Их учили также основам математики, астрономии, риторики, философии. Мария особенно увлекалась античной и западноевропейской литературой, древней историей, рисованием и музыкой.

С 1710 года князь Димитрий вернулся с семьей в Яссы и стал править как молдавский господарь, однако вскоре, поддержав царя Петра, лишился своих владений по Прутскому договору. Поэтому с 1711 года семья Кантемиров жила в Харькове, а с 1713-го — в Москве и подмосковном поместье Черная Грязь. Уже в России Мария начала обучаться русской грамоте у литератора Ивана Ильинского.

В доме отца Мария познакомилась с царем Петром I. В 1720

году, ожидая обещанного вознаграждения за поддержку в войне, Кантемиры перебираются в Петербург. Овдовевший Димитрий женится на юной красавице Настасье Трубецкой и окунается в вихрь светской жизни. Мария пыталась избегать утомительных увеселений и этим навлекла недовольство царя. Он приказал начать расследование, которое вели Павел Ягужинский и доктор Блументрост. 1 ноября в дневнике Ильинского записано: «Павел Иванович Ягужинский с доктором Лаврентием Лаврентьевичем (Блументростом) да с Татищевым (царским денщиком) приезжали осматривать княгиню и княжну: в правды ли немогут (нездоровы), понеже в воскресенье в сенате не были».

В родительском доме Мария принимала Петра I, Александра Меншикова, Федора Апраксина, французского посла Кампредона. Поддерживала дружеские связи с Толстым, прусскими, австрийскими и другими дипломатами. Зимой 1721 года начался роман царя с двадцатилетней Марией, который поощрял ее отец и, по некоторым догадкам, его старый знакомец — дипломат и интриган Петр Толстой. В начале 1722 года в Москве княжна отказала Ивану Григорьевичу Долгорукову.

В 1722 году началась Персидская кампания, и царь отбыл из Москвы в Нижний Новгород, затем посетил Казань и Астрахань. Царя сопровождала большая свита, в том числе и жена Екатерина, и Мария вместе с отцом. Однако княжна Кантемир осталась в Астрахани с мачехой и младшим братом Антиохом, потому что к тому времени уже была беременна. Французский дипломат Кампредон сообщал на родину, что «…в случае рождения сына у княгини, царица опасается развода с нею и брака с любовницею, по наущению Валахского князя» (депеша от 8 июня 1722 года). По некоторым данным, друзья Екатерины ухитрились оградить ее от этой опасности — возвратившись из кампании, Петр застал любовницу в постели, в опасном положении после выкидыша. Но по другим свидетельствам, Мария все же смогла родить раньше срока живого сына, но он почти сразу умер.

Современники рассказывали, что «…пока происходила эта экспедиция, в Астрахани, на государевом рыбном дворе, где было отведено помещение для Кантемирова семейства, совершилось издалека подготовленное темное дело. Княжна Мария преждевременно разрешилась недоношенным младенцем. Есть известие, что эти роды были искусственно ускорены мерами, которые принял Поликала, врач семьи Кантемиров, состоявший также при царицыном дворе, — руководил же действиями Поликалы не кто иной, как приятель князя Димитрия П. А. Толстой. Ему не впервой было играть двойственную роль: сближая княжну с Петром, он в то же время хотел быть угодным

Екатерине; несчастная княжна оказалась его жертвой, хрупкою игрушкой в его жестких руках. Теперь супруга Петра могла быть покойна; опасность, которой она боялась, была устранена».

После случившегося Кантемиры уехали в свое орловское имение — Дмитровку. Там в 1723 году умер князь Димитрий. По завещанию Мария получила драгоценности матери стоимостью в 10 тысяч рублей. Свои имения господарь завещал тому из сыновей, кто по достижении возраста окажется наиболее достойным. Эта странная формулировка привела к многолетнему судебному спору четырех сыновей с их мачехой, которая требовала 1/4 (вдовью) часть состояния. В итоге судебные тяжбы тянулись вплоть до 1739 года, и результат зависел от того, кто будет на престоле — человек, расположенный к Кантемирам или нет.

Весной 1724 года Екатерина стала императрицей, а Толстой — возведен в графы. Когда осенью 1724 года Екатерина увлеклась Уильямом Монсом, Петр нашел утешение в объятиях преданной ему несмотря ни на что Марии. Однако отношениям не суждено было развиться, потому что в январе 1725 года император скончался. Известие о смерти Петра чуть не свело Марию в могилу — она серьезно заболела, составила завещание в пользу братьев, назначив своим душеприказчиком Антиоха.

Однако судьба ее хранила — княжна выздоровела и осталась жить в Санкт-Петербурге, но отошла от жизни двора. При Екатерине I ее постигла вполне понятная опала, а при Петре II она переехала в Москву, где служили ее братья, и подружилась с сестрой нового царя, Натальей. Благодаря близости к придворным кругам Мария способствовала свадьбе своего брата Константина с княжной М. Д. Голицыной. Анна Иоанновна пригласила ее ко двору фрейлиной (1730), но когда двор решил вернуться в 1731 году в Петербург, Мария получила разрешение остаться в Москве. Эти милости были оказаны ей, потому что ее брат Антиох способствовал восшествию Анны на престол.

В начале 1732 года Мария приехала в Санкт-Петербург, чтобы добиться получения новых вотчин. Она посетила Анну Иоанновну, Елизавету Петровну, Бирона, Остермана, А. И. Ушакова. Хлопоты были связаны с продолжающейся тяжбой о наследстве отца. Несмотря на многочисленные предложения руки и сердца, молдавская княжна замуж не собирается. К примеру, она отвергает руку грузинского царевича Александра Бакаровича, сына выехавшего в Россию в 1724 году карталинского царя Бакара.

Мария удаляется от двора и подолгу живет в своем московском доме. Правда, светскую жизнь она ведет и с

московской знатью не порывает. На коронации в Москве императрицы Елизаветы Мария сумела расположить к себе доктора Лестока и канцлера Воронцова. В 1730-х в ее московском доме был литературный салон. В 1737 году к ней сватается Федор Васильевич Наумов, но она отказывает, понимая, что его больше интересует ее предполагаемое состояние.

Она ведет интенсивную переписку с братом Антиохом, находя лишь в нем родственную душу. Но брат проживает то в Париже, то на водах в Германии, то в Италии, пытаясь поправить здоровье, потому что врачи не в состоянии поставить ему диагноз. В начале января 1744 года Мария писала Антиоху, что намеревается продать свои земли брату Сергею, а себе оставит лишь небольшой клочок, чтобы построить монастырь и постричься в нем. Больной брат в гневе ответил сестре письмом на русском языке: «О том вас прилежно прошу, чтоб мне никогда не упоминать о монастыре и пострижении вашем; я чернецов весьма гнушаюсь и никогда не стерплю, чтоб вы вступили в такой гнусной чин, или буде то противно моей воли учините, то я в век уже больше вас не увижу. Я желаю, чтоб по приезде моем в отечестве, вы прожили всю жизнь со мною и в доме моем были хозяйкою, чтоб сбирали и потчивали гостей, одним словом — чтоб были мне увеселением и спомощницей».

Так и не оправившись, Антиох скончался в марте 1744 года. На свои средства Мария перевезла тело брата из Парижа в Москву и похоронила его рядом с отцом — в нижней церкви Никольского монастыря. После этого княжна всецело посвятила себя строительству — сначала она занималась подмосковной усадьбой Улиткино (или Черная Грязь, или позже — Марьино), а в 1747 году построила там церковь Марии Магдалины. Выбор усадьбы для покупки, видимо, был связан с тем, что соседнее поместье Гребнево принадлежало отцу ее мачехи Настасьи Ивановны, князю И. Ю. Трубецкому. Когда здоровье начало подводить ее, княжна решила составить завещание.

Она завещала построить в Марьине женский монастырь — княжна как бы желала исправить то, что не исполнила данного ею обета. Точно определен был штат монастыря и назначены средства на его сооружение и содержание. Если же основание монастыря не разрешили бы, то часть определенной на него суммы назначалась на раздачу бедным, а остальные деньги и все движимое и недвижимое имущество предоставлялись братьям и другим родственникам. Похоронить себя княжна завещала в Марьине — она уже хворала в то время, когда писала эти строки, а месяц спустя, 9 сентября 1757 года, ее не стало. И сразу же ее предсмертные распоряжения были нарушены — тело предали

земле не в Марьине, а в Никольском монастыре, уже служившем усыпальницей для отца, матери, брата и сестры Марии. Не основали и женскую обитель в Марьине — наследники не настаивали на исполнении этого пункта завещания, потому что сопровождавшая его оговорка давала им возможность уклониться от выполнения воли умершей. Естественно, что деньги, предназначенные для строительства, делились между всеми наследниками. Однако местные жители до сих пор уверены, что княжна Мария Кантемир похоронена в построенной ею церкви в Марьине.

Хедвига Ульрика Таубе

Хедвига Ульрика Таубе (1714–1744) — любовница шведского короля Фредрика I, рейхсграфиня, мать его троих внебрачных детей.

Хедвига родилась 31 октября 1714 года в семье адмирала Эдварда Дидрика Таубе и Кристины Марии Фалькенберг. Пользуясь близостью своей красивой дочери к королю, имевшему слабость к женскому полу, Таубе с 1731 года занимал пост президента Адмиралтейской коллегии, а в 1734 году в обход прославленного адмирала Псиландера стал членом риксрода и получил графский титул. Английский посланник Финч в донесении своему правительству написал, что «продав свою дочь, он теперь продает наиболее щедрым все посты, на назначение на которые он может повлиять благодаря слабости короля к ней».

В 1730 году Фредрик I сделал 16-летнюю девушку своей любовницей. Правда, по совету родственников, Хедвига легко уступила домогательствам 54-летнего монарха. Удивительно было то, что связь эта оказалась настолько долгой и прочной. Весной 1734 года Хедвига тайно родила от короля дочь, но ребенок вскоре умер. Спустя еще год она произвела на свет сына от монарха, обе супруги которого были бездетными. После этого связь между королем и его любовницей стала открытой, что имело не слишком радужные последствия для монархии.

Отношения короля с юной Хедвигой Таубе вызывали раздражение народа. Поэтому во время риксдага 1738–1739 годов духовное сословие было вынуждено отправить к королю депутацию, высказавшую просьбу удалить Таубе от двора. В 1740 году Хедвига уехала в поместье Эстермальма, расположенное в Седерманланде. Однако несколько месяцев спустя, после смерти королевы Ульрики Элеоноры, она вернулась в столицу и, наплевав на общественное мнение и протесты духовных лиц,

жила там открыто. В 1741 году связь короля приобрела черты морганатического брака, но слухи о супружестве не имели под собой оснований.

Как это часто бывает, личные отношения короля с Хедвигой Таубе имели и политические последствия. Оказывая поддержку Фредрику I, Карлу Юлленборгу удалось войти к королю в милость и сместить президента канцелярии Арвида Горна. В результате на риксдаге 1738–1739 годов к власти пришла так называемая «партия шляп». Таубе подвергся критике за служебную деятельность, а также за связь дочери с королем. Впрочем, «шляпы», лидеры которых, желая получить поддержку монарха в борьбе с Горном, ранее поощряли связь Хедвиги с королем, вероятно, хотели просто так надавить на последнего. Потому что Таубе так и не был отправлен в отставку, как это случилось с остальными членами риксрода, которые являлись сторонниками «партии шляп». Гораздо позднее Таубе получил отставку «по собственному желанию» и к тому же с пенсией большего размера, чем другие уволенные.

В 1743 году по просьбе короля Фредрика император Карл VII сделал Хедвигу Таубе имперской рейхсграфиней фон Гессенштайн. От короля она родила двух сыновей — Фредрика Вильгельма и Карла Эдварда, а также двух дочерей, но лишь сыновья дожили до зрелости.

Хедвига умерла в расцвете лет — 11 февраля 1744 года. Король пережил ее на семь лет, но так и не оставил законных наследников.

Мария Анна де Шатору

Мария Анна де Шатору (1717–1744) — фаворитка французского короля Людовика XV, имевшая очень большое влияние на своего любовника.

Мария Анна была пятой дочерью маркиза Луи III де Майи-Нель (1689–1767) и Арманды де Ля-Порт-Мазарен (1691–1729). Она получила достаточное для барышни голубых кровей воспитание и образование, к тому же была от природы умна и предприимчива. Рано потеряв мужа, Мария Анна, ставшая маркизой де ла Турнель, переселилась в Версаль к своей старшей сестре, госпоже де Мальи, которая на тот момент была фавориткой короля. Людовик XV, которому уже наскучила ее старшая сестра, сразу же пленился Марией. Она же была увлечена другим, но герцог Луи де Ришелье сделал все, чтобы освободить ее сердце — он отослал графа Аженуа от двора.

После этого король, снедаемый страстью, решился направиться к Марии, но для подстраховки взял с собой «удачно подвернувшегося» де Ришелье. Переодевшись врачом, Людовик появился глубокой ночью в покоях маркизы. Однако прежде чем взойти на ложе с монархом, молодая женщина выдвинула свои условия. Она потребовала от короля немедленно и публично отослать от двора ее сестру, а также захотела статуса официальной любовницы, какой был у де Монтеспан при прежнем короле. Заодно королю нужно было озаботиться поиском удобных апартаментов, достойных ее положения, потому что Мария не хотела, как ее сестра, ужинать с любовником и тайком предаваться страсти в маленьких комнатах, предназначенных для слуг. Также она хотела иметь свой двор и открыто ужинать вместе с королем в своих апартаментах. Помимо собственных весьма приличных средств она желала получать их в королевской казне с правом своей подписи. В случае же беременности ее дети от короля должны считаться законными.

Насколько сильно был влюблен Людовик XV, можно судить по тому, что он согласился на эти невиданные условия. Уже 17 января 1741 года палаты парламента узаконили королевский дар — герцогство де Шатору передавалось во владение маркизе де ла Турнель. По документам, де ла Турнель получила этот подарок за услуги, оказанные королеве. Однако вся Франция знала, что это были за услуги и кому они были оказаны.

Король Франции вынужден был вступить в союз с Пруссией во время войны за австрийское наследство. Положение было не блестящим — враг стоял на берегах Рейна и во Фландрии. Де Шатору в этот ответственный момент вдохновляла короля на активные действия и помогала ему советами, чем заслужила сравнение с Агнессой Сорель. Фаворитка дала ясно понять возлюбленному, что пришло время стать настоящим властителем, заняться военными делами и лично возглавить армию.

Вот строки из ее письма королю: «Вы не были бы королем, если бы вас можно было любить ради вас самого. Король сам должен заботиться о своем авторитете. Если народ ваш ропщет, сделайте так, чтобы голос ваш был для него все равно что голос отца. О сир! Что может быть важнее для короля, чем быть окруженным счастливыми людьми? Когда я предложила Вашему Величеству приступить к командованию армией, я была далека от мысли подвергнуть вашу жизнь опасности, — она принадлежит государству. Но отец отвечает за детей своих. Ваше присутствие, сир, вдохновит войска, вселит в них уверенность и заставит победить, — вы завоюете все сердца. Сир, простите мне мою откровенность — вы не можете вменить мне в вину то, что я

ратую за вашу славу. Стоит ли опасаться, что правда может не понравиться вам? Когда она становится необходимой, ее не боятся. Если бы я не заботилась о вашем величии, это значило бы, что я не люблю вас».

Обращение любимой женщины затронуло Людовика XV за живое. Поэтому в 1744 году 34-летний Людовик XV, желая отличиться перед своей любимой Марией, принял командование французскими войсками во Фландрии и Эльзасе и одержал громкие победы. Но расстаться с де Шатору было выше его сил, поэтому Мария отправилась в поход вместе с королем. Это породило множество сплетен и возмущение народа, считавшего, что король выставляет армию на посмешище. В одном из городов из-за этого с Людовиком случилась неприятность: после ужина у де Ришелье монарх решил провести вечер с герцогиней де Шатору. Надеясь остаться незамеченным, Людовик вышел через потайную дверь, однако караулившие его местные жители стали приветствовать его во все горло. Король быстро скрылся в саду, но зеваки продолжали следовать за ним, так что влюбленному пришлось возвращаться к себе под иронические комментарии черни. Ну а герцогине — провести ночь в одиночестве…

Дабы избежать в дальнейшем таких ситуаций, Людовик XV приказал размещать герцогиню по соседству с его резиденцией — тайный ход должен был вести от одного дома к другому. Так во всех городах, где останавливался король, рабочие с усмешкой стали пробивать стены. Однако в Меце не удалось найти два подходящих дома, поэтому герцогиня вынуждена была остановиться в аббатстве Сен-Арну, а король — дальше по той же улице. Любовники не могли долгое время не видеться, и тогда аббат придумал выход — была выстроена деревянная галерея, соединившая резиденции. Народу объяснили, что так королю способнее ходить в церковь. Но горожане сразу догадались, какие «службы» там будет посещать король. А местные протестанты добавляли, что если Людовик XV приехал в Мец подать дурной пример провинциалкам, то лучше бы он оставался «служить» в Версале.

Маршал Франции герцог де Ришелье был известен как большой любитель хорошо провести время в веселой компании. Так, в начале августа 1744 года он устроил для короля и придворных изысканный ужин. На нем присутствовали также все придворные дамы, сопровождавшие фаворитку. Король, который мог на несколько часов забыть о тяготах войны, был весел и любезен со всеми дамами. Хозяин вечера герцог де Ришелье решил проводить Людовика XV, де Шатору и мадемуазель де Лорагэ, сестру фаворитки и тоже бывшую любовницу короля, в

отдельную комнату с огромной кроватью. Что там происходило, покрыто мраком, но на следующий день король слег с тяжелейшей лихорадкой.

Жители Меца молились за здоровье короля, ставили свечи и пели псалмы. Людовик XV, боясь скорой кончины, послал за духовником, отцом Перюссо. А хитрый иезуит, ненавидевший де Шатору, заранее договорившись с епископом Суассонским Фитц-Джеймсом, решил не упускать удобный случай: он заявил королю, что последнее причастие тот получит, только если прогонит сожительницу. Пользуясь слабостью короля, вдвоем почтенные прелаты в конце концов сломили волю Людовика. В семь часов вечера, ощущая, что силы покидают его, король промолвил: «Пусть она уедет далеко, все равно куда…»

Тогда епископ немедля направился в комнату, где де Шатору и ее сестра с тревогой ожидали известий, и провозгласил: «Король приказывает вам, мадам, сейчас же покинуть этот город!» И тут же вышел, чтобы отдать приказ разобрать деревянную галерею, соединявшую апартаменты короля и герцогини, дабы все узнали о произошедшем разрыве короля и фаворитки. Герцог де Ришелье знал о страсти короля к мадам де Шатору и дал понять, что от имени монарха воспротивится ее отъезду. Фитц-Джеймс настаивал на своем: короля соборуют лишь после отъезда сестер.

Когда Людовик XV получал последнее причастие, Мария с сестрой спасались бегством, осыпаемые градом оскорблений и угроз черни: вслед им летели камни, ведра с водой и даже «ночные горшки, наполненные мочой». В Коммерси толпа готовилась разбить карету, а на пути следования крестьяне осыпали женщин грязными ругательствами, считая их виновницами болезни короля. Но до Парижа де Шатору не доехала, мудро объяснив свое решение в письме герцогу де Ришелье, которому она доверяла: «Думаю, что король набожен, пока он беспомощен… Когда немного поправится, он сразу же обо мне вспомнит, он не устоит — непременно заговорит обо мне, и тогда уж как-нибудь мягко и осторожно расспросит у Бебеля или Бишелье, что со мною сталось. Они же на моей стороне — дело мое будет выиграно. Верю, что короля вылечат и все уладится. Я не еду в Париж…»

Тем временем в Мец приехала обеспокоенная королева. Застав короля в постели, она разразилась рыданиями и стала его лобызать и обнимать. Король мужественно перетерпел эти проявления чувств и даже повинился перед женой: «Мадам, я прошу у вас прощения за скандал, которому я виной, за все горе и печали, что я вам причинил». Постельный режим положительно сказался на его здоровье, и уже через неделю королю стало

лучше. Новость о выздоровлении монарха вызвала взрыв ликования во всем королевстве. Повсюду зазвонили колокола… Народ Франции так радовался за Людовика XV, что с тех пор прозвал его Возлюбленным.

Королева Мария надеялась, что король после болезни вернется к ней и будет делить с ней ложе, как раньше. Но монарх быстро набрался сил и стал жаловаться, что духовник коварно воспользовался его беспомощностью и вынудил недостойно поступить с «особой, чья вина заключалась лишь в чрезмерной любви к нему».

Целый месяц он собирался с духом, и 14 ноября в десять часов вечера, не в силах больше сдерживаться, покинул инкогнито Тюильри и отправился к герцогине. Король хотел вновь насладиться своей очаровательной возлюбленной и без посредников узнать, каковы будут условия ее возвращения ко двору. Но войдя к де Шатору, Людовик был неприятно удивлен огромным флюсом, исказившим красивое лицо молодой женщины. Он, разумеется, сделал вид, что ничего не заметил, и просил Марию вернуться в Версаль. Однако красавица стала в позу и сказала, что вернется лишь тогда, когда герцог де Буйон, герцог де Шатийон, Ларошфуко, Балерой, отец Перюссо и епископ Суассонский будут изгнаны.

Сгоравший от нетерпения король тут же согласился на все ее требования. И в знак примирения счастливые любовники немедленно отдались снедавшей их страсти. Несмотря на недомогание, мадам де Шатору решила доказать королю на деле свое расположение. Долгое путешествие, волнения и воздержание донельзя распалили любовников… В итоге король оставил фаворитку с приступом сильной головной боли и в горячке.

К несчастью, эта их встреча оказалась последней — Мария сгорела за две недели от лихорадки (вероятно, флюс вызвал нагноение и дальнейшее заражение крови). Ее не стало 8 декабря 1744 года.

Жанна Антуанетта Пуассон

Жанна Антуанетта Пуассон (1721–1764) — фаворитка французского короля Людовика XV, которая более 20 лет играла важную роль в политической и культурной жизни не только Франции, но и всей Европы.

Жанна происходила из семьи финансиста, фактически из третьего сословия. Ее отец был поставщиком провианта для армии, причем неумелым и нечестным. Когда ему пришлось

бежать, бросив на произвол судьбы жену и детей, устройством жизни Антуанетты занимался синдик Ленорман де Турнем. Возможно, он был настоящим ее отцом. Благодаря ему Жанна получила отличное образование: она прекрасно музицировала, рисовала, пела, играла на сцене, декламировала.

Интересно, что мадам Лебон, гадалка на картах, предсказала девятилетней Жанне, что она будет любовницей Людовика XV. Эти слова Жанна никогда не забывала и затем с благодарностью вспоминала о Лебон.

Красивая девочка от природы отличалась живым умом. Поэтому 19-летняя Антуанетта расчетливо дала согласие на брак с племянником своего покровителя, Шарлем д'Этиолем. Ее невзрачный супруг был на пять лет старше, но, унаследовав состояние главного откупщика, стал очень богат. Жена при таком муже могла вести беззаботную жизнь, но Жанна открыто объявила, что никто на свете не может сбить ее с пути праведного, кроме разве что самого короля… Цена была объявлена, время пошло…

Жанна Антуанетта умела с блеском подать себя в высшем свете, и скоро о ней заговорили. Председатель парламента Эно, постоянный участник вечерних приемов у королевы, упоминал о ней как о прелестнейшей женщине. И если самый ожесточенный ее враг, Аржансон, говорил о ней, что она была блондинкой со слишком бледным лицом, полноватой и плохо сложенной, хотя и наделенной грацией и артистическими талантами, то другой ее современник, Леруа, обер-егерьмейстер лесов и парков Версаля, описывал ее с большей симпатией: среднего роста, стройная, с мягкими непринужденными манерами, элегантная; безукоризненно овальной формы лицо; шелковистые с каштановым отливом волосы, довольно большие глаза, прекрасные длинные ресницы; прямой правильный носик, чувственный рот, очень красивые зубы; чарующий смех и здоровый цвет лица; глаза же неопределенного цвета. «В них не было искрящейся живости, свойственной черным глазам, или нежной истомы, свойственной голубым, или благородства, свойственного серым. Их неопределенный цвет, казалось, обещал вам негу страстного соблазна и в то же время оставлял впечатление какой-то смутной тоски в мятущейся душе…»

Настоящее знакомство короля и Жанны Антуанетты состоялось во время грандиозного бала-маскарада 25 февраля 1745 года в Зеркальной галерее. Этот тисовый бал был дан в честь бракосочетания дофина. Короля заинтриговала очаровательная красавица под маской, а через три дня на балу в Парижской ратуше по случаю свадьбы дофина с испанской

принцессой Марией Терезией ситуация повторилась. Однако теперь Людовик попросил незнакомку открыть лицо. Она намеренно уронила свой платок, король тотчас бросился его поднимать, и это стало началом их любовной связи, которую они поддерживали через доверенного камердинера Людовика Бине.

В начале апреля госпожа д'Этиоль появилась в Версале на представлении итальянской комедии в ложе рядом с ложей короля. И когда Людовик приказал подать ему ужин в кабинет, весь двор не сомневался, что единственной его сотрапезницей будет «малютка Этиоль». Здесь же она отдалась государю, однако после этого свидания интерес Людовика к ней уменьшился. Король сказал Бине, что госпожа д'Этиоль ему очень понравилась, но ему показалось, что ею во многом двигало честолюбие и корыстный интерес… Камердинер, наоборот, стал уверять короля, что Жанна без памяти влюблена в него, но она в отчаянье, так как разрывается между любовью к королю и долгом перед мужем, который полон подозрений и боготворит ее.

На очередном свидании с Людовиком госпожа д'Этиоль повела себя осторожнее, сыграв роль очаровательной и добродетельной женщины, которую король хотел в ней видеть. Она с ужасом в глазах и ломая прекрасные руки артистично рассказывала об ожидавшей ее мести мужа и сумела убедить Людовика оставить ее в Версале. Пресыщенный любовными интрижками и напрасно пытавшийся развеять скуку в обществе супруги король был впечатлен спектаклем Жанны Антуанетты. Позже она выхлопотала для своего мужа выгодное местечко в провинции и легко добилась от него развода. Теперь уже ничего не мешало ей стать официальной фавориткой короля.

Но пока в Версале готовили апартаменты для преемницы де Шатору, Жанна оставалась в Этиоле. Король часто писал ей нежные письма, обычно заканчивавшиеся словами «Любящий и преданный», и она тотчас отвечала в таком же духе, а аббат де Берни придавал им законченный вид, правя стилистику и добавляя остроумия. И вот в одном из писем Жанна прочитала: «Маркизе де Помпадур». Король издал указ о присвоении ей титула, ранее принадлежавшего одному угасшему роду из Лимузена.

Наконец, 14 сентября 1745 года, состоялось ее представление при дворе. Людовик чувствовал себя не в своей тарелке, но королева, уже давно привыкшая к подобным унижениям со стороны супруга, приняла новую фаворитку значительно дружелюбнее, чем ожидалось. Только дофин что-то пробурчал сквозь зубы. Однако положение маркизы при дворе было сложным: до сих пор король выбирал фавориток лишь из высших

слоев общества. Урожденная Пуассон нарушила это правило, поэтому за ней следили особенно пристально и обсуждали особенно зло при самых незначительных ее промахах в этикете, ошибках в придворном языке или банальной забывчивости. Новоиспеченную маркизу за спиной презрительно называли гризеткой.

Но у Жанны хватило ума не разменяться на козни и борьбу с врагами — она пошла другим путем. Ведь только Помпадур обладала способностью развеять скуку пресыщенного всем и вся Людовика. Маркиза старалась каждый раз быть по-новому привлекательной и каждый раз придумывала для него новые развлечения. Она пела и играла специально для него или рассказывала со свойственной только ей пикантностью новые анекдоты. А когда какой-нибудь министр надоедал ему, она старалась выпроводить докладчика. Например, если это был Морепа: «В вашем присутствии король прямо желтеет. Прощайте, господин Морепа!» Она везде сопровождала короля — гуляла с ним по роскошным садам летних замков и ездила из Версаля в Кресси, а оттуда в Ла-Сель, а оттуда в Бельвю, а потом в Компьен и Фонтенбло.

Даже скучное духовное пение она превратила в забаву — на Святой неделе она развлекала его концертами духовной музыки и литургиями, в которых участвовала сама. Также Жанна играла на сцене в театре Этиоля или Шантмерле у госпожи де Вильмур, что очень нравилось Людовику, который позже позволил фаворитке открыть в Версале, в одной из примыкавших к Медальному кабинету галерей, небольшой «Камерный театр».

С годами положение ее упрочилось настолько, что она стала принимать у себя министров и послов, и только потом они могли рассчитывать на аудиенцию у короля. Теперь она жила в Версале, в апартаментах фаворитки Людовика XIV маркизы де Монтеспан. Интересно, что в комнате маркизы де Помпадур, где она принимала посетителей, было только одно кресло — все должны были стоять в присутствии сидящей фаворитки. Ложа маркизы в театре примыкала к ложе короля — там они тоже иногда уединялись. У Жанны Антуанетты с рождения был холодный темперамент и, чтобы не потерять любовь короля, ей приходилось изнурять себя диетой из трюфелей и сельдерея — признанных афродизиаков эпохи барокко.

Быт фаворитки отличался небывалой роскошью: молодой дворянин из старинного рода нес ее шлейф, по ее знаку подставлял ей кресло, ждал ее выхода в прихожей; на ее карете красовался герцогский герб; ее покои были обставлены самой дорогой мебелью… Также в пределах своего могущества она

заботилась о своей семье, правда, не забывая и себя — как известно, век фавориток короток, поэтому им следует обезопасить себя от опалы и бедности, подстраховавшись материально. Помпадур владела таким огромным недвижимым имуществом, которым ни до нее, ни после нее во Франции не владела ни одна королевская фаворитка: она купила поместье Кресси в Дре за 650 000 ливров, построила здесь роскошный замок и заново обустроила огромный парк; она приобрела Монретон, однако тотчас выгодно перепродала его, купила Сель в миле от Версаля по дороге в Марли и здесь тоже перестроила все в соответствии со своими вкусами; недалеко от Версальского парка она построила уединенный домик с персидскими занавесями, расписными панелями, большим садом с кустами роз, в центре которого возвышался храм со статуей Адониса из белого мрамора. Подобные домики она построила в Фонтенбло и в Компьене, а в Версале устроила все так, что по специальному коридору из павильона можно было пройти прямо в замок.

В фешенебельном парижском отеле «Поншартрен» ей принадлежали роскошные апартаменты. За 700 000 ливров она купила в квартале Сен-Оноре отель графа д'Эвре, где полностью перестроила первый этаж. Понятно, что каждое такое мероприятие требовало огромных денег и привлечения множества художников, скульпторов, резчиков и мастеровых, которым тоже надо было платить. Вырос на песчаных дюнах прекрасный замок Бельвю, и уже 2 декабря 1750 года в декорированном в китайском стиле маленьком театре был показан балет «Амур-архитектор». На сцене можно было увидеть гору Лафонтена, на нее спускался замок фаворитки, а с улицы на сцену въезжала повозка с закрытым коробом, который опрокидывался, и из него высыпались хорошенькие женщины — балерины.

Строительство было основной заботой и хобби госпожи де Помпадур — тем более что для скучавшего короля все сделанное под ее руководством было развлечением и походило на постоянные сюрпризы из шкатулки. В своих владениях и в королевских покоях волшебница Жанна Антуанетта переносила Людовика в мир великолепной архитектуры, где, впрочем, все было удобно обустроено и каждый дом нес на себе отпечаток модной пасторали. Сады Помпадур, вопреки устоявшемуся мнению, далекие от обычной помпезности, представляли собой живописный мир из заросших жасмином и миртом уютных беседок, клумб с розами, статуй амуров в самых неожиданных местах, полей нарциссов, гвоздик, фиалок, тубероз… В столь прекрасных декорациях король снова начинал чувствовать вкус к

жизни.

Пользуясь проверенным оружием — представать перед ним всякий раз новой и неожиданной, маркиза не давала ему даже шанса заскучать и посмотреть налево. В этом искусстве перевоплощения ей помогали изысканный макияж и множество костюмов. То она переодевалась султаншей с картин Ван Лоо, то прованской крестьянкой, то цветочницей. Сохранился портрет, где она изображена в кокетливой шляпке, в голубом платье с корзиночкой цветов в левой и букетом гиацинтов в правой руке. Кстати, именно с легкой руки Помпадур голубые платья стали называть «платьем маркизы».

Но даже столь мудрая фаворитка надорвалась в постоянной борьбе за сохранение влияния на короля и власти над двором. В угоду честолюбию приносилось хрупкое здоровье — единственная дочь Жанны дожила лишь до десяти лет, а все последующие беременности заканчивались выкидышами. Ей приходилось прибегать к различным ухищрениям, чтобы по-прежнему возбуждать чувственность короля. Однако вскоре медики и вовсе запретили ей интимные отношения, поэтому связь маркизы с королем переросла в дружескую привязанность — как у предыдущего короля с маркизой де Ментенон. Жанна пришла к разумному выводу: она не должна мешать Людовику заводить новых любовниц, просто этот процесс следует контролировать. И первую из девочек для пожилого короля она подобрала сама. Это была малышка О'Мерфи, чей образ запечатлен на портрете кисти Буше. Вскоре для встреч с нимфетками маркиза выделила так называемый Олений парк, где в укромном павильоне развлекался престарелый государь.

Маркиза же тем временем занялась покровительством деятелям науки и искусства: поддерживала Руссо, Дидро, выхлопотала пенсию для своего учителя декламации Кребильона, дружила с Бюффоном, которому она завещала своих зверей — обезьянку, собаку и попугая, Монтескье и Мармонтелем. Но ближе всего ей был Вольтер, старый друг маркизы и д'Этиоля. Помпадур сделала его академиком, главным историком Франции, главным камергером. В свою очередь он написал для придворных праздников «Наваррскую принцессу», «Храм Славы», посвятил маркизе «Танкреда» и прославил ее в стихах и прозе. «Помпадур, вы украшаете своей особой двор, Парнас и остров Гетер!» — восклицал он с восхищением и благодарностью, а когда она безвременно умерла, он написал Сидевилю: «Я глубоко потрясен кончиной госпожи де Помпадур. Я многим обязан ей, я оплакиваю ее. Какая ирония судьбы, что старик, который только и может, что пачкать бумагу, который едва в состоянии

передвигаться, еще жив, а прелестная женщина умирает в 40 лет в расцвете самой чудесной в мире славы…»

С именем маркизы де Помпадур связаны и другие славные деяния. Она основала знаменитые Севрские фарфоровые фабрики. Желая создать серьезную конкуренцию дорогостоящему саксонскому фарфору, Помпадур перевела фабрики из Венсенна в Севр, неутомимо занималась экспериментами, приглашала искусных ремесленников и талантливых художников. Чайные нежные розы, которые она сажала, где только могла, украшая ими страну, были названы «розами Помпадур». Грациозность и вкус, свойственные всем без исключения произведениям искусства и моды того времени, — это результат ее влияния, поэтому маркиза де Помпадур по праву может считаться крестной матерью и королевой рококо.

Почти 20 лет продержалась маркиза у трона короля, хотя ее положение не раз могло радикально измениться. Она не была слишком жизнерадостным человеком, хотя хотела казаться им. Помпадур обладала холодным рассудком, честолюбивым характером и железной волей, что удивительным образом сочеталось с ее слабым, уставшим от неизлечимого недуга легких телом… В конце жизни она много писала брату: «Где бы ни встретили вы людей, вы обязательно найдете у них фальшивость и любые возможные пороки. Жить в одиночестве было бы слишком скучно, поэтому приходится принимать их такими, какие они есть, и делать вид, как будто не замечаешь этого…»

Однако 42-летняя маркиза сохраняла свое могущество даже с уже похолодевшими руками. После смерти в столе у нее нашли всего 37 луидоров. Финансовое положение женщины, которую народ обвинял в том, что она перевела за рубеж значительные суммы, было таким тяжелым, что ее управляющий был вынужден взять в долг 70 000 ливров на ее лечение.

Эпоха господства маркизы де Помпадур стоила Франции 36 миллионов франков. За двадцать лет при дворе она истратила на свои туалеты 350 035 ливров, ей принадлежало свыше трехсот ювелирных изделий, в том числе бриллиантовое колье стоимостью 9359 франков. Ее увлечение строительством, многочисленные приобретения, драгоценные камни, произведения искусства и мебель требовали значительных затрат. Но собственно ее содержание, обходившееся вначале в 24 000 ливров в месяц, к 1760 году уменьшилось в восемь раз — уже в 1750 году она не получала от короля богатых подарков. Ее единственным наследником был брат. В завещании были также упомянуты ее многочисленные друзья и слуги. Королю она оставила свой парижский отель и коллекцию камней.

Специальный указ запрещал оставлять тела усопших в королевском замке — ничего не должно было напоминать королю о смерти. Едва остывшее тело женщины, еще недавно видевшей у своих ног всю Францию, перенесли почти обнаженным через парк и оставили до погребения в специально выбранном для этого доме.

Когда хоронили маркизу, разразилась редкая для апреля буря. Король в задумчивости наблюдал за траурным кортежем с балкона. Затем, рыдая, он воскликнул: «Ах, это единственная честь, которую я мог ей оказать!»

Луиза О'Мерфи

Луиза О'Мерфи (1737–1814) — фаворитка престарелого короля Людовика XV, знаменитая модель художника Франсуа Буше, который изобразил ее на портрете «Светловолосая одалиска».

Луиза была пятой дочерью в семье Даниеля О'Мерфи, бывшего ирландского солдата, который остался во Франции, женился и стал сапожничать в Руане. После его смерти супруга переселилась вместе с детьми в Париж. Там она продавала подержанную одежду, а дочери работали натурщицами и актрисами. В 1752 году 15-летняя Луиза позирует Франсуа Буше для его знаменитой картины «Отдыхающая девушка». Красота Луизы не остается незамеченной — ее представляют Людовику XV. Она становится фавориткой короля и вскоре рожает ему незаконную дочь — Агату Луизу де Сен-Антуан (1754–1774). Будущий генерал де Бофранше также, по слухам, являлся плодом этой связи. Два года считаясь фавориткой Людовика XV, Луиза совершила общую для многих его любовниц ошибку — самонадеянно пыталась сместить с роли официальной фаворитки могущественную маркизу де Помпадур.

Естественно, попытка окончилась неудачей: О'Мерфи была выдана замуж за дворянина и отдалена от Версаля. Рыжая красотка выходила замуж еще дважды, причем последний муж был младше ее на тридцать лет, но все браки закончились разводом.

Во время Французской революции Луиза была на непродолжительное время заключена в тюрьму за связи с королевским двором, но все же благополучно пережила эпоху Террора и революционные потрясения. Умерла заслуженная прелестница в 1814 году.

Ее образ с картины Буше использует и интерпретирует по-

своему в мемуарах Джакомо Казанова, как известно, вообще не чуравшийся банального вымысла: «Я дал шесть луидоров одному немецкому художнику, чтобы он написал ее с натуры обнаженной, и она вышла как живая. Он изобразил ее лежащей на животе, опираясь руками и грудью на подушку… Искусный художник нарисовал ноги ее и бедра так, что глаз не мог и желать большего. Внизу я велел написать: O-Morphi. Слово это не из Гомера, но вполне греческое; означает оно "красавица"».

Елизавета Воронцова

Елизавета Воронцова (1739–1792) — преданная фаворитка несчастного Петра III, судьба которой с рождения и в дальнейшем была полна взлетов и падений.

Отец будущей камер-фрейлины Елизаветы Роман Воронцов служил сержантом под началом брата знаменитого фаворита Анны Иоанновны подполковника Густава Бирона и был на хорошем счету. В 1735 году Воронцов женился на 17-летней Марфе Сурминой, дочери богатого костромского дворянина, которая сбежала от бившего ее смертным боем первого супруга князя И. М. Долгорукого. Благодаря хорошему приданому скандальную историю удалось замять скорой свадьбой с сержантом Воронцовым. Марфа Ивановна при дворе подружилась с цесаревной Елизаветой и часто одалживала ей значительные суммы. Положение будущей императрицы при Анне Иоанновне было финансово нелегким, поэтому о возврате денег речи не шло. Зато цесаревна относилась к Воронцовым как к близким друзьям и стала крестной матерью их старшей дочери Марии.

В 1739 году Воронцов получил звание прапорщика, а супруга порадовала его рождением дочери Елизаветы. Будущая фаворитка росла слабой и болезненной, да и родители не особо занимались ею — внимание их было отдано выхаживанию младших детей: дочери Екатерины (будущей княгини Дашковой) и двух сыновей — Александра и Семена.

Роман Воронцов принял активное участие в подготовке дворцового переворота 1741 года, чем еще больше заслужил признательность взошедшей благодаря ему и его стараниям на престол императрицы Елизаветы Петровны. Именно ему доверила государыня сопровождать до Риги свергнутую брауншвейгскую фамилию — Анну Леопольдовну и ее семью. За верную службу получил Воронцов свое первое придворное звание камер-юнкера. К несчастью, когда Воронцов присутствовал вместе с другими придворными на церемонии бракосочетания великих князя и

княжны — Петра Федоровича и Екатерины Алексеевны, умерла его жена, оставив на его руках пятерых детей. Малыши воспитывались в семье родственника — вице-канцлера Михаила Воронцова.

Через пять лет дочерей, Марию и Елизавету, императрица определила ко двору: симпатичную Марию сделала своей фрейлиной, а невзрачную Елизавету — фрейлиной великой княжны Екатерины Алексеевны. Младших Воронцовых учили иностранным языкам, географии и танцам, они посещали французскую оперу. Воронцов хотел сделать из сыновей государственных деятелей, полезных Отечеству. Старшего сына Александра он в 1758 году отправил на учебу в аристократическую школу в Версале, а Семен должен был заняться управлением отцовскими имениями — от Подмосковья до Тобольска и Астрахани.

Правда, в каноны красоты того времени совсем не вписывалась простоватая внешность подраставшей Елизаветы Воронцовой — смуглая кожа с ярким румянцем, живость в глазах и угловатые манеры. Тем большее смятение при дворе вызвала явная симпатия, которую проявлял к фрейлине Воронцовой великий князь Петр Федорович. Императрица Елизавета дала ей прозвище Госпожа Помпадур, а придворные — Романовна. Романовной называл ее и Петр. Они близко сошлись, когда Петру было 27, а Елизавете — 16 лет. У них было много общего: не слишком любимые родителями в детстве, порывистые и вспыльчивые, будущий император и фрейлина питали слабость к военным мундирам, карточной игре, табаку и бургундскому вину.

Елизавета всегда поддерживала и утешала наследника престола, даже казалось, что она не просто участвует в забавах будущего императора, а как бы опекает его. Одновременно отец и дядя фаворитки стремились узаконить для дворянства вольности (экономические привилегии, беспрепятственный выезд за границу, освобождение от военной службы…), но при императрице Елизавете они не получили поддержки. Теперь Воронцовы рассчитывали на расположение будущего императора.

После смерти императрицы Елизаветы и восшествия на престол Петра Воронцовы получают все новые почести и награды. После коронации Петр III назначает отнюдь не похорошевшую после оспы Елизавету Воронцову камер-фрейлиной и отводит ей в Зимнем дворце комнаты рядом со своими. Император собирается обвенчаться с Елизаветой и отправить свою жену Екатерину в монастырь. В день подписания мира с Пруссией Петр III награждает Елизавету Романовну Воронцову орденом Святой Екатерины — честь, которой удостаивались только члены царской

семьи.

Влюбленные даже не считали нужным скрывать детали своих отношений и демонстративно манкировали правилами приличия в присутствии не только придворных, но и самой императрицы Екатерины. Полгода правления всероссийского императора Петра III ознаменовались ликвидацией Тайной канцелярии и изданием Манифеста о вольности дворянской — это было прямым следствием влияния Романа Воронцова и его дочери Елизаветы. Эти указы весьма укрепили позиции в высшем обществе ранее нелюбимого «голштинца». Все это серьезно беспокоило Екатерину, однако ей на руку сыграло то, что у Петра III не было собственной программы реформ — пока он действовал лишь по указке Воронцовых.

Но несмотря на огромное влияние Елизаветы на великого князя и императора, в дела политические она не вмешивалась: ей нравилось демонстрировать свою власть на балах, парадных обедах и в узком кругу. Доброе сердце мешало ей подтолкнуть Петра III к расправе с нелюбимой и неверной женой, чтобы занять достойное положение при дворе и в государстве. Правда, Екатерина Воронцова, став фрейлиной императрицы и питая к ней искренние дружеские чувства, защищала просвещенную государыню и третировала собственную сестру — разлучницу Елизавету.

Петр III презирал чуждые ему русские традиции и религиозные обряды и не скрывал это. Свою коронованную супругу, которая выстаивала службы и старательно учила русский язык, он считал банальной лицемеркой. Эмоциональная неустойчивость и откровенная любовь ко всему прусскому и Пруссии, доходившая до предательства во время войны, оскорбляли патриотические и религиозные чувства не только двора, но и гвардии, а также прогрессивно мысливших сторонников Екатерины. 9 июня 1762 года во время обеда Петр III публично оскорбил Екатерину и отдал распоряжение о ее аресте. Только вмешательство принца Георга Голштинского, дяди императора, спасло Екатерину от заточения. Этот эпизод стал последней каплей.

Во время дворцового переворота Воронцовы вместе с остальным двором Петра III находились в Ораниенбауме. Утром 28 июня 1762 года все придворное общество направилось на празднование Дня святых Петра и Павла в Петергоф, где должна была их встречать императрица Екатерина. Ее неожиданное отсутствие вызвало тревогу и беспокойство. Петр III впадал попеременно то в гнев, то в панику. Елизавета пыталась его успокоить, но без особого успеха — император понимал, что ни

армия, ни двор, ни народ его не поддержат. Он впадает в прострацию. Тем временем Екатерина II, прискакавшая в мужском костюме в сопровождении гвардейцев в Петербург, провозглашается у Казанского собора самодержавной императрицей, а Павел — наследником престола. Гвардия, двор и духовенство приняли присягу новой императрице.

Петр III по совету фельдмаршала Миниха решил отплыть в Кронштадт, но в это время кронштадтский гарнизон перешел на сторону Екатерины II. Петр вернулся в Петергоф, но туда уже прибыли гвардейцы под началом поручика Алексея Орлова. Вместе с бывшим императором арестовали и Елизавету Воронцову. Петр отказался добровольно отречься от престола, чтобы свободно уехать в Голштинию. Елизавета Воронцова слезно умоляла его согласиться и позволить ей сопровождать его куда угодно. Вскоре Екатерина II появилась верхом на коне, в сопровождении Екатерины Романовны Дашковой и конных гвардейцев. Она выглядела торжествующей. Морально сломленный Петр III подписал отречение от престола и под конвоем отправился во дворец в Ропше, из которого уже не вышел живым.

Елизавету Воронцову пришлось силой отрывать от бывшего императора, настолько крепки были их последние объятия. Елизавету под конвоем отправили в отцовский дом в Петербурге. Младшая сестра Екатерина пыталась облегчить ее участь — ослабить надзор и скрасить тяжесть заточения. Затем Елизавета была негласно выслана в Москву с указанием «жить в тишине и не привлекая внимания». Через секретаря Елагина Екатерина II купила для нее дом в Москве на свои личные деньги, проявив удивительную широту взглядов и заботу о бывшей сопернице.

По слухам, личную жизнь некогда могущественной конкурентки императрица Екатерина II тоже взялась устроить сама. В 1765 году Елизавета Романовна вышла замуж за А. И. Полянского и переехала в Санкт-Петербург. Не появляясь при дворе официально, она бывала на частных приемах и даже дружила с наперсницей Екатерины II — графиней А. Ф. Протасовой. У Елизаветы и Александра Полянского было двое детей. Дочь Анна, которая вышла впоследствии замуж за барона де Огер, получила в дар от императрицы Екатерины несколько поместий и была ее фрейлиной. Сын Александр, крестной которого была сама Екатерина, занимался государственной деятельностью и был сенатором.

Умерла Елизавета Романовна Воронцова в 1792 году.

Жанна дю Барри

Фаворитка французского короля Людовика XV, специально для которой был построен дворец Люсьенн, где она давала потрясающие балы.

Мария Жанна (1746–1793) родилась в Вокулере как внебрачная дочь некоей Анны Бекю по прозвищу Кантина. Женщина после смерти своего любовника переехала в Париж и стала искать покровительства богатого армейского интенданта Дюмонсо. Когда Жанне было 15, она уже торговала на улицах разной дребеденью, приторговывая по случаю и собой. Граф Жанлис через несколько лет был весьма удивлен, когда в очаровательной женщине, которой он был представлен в Версале, узнал юную продавщицу, которую слуга однажды привел ему на часок поразвлечься.

Позже барышня устроилась модисткой в ателье господина Лабиля на улице Сент-Оноре. Понятно, что при ее красоте и веселом нраве у нее завелось множество поклонников. В конце концов она стала любовницей графа дю Барри. 2 октября 1762 года парижский полицейский инспектор Сартин записал, что граф дю Барри тайно забрал у некоей владелицы магазина модной одежды какую-то мадемуазель Трико, чтобы «соответствующим образом одеть ее и направить в хорошее воспитательное заведение, где из нее сделают будущую куртизанку, которую он потом сможет предложить знатному господину». Так благодаря дю Барри Жанна из гризетки и модистки превратилась в светскую даму. При пепельно-сером цвете волос у нее были темные брови и темные, загибающиеся почти до бровей, ресницы, оттенявшие голубые, почти всегда подернутые поволокой глаза, прямой носик над изгибом чувственного рта, а цвет ее лица напоминал «лепесток розы в молоке». Длинная нежная шея и круглые низкие плечи довершали впечатление потрясающей женской красоты. Ее покровитель был достаточно умен, чтобы понять, какое сокровище у него в руках, и решил извлечь из воспитанницы максимальную выгоду.

Дю Барри прямо сказал фавориту короля Ришелье, что Жанна предназначается именно Его Величеству. Через некоторое время Ришелье ответил, что граф должен обратиться к Лебелю — может быть, малышка и заинтересует короля. Вскоре во время ужина у Лебеля Жанна после шампанского совершенно развеселилась, покорив своей непосредственностью короля. Людовик сначала тайно наблюдал за ней, а затем приказал привести ее к себе. Гризетка тут же показала, на что способна, и престарелый ловелас так влюбился в нее, что Лебелю приказали найти ей подходящую партию для замужества и устроить ее дела. Супруг был найден быстро — брат графа дю Барри, происхождение

Жанны также претерпело трансформации, и в качестве благородного отца был назван Жан-Жак Гомар де Вобернье.

Через месяц была сыграна свадьба, и супруг вернулся к себе в Тулузу. А новоиспеченная графиня дю Барри поселилась во дворце. Ее апартаменты в Версале находились в непосредственной близости от королевских, так что Людовик мог незаметно заходить к ней в любое время. Юная Жанна обнаружила вкус к драгоценностям и предметам роскоши, быстро устроив у себя в апартаментах настоящий склад произведений искусства и мебели.

Но лишь через девять месяцев после замужества, преодолев разного рода интриги, в апреле 1769 года Жанна добилась представления при дворе. Ее красота в сочетании с драгоценным платьем и подаренными королем бриллиантами на 100 000 франков произвели фурор. Придворные, знать и даже придворный шут, герцог де Трем, зачастили к ней с визитами. С изъявлениями преданности являлись литераторы и деятели искусства.

В июле 1769 года король отправился в военный лагерь в Компьене, и Жанна поехала вместе с ним. Она присутствовала на смотре войск, стала настоящей королевой лагеря, а командир полка полковник Бос приветствовал ее точно так же, как членов королевской семьи.

Как и Помпадур, дю Барри начала привлекать внимание иностранцев. Когда английский литератор Уолпол отыскал ее у алтаря в Версале, она была без грима и в весьма скромном туалете. Жанна предпочитала кокетливые неглиже пышным официальным нарядам. Чаще всего она носила платья из мягких струящихся тканей и достаточно легкомысленного покроя — даже к праздничному столу она являлась в простых нарядах, выгодно отличавшихся от глубоко декольтированных и стоящих колом придворных туалетов других дам. А придуманная ею довольно легкомысленная прическа вскоре стала известна как «шиньон а-ля дю Барри».

Почувствовав свою власть, она позволила себе вмешаться в один судебный процесс — ее приятель д'Эгийон подозревался в растрате общественных денег. После решения дела в его пользу Арман отблагодарил Жанну роскошным подарком — великолепной каретой, на которой можно было увидеть новые фамильные цвета Жанны и ее девиз: «Нападает первой!» Девиз был окаймлен ветками роз, на которых были изображены голуби, пронзенные стрелами сердца, факелы и другие символы любви.

Но в отличие от Помпадур, она никогда не вмешивалась в политику. Ее интересовала только роскошь: одним взмахом руки она приводила в движение целый штат портных, модисток,

вышивальщиц, мастеровых. Например, у знаменитого Лепота она купила костюмы из сукна, расшитого незабудками, с рисунком мозаикой, украшенные золотой тесьмой и обшитые бахромой из мирта, платья для верховой езды из белого индийского муслина, стоившие 6000 ливров. Принадлежавшие ей наряды стоили от 1000 до 15 000 ливров, огромные суммы уходили и на заколки для волос.

На фабрике в Севре дю Барри ящиками покупала великолепный фарфор, заказала мастерам столовый сервиз из чистого золота с ручками из кроваво-красной яшмы, а также золотой туалетный столик, который так и не был закончен, так как это требовало совсем уж небывалых расходов. Таким же роскошным был и построенный за три месяца архитектором Леду «дворец-будуар» Лувесьен. К богатому содержанию от короля прибавлялись еще подарки и подношения. А благодаря бесконечно преданному ей генеральному ревизору Террею Жанна имела неограниченный доступ к государственной казне — ревизор проводил все ее счета как королевские.

Ее балы в Лувесьене совершенно отличались от праздников Помпадур — здесь царили вкусы парижской улицы: непристойная комедия Колле «Истина в вине» вводила в краску светских дам из Версаля, неприличные куплеты смущали даже мужчин, а наибольшим успехом пользовались Одино, звезда парижского дна, и эротические танцы.

С усилением ощущения своей безграничной власти весь внешний лоск фаворитки постепенно пропал. Жанна стала разговаривать с королем, словно торговка знаменитого рынка «Чрево Парижа», но впавший в маразм Людовик и в этом нашел свой шарм. Дю Барри не знала, что такое стыдливость или сдержанность: едва проснувшись и лежа полуодетой в кровати, она принимала модных художников и мастеровых, при появлении посланников самого папы вставала с постели в ночной рубашке и с обнаженной грудью…

Однако Жанна все еще оставалась добродушной простой женщиной из народа — не была злопамятной, не знала предрассудков, по-детски сердилась, но быстро обо всем забывала. Искренне привечая всех, кто ей нравился и был готов услужить, она была привязана к своей семье и постоянно заботилась о родных. У нее самой детей не было, поэтому она женила и выдавала замуж детей всех своих родственников, а также устраивала все их дела.

Портило настроение дю Барри лишь презрительное отношение к ней Марии Антуанетты. Когда Жанна представляла своего племянника королю в Компьене, Мария Антуанетта только

слегка ей кивнула. Жена дофина не удостаивала фаворитку короля даже приветливым словом.

Шли годы, и Жанна почувствовала, что король больше не привязан к ней так, как раньше. Ведь у нее не было таких, как у Помпадур, талантов, чтобы развлечь его чем-нибудь необычным. В любой момент ее могла сместить новая фаворитка — в Оленьем парке девочки исчезали так же быстро, как и появлялись.

Король стал принимать сильнодействующие средства, но вскоре они перестали помогать. «Я вижу, что уже немолод и должен остановиться», — сказал он как-то придворному врачу. Болезнь быстро прогрессировала, и вскоре короля не стало.

Жанна Бекю, графиня дю Барри, доиграла свою роль королевской куртизанки. 12 мая 1774 года курьер передал ей письмо из Версаля, где ей предписывалось переехать в аббатство Пон-о-Дам. Возликовала она через полтора года, когда в ноябре 1775-го получила разрешение отправиться в Лувесьен.

Здесь все было по ее вкусу, она даже завела короткий роман с английским послом лордом Сеймуром. Жизнь ее текла и дальше в окружении высокородных иностранцев, старых и новых друзей, в привычной роскоши. Однако со временем посетителей становилось все меньше…

Пришел 1789 год, была взята Бастилия, и Жанна с грустью повторяла: «Если бы Людовик XV был жив, ничего такого бы не произошло!» Смерть на гильотине многих известных ей людей повергла ее в ужас, а 6 декабря 1793 года ее вызвали в суд. В официальном обвинении говорилось о спрятанных ею сокровищах и о явном доказательстве ее связи с контрреволюцией — собрании антиправительственных листовок и карикатур, якобы найденных у нее в замке, а также о ее трауре после казни тирана Людовика XVI и оживленной переписке со злейшими врагами Республики. Председатель суда собрал все имеющиеся в деле факты и сделал из «куртизанки предшественника Людовика XVI» соучастницу выступления против Франции иностранных держав и бунтов внутри страны.

Через 5 часов 15 минут судебного разбирательства Жанна была приговорена к смертной казни. Она не верила, что это конец, даже тогда, когда ей обрезали волосы. По легенде, отрубил голову дю Барри палач, с которым она была близка много лет назад, еще в свою бытность парижской гризеткой…

Вильгельмина Энке

Фаворитка прусского короля Фридриха Вильгельма II,

которую называли «прусской мадам Помпадур».

Вильгельмина Энке (1753–1820) родилась в семье трубача, который позже получил место валторниста в королевской капелле. Почти ребенком Вильгельмина, в которой уже можно было увидеть будущую красоту и прелесть, встретила принца на проселочной дороге. Тогда он тоже заметил очаровательную малышку. А в доме ее старшей сестры, веселой красавицы, окруженной толпой кавалеров, Вильгельм познакомился с Вильгельминой и усмотрел в этом совпадении имен знак судьбы. Увлечение постепенно переросло в пылкую любовь. Вильгельмине едва исполнилось тринадцать лет, поэтому Фридрих Вильгельм стал наставником любимой девушки. В течение трех лет он изложил ей все важнейшие события всемирной истории, занимался с ней географией. Вильгельмина оказалась прилежной ученицей с живым умом — она занималась с удовольствием и не боялась трудностей. А мадам Жирар учила ее французскому.

По мере того как девушка взрослела, обычные уроки постепенно превратились в «уроки любви». Здесь принц также выступал в роли наставника, но скоро ученица превзошла учителя. Вильгельмина, сознавая всю силу своей прелести, была энергичной, умной и терпеливой. Она глубоко и страстно любила мужчину, который сделал из нее личность и пробудил в ней настоящую женщину.

Чтобы отшлифовать доставшийся ему алмаз, принц отправил возлюбленную, которую сопровождала ее старшая сестра, в Париж, в престижную школу благородных манер. Здесь Вильгельмина стала брать уроки танцев, а также под руководством своей многоопытной сестры погрузилась в бурную жизнь «столицы мира», так что из этой учебной поездки Вильгельмина вернулась барышней значительно более опытной. Но полученное ею «образование» только усилило взаимное влечение влюбленных, и отношения приобрели более интимный характер. Наследник пользовался каждой свободной минутой, чтобы быть с Вильгельминой. Современник Макс Ринг так изобразил ее в своем романе «Розенкрейцеры и иллюминаты»: «Ее гибкая фигура, ее свежее лицо напоминали вакханок с картин Рубенса. Все в ней дышало откровенной чувственностью и горячей жаждой жизни, что явственно сквозило в ее пылких взглядах, обольстительном смехе на ее полных губках и такой же полной белой груди…»

Принц разрывался между праздничными балами, знаменовавшими начало его супружеской жизни, и тайными любовными свиданиями с Вильгельминой. В первом браке его двадцатилетним юнцом женили на двоюродной сестре Элизабете

Кристине Брауншвейгской, но супруги не любили друг друга. Поэтому, узнав об изменах жены, Вильгельм настоял на разводе, который последовал 21 апреля 1769 года. Элизабета Кристина была сослана в Штеттин. Однако государству нужен был наследник, поэтому замена на супружеском ложе принца последовала очень быстро — наследник сочетался браком с Фредерикой Луизой Гессен-Дармштадтской. Этот брак также не был счастливым, но, во всяком случае, супруга не изменяла Вильгельму открыто — ей просто было некогда за рождением и вынашиванием детей…

Именно в это время принц обратился к дяде — королю Фридриху Великому — и настоял на том, чтобы Вильгельмина была объявлена его официальной фавориткой с годовым доходом в 30 тысяч талеров и представлена ко двору. К удивлению принца, его возлюбленная держалась с поразительным хладнокровием в самых щекотливых ситуациях, которые с энтузиазмом и тайным злорадством подстраивали придворные. Любимая малышка еще больше притягивала принца — он был готов поклясться ей в вечной верности. И 27 января 1770 года они скрепили своей кровью клятву нерушимой взаимной верности.

Чтобы соблюсти приличия, Фридрих Вильгельм выдал фаворитку замуж за своего доверенного камердинера Рица. Это не понравилось Вильгельмине, однако она не хотела сердить любимого, тем более что все остальное осталось по-прежнему. В 1770 году Вильгельмина родила мальчика — Фридрих Вильгельм его очень полюбил и тотчас присвоил титул графа фон дер Марка. Всего Вильгельмина родила пятерых детей, из которых Фридрих Вильгельм официально признал двоих — сына и дочь. Но, к несчастью, графа фон дер Марка в возрасте восьми лет не стало. Памятник работы Шедова в церкви Святой Доротеи в Шарлоттенбурге до сих пор напоминает о скорби безутешного отца, который так и не смог оправиться от этой потери.

Хотя Вильгельмину часто обвиняли в чрезмерной роскоши и «грабеже» казны, на самом деле она обладала весьма скромным доходом и даже делилась с принцем тем немногим, чем располагала. Вильгельм часто бывал в стесненных обстоятельствах, а денег ему всегда нужно было очень много, так как прежние пассии требовали значительных затрат. Поэтому Вильгельмина вела очень скромный образ жизни и не высказывала никаких желаний. «Нужда была частым гостем у нас, — вспоминала она. — Если бы принц попал в беду, я отдала бы все, что у меня есть. Ведь мы любили друг друга. И это не было жертвой!»

Дворцовые интриги заставили принца в начале 1783 года

временно расстаться с Вильгельминой. Но оказалось, что эта женщина навеки покорила его сердце своим безмятежным характером, прелестью, живым умом, а особенно своей способностью никогда не унывать и даже вдохновлять других.

Придворная клика решила навязать слабовольному монарху другую любовницу. Выбор пал на давнюю любовь кронпринца — три года он преследовал Юлию фон Фосс, но так и не достиг желанной цели. При дворе моментально разразилась скрытая война между партиями Риц и Фосс. Но Вильгельмина не стала в нее ввязываться — она всего лишь напомнила Фридриху их клятву верности, заканчивавшуюся словами «никогда с ней не разлучаться». Несмотря на то что Юлия фон Фосс родила мальчика, она спустя три месяца умерла от чахотки, и карта, разыгранная придворной партией, оказалась бита.

Тогда в смерти фон Фосс обвинили Вильгельмину. Когда же следов отравления на теле не обнаружили, была выдвинута версия воздействия магических сил. Но все было зря — Фридрих Вильгельм вернулся к верной фаворитке. Однако спустя год король угодил в другую любовную западню, приготовленную придворными для него. На этот раз его околдовала своими чарами графиня Денхофф, но ненадолго.

Вильгельмина же после всех этих испытаний только укрепила свое влияние на короля. Скоро она стала самой почитаемой дамой при дворе Фридриха Вильгельма II. Правда, на смену страсти пришла дружеская привязанность. Когда Вильгельмина заболела и ей прописали курс лечения водами на курорте в Пизе и в Неаполе, король выдал ей чеки на предъявителя в самые престижные банкирские дома Италии. Там Вильгельмину повсюду ждал триумф. Толпа художников, поэтов и ученых окружала фаворитку короля с утра до вечера — 43-летнюю «прусскую мадам Помпадур» находили очень остроумной и красивой. И только неаполитанская королева Каролина, дочь Марии Терезии, не захотела принять низкородную блудницу. Однако близкие ко двору круги приняли Вильгельмину — леди Эмма Гамильтон, супруга английского посла и подруга Каролины, посещала прусскую гостью несколько раз.

Из-за реакции неаполитанской королевы Вильгельмина чувствовала себя униженной и попросила короля пожаловать ей дворянство, чтобы исключить подобные ситуации. Фаворитка тут же получила титул графини фон Лихтенау, а также право включить в свой герб прусского орла и королевскую корону. Одновременно графиня получила поместья Лихтенау, Брайтенвердер и Росвизе. Щедрость короля тут же привела к появлению претендентов на ее руку. Например, ей сделал

предложение лорд Темпелтаун, двоюродный брат английского министра Питта. Но король стал энергично противиться этому. Лорд Бристоль попытался убедить короля вверить судьбу графини Лихтенау в его руки, чтобы она в будущем ни в чем не испытывала нужды: «Я отдам ей во владение замок в Англии и назначу ежегодную ренту в 2000 фунтов». Фридрих Вильгельм вместо ответа подарил фаворитке 500 000 талеров в голландских долговых обязательствах. Когда узнали о королевском подарке, в народе поднялся ропот. А дворянство засыпало «доброго короля» прошениями о дополнительных привилегиях.

Когда Фридрих Вильгельм серьезно заболел, он попытался уговорить графиню уехать в Англию, но та решила остаться — она взяла на себя все заботы о больном монархе, который лежал в Мраморном дворце в Потсдаме. Ни явные, ни скрытые угрозы не могли вынудить Вильгельмину уехать — она хотела быть с любимым до тех пор, пока хватит сил, даже зная, что сын Фридриха Вильгельма после смерти отца не пощадит ее. 16 ноября 1797 года врач сообщил Лихтенау и королевской семье, что конец близок. Графиня, измученная длительным уходом за больным, упала в обморок, и ее отправили в собственные покои.

После смерти короля Вильгельмину покинули все друзья. Наконец ее уведомили, что она находится под арестом как шпионка и воровка, разорявшая государство. 17 февраля 1798 года ей зачитали указ, в котором Фридрих Вильгельм III повелевал, чтобы она вернула короне все подаренные ей его отцом ценности, дома в Шарлоттенбурге и Берлине и те самые 500 000 талеров в голландских ценных бумагах. Считалось, что все это она у короля выманила.

Графиня была сослана в крепость Глогау, затем у нее все отобрали и назначили пенсию 4000 талеров в год. Она не должна была оспаривать устно или письменно решение короля или как-либо пытаться скомпрометировать королевский дом. Со свойственным ей мужеством Вильгельмина вела себя и в новом положении. Ее современник Фридрих фон Кельн отмечал: «… Природа щедро одарила ее всеми чарами, чтобы соблазнять мужчин. Но она никогда не поддавалась легкомысленным связям. У нее была необыкновенно прекрасная фигура, совершенная и бесподобная. У нее были неплохой вкус и склонность к меценатству. У нее был самый изысканный в Берлине стол, самое непринужденное и веселое общество. Она была рождена и воспитана как куртизанка».

В 1802 году 48-летняя Вильгельмина вышла замуж за актера, поэта и музыканта Франца фон Гольбейна, который был младше нее более чем на двадцать лет. Правда, через несколько лет союз

распался. За все радости бытия в молодости теперь графине Лихтенау приходилось расплачиваться одиночеством и нуждой. В отчаянии она обратилась к императору Наполеону и попросила вступиться за нее перед прусским двором. Стараясь лишний раз досадить прусскому королю, Наполеон добился, чтобы графине были возвращены поместья Лихтенау и Брайтенвердер.

Вильгельм Доров, который неоднократно встречался в Париже с графиней Лихтенау, характеризовал ее в мемуарах «О пережитом. 1813–1820» как «очень интересную и одаренную женщину, фигура которой еще сохраняла прежние формы, а шея была почти такой же безупречной, как у девушки». Умерла Вильгельмина летом 1820 года в Берлине.

Жозефина Луиза де Бальби

Настоящее имя женщины, ставшей фавориткой Людовика XVIII и известной как Жозефина Луиза де Бальби, графиня де Комон, — Анна де Комон де ла Форс (1758–1842).

Была одной из четырех дочерей маркиза де Комон де ла Форс. В семнадцать лет Анна вышла замуж за полковника графа де Бальби.

Не прошло и года, как господин де Бальби застал свою жену в постели с шевалье де Жокуром. Разъяренный муж бросился со шпагой на неверную супругу и ранил ее. Пока он неистовствовал в гневе, шевалье де Жокур успел бежать через потайной ход. Анна не растерялась и сумела убедить мужа, что у того случилась галлюцинация и никакого любовника в ее покоях не было. А некоторое время спустя господина де Бальби признали сумасшедшим и заперли в Бисетре. Избавившись таким образом от неудачливого супруга, она настояла на том, чтобы ее любовник шевалье де Жокур получил все должности графа.

Вскоре графиня де Бальби оказалась при дворе графини Прованской. Анна была хороша собой, пикантна, остроумна и лукава. Став фрейлиной, она вознамерилась соблазнить супруга графини Прованской, в недалеком будущем короля Людовика XVIII. Это ей не стоило большого труда.

Став фавориткой графа Прованского, де Бальби захотела поселиться в Люксембургском дворце. Граф Прованский тут же приказал приготовить для нее роскошные апартаменты. «Входите, мадам. Все это — ваше!» — торжественно заявил он, показывая Анне специально отделанные для нее комнаты. Окинув придирчивым взглядом новое жилище, графиня сказала, что все это ей не нравится, а мебель просто ужасна. Графа это очень

расстроило, и он решил: а что если списать все на гвардейцев? Допустим, они подожгли комнаты, и все сгорело?..

После «пожара» комнаты обставили в соответствии со вкусом новой фаворитки: зеленый с белым атлас, много золота…

Вскоре молодая фрейлина приобрела массу поклонников.

Когда грянула революция, правивший тогда король Людовик XVI, брат графа Прованского, бежал из Парижа. Госпожа де Бальби с первых же дней революции благоразумно решила держаться подальше от народного гнева. Но брат короля, на то время без пяти минут король Франции Людовик XVIII, испытывавший некоторую симпатию к революционерам и даже поддерживавший их своими нападками на Марию Антуанетту, не хотел покидать родину. Ему казалось, что народ потребует не более чем изгнания королевы и отречения короля, поэтому он решил остаться в Париже, чтобы тут же занять трон, на котором только что сидел его брат Людовик XVI.

Планы графа Прованского нарушила госпожа де Бальби. «Я уезжаю, — сказала она. — И вы должны последовать за мной! Через неделю я буду в Монсе… Устройте ваше бегство. Кстати, вы сможете лучше управлять событиями извне». Он обожал свою маленькую графиню и после недолгих раздумий согласился. В день бегства королевской семьи в Варенн (20 июня 1791 года) он покинул дворец, переодетый иностранным туристом, сел в карету и прибыл в Монс, где его ждали жена и графиня де Бальби. А 7 июля они, вместе с придворными, их женами и любовницами, прибыли в Кобленц. Разместились все в Шенборнлустском дворце, принадлежавшем Клеменсу Венцеславу Саксонскому, архиепископу Трирскому, дяде графа по материнской линии.

В Кобленце, куда перебрался и весь королевский двор Людовика из охваченного волнениями Парижа, главенствовала фаворитка графа Прованского. Ей удалось прибрать весь двор к рукам, как, собственно, и будущего короля, который теперь принадлежал ей безраздельно.

Госпожа де Бальби дергала за все ниточки, плела интриги, назначала офицеров армии Конде, прогоняла советников, отзывала дипломатов. Все их взлеты и падения зависели только от графини… О ее могуществе французский историк Жозеф Тюркан писал: «Вначале эмиграция была приятным времяпрепровождением для дворян, честолюбцев и хорошеньких женщин. Это было модой и только много позже стало необходимостью. Установлению моды больше всего способствовали женщины. Поэтому эмиграцию можно считать детищем слабого пола. Женщины — движущая сила и инструмент эмиграции. Кобленц принадлежит им, это их арена действий, их

театр, и они прекрасно в нем играют. Главная роль, безусловно, отведена госпоже де Бальби».

Фаворитка принимала в своей комнате генералов, дипломатов и придворных, обсуждая с ними текущие события. Эти «совещания» были иногда очень легкомысленными и не соответствовали нашим представлениям о политике. Но тогда это никого не смущало. Властная, надменная, госпожа де Бальби позволяла себе обращаться с самыми знатными людьми Франции очень пренебрежительно.

Во дворце Шенборнлуст все знали, что фаворитка обманывает графа Прованского, изменяет ему. Но ее беззастенчивость никого не шокировала — фривольность при новообразовавшемся дворе была в порядке вещей, а распутные оргии — единственным развлечением эмигрантов в Кобленце. Там царила уютная обстановка интимных ужинов, и все были счастливы оттого, что, избежав опасностей революции, теперь могут предаваться приятным развлечениям.

Но в начале 1792 года, в день святого Епифания, разразился громкий скандал. На вечеринке у госпожи де Ланж был избит обратившийся за милостыней нищий немец. Де Бальби, немало раздосадованная скандалом, учиненным гостями госпожи де Ланж, лихорадочно искала способ поправить дело. Она понимала, что для дальнейшей поддержки эмигрантов нужен могущественный и богатый монарх, который согласился бы их финансировать. Фаворитка решила, что таким монархом могла бы стать Екатерина II, посланник которой, граф Романов, как раз пребывал в Кобленце.

Де Бальби пригласила к себе русского дипломата и кокетством да елейными речами соблазнила его. Уже через несколько недель русский посланник был у ног этой дьяволицы и уж постарался добиться от Екатерины поддержки для эмиграции…

Когда двор оставил Кобленц, де Бальби уехала в Голландию. Отношения с королем уже давно были омрачены, с одной стороны, вызывающей неверностью фаворитки, а с другой — скупостью венценосной особы. На новом же месте графине удалось привлечь к себе внимание графа д’Аршамбо, скандальная связь с которым в результате наделала много шума.

Пересидев за границей опасность быть сурово наказанной на родине, де Бальби возвратилась во Францию. Жила она в Монтобане и только после низложения Наполеона приехала в Париж в надежде возобновить старые связи с Людовиком XVIII. Долго он не давал ей аудиенции, но когда наконец она добилась ее, то была горько разочарована — ожидания ее на возобновление

связи не оправдались.

Умерла Жозефина Луиза де Бальби, графиня де Комон в 1842 году. Похоронена на кладбище Пер-Лашез.

Екатерина Нелидова

Катенька Нелидова (1756–1839), дочь поручика И. Д. Нелидова, родилась в смоленской деревне Климятино, принадлежавшей ее родителям. Некогда род Нелидовых был знатным, но со временем обеднел и, когда девочке пришла пора получать образование, родители, ограниченные в средствах, вынуждены были отдать ее в воспитательное заведение, только что созданное при Смольном монастыре (то, которое впоследствии станет знаменитым Смольным институтом). Они надеялись, что под присмотром самой императрицы Екатерины II их дочь добьется успехов.

Итак, Катенька стала ученицей первого, самого блестящего набора Смольного института. По масштабу личностей выпуск 1776 года можно сравнить разве что с первым, пушкинским выпуском Царскосельского лицея.

Девочка выделялась среди своих однокурсниц веселым нравом и остроумием, а еще была одарена музыкально, имела актерские способности. Так, известно, что она принимала участие в спектакле «Служанка-госпожа», поставленном по пьесе Дж. Перголези, и играла в нем молодую служанку Сербину, которая с помощью целого ряда уловок смогла вынудить своего господина жениться на ней.

На картинах художника Левицкого запечатлены для потомков наиболее талантливые ученицы Смольного института. Среди них Катенька Нелидова. На картине она танцует менуэт, изображая прелестницу Сербину. Ученический спектакль с пятнадцатилетней Нелидовой в главной роли произвел фурор в Петербурге. Многие столичные газеты написали о спектакле восторженные отзывы, а игра Нелидовой была особо отмечена.

Екатерина II назвала девушку «феноменом», а поэт Алексей Ржевский посвятил ей стихи, в которых выразил свое восхищение юной актрисой, сказав, что «всякую хвалу» та превзошла.

Смольный институт Екатерина Нелидова окончила с золотой медалью «второй величины» и была награждена вензелем Екатерины Великой. На выпускном акте 1776 года Нелидова от имени воспитанниц произнесла на немецком языке благодарственную речь.

Вскоре ее взяли ко двору, а через год назначили фрейлиной

второй супруги наследника престола.

Привлекательной наружностью девушка не обладала. Бледная, небольшого росточка, она, тем не менее, очаровывала всех своей непринужденностью и обходительностью в общении.

Князь Ю. В. Долгоруков говорил о ней: «Девушка умная, но лицом отменно дурна, благородной осанки, но короткого роста».

Румяна, пудра и высокие каблуки стали верными помощниками фрейлины великой княгини Натальи Алексеевны, спустя год скончавшейся — великая княгиня умерла, не перенеся тяжелой беременности.

Сердце наследника престола Павла Петровича Катенька покорила простотой и скромностью. Знакомство их произошло в те дни, когда из Вюртемберга ждали невесту Павла принцессу Софию. После ее приезда Павел с принцессой Софией, крещенной в православие под именем Мария Федоровна, отправился в свадебное путешествие по странам Европы.

Молодая жена была очень недовольна, что их сопровождали фрейлины, приставленные по протоколу императрицей — матерью Павла. Среди молоденьких фрейлин была и Катенька Нелидова, на которую Павел поглядывал все с большим интересом. Изредка они уединялись и подолгу о чем-то беседовали.

«Наша дружба была чистой», — будет клясться Павел через несколько лет. Тогда он тяжело заболел в походе, и ему казалось, что он скоро умрет. Больше всего во время болезни его беспокоила судьба маленькой фрейлины Катеньки.

«Мне надлежит оправдать невинное лицо, которое могло бы пострадать, хотя бы негласно, из-за меня. Я видел, как злоба выставляла себя судьею и хотела дать ложные толкования связи, исключительно дружеской, возникшей между m-elle Нелидовой и мною. Клянусь торжественно и свидетельствую, что нас соединяла дружба священная и нежная, но невинная и чистая. Свидетель тому Бог».

Павел Петрович тогда благополучно выздоровел и, беспокоясь о судьбе Нелидовой, подарил ее родителям две тысячи душ крестьян. Ее же братья получили высокие посты.

Придворным интриганам не нравилась привязанность Павла к Нелидовой. Он же писал ей: «Смею это высказать: связи, существующие между нами, их свойства, история этих отношений, их развитие — все это имеет нечто столь особенное, что мне невозможно упустить все это из моей памяти, из моего внимания, в особенности же в будущем… Простите мне все это; будьте снисходительны к человеку, любящему вас более, чем самого себя, и в этом духе примите все. Единому Богу известно,

насколько и во имя чего вы мне дороги; призываю на вас самые святые Его благословения и остаюсь весь ваш, слуга и друг».

В тот период их отношений и в самом деле могло показаться, что Катенька управляет Павлом. По столице поползли нелестные слухи о ней, и она, дабы пресечь их, в 1792 году обратилась к императрице, не поставив в известность Павла, с просьбой даровать разрешение поселиться в Смольном монастыре. Она едет в свой родной Смольный и о своей жизни там пишет так: «У меня прекрасная библиотека, у меня моя арфа, мои карандаши, все предметы, которые так хорошо служили мне к развлечению в моменты, когда мне приходилось страдать… Я не буду так недовольна, порвав несколько связь со светом, который не умел или, скорее, не хотел отдать мне справедливость. Я оценила уже, чего он стоит, и мое сердце уже научилось не ставить своего счастья в зависимость от его суждений. Мне хорошо известно, что и при настоящем случае я не избегну его злобы и толков, большею частью развращенных, но я не хочу даже знать их. Я чувствую себя настолько выше их, что всего менее интересуюсь ими».

Нелидова не появлялась при дворе до самого 1796 года, и только смерть Екатерины II заставила ее покинуть добровольное заточение. Обиженный Павел сменил гнев на милость и в честь своего восшествия на престол назначил Екатерину Нелидову камер-фрейлиной.

Прощенная фаворитка имела очень сильное влияние на императора, о чем свидетельствует хотя бы то, что большинство придворных мест и руководящих должностей в государстве было занято ее родственниками или близкими друзьями (Куракиной, Нелидовым, Плещеевым и др.). Она защищала от нападок императора невиновных, ей даже приходилось заступаться перед ним за саму императрицу. Придворные льстецы не имели возможности восторгаться ее красотой, поэтому они воспевали ее «миловидность движений» и то, как она великолепно танцует.

Нелидова отличалась редким в то время бескорыстием и отказывалась даже от подарков императора. Историк Шумигорский, биограф Нелидовой, писал о ней как о важнейшей политической фигуре того времени. Авторитет ее пошатнулся с появлением при дворе Анны Лопухиной, к которой у Павла Петровича вспыхнула страсть. До этого Катя с блеском избавлялась от соперниц. Но с Лопухиной Нелидова не справилась. Тут свою роль сыграла не только молодость и красота новой фаворитки, но и влиятельные политические фигуры, стоявшие за ее спиной. После ее переезда в Санкт-Петербург Е. И. Нелидова приняла решение вновь удалиться в Смольный

монастырь. Сразу же после отъезда Екатерины были вынуждены отказаться от своих постов ее многочисленные друзья и родственники.

В скором времени Нелидова попыталась заступиться за императрицу, которую Павел Петрович намеревался отправить на постоянное жительство в Холмогоры. Император был крайне недоволен своей бывшей фавориткой. После этого случая она постоянно испытывала на себе его немилость. Он даже приказал Нелидовой покинуть Петербург, и до самой смерти императора Екатерина Ивановна проживала в замке Лоде, находившемся близ Ревеля. Оттуда она переписывалась с императрицей, всячески поддерживая ее. Павел несколько раз порывался помириться с Нелидовой, но его отговаривали корыстолюбивые приближенные.

Из писем Екатерины Ивановны известно, как проходили дни в замке Лоде: «Встаю я между 6 и 7 часами; помолившись Богу за всех, кто нам дорог, кто любит нас и кто любим нами, выпиваю чашку чая — иногда с аппетитом, иногда без него; потом собираю карандаши и начинаю рисовать… Это занятие задерживается до одиннадцати часов, когда нужно заняться туалетом, чтобы выйти в 12 часов к обеду. После него, заменяющего завтрак, пользуюсь небольшим остатком дня, чтобы заняться чтением — серьезным или легким, или просто усыпительным. В три часа пополудни нужно уже зажигать свечу, а часом позже уже прекращать чтение, чтобы пощадить бедные глаза, которые пригодятся на завтрашний день; потом я обращаюсь к музыке, которая продолжается до восьми часов вечера…»

Екатерина Нелидова тяжело перенесла известие о смерти императора. Говорили, что она резко состарилась, узнав о его кончине.

В 1801 году после государственного переворота она возвратилась в петербургский Смольный монастырь, где продолжала оказывать помощь императрице Марии Федоровне в управлении благотворительными домами.

После смерти Марии Федоровны в 1828 году имя некогда знаменитой Екатерины Нелидовой начали забывать. Она умерла, не дожив до 83 лет. Ее коллеги по Смольному институту сказали о ней: «Уклоняясь всегда с редким самоотвержением от высших почестей и богатств, она старалась только облегчать, по возможности, участь ближних своих, преимущественно тех, которые, страдая более других, более нуждались в помощи. Она жила по слову евангельскому: будьте яко дети».

Екатерина Ивановна Нелидова умерла в 1839 году и была похоронена в Санкт-Петербурге на Охтинском кладбище.

Жозефина де Богарне

Мари-Роз Жозефа Таше де ла Пажери (1763–1814), или Роз (именем Жозефина ее стал называть Наполеон), первая жена Наполеона I, была императрицей Франции с 1804 по 1809 год.

Родилась она 23 июня 1763 года на острове Мартиника в аристократической семье шевалье Жозефа Гаспара Таше де ла Пажери, отставного лейтенанта артиллерии, и Мари-Розы де Верже де Сануа, происходившей из старинной семьи уроженцев Бри.

В шестнадцать лет молодая креолка вместе с отцом и сестрой Розеттой покинула остров и прибыла в Брест, а вскоре переехала в Париж. С первым мужем, виконтом Александром де Богарне, Мари-Роз Жозефа прожила недолго. После рождения двоих детей (Евгений стал впоследствии вице-королем Италии, а Гортензия — женой голландского короля Людовика Бонапарта и матерью Наполеона III) она удалилась в аббатство Пантемон совершенствовать образование. Вскоре супруги приняли решение жить раздельно, после чего Мари-Роз Жозефа получила содержание размером 11 000 ливров. Это позволило ей поместить сына в парижский пансион. Сама же она с дочерью какое-то время жила на Мартинике, а затем, испуганная революционными потрясениями на острове в сентябре 1790 года, вернулась в Париж. Там, в апреле 1794 года, она была арестована и приговорена к казни с формулировкой: «…Гражданку Богарне, жену генерала, объявленную подозрительной в силу закона от 17 сентября, содержать в целях общественной безопасности впредь до новых распоряжений».

В заключении Жозефа умудрилась завести роман сначала с содержавшимся там же генералом Гошем, а затем с генералом Сантерром. Выйдя после переворота 9-го термидора и последующей казни Робеспьера на свободу, Жозефа становится содержанкой политического деятеля виконта Барраса. Он и познакомил госпожу де Богарне, к тому времени уже вдову генерала (по ложному доносу в бездеятельности при обороне Майнца генерал де Богарне был арестован как враг народа и 23 июня 1794 года гильотинирован), с Наполеоном Бонапартом.

В свою очередь Наполеон, молодой генерал, которому тогда не было и двадцати семи лет, быстро смекнул: дабы заручиться поддержкой одного из главных деятелей 9-го термидора, «короля Республики», как его называли, Барраса, необходимо, прежде всего, добиться расположения его знаменитой любовницы мадам

Терезии Тальен, а для этого надо было появиться в свете.

И вот Наполеон отправляется в салон мадам Тальен. Неказистого вида, низкорослый, бедно одетый, молодой человек выглядел довольно жалким на фоне роялистов, щеголявших белокурыми париками и выставлявшими напоказ свои роскошные, броские наряды. Ни для кого из этих светских львов не прошло незамеченным появление в столь избранном обществе смуглолицего генерала с пронзительным взглядом.

Здесь, в салоне мадам Тальен, Наполеон и встретил Мари-Роз Жозефу де Богарне, еще одну королеву парижских салонов.

Увидев виконта Барраса, с которым был хорошо знаком, Наполеон решительно направился к нему. Виконт был с дамой. На его даме было простое муслиновое платье, свободно ниспадающее широкими складками, под которыми угадывались очертания груди и бедер. Хозяйка вечера окидывала каждого мужчину смелым, зовущим взглядом, словно предлагая им быть посмелее.

Очарованный красотой полуобнаженной дамы, Наполеон почтительно приблизился к Терезе Тальен. Баррас что-то шепнул ей на ухо. Мадам расплылась в почтительной улыбке. Виконт представил Наполеона как отличившегося при взятии Тулона.

В какое-то мгновение худой малозаметный офицер стал ярким и интересным… Каждую фразу своих собеседников он подхватывал буквально на лету, не упуская возможности показать себя во всем блеске. Заметив устремленный на него оценивающий взгляд Жозефы де Богарне, он обменялся и с ней парой слов. До него доходили слухи, что Терезия познакомилась с Жозефой в тюрьме и с тех пор они стали ближайшими подругами. Этим женщинам молва приписывала многочисленных любовников.

Наполеон был так остроумен, что Жозефина (именно так назвал он ее в разговоре) невольно перестала замечать, как убого одет новоиспеченный герой.

Дамы, в ходе беседы присоединившиеся к их обществу, постепенно, одна за другой, отошли от них, словно признав за Жозефиной де Богарне право на молодого генерала. Как бы между прочим, Жозефина не преминула пригласить Наполеона навестить ее дома, на улице Шантерен, 6.

У мадам де Богарне за плечами была уже целая жизнь. Ей было за тридцать. Ни ее манеры, ни плавные движения, ни кожа и безупречная фигура — ничто не выдавало возраст этой женщины. Все восхищались ею и почитали за честь дружить с ней. Она занимала центральное место в том мире, в который Наполеон только ступил. Наполеон был на шесть лет моложе ее, и в то время едва ли кто-то мог предугадать блестящую карьеру,

ожидающую офицера артиллерии.

Казалось бы, между законодательницей моды парижской светской жизни и молодым генералом не может быть ничего общего. На самом же деле их роднило очень многое. Оба они родились на маленьких островах — Наполеон — на Корсике, Жозефина — на Мартинике. Его родным языком был итальянский, и поначалу он говорил по-французски с сильным акцентом. Жозефина покинула Западное полушарие и вышла замуж за молодого парижского аристократа. Оба они чувствовали себя во Франции чужими, должны были осваивать этикет парижского общества, и оба познали бедность, во время революции сидели в тюрьме. Оба также были страстными мечтателями.

Наполеон принял приглашение Жозефины и вскоре посетил уютный особняк на улице Шантерен, 6, который снимал для нее ее любовник виконт де Баррас. Нежная и страстная, Жозефина сразу же завладела всем существом Бонапарта, он сразу же без памяти влюбился в нее.

Однако Наполеона первое время не покидало ощущение, что эта женщина с шелковой гладкой кожей, с длинными ласкающими пальцами выскальзывает из его рук — будучи рядом с ним, она на самом деле находится где-то далеко…

Как-то, поджидая ее в приемной нотариуса господина Рагидо, где она назначила ему свидание, Наполеон услышал доносившийся из-за приоткрытой двери голос нотариуса: «Что это вам вздумалось! Выходить замуж за генерала, у которого нет ничего, кроме плаща и шпаги!»

О предстоящем бракосочетании публично было сообщено 7 февраля 1796 года, а 2 марта состоялось официальное назначение молодого генерала на пост главнокомандующего французскими войсками в Италии.

9 марта 1796 года сыграли свадьбу. Родственники Бонапарта прохладно отнеслись к его браку с овдовевшей матерью двоих детей, особенно мать и сестры. На протяжении всех тринадцати лет брака Наполеона и Жозефины семейство Бонапарт интриговало против «вдовы Богарне», непрестанно подталкивая Наполеона расстаться со «старухой».

В качестве свадебного подарка Наполеон преподнес Жозефине маленькое кольцо с сапфирами, внутри которого было выгравировано: «Это судьба».

После свадьбы Жозефина и Наполеон провели целых две ночи вместе, а спустя два дня генерал покинул свою жену, чтобы принять участие в итальянской кампании. Одиннадцать ночевок от Парижа до Ниццы. Почти с каждой почтовой станции, на

которой Наполеон менял лошадей, летело письмо на улицу Шантерен.

«Когда я бываю готов проклясть жизнь, я кладу руку на сердце: там твой портрет, я на него смотрю, и любовь для меня — безмерное лучезарное счастье, омрачаемое только разлукой с тобой. Ты приедешь, правда? Ты будешь здесь, около меня, в моих объятиях! Лети на крыльях! Приезжай, приезжай!»

Но перспектива разделить с мужем солдатскую жизнь нисколько не привлекала Жозефину. Гораздо приятнее были великосветские салоны и роль одной из самых высокопоставленных львиц нового Парижа! Она была участницей всех празднеств, всех увеселений, всех приемов в Люксембурге, где при Баррасе была восстановлена королевская пышность и где рядом с хозяйкой, госпожой Терезией Тальен, ей отводилось почетное место. На его письма она отвечала сухо и небрежно. Муж продолжал настаивать на ее приезде. Тогда она придумала предлог: беременность!

Узнав эту новость, Бонапарт потерял голову. «Я так виноват перед тобой, — писал он ей, — что не знаю, как искупить мою вину».

Он не мог больше ждать; грозил, если его жена не приедет, подать в отставку, все бросить и помчаться в Париж. Жозефина поняла, что надо ехать, тем более что последнего предлога — беременности — нет. К тому же ему было известно, что она продолжала выезжать в свет, не отказывалась ни от одного праздника и прекрасно переносила все развлечения.

«Ты нужна мне, — писал Наполеон ей, — потому что я скоро сильно заболею». Жозефина сообщила ему, что ждет его в Милане, — куда он и помчался. Два дня сердечных излияний, любви, страстных ласк…

Дни, когда они бывали вместе, Наполеон проводил в преклонении перед ней; когда она уезжала — слал гонца за гонцом. Из каждой из безвестных деревень с гонцом летели письма с уверениями в любви, в признательности, со страстными, безумными словами ласки. Опытную светскую женщину ненасытные чувства двадцатишестилетнего мужчины, жившего до тех пор целомудренно, поначалу умиляли. Но со временем его экзальтация стала тяготить Жозефину. Его безрассудная страсть теперь не способна была разбудить ее притупившиеся чувства.

У Жозефины появился любовник. Им стал Ипполит Шарль, адъютант генерала Леклерка. Кроме любовных, ее связывали с Ипполитом и деловые отношения: совместно они принимали участие в финансовых махинациях на поставках в армию. Шарль был из того Парижа, который любила Жозефина, — разгульного,

шумного, веселого. Ей нужен был Шарль, чтобы в отсутствие мужа легче было переносить скуку. Информация о недостойных финансовых сделках и предосудительном поведении Жозефины была передана Наполеону. Жозефине удалось унять его гнев, убедив супруга в беспочвенности слухов. Отрицая все обвинения, она предложила развод, если Бонапарт не доверяет ей. Тот простил жене измены — он все еще любил ее.

В мае 1798 года Наполеон во главе большой армии отправился в экспедицию в Египет, и Жозефина решила сопровождать его до Тулона.

Находясь в Египте, Наполеон вновь узнал о неверности супруги. Он не пожелал слушать ее объяснения и стал готовиться к разводу. Ничто не могло заглушить в нем справедливое негодование.

Когда же Наполеон прибыл во Францию, Жозефина, совершенно потерявшая голову, тут же отправилась к нему. Впервые в жизни она задумалась о своем положении, и весь ужас его внезапно предстал перед нею. Если ей не удастся завоевать его снова, что с ней будет?

Она и на этот раз сумела отговорить его от развода. Бонапарт же не только простил Жозефину, но и оплатил более двух миллионов ее долгов, которые она сделала в его отсутствие. Жозефина задумалась: муж, такой содержатель, какого нелегко найти, заслуживал того, чтобы для него кое-чем пожертвовать.

И Жозефина пожертвовала — своими отношениями с Ипполитом Шарлем. Теперь ее видимое поведение не давало противникам повода для нареканий. Сама же она слишком боялась утратить свое положение.

После этого эпизода отношение Бонапарта к Жозефине все же изменилось. Этому отчасти способствовало то обстоятельство, что во время египетской кампании любовницей Наполеона стала двадцатилетняя Маргарита Полина Бель-Иль — жена одного из младших офицеров французской армии. Сыграло роль и то, что Жозефина, которой было далеко за тридцать, уже была не так красива, как прежде. Бонапарт теперь легко заводил на стороне и кратковременные, и длительные любовные связи, а семейная жизнь продолжала омрачаться размолвками, связанными с новыми долгами Жозефины.

После возвращения из Тильзита мысли о разводе все чаще стали посещать Наполеона, и главной их причиной была неспособность Жозефины родить ребенка — наследника императора. Однако император в течение двух лет, с июля 1807 до октября 1809 года, колебался, взвешивая все за и против. Тем не менее он сам начал в Париже неприятный разговор, считая

своим долгом известить Жозефину о принятом им решении. Решение это не было для нее неожиданным — она ждала этого, ждала всегда, все время. Без всякой надежды снова овладеть им, она все же прибегла к обморокам и слезам, теперь только для того, чтобы извлечь выгоды из положения, в котором она оказалась. Во-первых, ей надо было устроить сына — то, что он обещал ей раньше. Во-вторых, она не желала уезжать из Парижа и хотела получить Елисейский дворец как городскую резиденцию, Мальмезон — как летнюю, Наваррский замок — для охоты. Затем она потребовала, чтобы были уплачены ее долги, чтобы за ней сохранили ранг и прерогативы императрицы, чтобы у нее были деньги, много денег… И все это она получила: три миллиона в год, тот же почет, каким пользовалась раньше, и все внешние атрибуты царствующей императрицы: титул, гербы, охрану, эскорт.

Развод вступил в силу 16 декабря 1809 года, после чего император сочетался браком с австрийской принцессой Марией Луизой, родившей ему желанного наследника.

Сохранившая титул императрицы, Жозефина поселилась в Мальмезоне, который она превратила в подобие Версаля, куда в свое время не была допущена. Жила в нем пышно, окруженная своим прежним двором. По-прежнему привязанная к Наполеону, с которым они, расставшись, оставались в дружеских отношениях, она переписывалась с императором и с участием следила за его судьбой.

Жозефина Богарне скончалась вскоре после первого отречения Наполеона — 29 мая 1814 года.

Софья Потоцкая

Из дальних земель, теплых стран привозили в Умань дивные растения прямо с заморской землей. Водопады, зеркальные озера, чистые ручьи питали корни удивительных цветников. Посреди озер били фонтаны, гроты манили приятной прохладой, каменистые тропы уводили в лесные чащи…

Всю эту красоту подарил своей возлюбленной, своей жене Софье, известнейший польский аристократ граф Станислав Потоцкий. В этом сказочном саду в 1800 году ослепительная в своей красоте вышла к гостям греческой богиней сорокалетняя Софья Потоцкая (1760–1822). За гимн, воспевающий ее красоту, Потоцкий заплатил поэту 2000 золотых червонцев.

Из глубины веков со знаменитого портрета, написанного итальянским художником Сальватором Тончи, смотрит на нас

нежное, почти детское лицо, обрамленное непослушными волосами. Улыбка едва трогает уста, беспомощно и маняще. Глаза полны чистоты и какой-то неуловимой прелести.

Женщина, ставшая легендой, похожей на сказку из «1000 и одной ночи»!

В одной из этих сказок говорится о том, что девчушку-гречанку купил в Турции у ее матери за сущие гроши королевский посол, который вез ее в подарок любвеобильному и не слишком разборчивому польскому королю Станиславу Августу. Затем ее увидел сын коменданта Каменец-Подольской пограничной крепости майор Иосиф Витт. За гречанку-жемчужинку в грязном изорванном платье с буйными спутанными локонами комендантский сын заплатил послу кучу золота. Он хотел сделать Софью своей любовницей, но получил решительный отказ и предложение взять ее в законные супруги. Предложение беспрецедентное, поскольку майор услышал его от рабы без рода, без имени.

Однако тринадцатилетнее создание было прелестно. Витт приставил к Софье учителя, чтобы та заговорила по-польски и по-французски, и объявил родителям, что собирается жениться на ней. Свадьба состоялась 14 июня 1779 года и стоила жизни матери жениха, не вынесшей семейного позора. Витт был на четверть века старше Софьи, грузный, кривоногий. Но для девушки это был старт для прыжка в высшее общество…

Итак, кто она на самом деле — Софья Константиновна Глявоне, в первом браке — Витт, во втором браке — Потоцкая, также известная как София де Челиче — гречанка из Константинополя, сожительница многих знаменитостей и государственных деятелей, по слухам, шпионка и авантюристка? Откуда взялась в наших краях? Есть две версии ее происхождения.

По версии самой Софьи, происходила она из знатного рода Панталиса Маврокордато, царской греческой семьи, породненной с византийскими императорами. (Эта версия, по мнению ее биографов, не выдерживает никакой критики.) По другой версии, она родилась в 1760 году в ста километрах от Стамбула в турецком городе Бурса, в провинции Битини, в семье обедневшего греческого торговца скотом.

После смерти отца мать Софьи привела ее к польскому послу в Турции Боскамп-Лясопольскому, который поселил ее в своем дворце и нанял для нее учителя французского языка.

На этой версии и остановимся. Возможно, она была придумана самой Софьей.

Софья пользовалась большим успехом в польской миссии.

Боскамп бывал с нею на полуофициальных дипломатических приемах, на загородных прогулках. Затем посол отбыл в Варшаву, обеспечив Софью деньгами на проживание и счетом в банке в 1500 пиастров. Оставил он ей деньги как приданое, на случай, если она выйдет замуж.

Вскоре Софья должна была отбыть в Варшаву по приглашению Боскампа, но до польской столицы девушка так и не добралась: по дороге она вышла замуж за 39-летнего сына коменданта Каменецкой крепости майора Иосифа Витта. (Здесь биографические сведения выходят на финишную прямую.)

Молодожены отправились в свадебное путешествие по Европе. Муж Софьи был несказанно удивлен, заметив, каким бешеным успехом пользуется его жена при европейских королевских дворах: в Варшаве Софья была представлена королю Станиславу Августу, в Берлине — королю Пруссии Фридриху II, в городе Спа — австрийскому императору Иосифу II, порекомендовавшему своей сестре, французской королеве Марии Антуанетте, принять Софью при дворе.

И действительно, вскоре Софья была принята королевой Марией Антуанеттой в ее городской резиденции. В Париже на Софью обратили внимание граф Прованский (впоследствии король Людовик XVIII) и молодой граф д'Артуа (будущий французский король Карл X). Вскоре Софию стали называть графиней де Витт.

Вернувшись в Каменец-Подольскую крепость, родив сына Ивана и похоронив тестя, став комендантшей, госпожа Витт решила завоевать российскую столицу. Юная завоевательница, однако, понимала, что не может предстать перед матушкой-императрицей с пустыми руками. Прекрасная путешественница отправилась в Вену, посетила и Стамбул, где, очарованный ею, с ней мило беседовал французский посол. Он и не подозревал, что его собеседница, почти дитя, внимала каждому его слову и каждое его слово запоминала… Теперь прелестнице было что подарить государыне-императрице — информацию!

Софье покровительствовал сам фаворит Екатерины II князь Потемкин. Ее мужа он назначил комендантом Херсона и присвоил ему звание генерала российской армии с годовым окладом шесть тысяч рублей. Он-то и устроил встречу Софьи с российской царицей.

Князь Потемкин дарит графине де Витт земли в Симеизе и Мисхоре, дачу вблизи Симферополя и чудесный дворец в Петербурге. Но в 1791 году Потемкин, ее влиятельнейший покровитель, умирает, и Софья, будучи в Варшаве, обращает свой взгляд на Станислава Потоцкого, крупнейшего помещика,

представителя древнего польского рода, яростного защитника интересов независимой Польши. Он в нее без памяти влюбляется…

Вскоре счет Потоцкому предъявит Польша — он не мог вернуться в Варшаву, там бы его встретили как вероломного изменника. Польский биограф Софьи Потоцкой свидетельствует: «У нас в руках почти доказательство того, что мадам Витт выступила здесь в роли политического агента, кокетством склоняя колеблющегося Потоцкого принять предложение «северной союзницы». На человека с небольшим умом слишком много было расставлено здесь сетей… А тут еще самая красивая женщина, ангел или сатана во плоти, вешается ему на шею, нашептывая сладкие слова любви, и со свойственной восточным наукам образностью рисует ему будущее счастье его отечества, а его самого в этом отечестве — первым гражданином, может быть, королем, которого благословят подданные».

Вершила ли Софья судьбы государств? Маршал конфедерации вельможный пан Станислав Феликс Потоцкий подписал акт конфедерации, решив судьбу Польши. А это означало полный передел ее границ и ввод русских войск под предлогом поддержания порядка. Польша теряла свою независимость. На церемонии подписания присутствовала главная виновница сего исторического события и главная награда пана — его возлюбленная и будущая супруга Софья.

Граф Потоцкий со своей возлюбленной был обречен испытать горечь презрения и изгнания. От него отвернулись друзья. В Тульчине, в роскошном особняке, а затем в Гамбурге они переживали почти что ссылку. Юзефина, урожденная Мнишек, супруга Потоцкого, обратилась к Екатерине с жалобой на Софью, отбившую у нее мужа. От угроз Екатерины Потоцкие благополучно укрылись в роскошном гамбургском дворце. Но и там их настигали новые и новые угрозы, уже реальные. Через два года смерть Юзефины освободила пана.

Расторгнув свой брак с Виттом, Софья в 1798 году становится законной женой вельможного пана Потоцкого.

Софье Потоцкой, своей возлюбленной, и подарил ее пан тот знаменитый сад среди камней возле маленькой речки, сделавший ее имя легендой.

Граф Потоцкий платил за свою любовь, не считая, неистово и страстно. Он был готов платить и дальше. Но от него потребовалось нечто большее, чем золотые червонцы. Да и чем можно было заплатить за такую любовь, кроме собственной жизни? Граф заплатил и эту цену, последнюю.

Впервые в жизни ясновельможная пани полюбила. Сердце

мужа она разбила романом с его старшим сыном Юрием (Ежи). Разница в возрасте между мачехой и пасынком была 16 лет. В уманском дворце, под крылом заботливого и снисходительного отца, Юрий поставил на кон отцовскую любовь. Победила Софья. Желала ли она этой победы или просто находилась во власти любви? Желала ли она того, что случилось?.. В марте 1805 года Софья Потоцкая стала вдовой.

После смерти Потоцкого уманский дворец день и ночь был в угаре лихого кутежа. Здесь проигрывалось все: имения, драгоценности, надежды, любовь. Что творилось в женской душе, одержимой страстью? Больно было смотреть Софье на эту вакханалию, но она понимала одно: Юрия ей не удержать. Когда было проиграно все, что оставил ей несчастный супруг: имя, червонцы, землю, она наконец приняла решение: молодой Потоцкий должен уехать. Мудрая в своем решении, Софья поставила любимому условие: отдам долг, спасу от бесчестия, только уезжай… И он уехал. Через год Юрий умер в Париже. А Софья Потоцкая долгие годы выплачивала долг. Она изменилась. Разумно управляла заводами и поместьями пана… Все чаще помогала бедным и нищим, крепостные стали считать ее благодетельницей. Чем жила Софья Потоцкая, какие мысли приходили ей в голову длинными зимними вечерами? Она покорилась, смирилась, она просто жила.

Но смерть пришла и за ней, как приходит за всеми, не щадя никого. Потоцкая скончалась в 1822 году в Берлине, завещав похоронить себя в Умани.

Провожая Софью в последний путь, люди вдоль всей дороги до самой Умани жгли высокие костры, освещая дорогу своей госпоже. Костры пылали страстно, жарко. Как пылала ее жизнь, страстная, яркая, обжигающая всех, кто к ней прикасался.

Ольга Жеребцова

Ольга Александровна Жеребцова (1766–1849) была родной сестрой последнего фаворита Екатерины II князя Платона Зубова, сменившего графа Дмитриева-Мамонова. Принадлежала она к небогатому старинному дворянскому роду. Ольга была уже замужем, когда ее в 1789 году приняли ко двору, но вошла она в жизнь столицы решительно, властно и всепобеждающе.

А замуж Ольга вышла рано. Муж ее, Александр Алексеевич Зубов, был человеком родовитым, но ничем примечательным не отличавшийся, и в судьбе ее занимал столь незначительное место, что многие еще при его жизни считали Ольгу

Александровну вдовой.

Представленная государыне Платоном, Ольга приглянулась ей, — она была очень похожа на своего брата. А брат ее был очень хорош собой, собственно, как и весь род Зубовых, что и позволило молодому поручику Платону пленить сердце Екатерины II. Престарелая императрица, чувствуя, что это ее последняя любовь, многое позволяла новому фавориту. Недалекий Платон нуждался в почитании, и придворные всячески льстили ему: власть фаворита была весомой. Резким диссонансом в общем хоре льстецов звучал только голос всемогущего Потемкина, который не считал нужным скрывать от напыщенного фаворита того, что о нем думал.

Ольга Александровна была значительно умнее своего брата. Строгостью нрава она не отличалась, к тому же была очень корыстолюбива. Оказавшись при дворе и став любимицей государыни, молодая женщина брала реванш за долгую жизнь в глуши, в провинции, за бесцветное замужество, за долгое ожидание. У ног первой петербургской красавицы вскоре оказались многочисленные поклонники всех возрастов и чинов. Самые знатные вельможи мечтали добиться расположения столь влиятельной, да к тому же восхитительно красивой особы. Умная, темпераментная, обладающая необыкновенной интуицией, эта женщина жаждала действий.

Жизнь ее в царствование Екатерины II и Павла I тесно переплелась с жизнью английского посланника в Петербурге лорда Чарльза Уитворта, шумная связь с которым вылилась и на страницы истории российского государства.

Должность свою Чарльз Уитворт унаследовал от своего батюшки, служившего при дворе Петра Великого, знаменитого Джорджа Карла Уитворта. Свою карьеру, приехав в Россию в 1788 году, он начал весьма успешно.

Английский посланник покорял искренней симпатией к России, безупречной вежливостью, светскостью аристократа. Двери лучших домов Петербурга были распахнуты перед ним. Но тесно общался он лишь с теми, кто был близок к императрице и особенно любим ею. Став другом Платона Зубова, Чарльз часто бывал у него дома и там познакомился с его сестрой. Жеребцова произвела на молодого дипломата неотразимое впечатление.

Английский посланник был молодым человеком двадцати восьми лет, очень красивым, и у себя на родине, поговаривали, пользовался особым расположением самой королевы.

В качестве посланника Уитворт пробыл в России двенадцать лет. У петербургских дам он имел необыкновенный успех. В него были влюблены княгиня Елена Радзивилл, княгиня А. И. Толстая.

Влюбилась в него и Ольга.

По Петербургу поползли слухи о пламенном романе Ольги Жеребцовой с английским посланником. Молодая женщина вовсе не скрывала своей страсти, — она не просто любила Чарльза, она готова была служить ему верой и правдой.

Перед Ольгой Жеребцовой, жаждущей деятельности, открылась возможность стать участницей политических интриг. При ее активном участии был подготовлен очень важный для Уитворта документ о союзе России с Англией. Но умерла Екатерина II, и он остался неподписанным. Царский трон занял ненавидевший ее наследник Павел I, и он жаждал мести.

Россию начало лихорадить. При русском дворе не было человека, над которым не висела бы угроза опалы — от казни до ссылки. Зубова лишили всего и со всей родней выкинули из Петербурга.

Во всех своих распоряжениях и решениях царь руководствовался ненавистью к революционной Франции. Но Павел был непредсказуем. Уже в 1800 году он стал благоволить Бонапарту. Английским судам было запрещено заходить в русские порты, Россия прервала торговлю с Англией. Отношения между Россией и Англией крайне обострились, — война казалась неизбежной. Грубо говоря, вопрос стоял так: если Павел будет жив, то Россия выступит с Францией против Великобритании, если скоропостижно скончается, Россия выступит с Великобританией против Франции.

Дилемму разрешили заговорщики.

Ольга Александровна стала одной из зачинщиц заговора против тирана Павла I. Ее дворец собирал в танцевальных залах виднейших военных, русских аристократов, всех недовольных подданных. Замышлялось покушение на царя, велись переговоры с адмиралом Осипом де Рибасом, со дня на день ожидавшим ссылки в Сибирь. Английский посланник не жалел золота, так хорошо подогревавшего ненависть к Павлу в его подданных. Во дворце Жеребцовой открыто говорили о перевороте. Единомышленником Жеребцовой был военный губернатор Петербурга граф Пален, к которому приходили все доносы.

Собирались заговорщики в доме Жеребцовых на Английской набережной, 52, и, как говорят историки, содержался весь дом на средства английского посланника. Ольга Александровна, как сестра опальных братьев Зубовых, сочувствовала заговору. Все три ее брата принимали непосредственное участие в деле, а граф Николай Зубов был одним из физических убийц императора. Переодеваясь нищенкой для конспирации, она передавала поручения заговорщикам.

В 1800 году Павел выслал из Петербурга Уитворта, а вслед за ним уехала за границу и влюбленная в него Жеребцова.

Близкий родственник Жеребцовой князь Лопухин раскрывает некоторые детали этого дела: «Уитворт через посредство О. А. Жеребцовой был в сношениях с заговорщиками; в ее доме происходили сборища, через ее руки должна была пройти сумма, назначенная за убийство или по меньшей мере за отстранение императора Павла от престола… За несколько дней до 11 марта Жеребцова нашла более безопасным для себя уехать за границу и в Берлине ожидала исхода событий… Как только известие о кончине императора Павла дошло до Берлина, Жеребцова отправилась дальше, в Лондон. Там она получила от английского правительства сумму, соответствовавшую 2 млн руб. Эти деньги должны были быть распределены между заговорщиками, в особенности между теми, которые принимали участие в убийстве. Но Жеребцова предпочла удержать всю сумму за собою, будучи уверена, что никто не отважится требовать заслуженного вознаграждения».

12 марта 1801 года всему миру было объявлено, что российский государь-император Павел I скоропостижно скончался от «апоплексического удара». Жеребцова получила известие о смерти царя на балу у прусского короля и высказала столь нескрываемую радость, что прусский король счел весьма неприличным ее поведение. Ей было предписано покинуть Пруссию в течение двадцати четырех часов.

Жеребцова тут же заторопилась в Англию, где ее должен был ожидать Уитворт, — это ради него она рисковала жизнью. Но тут ее ждал большой удар: ей стало известно о женитьбе лорда Уитворта. Избранницей его была герцогиня Дорсетская.

В Лондоне Ольга, однако, задержалась, скандально прославившись в свете своими откровенными претензиями к жене Уитворта. Посол граф С. Р. Воронцов писал в письме брату: «Здесь отказываются понять, каким образом дама из хорошего общества, замужняя, имеющая детей, сознается в своей любовной связи и выражает отчаяние по тому случаю, что не может продолжать прежних отношений со своим любовником, так как он женился». Герцогиня Дорсетская избавилась от притязаний Жеребцовой только тогда, когда заплатила ей (в виде компенсации?) десять тысяч фунтов стерлингов. Презрение лондонского общества вдруг сделало невозможное: влюбленная женщина стала вновь гордой, властной красавицей Ольгой Жеребцовой. В своей судьбе Ольга поставила царственную точку: ее возлюбленным стал любимец английского двора — юный наследник Георга III, принц Уэльский, будущий Георг IV. Теперь с Ольгой Жеребцовой вынуждены были

считаться, у ее ног была вся Англия. Она обрела себя, она победила, она могла вернуться в Россию. Своего внебрачного сына Егора Норда Жеребцова выдавала за сына британского монарха.

В 1810 году после своих бурных лондонских приключений Жеребцова вернулась в Петербург. К этому времени ее законный супруг скончался. Она стала вести уединенную жизнь, в политику больше не вмешивалась, интригами не занималась.

Ольга Александровна пережила Чарльза Уитворта, короля Георга IV, супруга, детей, братьев и всех участников зловещего «павловского» заговора. С 73-летней Ольгой Александровной виделся А. И. Герцен и оставил о ней такую запись в своих мемуарах «Былое и думы»: «У нее была своя философия, основанная на глубоком презрении к людям».

Восьмидесятитрехлетняя О. А. Жеребцова скончалась 1 марта 1849 года и была погребена в родовой Зубовской усыпальнице в Троице-Сергиевой пустыни.

Мадам Шевалье

Луиза Пуаро, в замужестве Шевалье (1774—?), известная в свое время нашумевшими любовными историями как во Франции, так и в России, обладала магическим воздействием на окружающих. Мужчины дарили ей бриллианты, выполняли любые ее желания и даже сообщали важнейшие государственные тайны. Ей писали любовные письма, необыкновенные по своей проникновенности, посвящали восторженные поэмы. Ее пением наслаждались европейские государи, кронпринцы и князья, она безраздельно владела сердцами театральной публики Лиона, Парижа, Гамбурга и Санкт-Петербурга. Она была одной из богатейших женщин Европы. В ее жизни, окутанной легендами, трудно отделить правду от вымысла, но, так или иначе, она исполнена любопытных событий и по-своему интересна.

Итак, Луиза Пуаро родилась в 1774 году в Лионе, в бедной семье танцмейстера. От отца она и ее младший брат Огюст Пуаро (балетный танцовщик и хореограф, много и плодотворно работавший в Петербургской балетной императорской труппе) унаследовали природную грацию и необычайную музыкальность. Природа наделила Луизу небесной красотой: гибкая и стройная, подвижная и пластичная, небольшого роста, с выразительными ярко-синими глазами и копной светло-каштановых волос с золотистым отливом. Те, кто видел ее впервые, не могли отвести от нее глаз.

Впервые семнадцатилетняя Луиза выступила на сцене в 1791 году в родном городе и сразу же покорила зрителей голосом чистым, свежим и глубоким, а также редким сценическим обаянием. Критики, правда, отмечали, что голосу мадемуазель Пуаро не хватает ювелирной огранки, но что поделаешь — ее могла дать только школа.

В 1792 году юная актриса вышла замуж за Пьера Шевалье, балетмейстера труппы. Пьер не блистал талантами, зато обладал деловой хваткой и пробивными способностями. Он сразу по достоинству оценил дарование жены, и чета Шевалье отправилась покорять Париж. Вскоре Луиза устроилась на новом месте, по одним источникам — в Парижскую оперу, по другим — в парижский Итальянский театр.

Бурные революционные события не обошли стороной актеров, они оказались в самой гуще. После смерти Робеспьера актеров-революционеров, как и многих других тогда, заточили в тюрьму. Но вскоре чету Шевалье освободили, и Луиза вернулась на сцену.

Мадам Шевалье постепенно становилась одной из самых известных исполнительниц модных в ту пору комических опер. Так, она дебютировала в комической опере Крейцера «Поль и Виргиния». Трогательная история о влюбленных была известна читающей публике по роману Бернардена де Сен-Пьера, который пользовался тогда громадным успехом. Спектакль захватывал зрителей с первой же минуты. На глазах публики героиня превращалась из наивной девчушки в юную обаятельную девушку. Актриса мастерски изображала, как под воздействием драматических событий мужает характер Виргинии. Она была очень убедительна, когда играла преданную, беззаветно любящую своего Поля молодую женщину. Через несколько дней после представления хроникер газеты «Новый театральный бинокль» отметил очаровательную внешность актрисы, свежесть голоса, ум, тонкость и одухотворенность игры дебютантки. Сохранилась гравюра, изображающая Луизу в роли Виргинии, что уже само по себе свидетельствует о том внимании, которое публика проявляла к ней. Сейчас эта гравюра находится в Милане. На фоне полусидящего на земле негра, которого по сюжету опекала Виргиния, стоит удивительно стройная, кажется, парящая девушка в полупрозрачной одежде, которая не скрывает изящества ее ножек. Грациозным жестом она поит Заби родниковой водой…

После термидорианского переворота чета Шевалье эмигрировала в Гамбург, где слава Луизы заметно приумножилась. Известная певица охотно пожинала ее плоды,

принимая дорогие подарки. Публика видела в актрисе воплощение парижского изыска, тонкости и вкуса.

Началом коллекции украшений Шевалье стало кольцо, отделанное бриллиантами, стоимостью 1500 талеров. Имя щедрого дарителя было оглашено в приложении к одному из гамбургских журналов: им был герцог фон Мекленбург-Шверинский…

Князь Николай Борисович Юсупов, директор музыкальных и всех зрелищных представлений в России, увидев актрису в Париже, отметил ее талант и по прошествии какого-то времени заключил контракт с нею, Пьером и ее братом — танцовщиком Огюстом. Так Луизу зачислили во французскую императорскую труппу Санкт-Петербурга, и в мае 1797 года она приехала в столицу Российской империи. Думала ли тогда мадам Шевалье, что в России судьба сведет ее с первыми лицами государства и сделает одной из самых богатых и могущественных женщин в Европе?

А восхождение французской певицы началось резко и стремительно.

По приезде в Санкт-Петербург Пьер тут же посетил театральную дирекцию. Там его ждал пакет для жены — приглашение к князю Н. Б. Юсупову.

На мадам Шевалье сильное впечатление произвел особняк князя Юсупова. Она рассматривала великолепные картины и скульптуры в большом зале, когда туда вошел князь, высокий, статный человек лет пятидесяти, в парике на прусский манер, одетый в мундир. В его восточных глазах светились искорки любопытства.

С первой минуты каким-то женским чутьем Луиза уловила, что перед ней — тонкий знаток дам и что не одну красавицу он покорил своим обаянием. Пока ей было невдомек, что перед ней особый тип вельможи екатерининских времен — человек не только большого природного ума, но и блестяще образованный. Юсупов умел блеснуть богатством и роскошью, но при этом не растратил огромное отцовское состояние, а напротив, умножил его.

Князь Николай Борисович с удовольствием рассматривал изящную красивую актрису. Не принимая во внимание ее мужа, он углубился в беседу с ней, и нежная французская речь напомнила ему о счастливых временах, проведенных когда-то в Париже…

Наконец заговорили об условиях, на которых мадам Шевалье, ее муж и брат поступали на императорскую сцену. Согласно контракту, ей полагалось 7000 рублей (до нее такого жалованья

не получал никто в труппе), балетмейстеру Пьеру — 3000, Огюсту — 2000, а также предоставлялось право выбирать роли. Оговаривался и бенефис, полный сбор с которого принадлежал актрисе (им оплачивали квартиру, карету и дрова). Муж ее, балетмейстер, получил чин коллежского асессора, а 9 ноября 1799 года высочайшим указом П. Шевалье был назначен «отныне и впредь навсегда быть сочинителем балетов».

Князь предложил мадам Шевалье сопровождать ее при первом знакомстве с петербургской французской труппой.

17 июня 1797 года в Павловске, резиденции русского царя, состоялся дебют мадам Шевалье в комической опере Далейрака «Рено д'Аст». В этот день ей предстояло впервые показаться двору — самому императору Павлу I, его семье и фаворитам, и она нервничала больше обычного. После утомительного путешествия в Москву и Казань с посещением множества других городов государь прибыл в любимый им Павловск. Спектакль французской труппы должен был состояться в честь его приезда в одноярусном деревянном театре, располагавшемся напротив дворца, рядом с ведущей к нему липовой аллеей. Там и собрались зрители.

В комедии «Рено д'Аст» мадам Шевалье играла роль молодой девушки Цефизы, потерявшей жениха и нестерпимо о нем тосковавшей. Первые ее арии были исполнены глубокой печали, а когда она на особенно трогательной ноте закончила пение, у нее полились слезы…

Но, вопреки уверениям старика-опекуна Цефизы, ее жених оказывался жив. Любовь торжествовала, огромные синие глаза мадам Шевалье излучали радость, голос в финальном дуэте звучал страстно и взволнованно.

Когда она переоделась, ее вместе с мужем пригласили на ужин.

Во время трапезы в роскошном Итальянском зале государь Павел Петрович приветливо поинтересовался у мадам Шевалье о ее первых впечатлениях от России. Она, часто опуская глаза, отвечала почти односложно. Разговор поддержала государыня Мария Федоровна, начав расспрашивать Луизу о Гамбурге и его первых лицах. Беседа стала более непринужденной.

Государь остался доволен: рекомендации, которые дал актрисе опытный Юсупов, подтвердились.

В этот вечер на красавицу обратил внимание Иван Павлович Кутайсов, известный любимец Павла. Говорили, что при Екатерине II, во время осады и взятия Бендер, раздраженные упорством турок русские войска предали город огню и вырезали всех его жителей. Пощадили только десятилетнего мальчика по

имени Кутай, который приглянулся русскому офицеру, взявшему его затем на попечение. Генерал Репнин дал за него щедрый выкуп и послал в подарок государыне. Мальчик пришелся ей по душе, она воспитала его вместе с Павлом. Его крестили в православную веру, и Кутай стал Иваном Павловичем Кутайсовым. Его отправили в Париж и Берлин для обучения фельдшерскому и парикмахерскому искусству. Кутайсов вскоре заговорил по-русски, а позже — на европейских языках. Когда Павел I взошел на престол, началось и возвышение Кутайсова. Павел пожаловал его в егермейстеры и наградил звездой Анны первой степени.

Теперь мадам Шевалье увидела мужчину лет сорока, высокого роста, со стройной фигурой; густые черные брови, темные глаза, орлиный нос…

Он смотрел на мадам Шевалье, не отводя от нее глаз. А после ужина Луиза получила записку, в которой Кутайсов назначал ей встречу в парке рядом с круглым озером.

Как отнестись к такой вольности? Оскорбиться? Или принять предложение? Она понимала, что его привлекла не актриса Шевалье — его привлекла женщина. Сильных чувств мадам Шевалье искренне боялась — она хорошо знала, чем могли обернуться безрассудные любовные страсти. Но теперь здравый смысл явно ее покидал.

Ее брак с Пьером свершился по холодному расчету, а муж со временем превратился в исправного экономa.

Все происходило, как в сказке, мадам Шевалье впервые познавала радость разделенной любви…

Сбывались самые заветные ее мечты. Кутайсов снял для нее особняк, роскошно его обставил, щедро одаривал редкими по красоте ценными бриллиантами. Она устраивала приемы, на которых бывали теперь не только актеры и французские эмигранты, но и высшие чины империи.

За несколько месяцев мадам Шевалье приобрела большой вес в петербургском светском обществе. Все искали ее внимания, дамы мечтали быть принятыми в особняке на Фонтанке.

Был еще один надежный способ снискать милость мадам Шевалье, а значит, и попасть в поле зрения всесильного Кутайсова, — бенефисы французской актрисы. Ее муж и брат по поручению мадам Шевалье занимались продажей лож в Каменном театре. Она же получала список с указанием фамилии и суммы, которую выкладывал за ложу тот или иной поклонник ее таланта. Цифра иногда вырастала до 1500 рублей! Самые щедрые зрители оказывались вознагражденными: одни получали приличное место, другие — повышение по службе. Князь Барятинский,

например, подарил ей колье за шесть тысяч рублей в качестве платы за ходатайство.

Росли и ширились слухи о жадности и скупости актрисы, имевшие под собой основания. Так, заказывая самые модные туалеты в Париже, она по просьбе нуждающейся матери послала ей всего лишь двести рублей.

Постепенно провинциальная девушка Луиза превращалась в сильную, властную и умную женщину, обладавшую при этом красотой и актерским дарованием.

25 июня 1798 года мадам Шевалье дебютировала на сцене Большого Каменного театра в комической опере Дезеда «Алексис и Жюстина». Сбор был ошеломляющий: 1287 рублей 25 копеек. Это была победа! Тем более если учесть, что роль Жюстины была не очень выигрышной для актрисы: у нее была роль простой, сердечной девушки из небогатой семьи, а основной драматический материал больше приходился на мужские роли. Но мадам Шевалье сумела вывести свою героиню на первый план, приковав внимание зрителей к наивной девушке, которая на глазах превращалась в юную страстную женщину, отстаивающую свое право на любовь.

В Каменном театре мадам Шевалье выступала реже, чем в Эрмитажном театре, при дворе. В его небольшом партере расставлялись стулья только для членов царской фамилии, для остальных места располагались круглым амфитеатром в шесть рядов. Павел Петрович повелел давать здесь представления по вторникам и пятницам, так что именно в эти дни казенная карета отвозила актрису на Дворцовую набережную.

Император, конечно, часто бывал на представлениях мадам Шевалье и каждый раз преподносил ей ценные подарки. Однажды Павел Петрович посетил актрису за кулисами и недвусмысленно выразил свои намерения. Он удалил Кутайсова, чтобы безо всяких помех объясниться с его пассией. Мадам Шевалье ответила на воспламенившуюся страсть Павла, но официальной фавориткой императора все же по-прежнему оставалась Анна Лопухина.

К этому времени у мадам Шевалье уже была от Кутайсова маленькая дочь, но актрисе удавалось сохранять отношения одновременно с обоими поклонниками.

К концу царствования Павла актрису называли в числе тех лиц, кто мог бы сменить Марию Федоровну в случае развода. Говорили также, что, если бы не было переворота, то мадам Шевалье должна была бы через два дня, как объявленная фаворитка, занять во дворце комнаты княгини Гагариной.

В начале 1801 года Пьер Шевалье, к тому времени главный балетмейстер Петербургской императорской труппы, получил

2000 рублей, чтобы ангажировать в Париже новых артистов для Петербургской балетной труппы. Он отбыл в Париж с тем, чтобы вернуться через несколько месяцев и привезти с собой знаменитых французских танцоров. Однако все изменилось из-за убийства императора Павла.

Утром 12 марта 1801 года, после смерти императора, в особняк мадам Шевалье ворвались офицеры во главе с плац-майором Иваном Саввичем Горголи. По указанию графа Палена и нового императора Александра они получили приказ обыскать ее на предмет государственных бумаг. У нее были изъяты бланки с подписью покойного императора и перстень с его вензелем. А через два дня мадам получила предписание, по которому должна была покинуть пределы Российской империи. В отдельно приложенной и подписанной лично Александром бумаге указывалось, что она освобождается от обычной повинности к высланным, и поэтому от нее не требовалось отдать в казну десятую часть своего имущества.

Мадам Шевалье сначала отправилась в Германию, затем переехала в Париж. На сцену, судя по всему, она более не выходила. Ее встречали в Германии поклонники, найдя ее располневшей и еще более похорошевшей.

В Париже они вместе с мужем поселились в роскошном особняке, который посещали и Наполеон, и различные иностранные послы.

Императрица Жозефина писала в мемуарах, что из России мадам Шевалье отправилась в Польшу, где один богатый пфальцграф обратил на нее внимание, обеспечил ей развод с мужем и женился на ней.

Ее брат-балетмейстер навсегда остался в России. Когда Н. И. Греч спросил у него о судьбе мадам Шевалье, то с изумлением узнал, что она стала монахиней одного из маленьких монастырей под Дрезденом.

Вигель же пишет, что Кутайсов до самой своей смерти в 1834 году от холеры носил на груди вместе с образками портрет госпожи Шевалье.

Варвара Туркестанова

Картину художника Ивана Крамского «Неизвестная» искусствоведы считают самым загадочным и интригующим произведением автора. Уже само название этой картины привлекает к себе внимание своей таинственностью. В самом деле, кто она, эта неизвестная для зрителя молодая женщина с

горделивым взглядом?

Оказалось — грузинская княжна Варвара Туркестанишвили (Туркестанова), чья судьба и вдохновила Ивана Крамского на написание картины.

Княжна Варвара Ильинична Туркестанова (1775–1819) была представительницей знатного грузинского рода. Ее дед князь Борис, доверенное лицо царевича Вахтанга на переговорах с Петром I, стал родоначальником русской ветви рода князей Туркестановых.

Родилась она в столице Кахетии Телави. Варваре, старшему ребенку в семье, было всего тринадцать лет, когда умер ее отец князь Илья Борисович Туркестанов (похоронен в Москве в Донском монастыре). Из десяти детей князя Туркестанова достигли зрелого возраста только княжна Варвара и две ее сестры — Екатерина и Софья, остальные умерли в детстве. Сын Александр родился в год кончины своего отца в 1788 году.

Мария Алексеевна, мать княжны Варвары Ильиничны, была дочерью действительного статского советника Алексея Михайловича Еропкина и Анны Васильевны Салтыковой. Она умерла, когда Варваре было двадцать лет.

В 1808 году Варвара Ильинична была пожалована во фрейлины императрицы Марии Федоровны. Ее сразу заметили при императорском дворе. Она не была красавицей, но обладала особым обаянием, привлекая к себе окружающих приветливым обхождением, добрым характером. Разносторонне образованная, она выделялась своим умом среди прочих придворных. О княжне Туркестановой граф Ф. П. Толстой вспоминал, описывая свою жизнь в Петербурге: «…Очень часто бывала на вечерах и обедах у моего дяди княжна Туркестанова, самая короткая приятельница обеих сестер Голицыных, любимица Марии Алексеевны и ее мужа, девушка уже не первой молодости, очень умная, хитрая, ловкая, веселая и весьма занимательная в салонных беседах. Почтеннейший дядюшка, как мне казалось, очень за ней ухаживал, и она скоро, по его просьбе, была сделана фрейлиной большого двора».

При дворе вскоре заметили особый интерес императора Александра I, который он проявлял к фрейлине Туркестановой. Княжна, впрочем, тоже не была к нему безразлична. Но их отношения долго оставались дружескими.

В 1813 году фаворитка императора М. А. Нарышкина уехала за границу, и Александр Павлович все чаще стал обращать внимание на Варвару Ильиничну. Поговаривали даже, что у него появилась новая фаворитка.

Новый роман у 42-летней княжны Туркестановой вспыхнул в

1818 году с 24-летним князем Владимиром Сергеевичем Голицыным, сыном Варвары Энгельгардт. Яркую характеристику дал ему русский мемуарист Ф. Ф. Вигель. Он писал: «Более всех из братьев наделал шуму меньшой, Владимир, употребляя во зло дары природы. Его называли Аполлоном, он имел силу Геркулеса и был ума веселого, затейливого, и оттого вся жизнь его была сцепление проказ, иногда жестоких, иногда преступных, редко безвинных». Вигель рисует Владимира Голицына как человека, лишенного каких-либо моральных принципов и весомых достоинств. На самом деле Голицын участвовал в Отечественной войне 1812 года, в заграничных походах русской армии в 1813–1814 годах. Был знаком с Пушкиным и Лермонтовым, а Лермонтова именно он представил к награде — золотой сабле с надписью «За храбрость». Он рисовал, играл на сцене любительских театров, пел. И Варвара влюбилась в Голицына, веселого и остроумного, пользовавшегося в свете большим успехом. Что чувствовал он сам? Поговаривали, что он хотел жениться на ней, но, застав у нее однажды ночью Александра I, отказался от мысли о браке.

Слухов вокруг Варвары Ильиничны было много. Оказавшись в трудном положении, она пыталась скрыть обе свои связи. К ее нравственным страданиям добавились физические недомогания — она была беременна. И в таком положении, которое ей надо было скрывать от окружающих, ей предстояло сопровождать Марию Федоровну в длительной поездке по Европе.

В августе 1818 года А. Я. Булгаков писал П. А. Вяземскому: «А едут с императрицей Марией Федоровной: Александр Львович Нарышкин для шуток, Альбедиль — для денег, Туркестанова — для ума, графиня Самойлова — для рожицы…»

У Варвары Ильиничны хватило сил молчать — ни при дворе, ни среди окружающих никто не знал правды. Чтобы «оградить священную особу государя», придворные обвинили в разразившейся вскоре трагедии князя Голицына.

В Петербург княжна Туркестанова вернулась в конце 1818 года, а в апреле 1819 года она родила дочь Марию (1819–1843). Ей было тогда 43 года. Исходя из того, что в качестве фрейлин ко двору приглашали только девиц, ребенок у Варвары Ильиничны, скорее всего, был первым.

Современники так и не поняли, кто был отцом девочки, и обвиняли попеременно то Голицына, то императора. Доведенная до отчаяния, княжна Туркестанова приняла яд. Он подействовал не сразу, и, промучившись несколько недель, 20 мая 1819 года она умерла.

На следующий день П. А. Вяземский писал А. И. Тургеневу:

«Вчера скончалась княжна Туркестанова. Что ни говори, но она была и добрая, и любезная, и необыкновенно умная женщина. Благодетельствовала многим, несмотря на недостаточное состояние, и оставила приятные о себе воспоминания в многочисленном знакомстве…»

Годы спустя, в марте 1834-го, А. С. Пушкин записал в своем дневнике: «Княжна Туркестанова, фрейлина, была в тайной связи с покойным государем и с кн. Владимиром Голицыным, который ее обрюхатил. Княжна призналась государю. Приняты были нужные меры, и она родила во дворце, так что никто и не подозревал. Императрица Мария Федоровна приходила к ней и читала ей Евангелие, в то время как она без памяти лежала в постели. Ее перевели в другие комнаты — и она умерла. Государыня сердилась, узнав обо всем; Вл. Голицын разболтал все по городу». К. Я. Булгаков писал из Москвы брату: «Все письма из Петербурга ко мне только и говорят о смерти княжны Туркестановой, все об ней жалеют. Императрица приезжала из Павловского нарочно, чтобы ее видеть, и провела с нею последние часы…»

При дворе было сказано, что фрейлина Туркестанова умерла от холеры. Похоронили ее в Александро-Невской лавре.

Дочь фрейлины Туркестановой Мария носила отчество Владимира Сергеевича Голицына и жила в его семье, где ее звали Мими. Она была замужем за Иваном Аркадьевичем Нелидовым и умерла в двадцать четыре года.

Анна Лопухина

Светлейшая княжна Анна Петровна Лопухина (1777–1805) — дочь сенатора Петра Васильевича Лопухина, которому впоследствии был пожалован титул светлейшего князя вместе с чином председателя Государственного совета, и жены его, урожденной Левшиной, — родилась 8 ноября 1777 года. Когда Анне было всего три года, мать девочки умерла, поэтому ее воспитывала мачеха Екатерина Николаевна Лопухина (Шетнева), женщина плохо образованная и невысокой морали.

В 1798 году, когда император Павел I приехал в Москву по государственным делам, он на одном из балов обратил внимание на Анну Петровну Лопухину. Заметив, что молодая княжна произвела большое впечатление на императора, придворная знать, во главе которой стоял князь И. П. Кутайсов, любимец Павла I, решила воспользоваться этим. Сторонники императора крайне враждебно были настроены против императрицы Марии

Федоровны и фаворитки императора Нелидовой. Они хотели заменить Екатерину Нелидову своей ставленницей, с помощью которой можно было бы осторожно решать важные политические вопросы. Поэтому императору и представили молодую девушку. А Кутайсов придумал историю, по которой Лопухина якобы уже два года была сильно влюблена в русского царя. Царь был так тронут, что еще больше воспылал симпатией к молоденькой и скромной девушке.

Семье Лопухиных было предложено переехать в Северную столицу. Началась подготовка к переезду. Когда об этом узнала Мария Федоровна, она написала Анне Петровне письмо, в котором просила ее остаться в Москве. Письмо попало к императору, и он был крайне недоволен действиями императрицы.

Осенью 1798 года Лопухины переехали в Санкт-Петербург. Сразу же после того, как семья стала жить в столице, отец Анны Петровны получил чин генерал-прокурора, а на следующий год ему было пожаловано княжеское достоинство с титулом светлости. Мачеха очень быстро была произведена в статс-дамы, а сама Анна Петровна в сентябре 1798 года была назначена камер-фрейлиной. В ее обязанности входило состоять при императрице и сопровождать царскую семью во все загородные резиденции. Таким образом, это давало возможность императору видеться с фрейлиной ежедневно.

В декабре того же года ее произвели в кавалерственные дамы Большого креста державного ордена святого Иоанна Иерусалимского, а в феврале следующего года она стала кавалерственной дамой Большого креста ордена святой великомученицы Екатерины.

Лопухина поселилась в маленьком особняке в Павловске, куда каждый вечер наведывался император. Анна была чувственна, спокойна и терпелива, могла часами выслушивать царя, к которому питала теплые и дружеские чувства. Она никогда не вмешивалась в государственные дела и не участвовала в дворцовых интригах, чем еще больше удивляла и привязывала к себе Павла.

Возле нее уходили все мучившие его страхи, отступали картины собственной смерти. После кончины Екатерины II они его все время преследовали. С первых дней правления самодержец предчувствовал трагический финал своей жизни.

И вот, незадолго до гибели, судьба преподнесла ему чудесный дар — роман с очаровательной женщиной. Он вернулся к нормальной жизни и решил построить в центре столицы укрепленный рыцарский замок.

Для этого он пригласил лучших европейских архитекторов. В 1800 году строительство уже почти заканчивалось, но архитектор долго не мог дождаться от Павла указания, какого цвета должны быть внешние стены замка. Царь никак не мог определиться с цветом, пока однажды на балу он не увидел оброненную его возлюбленной перчатку. Изящным движением Павел поднял перчатку с пола и тут заметил ее необычный, бледно-кирпичный цвет. Спросив разрешения у Анны, император распорядился отправить перчатку архитектору. Теперь он знал, какой цвет будет у его замка.

Замок сначала был назван Михайловским, позже — Инженерным.

По воспоминаниям современников, Лопухина не была красавицей, но имела очаровательную головку с огненными черными глазами и черными как смоль волосами и бровями, прелестным ртом и чрезвычайно приятным и добрым выражением лица. Хорошего образования она не получила, умом не блистала, но у нее было много такта и скромности, держалась она в стороне от придворных интриг и больше всего была склонна к тихой семейной жизни. Своим влиянием на императора Анна пользовалась лишь для того, чтобы оградить от его гнева попавших к нему в немилость людей или чтобы он наградил кого-то по заслугам. Зачастую, убеждая его, она начинала плакать и этим добивалась того, что ей было нужно.

Павел I не скрывал своих чувств к Лопухиной: в ее честь назывались корабли, ее имя было на знаменах гвардии. Искренность чувств императора по отношению к девушке ни у кого не вызывала сомнений. В ее обществе он находил отдохновение от всех текущих забот.

Но Анна влюбилась и спустя некоторое время призналась в этом императору. Избранником ее стал друг детства князь Павел Гаврилович Гагарин. Его не было в Петербурге, он находился в Италии, в действующей армии А. В. Суворова. Как призналась в том сама Лопухина брату, она открылась в своих чувствах императору для того, чтобы защитить себя от слишком бурных проявлений его симпатии. Гагарин тут же был отозван из армии в Петербург, а по приезде Павел Петрович щедро наградил его и начал устраивать брак с Лопухиной.

На набережной Невы император купил новобрачным три больших дома, которые были соединены в один. Предполагают, что имение Ясенево, хозяином которого сразу после свадьбы стал Павел Гагарин, было также подарено ему самим царем. Имение было куплено 8 февраля 1801 года, в тот день, когда Анна Лопухина стала княгиней Гагариной.

Никто не ожидал, что великодушие императора, которого все считали самодуром и тираном, будет столь велико.

Даже после замужества Лопухиной чувства императора к своей фаворитке нисколько не изменились.

Свое высокое положение княжне удалось сохранить вплоть до смерти Павла Петровича в 1801 году.

Анна Лопухина не была счастлива в браке. Александр I назначил Гагарина посланником при дворе в Сардинии, поэтому супруги два года прожили в Италии.

25 апреля 1805 года княгиня Гагарина скончалась после родов, всего на четыре года пережив своего друга и покровителя, императора Павла I.

Жанета Четвертинская

Княжна Жанета Антоновна Четвертинская, в браке Вышковская (1777–1854) — представительница рода Святополк-Четвертинских, возлюбленная цесаревича Константина Павловича, сестра Марии Антоновны Нарышкиной. Жанета родилась в семье князя Антония Станислава Четвертинского, кастеляна Перемышля, и его первой жены Теклы Копенгаузен. Рано лишилась матери, а в 1794 году во время мятежа в Варшаве был убит ее отец, считавшийся сторонником России. После его гибели императрица Екатерина пожаловала его вторую жену, урожденную Холоневскую, в статс-дамы, а падчериц — во фрейлины и пригласила их в Россию — в Петербург, взяв на себя устройство их будущего.

Обе несовершеннолетние девочки — Жанета и младшая Мария — получили возможность жить во дворце. Уже в 1795 году Марию выдали замуж за тридцатиоднолетнего Дмитрия Нарышкина — одного из богатейших вельмож екатерининской эпохи.

Жанета еще долго оставалась при дворе. Ею серьезно увлекся великий князь Константин Павлович еще до своей женитьбы на Анне Федоровне. После отъезда супруги за границу он вспомнил свою былую привязанность и стал искать встреч с Жанетой Антоновной. Практически каждый день Константин Павлович обедал в доме Марии Нарышкиной, чтобы встретиться с дамой сердца.

В 1803 году цесаревич, по его же признанию, даже решил развестись, чтобы жениться на Четвертинской. Жанета, полюбившая великого князя, была счастлива в преддверии свадьбы. Но намерению Константина Павловича воспротивилась

царская семья. Сопротивление со стороны вдовствующей императрицы Марии Федоровны и самого Александра I ему не удалось преодолеть. И Константин Павлович отказался от своих планов.

Потерпев крушение своих честолюбивых надежд, только в 1816 году, когда Константин Павлович уже был влюблен в другую — полячку Грудзинскую, Жанета Антоновна приняла предложение польского шляхтича — графа Северина Вышковского (1771–1859), давно ухаживавшего за ней.

Но на пути к браку возникло большое препятствие — отсутствие средств и у жениха, и у невесты. Царский жест был поистине щедр — Александр I пожаловал Жанете Антоновне в приданое двести тысяч рублей. Когда-то сестра Жанеты Мария своей ослепительной красотой и умением держать себя в свете привлекла к себе внимание цесаревича Александра Павловича. Их отношения вылились в подобие второй семьи. Хотя официально бездетный Александр был женат на Луизе Марии Августе Баденской, фактически в течение пятнадцати лет он жил с Марией Антоновной Нарышкиной и, по слухам, было у них несколько детей. И вот теперь он отнесся к Жанете, как к своей родственнице.

Александр Павлович оплатил наем дома для новобрачных. В нем и поселились молодые после свадьбы, состоявшейся 19 февраля 1816 года.

Граф Вышковский был ярым польским патриотом и противником всего русского, поэтому Жанета Антоновна отдалилась от России. Большую часть оставшейся жизни она провела за границей.

Скончалась Жанета Антоновна Вышковская 18 августа 1854 года в Мюнхене. Ее похоронили на мюнхенском Южном кладбище. К началу XX века ее могила была утеряна.

Жозефина Фридрихс

Жозефина Фридрихс, урожденная Мерсье (1778–1824), родилась в Париже в семье ремесленника. Когда девочке исполнилось четырнадцать, она поступила приказчицей в модный парижский магазин мадам де Террей. Юная красавица с выразительными карими глазами быстро завоевала расположение покупателей. Фифин, как ее ласково называли, сумела очаровать одного из них, богатого и уже немолодого английского лорда. Он обратился к хозяйке магазина с несколько необычной просьбой: отпустить Жозефину с ним в Лондон, где он даст ей хорошее

образование, а затем женится на ней. Мадам де Террей сообщила об этом родителям девочки, и те в конце концов согласились.

Лорд сдержал свое слово: Фифин поступила в английский пансион, обучилась светским манерам, а в 18 лет бросила учебу и поселилась в квартире, которую снял для нее богатый покровитель. Вместе с ней жила служанка, исполнявшая все ее прихоти и заодно присматривавшая за ней. Но Жозефину это ни капельки не смущало: она жила в роскоши, меняла наряды, посещала театры — одним словом, наслаждалась жизнью. Но лорд неожиданно скончался, так и не успев сделать ее своей женой. Все его имущество и деньги забрали родственники, а Жозефина оказалась предоставлена самой себе. Оставшись одна, без связей, без средств и без друзей, она должна была вскоре внести очередной взнос за свою роскошную квартиру.

Чтобы выжить, девушке пришлось найти себе жилье поскромнее и расстаться с частью безделушек. Единственным ее спасением был успешный брак, поэтому она твердо решила найти себе достойного мужа. Одевшись, как подобает настоящей леди (наряды у нее были образцовые), Фифин совершала прогулки по улицам, ездила в театры, надеясь встретить свою судьбу. Но все ее отчаянные попытки выйти замуж терпели фиаско: вместо предложения руки и сердца Жозефина получала лишь вполне недвусмысленные намеки и с негодованием отвергала их.

Но однажды ей все же повезло. Она познакомилась с русским немцем, приехавшим в Лондон из Петербурга по делам, полковником и флигель-адъютантом, бароном Александром фон Фридрихсом. Соблазнившись состоянием Жозефины, о котором он мог судить по ее роскошным нарядам и хорошему воспитанию, Фридрихс предложил девушке стать его женой. Они обвенчались по католическому обряду, но, проведя вместе несколько счастливых недель, вынуждены были расстаться — барона ожидали в России срочные дела. Он обещал дать весточку молодой супруге, как только приедет, и вызвать ее к себе. Жозефина стала терпеливо ждать. Но в течение нескольких месяцев от Фридрихса не было никаких известий. Потратив все, что у нее было, доведенная до отчаяния девушка отправилась в Россию, на поиски пропавшего мужа.

Фридрихс рассказывал ей, что служит в Петербурге, и Жозефине удалось напасть на его след. Однако желанная находка обернулась огромным разочарованием. Барон фон Фридрихс оказался не полковником и даже не адъютантом, а всего лишь фельдъегерем Фридрихсом, действительно русским немцем (хоть в этом он не солгал), который жил не в большом доме со слугами, а в огромной казарме.

По описанию его внешности после подробных расспросов Жозефина абсолютно убедилась в том, что ее блестящий полковник и грубый фельдъегерь — один и тот же человек. К своему счастью, обманщик отсутствовал на тот момент в Петербурге.

Когда супруги наконец-то встретились, им было что сказать друг другу. Оба выдавали себя не за тех, кем являлись на самом деле. Он женился на богатой невесте из приличной семьи, она же стала женой полковника. Оказалось, что на этот брак их толкнули бедность и склонность к авантюризму. О любви здесь речь и не шла. Госпожа Фридрихс не захотела жить вместе с таким мужем, и судьба временно освободила ее от этой нужды — как-то раз на улице Петербурга она случайно встретила мадам де Террей, хозяйку той самой модной лавки в Париже, в которой Жозефина работала в юности. Женщина еле узнала в красавице маленькую Фифин! Теперь у мадам де Террей был свой магазин одежды в Санкт-Петербурге, так как французская мода в России тогда пользовалась огромным спросом. Некоторое время Фифин пожила в ее доме, но вскоре мадам понадобилось ехать в Москву. В сопровождении она не нуждалась, и Жозефина снова осталась одна. Ей не оставалось ничего, кроме как вернуться к ненавистному мужу. Они снова стали жить вместе, но грубое обращение Фридрихса было невыносимо для Фифин. Их отношения превратились в сплошные ссоры, скандалы, слезы, и девушку охватило отчаяние.

Она задумалась над своим будущим. Ей нужна была помощь. Но к кому она могла обратиться? Жозефина вспомнила об английском лорде, который был к ней так бескорыстно добр, и теперь ей казалось, что нет ничего лучше такого же щедрого покровительства и беззаботной жизни в нанятой уютной квартире. Наслушавшись историй о том, как милостива бывает некая высокопоставленная особа ко всем обездоленным и несправедливо оскорбленным, Фифин решила обратиться к великому князю Константину Павловичу. На одном из балов девушка бросилась к нему в ноги и, запинаясь, скороговоркой изложила ему грустную историю своей загубленной жизни, жалуясь на тот обман и зло, которые ей довелось испытать, и моля о защите. Знала ли она, к чему это приведет? Несомненно, да.

Цесаревич Константин отнесся к обездоленной девушке как настоящий джентльмен, и вскоре Жозефина навсегда забыла, что такое нужда. Она стала спутницей князя на четырнадцать лет (они познакомились около 1806 года, а расстались в 1820 году). «Роста среднего, с темно-русыми, почти черными волосами,

зачесанными по современной моде маленькими кудрями на лбу, она… имела лицо неправильное; маленький носик, несколько вздернутый, губы тонкие, всегда улыбающиеся, цвет лица чистый, слегка румяный, придавали ей большую миловидность; но главную ее прелесть составляли глаза, большие, карие, с выражением необыкновенной доброты и осененные длинными черными ресницами». Такой Фифин впервые предстала перед Константином. Кроме миловидной внешности, у нее был необычайно веселый и легкий нрав: она часто смеялась, непринужденно болтала и, в отличие от законной супруги цесаревича Анны Федоровны, с удовольствием участвовала в его забавах. Жозефина развлекала князя, была для него своего рода шутихой, однако эта роль ее ничуть не тяготила. Константин обещал со временем на ней жениться и вел переговоры с императором и вдовствующей императрицей Марией Федоровной, пытаясь добиться разрешения на развод, но безуспешно.

24 марта 1808 года у Жозефины и Константина родился сын. Его назвали Павлом, в честь покойного деда. Ходили слухи, что мальчик не великокняжеского рода, так как цесаревич бесплоден. Однако подтвердить, равно как и опровергнуть подобные слухи было практически невозможно. Константин признал Павла своим сыном, дал ему хорошее воспитание и обеспечил прекрасную карьеру — ну кто бы стал так возиться с чужим отпрыском, даже ребенком любовницы? Хотя, учитывая природную доброту цесаревича, такое тоже было вполне вероятно.

Сначала мальчика записали Павлом Константиновичем Линдстремом (эту фамилию носил лейб-медик великого князя). Узнав о его рождении, император Александр решил сам стать крестным отцом племянника, а в крестные матери предложил великую княгиню Екатерину Павловну. Но, учитывая пикантность обстоятельств, ему пришлось отказаться от этой мысли «для соблюдения приличия». Крестным отцом Павла стал близкий друг Константина, полковник конно-гвардейского полка Николай Олсуфьев, а без крестной матери решили обойтись вовсе (это не противоречило церковным законам). Крестины прошли 5 апреля, тихо и без огласки, обряд совершил протоиерей придворной церкви Мраморного дворца отец Симеон Ласкин, который тоже пообещал молчать. В документах ребенка зачем-то состарили на неделю — записали, что он родился 1 апреля, а крещен был 5-го. Неизвестно, с какой целью это было сделано, но, когда Павлу исполнилось 20 лет, Константин попросил, чтобы ошибку исправили.

Император пожаловал Жозефине бриллиантовые серьги,

которые ей вскоре преподнес Константин Павлович. В 1812 году государь велел дать мальчику другую фамилию, Александров, и даровал ему дворянское достоинство. А через четыре года Жозефина Фридрихс тоже стала русской дворянкой — Ульяной Михайловной Александровой.

Нельзя сказать наверняка, каким отцом был цесаревич Константин. Об этом можно судить лишь по его письмам. Например, в одном из посланий вышеупомянутому лейб-медику Линдстрему, заботившемуся о здоровье Павла Константиновича, Константин пишет: «Поцелуйте Павлика от меня и скажите ему, что нет на дню такой минуты, когда бы я не думал о нем и о его доброй прекрасной матери, которую я люблю всем сердцем».

Однако вскоре в жизни Константина Павловича произошли изменения — он влюбился в молодую польскую графиню Жанетту Грудзинскую. В течение четырех лет цесаревич добивался ее взаимности, но гордая полячка не соглашалась стать его любовницей. В конце концов Константин добился развода со своей первой супругой Анной Федоровной и женился на Жанетте.

Незадолго до свадьбы (27 мая 1820 года) великий князь Константин Павлович позаботился о дальнейшей судьбе Жозефины. Она стала женой его адъютанта, полковника Александра Сергеевича Вейса.

Вместе с супругом Жозефина уехала во Францию (по состоянию здоровья она нуждалась в более мягком климате). Чета поселилась в Ницце, где 5 апреля 1824 года Жозефина умерла.

Ее сын Павел Константинович Александров дослужился до генерал-адъютанта и был женат на фрейлине княжне Анне Александровне Щербатовой.

Маргарита Полина Фуре

В сентябре 1798 года, во время египетской кампании, когда Наполеон I ехал верхом в сопровождении своего генерального штаба на праздник, организованный неподалеку от Каира, на дорогу выехал отряд солдат. Верхом на ослах, солдаты, весело перешучиваясь, возвращались в город с каких-то работ. Среди них была симпатичная голубоглазая блондинка, заразительный смех которой привлек внимание Бонапарта. Он вспомнил о ней, возвратившись в свой дворец, и тут же поинтересовался у своего адъютанта, кто она. Это была двадцатилетняя мадам Полина Фуре (1778–1869). В мужском костюме она приехала в Египет со своим мужем, пересекла пустыню под палящим солнцем без единой жалобы. Весь 22-й стрелковый полк, где служил ее муж,

был влюблен в нее, но относился к ней с уважением, не позволяя себе никаких ухаживаний.

Маргарита Полина Белиль, ученица модистки в Каркасоне, вышла замуж за племянника своей хозяйки, хорошенького лейтенанта 22-го полка конных егерей и стала госпожой Фуре, а его в самый разгар медового месяца отправили в Египет.

…На одном из приемов Бонапарт снова увидел госпожу Фуре и на этот раз подошел к ней и заговорил.

Потом начались ухаживания. Был ли в этом какой-то расчет или же добродетель, но дама сдалась не сразу — понадобились уверения, объяснения, письма, богатые подарки.

17 декабря Фуре получил приказ доставить в Италию на корабле «Охотник» депеши Директории. В Париже он должен был повидать Люсьена и Жозефа Бонапартов и вернуться в Каир.

Но вернулся он раньше, чем его ожидали…

После отъезда Фуре Бонапарт пригласил его жену и других француженок на обед. Мадам Фуре сидела рядом с ним, и он, любезно ухаживая за ней, как бы нечаянно опрокинул на нее графин с водой. Это было поводом увлечь ее в свои апартаменты, чтобы там она привела себя в порядок. Приличия были соблюдены. Только вот отсутствовали генерал и госпожа Фуре слишком долго…

Вскоре Полина поселилась в доме, который Бонапарт меблировал для нее по соседству с дворцом Эльфи-Бей, в котором жил.

И тут неожиданно вернулся Фуре.

…«Охотник» поднял паруса 28 декабря и на следующий же день был захвачен английским судном «Лев». Англичане, прекрасно осведомленные о том, что творится во французской армии, отпустили Фуре, взяв с него слово, что тот, пока длится война, не будет служить во враждебной армии.

Приехавший в Каир Фуре, узнав обо всем, был, конечно, взбешен. Полина не захотела терпеть его оскорбления и потребовала развода.

Фуре был отправлен в экспедицию в Сирию, а затем ему предписывалось вернуться во Францию.

Полина же после развода, принявшая свою прежнюю фамилию Белиль (а в армии она была известна только под именем Белилот), стала вести себя как фаворитка Бонапарта. Она роскошно одевалась, дом обустроила с большой роскошью, угощала у себя обедами генералов, с придворными почестями принимала армейских француженок. Она любила прогуливаться с Бонапартом в карете, гарцевать в его присутствии на арабской лошади, обученной специально для нее, облачившись в

генеральскую форму и надев треуголку. «Вот наша генеральша», — говорили солдаты. Остряки называли ее «Клиупатрой».

На шее на длинной цепочке она носила миниатюрный портрет своего любовника. Это была открытая связь, никого, впрочем, не шокировавшая. После 1792 года при каждом генеральном штабе республиканских армий можно было встретить молодых женщин в мужском платье, служивших адъютантами, а чаще несших иную службу.

Этот обычай — привозить с собой на войну любовницу или жену — глубоко укоренился среди генералов и просуществовал вплоть до конца империи. Бонапарт был так влюблен в Белилот, что не скрывал от нее намерения развестись с Жозефиной и жениться на ней (ученице из мастерской каркасонской модистки!), если только она родит ему ребенка.

Во время экспедиции в Сирию она оставалась в Каире, и Бонапарт писал ей самые нежные письма. По возвращении, отправляясь во Францию, генерал приказал, чтобы Полина приехала к нему как можно скорее, на первом же судне, которое будет готово к отплытию.

Клебер, преемник Бонапарта в командовании армией, считал обладание Белилот прерогативой главнокомандующего и всеми средствами препятствовал ее отъезду.

Наконец он все-таки отправил ее, но Белилот попала в плен и только спустя какое-то время была освобождена и доставлена во Францию.

А тем временем Жозефина и Бонапарт, отношения между которыми были на грани разрыва, помирились. Полина появилась в Париже, когда произошел государственный переворот во Франции, состоявшийся 18 брюмера VIII года Республики (то есть 9 ноября 1799 года по григорианскому календарю). В результате было создано новое правительство во главе с Наполеоном Бонапартом. Началось его правление.

Белилот приехала в Париж, но консул отказался принять ее.

Тем не менее Бонапарт был щедр на деньги: он их посылал ей каждый год и всегда, когда она об этом просила. Он купил для нее дачный дом в окрестностях Парижа и помог устроить брак с Анри де Раншу, бывшим пехотным офицером.

Она занимала прекрасную квартиру в Париже, жила на широкую ногу, отдавалась светской жизни, бывала на балах, посещала спектакли. У себя в доме мадам, теперь уже де Раншу, принимала гостей, среди них и россиян: Чернышева, Нарышкина, Демидова, Тетенборна и др. Любовниками у нее в ту пору были майор Полен, адъютант Бертрана, брат кассира государственного

казначейства Пейрюсс. Это не мешало ей часто показываться на глаза императору, ловить его взгляды, ждать его улыбки. На всех публичных зрелищах, на которых можно было ожидать его появления, она сидела в первом ряду. Как-то на одном из маскарадов она узнала Наполеона, хотя на нем было домино, и заговорила с ним. По какому-то оброненному им слову Полине вдруг показалось, что ей удалось разбудить в нем воспоминание о прошлом. «Описать то радостное состояние, в котором я нашел ее на следующий день, трудно передать», — писал Полен.

Когда Полен уехал в Иллирию, у мадам де Раншу появились новые любовники. Одним из них был Реверон Сен-Сир, который помогал ей писать роман под названием «Лорд Уэнтуорт», другим — корсиканец Лепиди, адъютант герцога Падуанского, ангелоподобный, но довольно глупый. «Люблю красивых животных», — говорила она.

Муж Полины раскрыл обман и сослал супругу в Крапонн, сняв для нее там комнату. В Крапонне она представила себя как фрейлину императрицы и рассказывала, что является жертвой Наполеона. Мадам де Раншу забавляла местное общество тем, что у окна своей комнаты курила, усаживалась у дома и читала газеты, водила на прогулку большую собаку и даже брала ее с собою в церковь. Замужество ее вскоре закончилось разводом и разделом имущества. Она лишилась пристанища, денег и, разумеется, роскошных туалетов.

В 1813 году госпожа де Раншу появилась в Вероне. В один прекрасный день бывший ее любовник получил от нее записку. Отношения их возобновились и продолжались до тех пор, пока Полену не пришлось отбыть с генералом, которого он сопровождал в германскую армию. Госпожа де Раншу вернулась в Париж. Там она поддерживала отношения с братьями Пейрюсс и с некоторыми из их друзей. Ее также видели в модных клубах. Она бывала у баронессы Жирар, у графини Сюси, у баронессы Буайе. Полина была умна и привлекательна, ее общество нравилось как мужчинам, так и женщинам. Она написала роман «Лорд Уэнтуорт», выпустила его у Долона и тем самым заявила о себе как о писательнице.

Полина рисовала, и неплохо, об этом можно судить по автопортрету, на котором она срывает маргаритку. Она хороша на этом портрете — живое лицо, белокуро-пепельные волосы, большие голубые глаза, черные брови вразлет. И прекрасные руки, поза, исполненная грации…

К 1816 году она стала очень нуждаться, к ней пришла бедность, почти нищета. Тогда она распродала очень дорогую обстановку и уехала в Бразилию с неким Жаном Августом

Белляром, отставным офицером гвардии. В Париже ходили слухи, что деньги от продажи имущества она собиралась употребить на то, чтобы устроить Наполеону побег с острова Святой Елены. Но в своих мемуарах она решительно опровергла эти слухи. Они могли ей повредить: полиция следила за ней, как за «старой подругой Бонапарта».

В 1825 году она вернулась с Белляром в Париж. Полиция ни на минуту не упускала ее из виду.

На самом деле целью ее постоянных вояжей из Парижа в Бразилию и обратно было желание поправить свои дела. Она покупала, продавала, меняла, пока наконец в 1837 году навсегда не обосновалась в Париже. Здесь она издала новый роман. В своей скромной квартире на улице Виль л'Эвек мадам де Раншу в окружении обожаемых ею обезьян и птиц прожила до глубокой старости. Она была активна, писала, рисовала, играла на арфе, скупала картины, поддерживала приятельские отношения с женщинами, с которыми когда-то общалась, завязывала новые знакомства.

Все письма от генерала Бонапарта госпожа де Раншу — графиня де Раншу, как она себя называла, — сожгла перед смертью.

Мария Нарышкина

Мария Антоновна Нарышкина (1779–1854), княжна Святополк-Четвертинская, жена обер-егермейстера Д. Л. Нарышкина, фаворитка императора Александра I.

Мария родилась 2 февраля 1779 года в Варшаве. Происходила она из польского княжеского рода, который был сторонником сближения с Россией. Когда в Варшаве началось восстание Костюшко, инсургенты повесили ее отца в центре города как предателя. Екатерина II щедро вознаградила за верность отца русским интересам вдову и троих детей — Бориса, Марию и Жанету. Красавица Мария уже в пятнадцать лет стала фрейлиной. Сестра ее Жанета тоже позже стала фрейлиной, а Бориса определили в Пажеский корпус. В шестнадцать лет Марию Четвертинскую выдали замуж за тридцатиоднолетнего князя Дмитрия Нарышкина, родственника императора (Наталья Нарышкина была матерью Петра I). Дмитрий Львович Нарышкин построил в Петербурге прекрасный дом, который стал известным всем жителям столицы. Свадьба и новоселье состоялись одновременно. По этому поводу Дмитрий Львович даже заказал поэту Державину стихотворение «Новоселье молодых».

На многочисленных портретах, дошедших до нас, Мария Нарышкина сияет своей ослепительной красотой. «Черными очей огнями, грудью пышною своей она чувствует, вздыхает, нежная видна душа, и сама того не знает, чем всех больше хороша», — так, величая, воспел ее Гаврила Державин.

Михаил Кутузов, искренне восхищаясь ею, говорил, что женщин надо любить уже хотя бы потому, что среди них есть такие красавицы, как Мария Антоновна. Английский посланник Вигель писал, что «красота ее была до того совершенна, что казалась невозможною, неестественною» и что ее «идеальные черты лица и безукоризненность фигуры выступали еще ярче при всегдашней простоте наряда».

Заняв выдающееся положение в высшем столичном обществе, Мария Антоновна вызвала глубокую сердечную привязанность императора Александра Павловича. «Молодая чета, одних лет, равной красоты, покорилась могуществу всесильной любви, страсти, хотя с опасением общественного порицания. Но кто мог устоять против пленительного Александра и очаровательной Марии?!» — писал Вигель. Душевные качества Нарышкиной гармонически дополняли неуравновешенную натуру Александра Павловича.

Мария Антоновна не вмешивалась в государственные дела, хотя одно время на нее возлагалось много надежд как ее соотечественниками, мечтавшими о возрождении Польши, так и сильной придворной партией, стремившейся отклонить государя от союза с Наполеоном.

«Муж Нарышкиной, — по мнению графа Головкина, — был снисходительным, причем красота очаровательной жены ничуть его не трогала».

Нарышкина была умна, тактична, ее высокие качества ума и сердца проявлялись в ее доброте, умении безукоризненно вести себя в высшем обществе. Глубоко привязанный к ней молодой император, со своей стороны, тщательно избегал проявления своего чувства такими внешними знаками отличия и почета, которые могли дать пищу излишним толкам.

Влияние Марии Антоновны на императора сказывалось более в мелочах, в просьбах и ходатайствах за разных лиц, пользовавшихся ее добротой. Со временем Марию Антоновну стало, видимо, тяготить ее исключительное положение, и она оборвала эту связь. Как резюмировала графиня Эдлинг, «сама порвала отношения, которых не умела ценить».

У Марии Антоновны от мужа Д. Л. Нарышкина родилась дочь Марина Дмитриевна. Ее единственную официальный отец признавал своим ребенком. От Александра I она родила троих

детей (по другим данным — пятерых).

Время, проведенное Марией Антоновной в Петербурге, до 1813 года, было самым блестящим в ее жизни. Нарышкины зимой обитали в своем доме на Фонтанке, а летом — на даче. Семейство жило очень открыто, принимало у себя весь город и двор, давало блестящие праздники и балы, посещало театры. Возлюбленная императора занимала в театре центральную ложу. Окружало ее там изысканное общество. Все, кто был принят у Марии Нарышкиной, имели доступ во все дома столицы.

Болезнь ее дочери Софии побудила Марию Антоновну поехать на юг России, в Одессу. Там она провела лето, а осенью объехала весь Крым.

В 1813 году Нарышкина надолго уехала с дочерью за границу. Жила во Франции, Швейцарии, Германии и Лондоне. В Россию возвращалась лишь изредка и ненадолго. В один из приездов в Петербург в 1818 году она выдала замуж свою старшую дочь Марину. Мужем ее стал граф Гурьев.

Шестнадцатилетняя дочь Марии Антоновны София, уже будучи невестой графа А. П. Шувалова, в 1824 году скончалась в Петербурге. Александр Павлович послал императрице записку: «Она умерла. Я наказан за все мои грехи».

Сын Марии Эммануил Дмитриевич прожил долгую жизнь, служил при дворе.

В 1835 году Мария Нарышкина с мужем поселилась в Одессе, а последние годы своей жизни проводила за границей, лишь изредка приезжая в Одессу. Умерла Нарышкина в 1854 году на берегу Штарнбергского озера. Похоронена в Мюнхене.

Вильгельмина Саганская

Раннее детство дочери курляндского герцога Петра Бирона (сына знаменитого Бирона) и его третьей жены Доротеи фон Медем Вильгельмины (1781–1839) прошло в Митау. Когда Бирон отрекся от Курляндского герцогства, семья переехала в герцогство Саган в Силезии, которое было куплено в 1786 году. В числе других имений ее отец также приобрел уезд Наход в Богемии, а с ним и замок Ратиборжице. Вильгельмина, унаследовавшая и Саган, и Наход, этот замок выберет позже для летней резиденции.

Девушка получила хорошее образование. На нее обратил внимание шведский генерал Густав Армфельт, который был намного старше ее, да к тому же еще и женат. В девятнадцать лет Вильгельмина родила девочку, которую назвали Густава. Густаву отдали родственникам отца, живущим в Швеции, и больше мать

никогда ее не видела. Позже Вильгельмина, у которой детей больше не было, не раз пожалеет об этом.

Чтобы защитить репутацию своей возлюбленной, генерал Густав Армфельт устроил ее брак с принцем Жюлем Роганом Гемене — французским дворянином из аристократов. Брак оказался неудачным и закончился разводом.

В 1800 году должна была состояться помолвка Вильгельмины с сыном Суворова, Аркадием Александровичем Суворовым-Рымникским. Герцогиня Саганская была богатой невестой, ее состояние оценивалось в три миллиона. Суворов писал государю: «Сходство лет, нрава и душевных свойств обещают сыну моему благополучный брак». Но свадьба не состоялась.

В Праге дело было решено на словах, но не оформлено и не закреплено документально. Траур в семействе невесты на четыре месяца отсрочил бракосочетание. К тому же для составления брачного акта будущей княгине Суворовой требовалось получить от государя право выезда из России за границу в свои владения. Тем временем Суворов-отец захворал и умер. Бракосочетание снова отложили. Но с кончиной генералиссимуса был потерян и смысл этого брака, поэтому он не состоялся.

Второй брак Вильгельмины с князем Василием Сергеевичем Трубецким также закончился разводом — они прожили вместе всего лишь год.

Вильгельмина переехала в Вену. Она держала салон, где собиралась высшая аристократия. Молодая, привлекательная, она продолжала кружить голову мужчинам.

С Меттернихом, министром иностранных дел Австрийской империи, Вильгельмина была давно знакома, но их роман начался только весной 1813 года. Бурная страсть влюбленных отражена в письмах, которых сохранилось более шестисот. Письма свидетельствуют не только об их пламенной любви, но и о том, что они доверяли друг другу. В них Меттерних рассказывал Вильгельмине о политической ситуации в стране, о государственных решениях, принятых им.

У Меттерниха до романа с Вильгельминой были любовные отношения с женой Багратиона Екатериной Скавронской, родившей ему дочь Клементину в 1810 году. Во время Венского конгресса в сентябре 1814 года окружающих позабавил «любовный квадрат», когда Екатерина Багратион соперничала с Вильгельминой за благосклонность Александра I. Современники вспоминают: «Однажды в припадке ревности австриец выдвинул герцогине Саганской ультиматум по поводу приглашения царя на обед. «Или я — или царь!» — заявил он. Вильгельмина предпочла Александра». Наблюдавшие за женщинами завистницы

злословили: «Прекрасная герцогиня Саганская сама преследовала ухаживаниями русского императора и даже однажды забралась к нему в карету. Но он не захотел воспользоваться обстоятельствами».

После Венского конгресса Вильгельмина утратила интерес к Меттерниху, а в 1818 году вышла замуж за графа Карла Рудольфа Шуленбурга. Но и на этот раз ей не повезло — брак закончился разводом.

Не имея своих детей, Вильгельмина стала опекать многих обездоленных молодых девушек. Особое покровительство герцогини ощутила на себе в детстве Божена Немцова, ставшая со временем известной чешской писательницей. Герцогиня любила ее, как родного ребенка. Ходили даже слухи, что девочка была внебрачной дочерью Вильгельмины и Меттерниха. Но, скорее всего, Божена была племянницей Вильгельмины, дочерью ее сестры Доротеи и графа Карела Клам-Мартинича. Согласно официальным документам, матерью Божены была ключница, живущая в доме герцогини.

Писательница в своем романе «Бабушка» выведет трогательный образ женщины, прообразом которой послужит Вильгельмина.

Скончалась Вильгельмина, герцогиня Саганская, в 1839 году. Похоронена в Крейцкирхе в Сагане.

Мария Валевская

Величайший полководец XIX века Наполеон Бонапарт был властелином многих женских сердец, но страстно и сильно любил в жизни лишь двух женщин — свою первую жену Жозефину Богарне и польскую графиню Марию (Марысю) Валевскую (1786–1817), подарившую ему наследника.

Валевская (урожденная Лончинская) родилась в 1786 году в небольшой польской деревушке Кернозе. Ее отец происходил из знатного польского рода, но к моменту рождения дочери был обедневшим владельцем разоренного поместья.

В детстве Марыся была девочкой строптивой и, когда ее отдали на воспитание в монастырский пансион в Варшаве, она из-за своего характера не смогла там долго удержаться. Суждения у нее уже тогда были не по возрасту зрелыми и смелыми. Она мечтала о том, чтобы ее родина была свободна от гнета России, Австрии и Пруссии. Образование Марысе пришлось получать домашнее. Но она неплохо овладела несколькими иностранными языками, счетом, чистописанием, хорошо играла на фортепиано и

других инструментах, прекрасно танцевала. Одним из ее гувернеров был Николай Шопен, отец великого польского композитора.

Юная Мария Лончинская, красивая, образованная, стала девушкой на выданье. Вскоре мать нашла дочери жениха — богатого и знатного польского аристократа Анастазия Валевского, который был намного старше своей невесты. Так Марыся в восемнадцать лет стала графиней Валевской. Все долги семьи Лончинских были оплачены, развалившееся поместье отстроили заново, старший брат Марыси смог учиться во Франции. Вскоре после свадьбы молодожены отправились в путешествие по Италии.

Через пять месяцев после венчания молодая жена родила графу сына, но, как полагают историки, не от него, а от соседского юнца, с которым согрешила до замужества. Валевский признал сына.

Молодожены поселились в Валевицах — имении старого графа. Вместе с сестрой мужа Ядвигой Марыся задумала организовать тайное общество польских патриотов. Кумиром обеих женщин был Наполеон Бонапарт, который все ближе и ближе подходил к польской границе. Увидеть его было сокровенной мечтой Марыси.

Такой случай представился ей в 1807 году, когда Мария, страстно желая встречи с Наполеоном, добралась до почтовой станции под Ловичем, где должен был проезжать император по пути из Познани в Варшаву. Из-за распутицы Бонапарт был вынужден добираться верхом и, задержавшись в толпе собравшихся у станции поляков, заметил девушку с голубыми, как небо, глазами, которая громче всех выкрикивала приветствия в его адрес. Император снял треуголку и поклонился прекрасной незнакомке. Уже в Варшаве Наполеон распорядился узнать о девушке все, найти ее и пригласить на бал к известному польскому дипломату.

Графиня Валевская явилась на бал в белом платье из атласа, украшенном цветами, в сопровождении мужа. Своим очарованием она затмила всех красавиц. Бонапарт весь вечер не сводил с нее восхищенных глаз, а в конце бала, желая познакомиться с ней ближе, пожелал пригласить графиню на последний танец. Валевской передали столь лестное приглашение, но она ответила на него отказом, чем несколько удивила императора.

А после бала растерянную Марысю ждали огромный букет свежих роз и записка со страстными словами: «Я видел только вас и желал только вас! Дайте мне как можно скорее ответ!»

Откровенное признание смутило благовоспитанную пани

Валевскую, и она отправила посыльного ни с чем. Через час тот вернулся с новым письмом: «Вы разрушили мой покой. Прошу вас, уделите немного радости бедному сердцу, готовому вас обожать». И это послание осталось без ответа.

На следующее утро император послал ей третье письмо, в конце которого пообещал: «Все ваши желания будут исполнены. Ваша родина станет мне дороже, когда вы сжалитесь над моим бедным сердцем».

Наполеон пожелал, чтобы об этой записке узнало все высшее польское общество, и уже к вечеру высокопоставленная делегация прибыла в имение Валевицы, чтобы переговорить с графиней Валевской и с ее стариком мужем. Они вручили ей письмо, подписанное сотней активных политических деятелей Польши. «Если бы вы были мужчиной, — говорилось в нем, — вы бы отдали свою жизнь за благородное дело отчизны. Как женщина вы можете принести другие жертвы, и вы обязаны заставить себя на них пойти, какими бы тяжелыми они ни были».

Пани Валевская решилась на тайную встречу с Бонапартом. Войдя вечером следующего дня в императорские покои, она вдруг заплакала. Удивленный таким поведением молодой женщины, Наполеон решил ни на чем не настаивать, и они пробеседовали до утра. Марыся рассказывала ему о своей жизни, о семье, о своем первенце. Под утро раздался стук в дверь, и император прошептал девушке: «Я хотел бы завоевать твое сердце».

На следующий день Мария была приглашена на званый обед, устроенный в честь Бонапарта. В тот вечер она даже не посмотрела в сторону великого Наполеона, и причиной тому была бриллиантовая брошь, приложенная к записке с приглашением на обед.

Когда после званого обеда слуга Наполеона Дюрок привел молодую женщину в личные покои своего господина, император был в гневе. «Вам удалось покорить мое сердце, — произнес он, — но знайте: если цель кажется недостижимой, я к ней стремлюсь с еще большей силой. — И тут он, к неописуемому ужасу пани Валевской, схватив со стола часы, хряпнул ими об пол. — Я могу возродить вашу родину, — воскликнул он, — а могу, как эти часы… погубить ее! И все зависит от вас!»

Марыся не вынесла этой сцены и лишилась чувств. Когда она пришла в себя, Наполеон сидел у ее ног, плакал и обещал, что сделает все для нее, чего она только захочет.

Пани Валевская, не в силах больше противиться безумной страсти Наполеона, стала его фавориткой и была ею в течение многих лет.

В июле 1807 года часть Польши, оказавшаяся к тому времени

под властью Франции, была объявлена независимым Великим герцогством Варшавским.

Тем временем до императрицы Жозефины Богарне, законной жены Бонапарта, дошли слухи о том, что у императора появилась молодая любовница. Жозефина тут же решила навестить неверного мужа. Но Наполеон сумел отговорить ее, ссылаясь на бездорожье и тяжелый климат.

В Западную Пруссию Наполеон отправился в надежде, что туда к нему приедет его новая возлюбленная. Он поселился в бывшем дворце Фридриха Великого, и туда уже через несколько дней тайно прибыла Валевская.

Во Францию, в Париж, Бонапарт тоже отправился вместе с ней, со своей ненаглядной Марысей. На тихой парижской улочке Рю де ла Виктуар властелин Европы подарил графине небольшой дом, куда очень часто наведывался вечерами. Графиня вела жизнь тихую, избегала посетителей и не заводила друзей. Вскоре Валевская поняла, что ждет ребенка. Счастливый Наполеон поспешил расторгнуть брак с Жозефиной, которая не могла родить ему ребенка, а Мария отправилась в Польшу, чтобы рожать на родине.

Как же удивилась она, когда узнала, что ее возлюбленный женился на дочери императора Австрии Марии Луизе! Через месяц Мария родила сына, которого назвала Александром. А через год подарила супругу наследника и Мария Луиза.

Марыся ни в чем не упрекнула любовника. В конце лета 1812 года она подала на развод со старым Анастазием и после развода поселилась в Валевицах, чтобы дождаться Бонапарта после похода на Москву и вернуться с ним в Париж. Оба они по-прежнему страстно любили друг друга. Но сложилось все иначе.

В 1814 году Наполеон Бонапарт отрекся от престола и был сослан на остров Эльба.

Как же обрадовался он, когда к нему туда прибыла на корабле пани Валевская с их четырехлетним сыном Александром! Целых два дня провела она с ним на острове. А Мария Луиза, его жена, так ни разу и не появилась там. Вскоре Наполеон узнал, что она сбежала с наследником в Австрию и там нашла себе нового возлюбленного.

Последняя встреча с Валевской произошла у Наполеона в Париже, когда после его поражения под Ватерлоо он отправлялся в ссылку на остров Святой Елены. Валевская на коленях умоляла Наполеона взять ее с собой в изгнание. Но он был непреклонен и отбыл на остров один, пожалев ее и малолетнего сына. Он даровал ей полную свободу.

Старик Валевский умер через год, а вдовствующая графиня

вышла замуж за генерала Огюста Орнано, ставшего впоследствии маршалом. Венчание состоялось в Брюсселе. Через два года она родила сына Рудольфа Огюста.

В конце лета 1817 года у графини обострилась почечно-каменная болезнь. Уже умирая, она успела надиктовать около двухсот страниц воспоминаний. Ей хотелось объяснить потомкам, что толкнуло ее, благовоспитанную даму и верную жену, на связь с великим французским императором. Александр, сын Валевской и Бонапарта, впоследствии стал министром иностранных дел при дворе Наполеона III. Через много лет он сказал: «Моя мать была одной из величайших женщин своего времени, избранная судьбою, чтобы освободить свою многострадальную отчизну…»

XIX век

Варвара Нелидова

Камер-фрейлина Варвара Аркадьевна Нелидова (1814–1897) была племянницей Екатерины Ивановны Нелидовой, фаворитки Павла I, «доброго ангела императора», как ее называли. Отец Вареньки Аркадий Иванович Нелидов, действительный тайный советник, был младшим братом Екатерины Нелидовой. Он был женат на графине Софье Федоровне Буксгевден (по слухам, дочери князя Г. Г. Орлова), родившей ему шестерых сыновей и пять дочерей, среди которых Варенька была младшей.

Варенька унаследовала от Екатерины Ивановны талант легко располагать к себе людей. Будучи фрейлиной жены императора Николая I Александры Федоровны, она общалась и с императором, и с его семьей, которая очень к ней благоволила.

Николай Павлович слыл человеком любвеобильным. Его похождения поэт и дипломат Ф. И. Тютчев окрестил «васильковыми чудачествами». Надо сказать, что не все его «чудачества» заканчивались для него успешно. Так, одна молодая светская красавица осмелилась решительно отвергнуть ухаживания государя, при этом отдав предпочтение некому флигель-адъютанту. Прошли годы, и так случилось, что эта дама осталась практически без средств к существованию. Она

обратилась к императору за вспомоществованием, но Николай Павлович был человеком очень злопамятным и, увидев прошение этой дамы, произнес: «Никогда и ничего!»

Великая княжна Ольга Николаевна писала, что отец ее познакомился с Варенькой Нелидовой, бедной сиротой, младшей из пяти сестер, жившей на даче в предместье Петербурга и никогда почти не выезжавшей, на одном из маскарадов. «Ее единственной родственницей, — продолжает княжна, — была старая тетка, бывшая фрейлина императрицы Екатерины Великой, пользовавшаяся также дружбой бабушки. От этой тетки она знала всякие подробности о юности папа́, которые она рассказала ему во время танца, пока была в маске. Под конец вечера она призналась, кто она.

Ее пригласили ко двору. Весной она была назначена фрейлиной. То, что началось невинным флиртом, вылилось в семнадцатилетнюю дружбу. В свете не в состоянии верить в хорошее, поэтому начали злословить и сплетничать. Признаюсь, что я всегда страдала, когда видела, как прекрасные и большие натуры сплетнями сводились на низкую степень, и мне кажется, что сплетники унижают этим не себя одних, а все человечество».

В дневнике Ольги Николаевны можно прочесть и такие строки о подруге ее отца: «Варенька Нелидова была похожа на итальянку со своими чудными темными глазами и бровями… была веселой, она умела во всем видеть смешное, легко болтала и была достаточно умна, чтобы не утомлять… она была прекрасна душой, услужлива и полна сердечной доброты…»

Поговаривали, что сама императрица, зная слабости своего мужа, негласно санкционировала наличие постоянной любовницы у императора. Эта связь для императора оказалась самой долговременной, длившейся семнадцать лет.

Об этой связи современники писали: «Она оправдывалась вконец пошатнувшимся здоровьем императрицы, которую государь обожал, но которую берег и нежил, как экзотический цветок. Нелидова искупала свою вину тем, что любила государя всеми силами своей души, не считаясь ни с его величием, ни с его могуществом, а любя в нем человека. Императрице связь эта была хорошо известна… Она, если так можно выразиться, была санкционирована ею». (Известно, что после очередных родов Александре Федоровне врачи запретили вступать в супружеские отношения из страха за ее здоровье.)

И все годы жизни с Нелидовой, как отмечали современники, император вел себя очень благопристойно. Внешне создавалась видимость благополучной, счастливой и гармоничной императорской семьи. В знак благодарности своей жене за ее

снисходительность Николай Павлович выполнял все ее прихоти и желания, не останавливаясь при этом ни перед какими тратами.

Варвара Аркадьевна никогда не пользовалась своим положением ради удовлетворения честолюбия.

Дочь поэта Тютчева Анна, познакомившаяся с Нелидовой позднее, в начале 1850-х годов, вспоминала: «Известно, какое положение приписывала ей общественная молва, чему, однако, казалось, противоречила ее манера держать себя; скромная и почти суровая по сравнению с другими придворными, она тщательно скрывала милость, которую обыкновенно выставляют напоказ женщины, пользующиеся положением, подобным ее».

Анна Тютчева была свидетельницей последних часов жизни Николая, о чем она пишет: «В то время как мы шаг за шагом следили за драмой этой ночи агонии, я вдруг увидела, что в вестибюле появилась несчастная Нелидова. Трудно передать выражение ужаса и глубокого отчаяния, отразившееся в ее растерянных глазах и в красивых чертах, застывших и белых, как мрамор…»

Императрица, не отходившая от постели мужа, спросила, не желает ли он проститься с некоторыми близкими людьми, назвав среди них и Варвару. Умирающий с благодарностью пожал руку жены: «Нет, дорогая, я не должен больше ее видеть, ты ей скажешь, что прошу ее меня простить». «Когда император Николай Павлович скончался, — вспоминает А. И. Соколова, — то императрица, призвав к себе Нелидову, нежно обняла, крепко поцеловала и, сняв с руки браслет с портретом государя, сама надела его на руку Варвары Аркадьевны».

Сразу же после смерти императора Варвара Нелидова отослала в «Инвалидный капитал» двести тысяч рублей, которые были ей оставлены Николаем Павловичем. Она хотела уехать из дворца, но императрица и новый император не позволили ей сделать этого. Нелидова осталась, но окончательно удалилась от света, и ее можно было встретить лишь в дворцовой церкви, где она ежедневно бывала у обедни. Она больше не дежурила, а только приходила читать вслух императрице-вдове, когда та совсем одна отдыхала после обеда. Летом она жила в одном из Готических домов Петергофа.

Варвара Аркадьевна Нелидова пережила своего царственного любовника на сорок два года и умерла в 1897 году, прожив все эти годы в Зимнем дворце. Она доживет до царствования Николая II. Сообщение о смерти фрейлины двора Его Величества будет опубликовано в газетах от имени ее сестры. На ее похоронах будет присутствовать великий князь Михаил Николаевич, последний сын Александры Федоровны, родившийся

в 1832 году.

Рождение детей Варварой Нелидовой документально не подтверждено. Тем не менее в генеалогических таблицах встречаются имена внебрачных детей Николая, матерью которых, по некоторым предположениям, могла быть Варвара. Это Пасхин Алексей Андреевич, родившийся в 1831 году, и Клейнмихель Константин Петрович, родившийся в 1840 году. У четы Клейнмихелей было восемь детей — пять сыновей и три дочери. В 1855 году Николай Добролюбов составил рукописный журнал «Слухи», где писал, что причиной расположения Николая I к П. А. Клейнмихелю (родственнику Нелидовой) была услужливая готовность последнего усыновлять внебрачных детей императора и Нелидовой и что детей этих было бы правильнее называть не «кляйн-Михелями» (маленькими Михелями), а «кляйн-Николаусами» (маленькими Николаусами).

Лола Монтес

Танцовщица Лола Монтес (1821–1861) в своих мемуарах утверждала, что она ирландка по отцу, испанка по матери, англичанка по воспитанию, француженка по характеру и космополитка в зависимости от обстоятельств и что «она принадлежит всем нациям и никакой в особенности».

Родилась Элизабет Гилберт (таково ее настоящее имя) в Шотландии в семье английского офицера колониальных войск. Мать Лолы происходила из старинного испанского рода. Когда девочка была совсем маленькой, семья отправилась в Андалузию. Из Испании отец был послан в Индию, где вскоре умер. Обладавшую взрывным и необузданным характером девочку отдали в пансион в Бате, находившийся между Бристолем и Лондоном.

Уже в ранней юности началась ее скитальческая жизнь. Выбрав себе псевдоним Лола Монтес, она танцевала на сценах Лондона, Парижа, Варшавы, Петербурга и Москвы, а потом через Петербург отправилась в Берлин, где выступала на сцене дворцового театра в Сан-Суси. Девушка побывала в Лейпциге, Вене, Париже, Венеции, Ферраре, Риме, Капуе и Неаполе. В свои двадцать три года она трижды посетила Париж, а затем Марсель, Барселону и Мадрид.

На своей родине Лола не задержалась. Побывав в Севилье и некоторых испанских городах, она отправилась во Францию. Танцевала в Бордо и, после небольших остановок в Париже, Баден-Бадене и Гамбурге, в сентябре 1846 года прибыла в

Мюнхен. Где бы ни появлялась Лола, она поражала всех своей экзотической красотой.

Непонятно, чем руководствовалась дива, но она дерзнула просить короля Людвига I принять ее. Когда король Баварии, известный романтик и ценитель искусства, увидел Лолу, одетую как испанка, его, чувствительного к женским прелестям, она тотчас очаровала. Аудиенция длилась значительно дольше, чем обычно, и имела далеко идущие последствия.

Тем же вечером Лола Монтес заслужила бурные аплодисменты самого короля. Его радовала грациозность движений танцовщицы, ее милое личико с ярко-голубыми глазами, тяжелые черные косы, чарующие уста и сияющая улыбка. Стареющий король, глядя на прекрасную креолку, забыл о грузе прожитых лет, в нем проснулась страсть.

Лола хорошо знала цену своей красоте и своим прелестям: ее взрывной темперамент, соблазняющие движения позволяли ей без труда завоевывать мужские сердца.

В придворных кругах на связь короля с испанской танцовщицей смотрели довольно снисходительно. Лола Монтес была не первой красоткой, воспламенившей сердце короля. Но когда она магической силой своего влияния полностью подчинила его и поссорила с придворными, мнение их резко изменилось. В Лоле уже видели прусскую Помпадур, пытавшуюся разрушить взаимопонимание и дружбу между повелителем и народом. Но король защищал ее даже тогда, когда она действительно была в чем-то виновата.

Появление Лолы на улицах Мюнхена — с кнутом, сигаретой или даже с сигарой во рту — зачастую воспринималось как вызов обычаям и нравам.

Отношения короля с дамой стали восприниматься в стране как дело государственной важности. Страсть короля все слои общества высмеивали, каждый считал себя вправе критиковать его.

Все это поначалу раздражало Лолу, но потом она стала задумываться над тем, как бы упрочить свое положение при короле. Она даже подумывала о том, что должна сыграть определенную политическую роль в Баварии. Ей хотелось помочь своему другу в управлении государством. Втайне надеясь стать одним из советников короля, она просила прибавить к ее имени титул графини.

Людвиг готов был исполнить и это ее желание. Он уже подарил своей фаворитке небольшой дворец на Барерштрассе и назначил ей ежегодную пенсию в 70 000 гульденов, а также пожизненную пенсию как артистке придворного театра. У нее

были роскошные наряды, драгоценности, экипаж и небольшая придворная конюшня. Король заказал ее портрет для дворцовой галереи… Лола Монтес упивалась своим триумфом. Теперь она просила короля приводить к ней в салон всех министров. И Людвиг безоговорочно выполнял ее просьбы.

Король даже попросил своих министров почаще бывать у Лолы.

Фон Маурер объявил, что будет держаться подальше от общества так называемой графини, и оскорбленный король тут же его уволил.

Лолу теперь открыто обвиняли в грубом вмешательстве в государственные дела. А она и в самом деле начала думать, что действительно обладает властью.

Свои письма Лола стала подписывать по-французски «Мэтресс дю руа» (куртизанка короля), пока король не запретил ей делать это.

Мюнхенские студенты образовали общество алеманов, которое обязалось защищать короля и его возлюбленную от всех нападок. Они сопровождали Лолу на прогулках. Однажды на нее напала возмущенная толпа, и алеманы не смогли защитить ее. Она с трудом добралась до королевского замка. Нападение было приписано студентам, противникам алеманов, и университет закрыли. Теперь все настоятельно стали требовать от короля удаления фаворитки. Если же король не сделает этого, тридцать тысяч горожан обещали взяться за оружие. 11 февраля 1848 года толпа пошла на штурм дома Монтес. Лола приготовилась отстреливаться, но прислуга силой вывела ее через черный ход и усадила в приготовленный полицией фиакр, который умчал ее из Мюнхена.

20 марта 1848 года Людвиг I отрекся от престола. Новое правительство признало недействительным выданный Монтес диплом на графское достоинство. Неудавшаяся графиня переехала в Лондон и там вышла замуж за поручика Гульда.

В последние годы своей жизни Монтес, выступая со статьями в газетах, повела борьбу за эмансипацию женщин. После изгнания из Мюнхена ее окружали старые и молодые франты. Она жила то в Лондоне, то в Париже, а в 1852 году со своим импресарио Виллисом отправилась в Америку, где выступала в Нью-Йорке, Бостоне, Филадельфии и Нью-Орлеане.

Талантливая танцовщица умерла в глубокой нищете, всеми забытая. Похоронена в Гринвуде под Нью-Йорком. Еще и сегодня на церковном дворе можно увидеть надгробную плиту с надписью: «Мисс Элиза Гилберт, умерла 17 января 1861 года в возрасте тридцати девяти лет».

Харриет Говард

Элизабет Энн Харриет (1823–1865) больше известна под псевдонимом мисс Говард. По утверждениям ее биографов, она родилась «без отца-матери на панели Дувра». В действительности Элизабет появилась на свет в Брайтоне в 1823 году. Ее отец Джозеф Гоэн Харриет изготавливал дамскую обувь, а мать работала в рукодельной мастерской при церковном приходе.

С детства мечтой Элизабет было стать актрисой. В пятнадцать лет она объявила родителям, что хочет играть в театре, но те решительно воспротивились ее желанию.

И в это время на горизонте появился сын богатого торговца лошадьми Джем Мезон. В пятнадцать лет Элизабет была уже довольно привлекательной девушкой, и молодой повеса увлекся ею. «Я вхож за кулисы всех театров, — узнав, что Элизабет мечтает стать актрисой, сказал он, — и могу помочь вам поступить в какой-то из них».

Через несколько дней Элизабет сбежала из дома вместе с Джемом и стала его любовницей. Вот тогда она, появившись в Лондоне, и взяла себе фамилию Говард, а имя Харриет. Джем Мезон снял квартиру на Оксфорд-стрит, и Харриет вместе с любовником зажила роскошной жизнью.

Благодаря связям Джема она получила несколько ангажементов в небольших театрах. Мечта ее наконец сбылась. В 1842 году мисс Говард была уже элегантной дамой, чей выезд и драгоценности вызывали восхищение мужчин и зависть женщин.

Но Харриет не чувствовала себя счастливой. Как актриса она не обладала большим талантом, поэтому успеха у публики, о котором она мечтала, не имела. Роль любовницы ее совсем не устраивала, но соблазнивший ее Джем Мезон не хотел на ней жениться. Из простодушной и доверчивой провинциалки она превратилась в маленькую содержанку.

Знакомство с Фрэнсисом Маунтджоем Мартином, тридцатидвухлетним майором королевской гвардии, показалось ей более перспективным, чем жизнь с ненадежным и беспутным Джемом Мезоном. Майор влюбился в Харриет и предложил ей великолепный дом в Сент-Джонс-Вуде.

Девушка согласилась, хотя ей не очень нравилось, что ее новый избранник женат.

16 августа 1842 года молодая женщина стала матерью. Мальчик получил имя Мартин Константин Харриет и был представлен местному пастору как сын Джозефа Гоэна Харриета. Таким образом у Харриет появился маленький «братец».

Неизвестно, как ей это удавалось, но мисс Говард продолжала

успешно играть роль законодательницы мод и первой леди в светской жизни Лондона.

В один из вечеров 1846 года в салоне лорда и леди Блессингтон граф д'Орсе, ставший к тому времени другом мисс Говард, представил ее неказистому на вид мужчине невысокого роста, к которому он обращался не иначе, как монсеньор и Его Императорское Высочество. Луи-Наполеон, а это был он, к тридцати восьми годам выглядел старше своего возраста. Обвисшие дряблые щеки, темные круги под глазами, пожелтевшие от постоянного курения усы — все это отнюдь не украшало его. И тем не менее что-то произошло — обоих точно молнией сразило. В глазах Луи-Наполеона вспыхнул похотливый огонек, а у мисс Говард чаще забилось сердце.

Харриет в то время исполнилось двадцать три года. Ее красота была в расцвете. «Голова античной камеи на великолепном торсе», — так охарактеризовал ее один из поклонников. Но в Луи-Наполеоне мисс Говард привлекло совсем иное: стоило ей только подумать что этого человека в детстве мог нянчить сам Наполеон Бонапарт, как ее охватывало необыкновенное волнение.

Весь вечер мисс Говард и Луи-Наполеон провели в беседе на глазах у всех. Со стороны эта беседа вполне могла показаться интимной. На следующий день они снова увиделись, а еще на следующий стали любовниками. Харриет поведала Луи, что пять лет жила с женатым мужчиной, от которого у нее есть сын. Луи-Наполеон только улыбнулся в ответ. У него самого было два внебрачных сына. Они родились, когда он находился в крепости Ам.

Майор Мартин оказался человеком благородным и, согласившись на разрыв, оставил Харриет ее состояние, владения, драгоценности и конный выезд.

Луи-Наполеон покинул скромный отель, где жил до этого, и перебрался в роскошные апартаменты, которые Харриет снимала на Беркли-стрит.

Благодаря состоянию любовницы жизнь Луи-Наполеона сразу изменилась: он теперь устраивал приемы, охотился на лис, разъезжал в экипаже, совершал верховые прогулки на прекрасных лошадях, имел свою ложу в Ковент-Гардене и одевался, как денди.

Многих, конечно, шокировало то, что претендент на императорский престол живет на содержании у дамы полусвета. Но самого Луи-Наполеона это ничуть не смущало.

Итак, казалось, судьба вывела мисс Говард на финишную прямую. Красивая, умная, богатая, она наконец-то была счастлива

и мечтала теперь, поддерживая своими финансами политические амбиции Луи-Наполеона, помогать ему таким образом добиваться намеченной цели.

Но для финансирования возрождения бонапартистского движения нужно было много денег. И тогда мисс Говард продала свои конюшни, серебро и те немногие драгоценности, которые у нее еще оставались, — с ее стороны все было сделано для того, чтобы ее возлюбленный стал президентом Республики.

И 20 декабря 1848 года он стал им — их совместные усилия оказались не напрасными.

Принц, поклявшись «оставаться верным демократической Республике, единой и неделимой, и исполнять свой долг, предписанный Конституцией», отправился в Елисейский дворец, в котором теперь собирался жить.

Он снял для мисс Говард в Париже маленький особняк на Цирковой улице. И сделал это сразу, позаботившись о том, чтобы она всегда была рядом. Окна его служебного помещения выходили на улицу Мариньи. Достаточно было перейти из президентского парка в парк у дома, где жила Харриет, чтобы попасть к ней.

24 декабря Луи-Наполеон верхом на своей кобыле Лиззи провел смотр войск первой дивизии. Присутствовала при этом, сидя в открытой коляске, и мисс Говард.

Ее приметили в толпе, а какой-то парижанин воскликнул: «Кто же это сказал, что у Луи-Наполеона нет ума? Ведь он вывез из Лондона самую красивую в мире женщину и самую лучшую в мире лошадь!»

Мисс Говард не была принята в Елисейском дворце, и от этого очень страдала. Она ведь сделала все возможное, чтобы Луи-Наполеон достиг наивысшего положения в государстве, и ей было обидно, что приходится довольствоваться лишь малым по сравнению с тем, что могло бы ей дать положение мадам Бонапарт.

2 декабря 1851 года произошел государственный переворот, о подготовке которого знали очень немногие. Его приурочили к годовщине Аустерлица и коронования Наполеона I.

Мисс Говард снова собирала все имеющиеся у нее средства, чтобы финансировать заговор: продала лошадей, заложила свой дом в Лондоне, а также последние драгоценности, мебель работы Бернара Палисси… Ее вера в Луи-Наполеона была непреклонной.

И вновь победа — фактически в скрытой форме была реставрирована империя.

Теперь ставший хозяином Франции принц обязан был жениться на ней. Так казалось мисс Говард. Но в планы

императора это отнюдь не входило.

Харриет, не откладывая в долгий ящик, однажды вечером заговорила с императором на эту тему. В ответ возлюбленный лишь поцеловал ей руку.

В начале 1852 года Луи-Наполеон покинул Елисейский дворец и поселился в Тюильри. Были отчеканены монеты, у которых на реверсе сохранялась надпись «Французская Республика», а на аверсе был его профиль и имя «Луи-Наполеон Бонапарт». Он торжественно раздавал изображения орлов для укрепления их на древках знамен, свою личную гвардию одел в униформу императорской гвардии.

В сентябре мисс Говард, чтобы повысить свой статус, купила неподалеку от Версаля замок Борегар и тут же стала называть себя его именем…

Луи-Наполеон, продолжая везде появляться в Париже со своей любовницей, хранил, как и прежде, молчание на волнующую Харриет тему.

И тогда она решила появиться в Тюильри. Без приглашения.

В один из торжественных вечеров Луи-Наполеон неожиданно увидел ее на приеме, великолепную и сияющую. Она входила в зал под руку с полковником де Бевилем. Принц раскланялся с ней, но не простил ей этой оплошности. Общество же было шокировано.

А в сердце Луи-Наполеона уже вспыхнула новая любовь.

В конце декабря, когда двор возвратился в Париж, Наполеон III отправился к мисс Говард — ему не терпелось порвать с ней, хотя он и понимал, что многим ей обязан.

Мисс Говард знала, что Наполеон III влюблен в испанку де Монтихо, и очень страдала от этого.

С первых слов ей стало понятно, что этот вечер не принесет ей ничего доброго. Она молча слушала императора. А он говорил о деньгах, о том, чтобы она вернула ему письма, о «возмещении убытков», о титулах, о «династической необходимости», о «вознаграждении за понесенный ущерб»…

21 января Наполеон III, попросив руки Евгении Монтихо, получает на это согласие и, чтобы избежать объяснения с мисс Говард, отправляет ее в Лондон с конфиденциальным заданием. Обрадовавшись, что может оказать услугу своему любовнику, Харриет на рассвете следующего же дня уезжает и утром 23 января из газеты узнает, что «Его Величество Император объявил о своей помолвке с мадемуазель Монтихо».

Молодая женщина вернулась в Париж и вечером прибыла на Цирковую улицу. Глазам ее предстала страшная картина: все в особняке было разворочено, письма Наполеона III исчезли из

потайного ящичка…

Мисс Говард быстро набросала записку императору. В тот же вечер он явился на Цирковую улицу.

«Я составила небольшой список пожеланий, — сказала она, протягивая своему бывшему возлюбленному свернутый вчетверо лист бумаги. — Я жду вашего ответа завтра вечером».

Император поклонился и молча вышел из комнаты.

На другой день офицер охраны доставил ответ на Цирковую улицу. В нем сообщалось, что мисс Говард разрешается выйти замуж за англичанина… Ее сын сможет унаследовать ее привилегии, титулы и земельные владения. В своих апартаментах во дворце Сен-Клу, к обстановке, являющейся национальным достоянием, мисс Говард добавила множество принадлежащих ей лично портретов, бронзовых изделий, фарфора. Император подумал, что ей будет приятно самой проследить за упаковкой и отправкой этих предметов искусства и личных вещей.

Спустя несколько дней мисс Говард послала императору последнюю записку: «Сир, я собираюсь уехать… Забираю с собой ваших детей. Прошу лишь о встрече, чтобы сказать вам последнее «прощай». Надеюсь, вы не откажете мне в этом…»

Император не отказал. Но, по просьбе своей молодой жены, попросил Харриет покинуть Францию.

Побежденная, она сдалась. Спустя несколько дней мисс Говард отбыла в Лондон, увозя с собой сына и двух незаконнорожденных детей императора, прижитых им с Элеонорой Вержо.

Мисс Говард, оставленная Наполеоном III, вышла замуж за своего соотечественника, Клэренса Трилони. Скончалась она 19 августа 1865 года в замке Борегар.

Графиня ди Кастильоне

Эта знаменитая куртизанка, законодательница мод, авантюристка, интриганка, итальянская шпионка, фотомодель, любовница Наполеона III стала легендой еще при жизни.

В знатной и богатой семье во Флоренции 22 марта 1837 года родилась Ольдоини Вирджиния-Антуанетта-Луиза-Карлотта-Элизабетта-Тереза-Мари (1837–1899). Она росла необычной девочкой: любила верховую езду и скачки с препятствиями, мужские беседы о былом величии Италии, дружила в основном с кузенами, а не с кузинами, особенно была близка с кузеном Камилло, знаменитым графом ди Кавуром. Так прошло ее детство.

Шестнадцатилетняя Вирджиния вышла замуж за графа Франческо ди Кастильоне и в 1855 году родила сына. Однако размеренная семейная жизнь была ей не по нраву, поэтому недолго думая она собралась и уехала в Париж, оставив мужа и сына.

В Париже она произвела настоящий фурор. Графиня ди Кастильоне не только поражала своей красотой, но и постоянно шокировала общество: хорошо ездила верхом, владела хлыстом и метко стреляла, могла в обществе выкурить сигару и даже прийти на бал едва одетой. Графиню называли «богиней, спустившейся с Олимпа», и даже женщины говорили, что «никогда не видели и вряд ли когда-нибудь еще смогут созерцать подобную прелесть». Ее экстравагантность, наряды и прически постоянно обсуждались в прессе. Например, в одной газете писали, что на последнем костюмированном балу она явилась в костюме героини нового романа Флобера «Саламбо»: на ней было надето высоко подобранное платье, на каждом пальце красивой ноги сверкало кольцо с бриллиантом, а над левым коленом — нить из алмазов. Вирджиния смогла легко покорить сердце Наполеона III и стать его любовницей. Однако от этой связи она ожидала не только видеть рядом такого знаменитого любовника, но добиться одной своей цели, о которой ее просил кузен граф ди Кавур — уговорить Наполеона не препятствовать объединению Италии. Отношения Вирджинии с Наполеоном III продолжались всего два года, однако за это время она смогла попасть в высшее политическое общество и познакомиться с Отто фон Бисмарком и Адольфом Тьером.

После разрыва с Наполеоном III и нескольких лет пребывания в Италии графиня вернулась во Францию и поселилась в Пасси. Во время франко-прусской войны она выполнила секретное поручение — отговорила Бисмарка от оккупации Парижа, в результате чего столицу так и не оккупировали.

Однако не стоит думать, что графиня ди Кастильоне думала только о политике. Как раз наоборот: к своему участию в политических играх она относилась, как к долгу перед семьей. На самом же деле она просто обожала себя и свою красоту. И, естественно, все, что может достойно дополнить эту красоту: наряды и драгоценности. У нее был великолепный вкус. Известный ювелир Фредерик Бушерон специально для графини создал золотое колье в форме змеи с изумрудными глазами. Это был ее символ — золотая зеленоглазая змея. Свою красоту графиня показывала на балах, на которых она появлялась всегда в новом платье и новых украшениях.

Еще она мечтала сохранить свою красоту навсегда. Понимая,

что старение неизбежно, старалась как можно чаще позировать для портретов, чтобы хоть на них навсегда остаться молодой и прекрасной. После того как изобретатель Дагер придумал прибор, которым предметы посредством солнечного света переносятся в виде изображения на доску — то есть фотографии, изначально называвшиеся дагеротипами, или светописью, — графиня стала сниматься очень часто, как будто пытаясь с помощью фотографий удержать свою молодость. С 1856 года она также была постоянной моделью фотографа императорского двора Пьера Луи Пьерсона, который сделал более 400 ее снимков. На них Вирджиния предстает то мифической богиней, то сказочной царицей, то фрейлиной XVIII века. На фотографиях запечатлевались ее модные наряды, в которых она выходила в свет, и маскарадные костюмы. Она также экспериментировала с нетипичными в современной ей фотографии позами. Иногда она даже фотографировалась лежащей, что было очень странно для женщины из высшего света. А в 1857 году известный английский живописец Джордж Фредерик Уоттс написал портрет графини.

Однако на половине фотографий она запечатлена в маске или под вуалью. Вирджиния понимала, что начала стареть, и прятала лицо. Зато она разрешила фотографу снимать свои ноги, что было в то время большой дерзостью, поскольку все женщины под юбками скрывали даже туфельки.

В 1880 году прекрасная графиня заметила у себя явные признаки старения. И тогда она спряталась от людей, закрылась в своем доме на Вандомской площади, где стены были затянуты черным, а зеркала занавешены. Она избегала чужих взглядов и выходила из дома лишь по ночам. Прислуга боялась у нее работать. Говорили, что графиня сошла с ума: она целыми днями плакала, стонала, металась по комнатам. Вирджиния невыносимо страдала из-за утраты своей красоты.

Графиня ди Кастильоне жила в особняке в затворничестве и скончалась от апоплексического удара в 1899 году. Она не хотела, чтобы кто-то видел, как умирает ее красота…

В 1913 году известный поэт, библиофил Робер де Монтескью, покоренный красотой графини, издал ее биографию, а также собрал большинство ее фотографий, 275 из которых находятся сейчас в Метрополитен-музее (Нью-Йорк). О ней также был снят одноименный фильм и написано несколько романов. Для многих она так и осталась символом красоты, женщиной, которая покорила многие сердца…

Сара Бернар

Эта великая театральная актриса завоевала народное признание и всемирную славу. Ее игра на сцене была гениальной, зрители ее боготворили, критики писали о ней восторженные рецензии, а поэты посвящали ей стихи.

Сара Бернар (1844–1923) появилась на свет 22 октября 1844 года в Париже. Мать Сары Юдифь происходила из еврейской семьи и была дочерью Сары Гирш и коммивояжера Морица Баруха Бернара. С 1835 года Юдифь, ее брат и четыре сестры воспитывались мачехой Сарой Кинсберген.

До своего приезда во Францию Юдифь работала модисткой. Однако в Париже она предпочла стать куртизанкой. Красивая внешность, умение со вкусом одеваться обеспечили ей безбедное существование за счет богатых любовников. Родившаяся дочь Сара мешала Юдифи вести беззаботную жизнь, и поэтому она была отправлена в Англию, где находилась под присмотром няни. Сара могла бы жить там вплоть до совершеннолетия, если бы однажды не произошел несчастный случай: как-то няня оставила Сару одну с мужем-инвалидом, девочка подошла слишком близко к камину, и ее платье загорелось. Соседи спасли Сару. А Юдифь приехала в Англию и забрала дочь в Париж. Однако вскоре она снова покинула ее, оставив на воспитание еще одной няньки.

Вынужденная жить в мрачном доме, девочка замкнулась в себе, исхудала, у нее случались нервные припадки, но мать вскоре забрала ее домой.

Сару отдали в школу мадам Фрессард, где она провела два года. Именно в это время девочка впервые стала участвовать в спектаклях. С 1853 года Сара становится учащейся привилегированной частной школы Грандшамп, куда ее устроил очередной поклонник матери, герцог Морни.

В подростковом возрасте Сара была очень болезненной, врачи даже предрекали ей смерть от туберкулеза. И именно в это время для девочки тема смерти становится навязчивой. Она даже попросила мать купить ей красивый гроб, в котором она впоследствии часто фотографировалась.

Юдифь часто посещала светские рауты, на которые нередко брала с собой и дочь. Но Сара не любила эти выходы в свет и при каждом удобном случае устраивала истерики. Впрочем, она росла скандальной и своенравной девочкой, с которой было тяжело справиться.

Однажды на одном светском рауте Сара закатила огромный скандал своей матери, умоляя отпустить ее в обитель. При этой сцене присутствовал поклонник Юдифи герцог де Морни, сводный брат императора Наполеона III. Он увидел большой актерский потенциал девочки и посоветовал матери отдать Сару в

консерваторию. В этот же вечер Морни вместе с Александром Дюма-отцом отвели Сару в театр «Комеди Франсез», где давали «Британника». Представление поразило девушку.

Вскоре по протекции де Морни Сару приняли в Национальную академию музыки и декламации. Однако при поступлении ей нужно было сдать экзамен перед комиссией. К экзамену ее подготавливал сам Александр Дюма-отец, который научил Сару создавать характеры с помощью жестов и голоса. На экзамене все были настолько очарованы голосом Сары, что ее без проблем берут на обучение. Спустя два года в академии будущая великая актриса получила ангажемент в «Комеди Франсез».

В 18 лет она впервые сыграла в трагедии Расина «Ифигения». Сара потом вспоминала: «Когда занавес медленно стал подниматься, я думала, что упаду в обморок». Однако критика ее игру восприняла очень холодно.

В 1863 году она была вынуждена уйти из театра после того, как в припадке гнева ударила другую актрису. После этого скандала ее сразу заметили и пригласили в «Жимназ», затем Сара перешла в театр «Порт-Сен-Мартен», а потом в «Одеон». В этом театре она добилась успеха, сыграв главную роль в одной из пьес Александра Дюма-отца. Каждая новая роль удавалась ей лучше прежней, она получила признание и широкую известность, а 1880 году создала собственную театральную труппу и стала гастролировать по всему миру со своими постановками.

Во время выступлений Сара вкладывала всю себя без остатка. Ее нервное возбуждение было настолько велико, что иногда в конце выступления она падала в обморок. Интересно, что Сара играла много мужских ролей. Оглушительный успех принесла ей роль сына Наполеона в пьесе Ростана «Орленок». В марте 1900 года, когда Сара Бернар играла роль двадцатилетнего юноши, ей самой уже было 56 лет! Игра актрисы была настолько блистательна, что восторженная публика тридцать раз вызывала ее на бис. В списке мужских ролей Бернар значатся также Гамлет, Занетто, Лорензаччо. Ее исполнением роли датского принца восхищался сам Константин Сергеевич Станиславский.

Сара стала одной из первых актрис, решивших сыграть в кино. В 1900 году Бернар появилась на экране в сцене «Дуэль Гамлета», а уже в 1912-м она снялась в фильмах «Королева Елизавета» и «Дама с камелиями».

Актриса настолько любила сцену, что даже после того, как в 1915 году ей пришлось ампутировать ногу, она не оставила театр и выступала, находясь на одном месте, или же ее выносили на сцену на специальных носилках, как в роли царицы Аталии. В последний раз на сцену Бернар вышла в 1922 году, меньше чем за

год до своей смерти.

Современники актрисы утверждали, что у нее были тысячи любовников. Она однажды заявила: «Я была одной из самых величайших любовниц своего века». Впервые она влюбилась в 18 лет в графа де Кератри, однако глубокое настоящее чувство пережила с принцем Анри де Линем. В результате этой связи у Сары родился сын Морис. Ее всегда притягивали талантливые мужчины, и ей всегда нравилось, когда они ценили ее гениальность. Бернар была страстной любовницей, однако никогда не отдавала себя без остатка. Ее поклонниками также были Эмиль Золя, Гюстав Доре, Виктор Гюго, Оскар Уайльд. Она магически притягивала как мужчин, так и женщин. Некоторые биографы Сары Бернар высказывают предположение о том, что она соблазнила всех глав государств Европы. Существуют доказательства того, что у нее действительно были близкие отношения с принцем Уэльским и племянником Наполеона I. Сару осыпали подарками король Испании, император Австрии, король Италии. Король Дании Кристиан IX предоставлял в ее распоряжение свою яхту, а герцог Фредерик позволял ей пользоваться своим родовым замком. Ее партнеры по сцене также нередко были ее любовниками, а потом многие становились ее верными друзьями. Самые близкие из них — Филипп Гарнье и Пьер Бертон, которые играли с Сарой в пьесах. Сара и Бертон были так озарены охватившим их чувством, что «могли бы освещать улицы Лондона». Лучшим ее партнером и в жизни, и на сцене был великолепный актер Жан Муне-Сюлли. Один из самых талантливых французских актеров-трагиков, Жан сыграл с Сарой в нескольких пьесах. Их часто называли просто «парой», даже не упоминая при этом их имен, а появление «пары» в театральной афише гарантировало аншлаг и шумный успех.

В первый и единственный раз Сара вышла замуж в 1882 году за греческого дипломата Аристидиса Жака Дамала, который был младше ее на 11 лет. Однако этот брак был неудачным, и спустя несколько месяцев они развелись. Но в последние месяцы его жизни Сара заботливо опекала бывшего мужа, умиравшего от морфия и кокаина. Умер Аристидис в 1889 году.

В возрасте 66 лет Бернар познакомилась с американцем Лу Теллегеном, который был младше ее более чем на 30 лет. Эта любовная связь длилась четыре года. Позже в своей автобиографии «Женщины были добры ко мне» Теллеген признавал, что это были самые лучшие годы в его жизни.

Сара Бернар умерла 26 марта 1923 года. Почти весь Париж пришел на похороны «королевы театра». От бульвара Мальзерб до кладбища Пер-Лашез последний путь Бернар был буквально

усыпан камелиями — ее любимыми цветами, а десятки тысяч почитателей ее таланта шли за гробом из розового дерева…

Один из лучших российских критиков Александр Кугель в некрологе написал: «Умерла Сара Бернар — актриса почти легендарной славы и известности. В суждениях о Саре Бернар было много преувеличений — в одну и в другую сторону. Из тысячи театральных снов, более или менее упоительных, которые мне снились, сон о Саре Бернар — один из самых оригинальных и сложно-занимательных».

Екатерина Долгорукова

Она покорила сердце русского императора и стала единственной фавориткой на Руси, закончившей свою любовную историю законным браком с императором.

Екатерина Михайловна (1847–1922) родилась в Москве и была представительницей древнейшего княжеского рода. Ее семья на все лето выезжала в свое родовое поместье под Полтавой, Тепловку. Именно здесь в 1859 году состоялась первая встреча российского императора и красавицы княжны Екатерины. Александр II после военных учений посетил их имение. Однажды он отдыхал на террасе и увидел пробегавшую мимо красивую девочку, подозвал ее и спросил, кто она и кого ищет. Девочка назвалась Екатериной Долгоруковой и сказала, что ищет императора. Растроганный Александр попросил девочку показать ему сад. После прогулки за ужином он всячески хвалил Екатерину.

Вскоре Михаил Михайлович Долгоруков внезапно скончался, а его семья была разорена. Тогда мать Екатерины, урожденная Вера Вишневская, обратилась к императору с просьбой о помощи. Александр II приказал выделить крупную сумму для опеки над детьми князя Долгорукова, а сестер Екатерину и Марию отправил на обучение в женский Смольный институт. Здесь они получили прекрасное образование: выучили несколько иностранных языков, научились поведению в светском обществе и вести домашнее хозяйство. Современники писали, что «Екатерина была среднего роста, с изящной фигурой, с изумительно нежной кожей оттенка слоновой кости и роскошными светло-каштановыми волосами. У нее были выразительные светлые глаза и красивый рот с тонкими губами и прекрасными белыми зубами. При всем этом она обладала добрым, отзывчивым сердцем и на редкость веселым и приветливым характером».

Екатерина и император ни разу не виделись, пока в 1865 году

в Вербное воскресенье Александр II не посетил Смольный институт, где ему были представлены сестры Долгоруковы. Император узнал в Екатерине ту девочку, которая когда-то показывала ему сад в Тепловке. При каждом посещении института, а они стали частыми, он подолгу беседовал с Екатериной.

В семнадцатилетнем возрасте Екатерина Михайловна окончила институт и жила на Бассейной. Как-то весной в сопровождении горничной она шла по Летнему саду и встретила Александра Николаевича. Не обращая ни малейшего внимания на любопытных прохожих, император повел девушку вглубь аллеи, по дороге осыпая ее комплиментами. Эта прогулка закончилась тем, что он уже под вечер чуть ли не признавался в любви.

И после этой встречи царь по-настоящему влюбился в красавицу Екатерину. С этих пор они стали часто встречаться в Летнем саду. И каждый раз Александр говорил ей о своей любви. И только лишь спустя год Екатерина Михайловна ответила ему взаимностью.

13 июля 1866 года они впервые провели ночь в Бельведерском замке близ Петергофа, который стал местом их дальнейших свиданий. Именно здесь император произнес торжественную клятву Екатерине: «Увы, я сейчас не свободен. Но при первой же возможности женюсь на тебе, ибо отныне и навеки считаю тебя своей женой перед Богом…»

Их свидания, конечно же, не остались незамеченными, но об этом старались не говорить, поскольку это было небезопасно. К тому же поначалу известие о новом увлечении царя никто не воспринял всерьез. Александр Николаевич слыл известным ловеласом, романы которого следовали один за другим. А некоторым моральным оправданием для него, скорее всего, был тот факт, что его супруга Мария Александровна после рождения восьмерых детей часто болела и по наставлению врачей уклонялась от выполнения супружеских обязанностей. Она часто выезжала на лечение за границу, отдыхала в их подмосковном имении Ильинское и все реже виделась с царем. Как писали современники, императрица снисходительно относилась к такой слабости мужа, называя ее «умилениями сердца». Его романы следовали один за другим, и все уже привыкли к такому положению вещей. И тут вдруг сильное чувство… Любовь к Екатерине стала для него смыслом жизни. Он сам говорил ей о том, что другие женщины для него не существуют. Даже тогда, когда им случалось разлучаться, Александр писал ей пылкие письма, в которых снова признавался в любви. Для того чтобы они могли как можно чаще видеть друг друга, он сделал ее

фрейлиной императрицы. Вообще же Екатерина вела замкнутый и скромный образ жизни, не ходила на званые обеды, не ездила в театр.

Вскоре Екатерина Михайловна забеременела. А когда пришло время родов, она одна поехала в Зимний дворец. Проникнув через потайную дверь в бывший кабинет Николая I, она прилегла на диван. Стоявший на часах у комнаты солдат разбудил Александра II в первом часу ночи. Срочно вызвали доктора и повивальную бабку и к половине десятого утра Екатерина Долгорукова родила сына Георгия. Александр сразу же распорядился дать мальчику свое отчество и дворянский титул.

Ребенка отвезли в дом генерала Рылеева — начальника личной охраны царя. Здесь малыш находился первое время под пристальным вниманием сначала русской кормилицы, а затем гувернантки-француженки.

Слух о родах быстро распространился. Императорская семья и близкие к ним люди были возмущены этим. Они тревожились о том, не станет ли из-за тяжелой болезни супруги сегодняшняя фаворитка завтрашней законной женой императора. Эти опасения усилились после того, как вскоре у них родилась дочь.

С этого времени у царя публично было две семьи! При этом старший сын наследника престола Николай Александрович (будущий Николай II) был на четыре года старше своего дяди Георгия. С 1872 по 1878 год Екатерина родила императору еще троих детей: второй мальчик скоро умер, девочки Ольга и Екатерина вскоре эмигрировали из России.

Императрица Мария Александровна умерла в мае 1880 года. На отпевании жены в соборе Петропавловской крепости царь выглядел потерянным, и никто из присутствующих не сомневался в искренности его переживаний: он чувствовал огромную вину перед супругой.

Однако после 40 дней траура вместо одного года «раб Божий благоверный государь-император Александр Николаевич обручился с рабой Божьей Екатериной Михайловной». Тайный обряд совершился в июле того же года у походного алтаря в одном из залов Царскосельского дворца. После завершения церемонии 62-летний царь сказал молодой супруге: «Как долго я ждал этого дня! Четырнадцать лет. Что за пытка! Я не мог ее больше выносить, у меня все время было чувство, что сердце не выдержит более этой тяжести. Я боюсь своего счастья. Я боюсь, что меня Бог скоро лишит его».

В этот же день Александр подписал тайный указ о своем вступлении в морганатический брак с княжной Долгоруковой. Он также предоставил жене титул и фамилию светлейшей княгини

Юрьевской (от Юрия Долгорукого). Эту же фамилию и титул получили и трое их детей.

Однако вскоре тайное стало явным, и все были шокированы этим поступком императора. Александр II, несмотря на такие настроения в обществе, решил материально обеспечить молодую супругу и детей. По его завещанию от 11 (23) сентября 1880 года размещенная в банке сумма в размере более трех миллионов рублей в процентных бумагах становилась собственностью княгини Юрьевской и их общих детей. Торопливость, с которой государь заботился о будущем своей семьи, была не случайна — его жизнь ежедневно подвергалась смертельной опасности.

В это время народные настроения в России были беспокойными, а в Зимнем дворце уже говорили о готовящихся покушениях на царя. Несколько раз его убеждали уехать на время за границу, но император отклонил все предложения, желая остаться на родине.

1 марта 1881 года Александр II проснулся, как обычно, долго гулял с детьми и женой по парку, а потом стал собираться на парад войск. Екатерина, помня о возможных покушениях, просила супруга отказаться от присутствия на параде. Но Александр не захотел менять свои планы. Парад прошел, как всегда. На обратном пути император заехал к своей тете — навестить ее и справиться о здоровье. Там, как обычно, он выпил чашку чая и, снова сев в экипаж, поехал домой. В 15 часов под ноги лошадям царской кареты бросили сверток, в котором была бомба. Двое гвардейцев и пробегавший мимо мальчик были убиты. Выбравшись из-под перевернувшейся кареты, Александр не сел в сразу поданные сани, а подошел к пострадавшим при взрыве слугам.

И вдруг раздался оглушающий взрыв. Когда дым рассеялся, люди увидели лежавшего на мостовой императора: правая нога у него была оторвана, вторая почти отделилась от туловища. Александр истекал кровью, но, будучи еще в сознании, просил: «Во дворец меня. Там умереть…»

Раненого монарха перевезли в Зимний, однако помочь ему уже никто не мог. Через несколько часов он умер. Глаза ему закрыли руки той, которую он всегда любил. Княжна овдовела через неполных девять месяцев после венчания с любимым.

Перед погребением мужа Екатерина Михайловна принесла к гробу венок, сплетенный из своих волос, и вложила его в руки императора. Это был ее последний подарок любимому.

Через несколько месяцев светлейшая княгиня навсегда покинула родину, поселившись на юге Франции. До конца жизни она оставалась верна своей любви, так и не вышла больше замуж,

тридцать лет находилась в окружении фотографий и писем своего единственного возлюбленного. Екатерина Михайловна скончалась в 1922 году на своей вилле «Жорж» под Ниццей.

Лили Лэнтри

Лили Лэнтри (1853–1929), урожденная Корбе, родилась на острове Джерси в семье священника, занимавшего высокий духовный пост. Всем было известно, что ее отец, несмотря на свое положение, имел много любовниц. Выросшая в семье не слишком строгих нравов, Лили на всю жизнь сохранила свободное отношение к любви и браку. Однажды она убежала из дома, решив стать знаменитой актрисой и, заработав огромное состояние, навсегда забыть о нужде. В это время она и познакомилась с Эдуардом Лэнтри, сыном богатого промышленника. Он сразу же предложил Лили руку и сердце, а она недолго думая согласилась. Девушка знала, что после свадьбы муж заберет ее в Англию, где ей откроются большие перспективы. В то время она еще была очень юной, наивной и неопытной.

Лишь через несколько лет Лили Лэнтри станет одной из самых известных лондонских красавиц, расположения которой будут добиваться самые знатные и влиятельные мужчины Англии.

Судьбоносным для Лили стало ее знакомство с Эдуардом, принцем Уэльским. Это случилось на ужине у его друга Алана Янга. Свидетели их встречи говорили, что в тот день принц не отходил ни на шаг от новой знакомой, осыпал ее комплиментами и восхищался ее красотой. Лили действительно была прекрасна. Правильные черты лица, большие голубые глаза, нежная кожа, шелковистые волосы, неотразимая улыбка — все это, естественно, привлекало внимание мужчин. По словам очевидцев, Лили Лэнтри напоминала греческую богиню.

Что касается Эдуарда VII, то его небезосновательно считают самым скандальным монархом из династии Виндзоров. Прозвище Любвеобильный подходит ему как нельзя лучше, ведь король действительно был человеком крайне свободным, как в помыслах, так и в поступках.

Чопорная королева Виктория и ее супруг принц Альберт воспитывали сына в традициях своего времени, строго ограничивая его жесткими нравственными рамками. По мере взросления мальчика в нем рос протест против навязываемых ему жизненных приоритетов. Вскоре ни авторитарная мать, ни другие члены королевской семьи не могли повлиять на Эдуарда. Юный

принц Уэльский стал жить по-своему, отвергая те правила, которые до этого соблюдались при королевском дворе. Стоит отметить, что образ жизни будущего короля Англии был весьма беспорядочным.

Чтобы не позорить честь королевской семьи безнравственным поведением принца, родители отправили его на службу в Ирландию. Они надеялись, что это пойдет сыну на пользу и изменит его характер в лучшую сторону. Но в Ирландии свободолюбивый Эдуард завел интрижку с юной актрисой Нелли Клифден, после которой женщины стали занимать в его жизни первое место.

Принц Эдуард пошатнул традиционный образ английской королевской семьи, положив начало внутренним раздорам и склокам. Он тратил баснословные суммы на развлечения и пышные балы, охоту и азартные игры, театры и многочисленных любовниц. Он заводил романы не только с леди из приличных семей, но и с женщинами из народа, а также с девицами легкого поведения. Берти, как называли принца близкие друзья, не только не скрывал своих амурных похождений, но и очень ими гордился.

Чтобы как-то изменить сложившуюся ситуацию, венценосные родители решили срочно женить Эдуарда. После долгих уговоров он согласился на брак с принцессой Александрой, старшей дочерью датского короля Христиана IX. Однако свадьба никак не повлияла на образ жизни любвеобильного принца. Он даже не считал нужным скрывать от жены свои постоянные измены. Спокойная, терпеливая Александра прощала Эдуарду супружескую неверность, смотрела сквозь пальцы на его бесчисленные любовные интрижки и рожала мужу детей. Принц был любящим и заботливым отцом, но это не мешало ему распутничать. Шли годы, а он по-прежнему часто исчезал из дворца, чтобы встретиться с очередной возлюбленной.

Итак, через несколько дней после знакомства Эдуарда с Лили окружающие стали подозревать принца в новом любовном романе, теперь уже с начинающей актрисой. Он же и не пытался скрывать свою связь с Лили, представляя ее всем как «любимую женщину».

Скандал, разразившийся в королевской семье, затронул и все высшее общество английской столицы. Однако Эдуард не обращал на это никакого внимания. Ради Лили он был готов на все.

Спустя четыре года со дня знакомства с Эдуардом, зимой 1881-го, Лили Лэнтри дебютировала на сцене театра в пьесе «По ступеням власти». Принц Уэльский посетил премьеру со всей семьей! Актерское мастерство возлюбленной вызвало у него бурю

восторга, хотя многие лондонские театралы утверждали, что особым талантом Лэнтри не отличалась. Тем не менее пятилетняя театральная карьера Лили была довольно успешной — она стала одной из известнейших актрис своего времени. У нее появились деньги и слава — сбылась ее детская мечта.

Лили сопровождала Эдуарда не только в путешествиях и поездках. Он постоянно появлялся с ней в высшем обществе, вызывая негодование аристократов. Принц ничуть не стеснялся выражать свои чувства на глазах у сотен людей: однажды он даже публично поцеловал Лили, что стало предметом сплетен в высшем свете чуть ли не на год.

Но это были еще цветочки. Дошло до того, что однажды Эдуард привел Лили в Букингемский дворец и представил любовницу собственной супруге и матери. С тех пор миссис Лэнтри часто навещала королеву и чувствовала себя при этом вполне свободно. В один из таких дней, находясь в загородном королевском дворце, Лили вдруг ощутила недомогание. Принц немедленно вызвал врача, который, осмотрев женщину, сказал, что она беременна. В это время рядом с любовниками находилась и жена Эдуарда. Никто не отрицал тот факт, что отцом ребенка был принц Уэльский.

Королевская семья приложила все усилия, чтобы об этом событии никто не узнал. Лили увезли во Францию, где она жила в маленьком особняке, подальше от любопытных глаз, до самого рождения дочери. Когда же через некоторое время миссис Лэнтри стала везде появляться с ребенком, она заявила, что девочка — ее осиротевшая племянница. Ходили слухи, что ребенок Лили мог быть и от другого ее любовника, принца Баттенбергского, к которому молодая актриса питала весьма нежные чувства.

После родов Лили располнела и утратила прежнее очарование. Ее роман с Эдуардом постепенно угас, и влюбленные отдалились друг от друга. Лили посвятила себя воспитанию дочери, а у Эдуарда появились новые увлечения.

Вскоре Лили Лэнтри повторно вышла замуж. Ее избранником стал Хьюго де Бат, который через десять лет получил титул барона.

В начале 1901 года скончалась королева Виктория, и Эдуард стал королем. На тот момент ему исполнилось пятьдесят девять. Новый монарх отличался проницательностью и гибкостью характера; он способствовал укреплению дружественных связей с Францией и был первым английским королем, посетившим Россию. Однако в первую очередь потомки запомнили его как Эдуарда Любвеобильного. Умер он в 1910 году. Его бывшая возлюбленная Лили, ставшая баронессой де Бат, пережила

монарха на девятнадцать лет и умерла в 1929 году.

Катарина Шратт

Австрийская актриса, любовница императора Австрии Франца Иосифа.

Катарина Шратт (1853–1940) появилась на свет в семье продавца канцелярскими товарами Антона Шратта. С шести лет девочка увлеклась театром. Ее родители не хотели для дочери актерской судьбы, но она целеустремленно шла к своей цели. В семнадцатилетнем возрасте Катарина впервые выступила на сцене Венской театральной академии. В 1872 году ее первым постоянным местом службы стал Придворный театр в Берлине, где в течение непродолжительного времени актриса добилась оглушительных успехов. Но вскоре Катарина уехала, получив приглашение в Венский городской театр. Затем, работая в Немецком придворном театре в Санкт-Петербурге, Шратт весной 1879 года вышла замуж за венгерского консульского чиновника Николауса Кисса и родила в 1880 году сына Антона, потом гастролировала в Нью-Йорке и вернулась к работе в венском Бург-театре. Однако семейное счастье длилось недолго, и в 1880 году супруги разошлись, хотя официально она оставалась его женой еще долгие годы. Вскоре Катарина стала одной из самых известных актрис Австрии. В 1887 году она получила звание придворной актрисы. В 47 лет из-за разногласий с директором Бургтеатра Паулем Шлентером Шратт уволилась и ушла на пенсию в октябре 1900 года.

Известную актрису приглашали на все большие мероприятия. На бале промышленников в 1885 году у Катарины Шратт состоялась продолжительная беседа с императором Францем Иосифом. Скорее всего, именно тогда симпатичная и раскрепощенная, но в то же время почтительная девушка произвела сильное впечатление на Франца Иосифа. Он все чаще стал появляться в театре на спектаклях с ее участием.

С 1886 года император начал наносить актрисе частные визиты. Во время этих визитов они общались за чашкой кофе, она рассказывала ему все театральные и городские слухи и сплетни — о той стороне жизни, которая была неизвестной для императора, погруженного в мир государственных дел. Его жена Елизавета не возражала против их отношений и даже «маскировала» эти отношения, так как Катарина официально считалась подругой императрицы, и они действительно хорошо относились друг к другу. Сиси не только не ревновала —

наоборот, она была довольна тем, что во время этих встреч ее муж не чувствует себя одиноким. Франц был просто счастлив: в особняке Катарины в венском Хитцинге он нашел домашний уют и тепло — все то, чего за 44 года брака так и не смогла дать ему его обожаемая Сиси.

Франц Иосиф и его окружение смогли придать этой связи настолько приличный вид, что в обществе ее воспринимали как нечто само собой разумеющееся. Более того, их отношения были окутаны таким туманом, что до сих пор неясно, была ли актриса всего лишь подругой и платоническим увлечением пожилого императора или же чем-то большим. Известно, что в 1888 году они обменялись письмами, в которых вопрос об их дальнейших отношениях был затронут и решен Францем Иосифом так: «Я люблю свою жену и не хотел бы злоупотреблять ее доверием и ее дружбой к вам». Заметив, что он «слишком стар для чувств братской дружбы», император добавил, что хотел бы стать для Шратт «другом-отцом», но при этом не очень-то по-отцовски признался, что «обожает» ее.

Последующие письма Франца Иосифа госпоже Шратт, особенно после размолвки, случившейся между ними в 1900 году, свидетельствуют о том, что «отцовская дружба» Франца Иосифа все-таки была поздней любовью, скрасившей довольно грустную старость императора. «Я думаю о вас с такой тоской и так часто вспоминаю о былых, лучших временах… — писал он своей подруге, покинувшей Вену после того, как Франц Иосиф не пошел навстречу ее просьбам уволить директора Бургтеатра, с которым Катарина поссорилась. — По утрам первая моя мысль всегда принадлежала вам… Надежда увидеть вас, быть в вашем милом обществе всегда была для меня утешением и придавала мне силы, а теперь на старости лет я вынужден оставаться в одиночестве… Не верю, чтобы вы этого хотели, ваше доброе сердце не позволит этого».

Катарина Шратт любила шикарно жить, увлекалась азартными играми, и император постоянно оказывал актрисе финансовую помощь для погашения ее долгов. Он преподносил ей ценные ювелирные изделия, а также подарил ей виллу в Вене, вблизи от Шенбрунна, и трехэтажный дворец Кенигсвартер на Кернтнер-ринг напротив здания оперного театра. Их связь продолжалась вплоть до смерти императора.

После смерти монарха Шратт жила уединенно на Кернтнер-ринг. Иногда она соглашалась на выступления для благотворительных организаций. Ее основным занятием стало собирание пазлов. В последние годы Катарина ударилась в религию, ежедневно бывала в церкви и по нескольку раз в неделю

— на могиле императора. О своих отношениях с Францем Иосифом она хранила полное молчание.

Катарина Шратт умерла 17 апреля 1940 года и была похоронена на кладбище Хитцинга в Вене.

Зинаида Скобелева

Первая красавица Санкт-Петербурга покорила внука Николая I и сына Александра II и стала одному женой, а второму — любовницей.

Зинаида Дмитриевна Скобелева (1856–1899) появилась на свет в 1856 году в семье Дмитрия и Ольги Скобелевых. В детстве она была окружена любовью и достатком. Когда Зинаида подросла, она вместе со своей сестрой Надеждой стала посещать светские балы, на которых была первой красавицей. Вокруг нее всегда было много поклонников, не стал исключением и принц Евгений Лейхтенбергский. Он приходился по матери внуком императору Николаю I, а по отцу в его жилах также текла королевская кровь: его прабабушка Жозефина Богарне была супругой Наполеона. Евгений жил один с дочерью Дарьей, поскольку его жена Дарья Опочинина скончалась при родах в 1870 году. Евгений Лейхтенбергский был командиром пятого гусарского Александрийского полка, участвовал в русско-турецкой войне, был произведен в генерал-майоры с назначением в свиту и пожалован орденом святого Владимира III степени с мечами. По окончании боевых действий командовал бригадами кавалерийской дивизии. С 1886 года был в звании генерал-лейтенанта.

Против любовной связи между Евгением и Зинаидой были все родственники царской династии, а о свадьбе не могло быть и речи. Однако никакие уговоры и запреты не остановили Евгения, и в 1878 году он женился на Зинаиде. Но брак по закону был признан морганатическим, то есть неравнородным, при котором жена не может пользоваться сословными привилегиями мужа, ни жена, ни дети не имели права на престолонаследие. Однако Зинаиде все же пожаловали высочайший титул графини Богарне, а в 1889 году — титул светлейшей герцогини Лейхтенбергской.

Евгений и Зинаида жили в столице в царских хоромах. Им принадлежали знаменитые дворцы Мариинский и Румянцевский, а также Пашковское имение в Тамбовском уезде.

Супруги вели светский образ жизни. Зинаида продолжала посещать все балы, где пользовалась большой популярностью. И именно там произошла встреча сына императора

Александра II великого князя Алексея с этой красавицей, в результате которой он влюбился. Вскоре Зинаида и Алексей стали любовниками.

Великий князь Александр Михайлович писал о Зинаиде: «Когда я упоминаю ее имя, я отдаю себе отчет в полной невозможности описать физические качества этой удивительной женщины. Я никогда не видел подобной ей во время всех моих путешествий по Европе, Азии, Америке и Австралии, что является большим счастьем, так как такие женщины не должны часто попадаться на глаза. Когда она входила, я не мог оставаться с нею в одной комнате. Я знал ее манеру подходить в разговоре очень близко к людям и сознавал, что в ее обществе я становлюсь не ответственным за свои поступки. Все молодые великие князья мне в этом отношении вполне сочувствовали, так как каждый страдал при виде ее так же, как и я. Находясь в обществе очаровательной Зины, единственное, что оставалось сделать — это ее обнять, предоставив церемониймейстеру делать что угодно… Дело осложнялось тем, что наш *Beau Brummel*, великий князь Алексей Александрович, был неразлучным спутником четы Лейхтенбергских, и его любовь к герцогине уже давно была предметом скандала. В обществе эту троицу называли *«ménage royal à trois»*, и все усилия воздействовать на него не имели успеха. Я полагаю, что великий князь Алексей пожертвовал всем русским флотом, только бы его не разлучили с Зиной».

Вскоре об этом романе все узнали, разразился скандал. Но любовная связь Алексея с Зинаидой не только не прекратилась, но и стала открытой. На царской пристани даже появилась яхта великого князя под названием «Зина». Евгений смирился с таким положением вещей, поскольку ничего не мог поделать. Любовные отношения Алексея и Зинаиды длились с 1880 года почти до самой ее смерти.

Зинаида Лейхтенбергская скончалась от рака горла в 1899 году, не оставив после себя наследников. Похоронена она в Петербурге в Александро-Невской лавре. Евгений Максимилианович пережил свою жену всего лишь на два года.

Анна Наговски

Любовница императора Австрии Франца Иосифа.

О детстве этой фаворитки австрийского монарха практически ничего не известно. Но уже в 14 лет Анна Новак (1860–1931) — ее настоящая фамилия — была выдана замуж за владельца шелковой фабрики Хойдука, увлеченного игрока и алкоголика.

Но Анна вскоре развелась, не выдержав тяжелой жизни рядом с алкоголиком. При разводе она предоставила ему значительную денежную сумму. Во второй раз Анна вышла замуж за Франца Наговски — известного дамского угодника. Он был железнодорожным служащим, который ранее работал в Верхней Италии, а затем был переведен в Вену по приказу императора. Второй муж Анны также делал долги, которые супруга погашала вместо него.

Анна познакомилась с императором случайно во время утренней прогулки в парке Шенбруннского дворца. И между ними возникли отношения, которые продолжались в течение 14 лет. За это время у Анны родились двое детей, отцовство которых приписывают императору. Время от времени от Франца Иосифа она получала туго набитый деньгами конверт. Денежная помощь императора Анне оценивается в более чем 100 тысяч гульденов.

Однако спустя 14 лет любовных отношений Франц Иосиф познакомился с актрисой Катариной Шратт и решил расстаться с Анной. Ее пригласили в Хофбург, где незнакомый барон преподнес от императора подарок. Ей предложили самой определить финансовый эквивалент ее заслуг «за 14 лет службы императору». Наговски также написала расписку, в которой поклялась хранить молчание о связи с монархом.

Мицци Каспар

Любовница кронпринца Австро-Венгрии Рудольфа, которая смогла окружить его комфортом, любовью и материнским теплом.

Мицци Каспар (1864–1907), настоящее имя Мария Каспар, родилась в 1864 году в Граце. Мицци Каспар была субреткой, как в то время в Австро-Венгрии называли элитных проституток. Мицци познакомилась с кронпринцем в публичном доме фрау Вольф. Однако их отношения вскоре переросли «товарно-денежную» стадию и вышли на совсем другой уровень. Ходили слухи, что у Каспар от кронпринца было двое детей, но это, скорее всего, не так, если, конечно, дети не умерли еще во младенчестве. Мицци не была образованна, не принадлежала к знатному роду и даже не блистала красотой. Однако она была добра, не просила денег, не жаловалась — иными словами, с ней было комфортно. Она могла дать Рудольфу именно то, чего ему не хватало, — ощущение комфорта. Каспар часто путешествовала с кронпринцем и, скорее всего, была вместе с ним, когда он искал невесту.

Существует два мнения насчет их отношений. С одной стороны, о ней говорят как о лучшей подруге кронпринца, которая принимала его таким, каким он был, и встречалась с ним по любви, а не из-за денег. Это подтверждает тот факт, что после трагической смерти Рудольфа Мицци уничтожила все письма и хранила молчание, хотя могла бы написать мемуары и выгодно их продать на волне ажиотажа. С другой стороны, Мицци называют шпионкой, специально приставленной полицией, чтобы докладывать о Рудольфе. То, что кронпринц был под надзором полиции, всем известно, поскольку императору было интересно знать, чем же занимается наследник престола. Несмотря на другие любовные увлечения, Рудольфа связывали с Мицци очень близкие отношения до самой его смерти. В 1887 году кронпринц купил для нее в Вене за 60 тысяч гульденов трехэтажный дом. Он также подарил ей наличные и украшения на сумму до 130 тысяч гульденов.

Потерявший интерес к жизни Рудольф решил покончить жизнь самоубийством и предлагал Мицци это сделать вместе с ним, но та отказалась и донесла о планах Рудольфа в полицию, которая не обратила на это сообщение ни малейшего внимания. Известно, что последнюю ночь перед самоубийством, совершенным с баронессой Марией Вечерой, Рудольф провел у Мицци Каспар. В своем завещании кронпринц оставил своей любовнице 30 тысяч гульденов.

Мицци Каспар никогда не давала интервью и жила в полном уединении, не оставив ни дневников, ни писем, ни мемуаров, и умерла от сифилиса в 1907 году.

Мария Александрина фон Вечера

Это одна из самых трагических историй любви конца XIX века. До сих пор точно никто не знает, что на самом деле заставило кронпринца Рудольфа Габсбурга, наследника австрийского престола, и его возлюбленную, румынскую баронессу Марию Вечеру (1871–1889), покончить с собой…

Мария Александрина фон Вечера родилась в 1871 году в семье Альбина Вечеры, венгра из Румынии, который служил дипломатом в Константинополе и в 1870 году получил титул барона. Ее мать Хелена происходила из семьи греческого банкира и англичанки.

Однако вскоре семья распалась: родители развелись, отец надолго уехал в Каир с миссией, а мать с детьми жила в своем особняке в Вене. Они вели светский образ жизни: прогулки,

посещение скачек, театров, балов…

Мария повзрослела и поражала всех своей красотой: большие темные глаза, опушенные длинными ресницами, прекрасная фигура, осиная талия. Ходили слухи о невероятных романах семнадцатилетней девушки, но доказательств не было. Хотя никто не мог назвать ни одного счастливого избранника: сердце Марии было отдано лишь одному Рудольфу, наследнику престола.

Кронпринц Рудольф был одним из самых одаренных юношей того времени. Он увлекался естественными науками, особенно орнитологией, с группой ученых и писателей работал над энциклопедическим изданием «Австро-Венгерская монархия». Несмотря на склонность к наукам, ему не разрешили поступить в университет. Вместо этого император вскоре отправил сына в армию. В 24 года Рудольф стал фельдмаршалом, вице-адмиралом и командующим 25-й дивизией, стоявшей под Веной.

Кронпринцу не нравилась политика отца, и он начал публиковать анонимные статьи в главной оппозиционной газете *Neues Wiener Tagblatt*. Император Франц Иосиф распорядился установить слежку за Рудольфом и его окружением.

В 1881 году император женил сына на бельгийской принцессе Стефании, обычной девушке, к тому же очень ревнивой. Спустя два года у них родилась дочь. Но даже любимый ребенок не сблизил супругов. Стефания ревновала, а Рудольф вел привычный образ жизни: выезжал на охоту, много времени проводил с друзьями, имел мимолетные любовные увлечения и всецело ему преданную Мицци Каспар.

Но однажды в октябре 1888 года на ипподроме Фройденау в Вене состоялась судьбоносная встреча Рудольфа и Марии. Баронесса обратилась к знакомой графине Лариш с просьбой помочь ей встретиться с кронпринцем. Та сразу сделалась конфиденткой влюбленной.

Графиня Лариш была вхожа в императорский дворец, поэтому смогла устроить так, что мать и дочери Вечера оказались в театральной ложе по соседству с ложей Рудольфа. В антракте Мария и кронпринц перебросились несколькими фразами, и магический голос Марии очаровал Рудольфа.

После этого у них начался роман в письмах, а в конце месяца состоялось первое свидание. Затем, всеми правдами и неправдами, они встречались тайком, наслаждаясь друг другом. Рудольф, позабыв об осторожности, даже тайно приводил любимую в свои покои в Хофбурге. Сплетни и слухи об их связи быстро расползались по замку.

Так длилось больше года. И вскоре Рудольф и Мария

осознали всю безысходность своего положения. Рудольф написал папе римскому, умоляя Льва XIII расторгнуть брак с нелюбимой Стефанией, хотя прекрасно понимал, что разрешения он не получит.

Однажды Мария и кронпринц сидели в его кабинете, и баронесса заметила на столе череп и револьвер. Она взяла в руки оружие и посмотрела на Рудольфа, и они впервые заговорили об этом. При следующей встрече кронпринц подарил любимой простое железное кольцо с выгравированными буквами ILVBIDT — начальные буквы фразы *In Liebe vereint bis in den Tod* — «Любовью соединены насмерть». Мария же подарила возлюбленному золотой портсигар с надписью: «В знак благодарности своей счастливой судьбе. 13 января 1889 года».

Мысли о самоубийстве ранее часто посещали Рудольфа, и он однажды заговорил об этом с Мицци, но та лишь рассмеялась. Вскоре императору доложили о настроении сына, но он не придал этому большого значения.

Однако его возмутило письмо, полученное из Ватикана, в котором говорилось, что Рудольф просил разрешения на развод. Франц Иосиф не собирался вмешиваться в любовные похождения сына, ведь и сам был не без греха, но развод — это уж слишком… Вскоре состоялся серьезный разговор императора с кронпринцем. Скорее всего, Рудольф уже принял роковое решение, поэтому не стал спорить с отцом и пообещал расстаться с Марией. Успокоившись, император пригласил кронпринца с супругой на семейный обед.

В это время Мария испытывала сильное желание объявить всем, что она принадлежит Рудольфу, а он ей. 27 января у германского посла был бал, куда красавица Мария приехала в белом наряде, словно невеста, и была хороша как никогда. Принцесса Стефания и Мария пристально взглянули друг на друга. Для Рудольфа же появление любимой на балу стало полной неожиданностью. Его близкий друг граф Хойос фон Шпитценштайн подошел к Марии и шепотом попросил ее покинуть бал. Кронпринц же весь вечер не отходил от супруги и старался быть предельно внимательным. Но Стефания была разгневана. Уезжая с бала, Рудольф напомнил графу Хойосу о приглашении на охоту в замок Майерлинг послезавтра. Такое же приглашение получил принц Кобургский.

Зная, что дома его ждет скандал, кронпринц не поехал во дворец, а переночевал у Мицци и вернулся к себе только под утро. На следующий день была назначена охота, а вечером торжественный ужин во дворце. Но Рудольф уже знал, что он туда не пойдет.

В понедельник, 28 января, Мария Вечера села в экипаж и выехала в Майерлинг. Рудольф выехал чуть позже в другом экипаже. За ним в карете следовал агент тайной полиции. За городской заставой кронпринц на ходу выпрыгнул из своей кареты, экипаж развернулся и поехал обратно в Вену, агент за ним. А Рудольф в условленном месте пересел в экипаж Марии.

Приехав в Майерлинг, они поужинали и рано отправились в спальню. Утром приехали граф Хойос и принц Кобургский. Рудольф сказал им, что плохо себя чувствует и присоединится к ним завтра. Одновременно Рудольф послал кучера на станцию дать во дворец телеграмму, в которой извинялся, что не сможет приехать на ужин из-за простуды.

После совместного обеда Рудольф и гости разбрелись по своим комнатам. В ночь на 30 января Рудольф и Мария остались одни. За окном бушевала непогода, а прощальные письма Марии были уже написаны: «Дорогая мама, прости мне то, что я делаю. Я не могу противиться любви. Хочу быть с ним на Алландском кладбище. Я буду счастливее в смерти, чем в жизни». Сестре она писала: «Мы оба уходим в таинственный мир. Думай иногда обо мне. Будь счастлива, выходи замуж не иначе как по любви… Не плачь, я счастлива. Помнишь линию жизни на моей руке? Каждый год 13 января приноси цветы на мою могилу».

Мария легла в постель, улыбнулась любимому и закрыла глаза. Рудольф приставил револьвер к ее виску и нажал курок… Несколько часов он сидел в оцепенении рядом с ней. Потом сел к столу и закончил письма. Жене он писал: «Милая Стефания! Ты избавишься от моего присутствия. Будь добра к нашему несчастному ребенку, ведь это единственное, что останется после меня… Я спокойно иду навстречу смерти, которая единственная может сохранить мое доброе имя».

Он также написал письмо матери, но ни одного слова отцу. Затем встал, спустился в лакейскую, велел слуге разбудить его в шесть утра. После этого вернулся в спальню и заперся на ключ. Придвинул к постели столик и поставил на него зеркало. Лег рядом с любимой и выстрелил в висок…

В шесть утра слуга постучал в дверь, но ответа так и не получил. Он побежал за графом Хойосом и принцем Кобургским. Они выломали дверь и увидели ужасную картину…

Вскоре царская семья узнала об этом событии. Официально было объявлено, что кронпринц «в минуту душевного помрачения покончил с собой». В то же время было принято решение, что имя Марии Вечеры никогда не будет названо в связи с гибелью кронпринца, а еще лучше, если оно будет вообще позабыто. В одной из газет промелькнуло сообщение о смерти баронессы

Марии фон Вечеры, но этот номер был сразу же конфискован жандармерией.

Марию тайно похоронили, и даже ее мать не смогла присутствовать на похоронах, поскольку ее фактически выслали из Австрии. Графиню Лариш также отправили в изгнание.

Рудольф был похоронен в усыпальнице Габсбургов, с соблюдением всех обрядов и традиций, однако в узком кругу близких родственников.

Матильда Кшесинская

Она была женщиной-легендой, звездой русского балета, которая у многих вызывала восхищение и страсть. Дожив практически до ста лет, она до самой смерти сохранила в своей душе любовь и волю к жизни. Она первой освоила фуэте, заставила отступить приезжих знаменитостей и открыла дорогу целой плеяде русских танцовщиц — Преображенской, Трефиловой, Павловой, Карсавиной, Спесивцевой.

Матильда Феликсовна Кшесинская (1872–1971) родилась (19) 31 августа 1872 года в Лигово, под Петербургом, в семье артистов балета Мариинского театра. Дед Кшесинской был очень известным скрипачом, певцом и драматическим актером. Отец — великолепным танцовщиком. Мать — актрисой. Кшесинская писала в своих воспоминаниях: «Я была любимицей отца. Он угадывал во мне влечение к театру, природное дарование и надеялся, что я поддержу славу его семьи на сцене. С трехлетнего возраста я любила танцевать, и отец, чтобы доставить мне удовольствие, возил меня в Большой театр, где давали оперу и балет. Я это просто обожала…»

Поэтому абсолютно никого не удивило, что Матильда решила стать танцовщицей и поступила в Императорское театральное училище, где ее педагогами были Лев Иванов, Екатерина Вазем и Христиан Иогансон. Поначалу Маля, как ее называли в семье, занималась не очень прилежно, поскольку азы балетного искусства она давно изучила дома. Она скучала и даже подумывала бросить учебу. Но тут девочка увидела танец итальянской балерины Вирджинии Цукки, которая приехала в Петербург на гастроли. Матильда поняла, к чему стоит стремиться. А в пятнадцать лет, когда она попала в класс к Христиану Иогансону, Кшесинская не только почувствовала вкус к учебе, но стала заниматься с особой прилежностью. Спустя два года она блистательно исполнила танец Лизы из балета «Тщетная предосторожность», именно того самого балета, в котором она

увидела Цукки, своего «гения танца».

В 1890 году на выпускном экзамене в училище почетными гостями была вся царская семья, затем состоялся торжественный обед. Александр III усадил семнадцатилетнюю Матильду рядом с собой и пожелал ей быть «украшением и славой нашего балета». С другой стороны от Кшесинской он посадил своего сына Николая, при этом, улыбаясь, сказал: «Смотрите только, не флиртуйте слишком». Сероглазый взгляд наследника престола завораживал, беседа была интересной, а к концу ужина девушка безошибочным женским чутьем поняла: она понравилась Николаю. Он увлекся красивой балериной и стал за ней ухаживать.

Вскоре Кшесинская была зачислена в балетную труппу Императорских театров. Первые спектакли и первые роли. Уже в первый свой сезон Матильда станцевала в двадцати двух балетах и двадцати одной опере и смогла раскрыть свой талант. Но одного таланта для получения такого количества партий было мало — сыграло свою роль одно существенное обстоятельство: в артистку был влюблен наследник престола.

В 1891 году Николай окончательно влюбился в балерину и начал ухаживать за Матильдой и дарить ей подарки: золотой браслет с крупным сапфиром и двумя бриллиантами, особняк на Английском проспекте, № 18. Кшесинская вспоминала: «…Ники меня поразил. Передо мною сидел не влюбленный в меня, а какой-то нерешительный, не понимающий блаженства любви. Летом он сам неоднократно в письмах и разговоре напоминал насчет более близкого знакомства, а теперь вдруг говорил совершенно обратное, что не может быть у меня первым, что это будет его мучить всю жизнь… Он не может быть первым! Смешно! Разве человек, который действительно любит страстно, станет так говорить? Конечно нет, он просто боится быть тогда связанным со мной на всю жизнь, раз он будет первый у меня… В конце концов мне удалось почти убедить Ники… Он обещал, что это совершится через неделю, как только он вернется из Берлина…»

Однако у их любви не было перспектив. Николай понимал, что для трона нужен династический брак с особой королевских кровей. И 7 апреля 1894 года была объявлена помолвка Николая и Алисы Гессен-Дармштадтской.

Наследник престола написал письмо своей «дорогой панне»: «Что бы со мною в жизни ни случилось, встреча с тобою останется навсегда самым светлым воспоминанием моей молодости».

Кшесинская писала: «Что я испытала в день свадьбы государя, могут понять лишь те, кто способен действительно любить всею душою и всем своим сердцем и кто искренне верит, что настоящая, чистая любовь существует. Я пережила невероятные

душевные муки…»

И с этого момента их пути разошлись. Но он не забыл о своей бывшей любовнице, часто посещал спектакли с ее участием. В 1914 году она в последний раз исполнила в присутствии императора свой знаменитый «Русский танец». «Я танцевала отлично, я это чувствовала, а чувство никогда не обманывало меня, и уверена, что должна была произвести на Него хорошее впечатление…»

Все письма Николая к ней Кшесинская хранила в шкатулке. Но ради безопасности во время революции одна из ее подруг сожгла эти письма. Об этом Кшесинская узнала лишь через 10 лет…

Однако вокруг балерины поклонников было много, среди которых князь Никита Трубецкой, князь Джамбакуриан-Орбелиани, офицер лейб-гвардии конного полка Борис Гартман, красавец гусар Николай Скалон и многие другие.

Однажды после спектакля Кшесинская давала у себя торжественный обед, на котором познакомилась с Андреем Владимировичем, кузеном императора.

Вот что она писала: «Великий князь Андрей Владимирович произвел на меня сразу в этот первый вечер, что я с ним познакомилась, громадное впечатление: он был удивительно красив и очень застенчив, что его вовсе не портило, напротив. Во время обеда нечаянно он задел своим рукавом стакан с красным вином, который опрокинулся в мою сторону и облил мое платье. Я не огорчилась тем, что чудное платье погибло, я сразу увидела в этом предзнаменование, что это принесет мне много счастья в жизни…»

Вскоре они вместе отправились в Европу. Он был мил, трогателен и, главное, предан. Может быть, поэтому Матильда Кшесинская решилась на отчаянный шаг: 18 июня 1902 года родила сына. Роды были тяжелые, и врачи опасались, что ни мать, ни ребенок не выживут. Но все обошлось — спасли обоих. Мальчика назвали Владимиром в честь отца великого князя Андрея.

В 1904 году Кшесинская ушла со службы в Мариинском театре и стала гастролировать по Европе. Когда отмечали ее 20-летний сценический юбилей, то вечер превратился в праздник всего русского хореографического искусства. Кшесинскую называли «российского балета первой балериной» и даже «генералиссимусом русского балета».

Весной 1906 года, вернувшись из-за границы, Матильда купила участок земли на углу Кронверкского проспекта и Большой Дворянской улицы и заказала проект дворца

архитектору Александру фон Гогену. Мебель поставил известный фабрикант Мальцер. Люстры, бра, канделябры и все прочее, вплоть до шпингалетов, было выписано из Парижа. Кроме особняка в Петербурге, Кшесинская приобрела собственную виллу «Алам» на юге Франции. Жила то во Франции, то в России, выступала то в Петербурге, то в Лондоне, то в Париже.

Во время Первой мировой войны балерина на свои деньги устроила лазарет на 30 кроватей для раненых солдат. После событий в октябре 1917-го Кшесинская вынуждена была бежать.

В конце февраля 1920 года на итальянском пароходе «Семирамида» Матильда покинула русскую землю и отправилась в эмиграцию. Первые годы Кшесинская провела с великим князем Андреем на французской вилле. В их доме часто бывали Сергей Дягилев, Тамара Карсавина, великий князь Дмитрий Павлович и многие другие.

«Мы часто обсуждали с Андреем вопрос о нашем браке. Мы думали не только о собственном счастье, но и главным образом о положении Вовы… Ведь до сих пор оно было неопределенным».

Брат Андрея, Кирилл Владимирович, дал согласие на их брак, и 30 января 1921 года в русской церкви в Каннах состоялось венчание. В день свадьбы князь Андрей записал в своем дневнике: «Наконец сбылась моя мечта — я очень счастлив».

Счастлива была и Матильда Кшесинская: наконец ей был дарован титул и фамилия княгини Красинской.

Она продолжала вести светскую жизнь, встречалась с Вирджинией Цукки, Айседорой Дункан, Анной Павловой, Федором Шаляпиным. Часто выезжала в Монте-Карло, где любила играть в рулетку, неизменно ставя на цифру 17, за что получила прозвище «Мадам Семнадцать».

Но для таких развлечений всегда требовались деньги. Пришлось продать виллу и переехать в Париж. Кшесинская организовала свою танцевальную студию, и 6 апреля 1929 года начались занятия. Она оказалась талантливым педагогом и открыла дорогу в балет многим знаменитостям, таким как Марго Фонтейн, Иветт Шовире, Памела Мей и другие.

Сама Матильда постоянно поддерживала форму, выступая в спектаклях. В 1936 году она тряхнула стариной и выступила в благотворительном концерте в лондонском Ковент-Гардене. Она станцевала свой «Русский танец» с большим успехом и вновь была наречена «королевой русского балета».

Когда Кшесинская узнала о вторжении фашистских войск в Россию, она сделала запись в своем дневнике: «Что будет с нашей несчастной родиной, что будет с нами!»

Балерина прожила долгую жизнь, а 30 октября 1956 года ее

настиг самый большой удар: умер великий князь Андрей, муж и отец ее сына. «Словами не выразишь, что я пережила в этот момент. Убитая и потрясенная, я отказывалась верить, что не стало верного спутника моей жизни. Вместе с Верой мы горько заплакали и, опустившись на колени, начали молиться… С кончиной Андрея кончилась сказка, какой была моя жизнь».

Матильда начала писать мемуары, которые закончила осенью 1959 года. «В моей жизни, — написала она, — я видела и любовь, и ласку, и заботу… Не хочу ни с кем сводить каких бы то ни было счетов, ни о ком не хочу говорить скверно…»

Последний период своей жизни она прожила в небольшом парижском домике с весьма скромным достатком, но умудрялась тем не менее помогать многим людям, особенно русским эмигрантам. И до конца своих дней поражала всех энергией и жизнерадостностью.

Матильда Кшесинская умерла 6 декабря 1971 года, не дожив всего лишь девять месяцев до своего 100-летнего юбилея, похоронена на парижском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа — кладбище русских «звезд первой величины».

Наталья Шереметьевская

Эта женщина покорила сердце наследника российского престола и стала его морганатической супругой.

Наталья Брасова (1880–1952), урожденная Шереметьевская, родилась в 1880 году в семье адвоката. Отец дал дочери хорошее образование, с детства разрешал ей оставаться в гостиной, когда в дом Шереметьевских приходили люди искусства и другие знатные господа. Наталья росла умной, смелой и уверенной в своих блестящих способностях и неотразимости. Она и правда была хороша собой, умна и обаятельна. Вскоре ей удалось выйти замуж за Сергея Мамонтова, известного в то время дирижера Большого театра, но счастья это ей не принесло.

Супруг был весьма щедр, но мало интересовался женой, предпочитая все время заниматься музыкой и проводить по нескольку месяцев на гастролях. После рождения дочери Таты Наталья решилась на развод. Затем она встретила Владимира Вульферта, который стал ее вторым мужем. Но и этот брак разочаровал молодую женщину. Шереметьевская, решив сохранить с мужем лишь дружеские отношения, стала открыто флиртовать со своими поклонниками.

Встреча Натальи и Михаила Александровича произошла летом 1908 года на гатчинском балу. Супруга Вульферта

оказалась самой блистательной дамой на вечере, о ней французский посол потом говорил: «Смотреть на нее — одно удовольствие. Ее чистое аристократическое лицо очаровательно вылеплено. У нее светлые бархатистые глаза, а от каждого движения веет величественной, мягкой грацией». В тот день князь Михаил несколько раз приглашал ее на танец, чем и вызвал возмущение императорской семьи: танцевать с замужней женщиной члену царской фамилии было непозволительно. Однако тридцатилетний князь не только не отходил от Натальи ни на шаг, но под конец вечера, взяв ее за руку, вывел из зала. На балу они больше не появились.

Брасова не могла устоять перед таким кавалером. Михаил Александрович был добрым, терпеливым и легким в общении. Ночь они провели за разговорами в аллеях дворцового парка. Михаил просил о новой встрече. Но Наталья дала понять, что ни любовницей, ни содержанкой она становиться не намерена, что примет от него только серьезное предложение.

Михаил, не желая откладывать серьезный разговор с императором Николаем II, пошел к нему с просьбой благословить брак с любимой женщиной. Но Николай, услышав просьбу Михаила, возмутился и отправил его в Орел, подальше от «хитрой, злой бестии». Наталья, несмотря на разразившийся в обществе скандал, взяла с собой маленькую дочь и поехала за любимым. В Орле они решили уехать за границу и там обвенчаться. Но пока этого сделать не представлялось возможным. Император внимательно следил за романом брата и пригрозил ему Петропавловской крепостью, если тот нарушит высочайший запрет и сделает Наталью своей супругой.

Через два года у любовников родился мальчик, которого назвали Георгием. В том же году Брасова получила развод от мужа и стала свободной.

В 1912 году любовники решили уехать за границу, чтобы там тайно обвенчаться. Однако Николай II, чувствуя неладное, приказал нескольким агентам следить за влюбленной парой, а заметив тех возле православного храма, брать под стражу и везти обратно в Россию.

Михаил и Наталья действовали осторожно. До Германии они ехали на поезде, а затем, отдельно от прислуги и детей, пересели в машину, решив продолжить путешествие на автомобиле. Этого их тайный конвой предвидеть не мог. Любовникам удалось найти в Вене православный сербский храм, где за значительную плату их обвенчали и в церковной книге записали Наталью, как «дворянку Брасову». Так Наталья стала морганатической супругой члена императорской семьи.

В тот же день счастливый Михаил Александрович отправил телеграмму русскому императору, где сообщил о своем венчании. Николай II так рассердился, что велел брату больше никогда не показываться в России. Новоиспеченные супруги поехали в Англию, где купили недалеко от Лондона старинный замок Небворт. Через два года Николай II простил дерзкий поступок брата и разрешил тому вернуться в Россию. Супружеская чета приехала на родину и поселилась в Гатчине.

Великому князю были возвращены все титулы, и он снова смог командовать армией. Через три года произошла Февральская революция, и император был вынужден подписать бумаги об отречении от престола в пользу младшего брата. Михаил Александрович был тут же вызван Временным правительством в столицу, где решался вопрос: быть великому князю императором или же отречься от престола, последовав примеру Николая II. Михаил Романов со слезами на глазах подписал все нужные бумаги в пользу сформированного правительства и в тот же день вернулся в Гатчину.

Пока не наступило лето, супруги жили уединенно. Им предлагали бежать за границу, но князь все еще хотел остаться на родине. Тем не менее оставить в России сына Михаил Александрович побоялся и тайно, вместе с прислугой, отправил в Данию, где жили родственники вдовствующей императрицы Марии Федоровны.

Через несколько недель Михаила заключили под арест, а потом направили в ссылку в Пермь. Наталья должна была следовать за ним, но задержалась, чтобы найти возможность вернуть хотя бы часть конфискованных драгоценностей. В то время она писала мужу: «У меня опять такое беспокойство на душе, что я ни днем, ни ночью не знаю покоя… Мысли о смерти меня больше не покидают ни на одну минуту…» Он отвечал ей: «Моя дорогая Наташа, сердечно благодарю тебя за письмо. События развиваются с ужасающей быстротой… Ужасно грущу, что мы не вместе, люблю тебя всем сердцем. Да хранит тебя Бог, моя нежная Наташа. Весь твой Миша».

В Пермь Наталья приехала спустя некоторое время, но надолго там не осталась: надо было отправлять за границу дочь Тату, которая все еще жила в России. А через несколько дней после возвращения в Гатчину Наталья Сергеевна неожиданно получила телеграмму, в которой говорилось, что ее супруг бесследно исчез 30 июня 1918 года.

Возмущенная Наталья помчалась в Петроград, чтобы получить в ЧК информацию о пропавшем муже. Но там ее арестовали, обвинив в причастности к таинственному

исчезновению Михаила Романова. Десять месяцев провела женщина в тюремной камере, пока не додумалась притвориться больной и добиться перевода в тюремную больницу. Из больницы Наталья бежала. Из Петрограда она добралась в Одессу, потом — в Константинополь, а окончательно обосновалась во Франции, продолжая время от времени расспрашивать у русских эмигрантов о своем муже. Наталья ждала, что супруг, как и было условлено, когда-нибудь объявится во Франции, и верила, что Михаил Александрович жив…

В 1934 году друзья Натальи привезли вышедшую в Советском Союзе книгу П. Быкова «Последние дни Романовых». На ее страницах Брасова прочла о кончине своего мужа: как оказалось, ее супруг был расстрелян в пермском лесу еще тогда, в те страшные революционные дни. Больше она не ждала.

Ее жизнь становилась все тяжелее. Средств не хватало, и Наталье Сергеевне пришлось снять маленькую комнатку. Дочь Тата вышла замуж за бедного англичанина и практически забыла о матери, а любимый сын Георгий погиб еще в 1931 году в ужасной автокатастрофе. В 1951 году вдова великого князя Михаила Романова заболела раком, а хозяйка, узнав о болезни бедной женщины, выгнала ее на улицу.

Наталья Брасова умерла 26 января 1952 года в Париже в богадельне для нищих и бездомных. Когда там попросили ее назвать имя, она представилась графиней Брасовой, супругой великого русского князя Михаила Александровича Романова. Ей не поверили даже после того, как она решительно заявила, что на кладбище Пасси в Париже покоится тело ее сына, великого князя Георгия, а рядом с его могилой — маленький кусок земли, который графиня выкупила для себя.

Уоллис Уорфилд Симпсон

Уоллис Симпсон (1896–1986) — сначала любовница, а потом супруга Эдуарда VIII, герцога Виндзорского, короля Великобритании, который отрекся от британского престола ради брака с ней. Их любовь называли романом века. И правда — это казалось невероятным, чтобы ради любви к женщине король оставил трон и государство! Их любовь потрясла современников и продолжает поражать воображение по сей день…

19 июня 1896 года в Пенсильвании, за 17 месяцев до официального бракосочетания своих родителей родилась Бесси Уоллис Уорфилд. Ее близкие, воспитанные в патриархальных традициях, считали незаконное рождение ребенка большим

грехом, и, чтобы избежать скандала, мать с девочкой уехала к родственникам в Балтимор.

Официальные источники утверждают, будто отец Уоллис умер сразу после ее рождения. Неофициальные пишут, что он сбежал, оставив свою жену с младенцем на руках. Но Элис не пала духом и быстро смогла выйти замуж, и этот ее брак был удачным. Отчим очень хорошо относился к Уоллис, и у нее было счастливое детство.

В восемнадцать лет девушка вышла замуж в первый раз. Приехав на лето к родственникам во Флориду, она познакомилась с летчиком Уином Спенсером и через два месяца знакомства позволила отвести себя к алтарю. Новобрачные поселились там же, во Флориде, недалеко от военной базы, где служил Спенсер. Этот брак Уоллис был очень неудачным и продлился всего шесть лет, поскольку Уин любил выпить. И вскоре Уоллис подала на развод в связи с жестоким обращением. Ей удалось развестись, но все окружающие осуждали ее за этот поступок.

Уоллис уехала в Вашингтон, нашла работу в газете и стала искать себе нового мужа. Она была изящна, умна, хорошо воспитана, так что богатые холостяки с удовольствием брали ее с собой на светские рауты в качестве обязательной на таких мероприятиях спутницы. На одном из таких раутов Уоллис познакомилась с аргентинским дипломатом доном Фелипе Эспилем, красивым, богатым и очень представительным мужчиной. Сначала Уоллис хотела женить его на себе, но потом влюбилась и согласилась стать его любовницей. Их роман продлился всего год, пока Фелипе не нашел себе невесту с приданым. Он женился, а Уоллис осталась с разбитым сердцем. Она стремилась покинуть Америку и с радостью согласилась работать в американском консульстве в Китае. Здесь она познакомилась с мистером Эрнестом Симпсоном, английским бизнесменом, и в 1928 году они поженились и переехали в Лондон, где Уоллис создала настоящий светский салон, куда приглашались как представители богемы, так и представители высшего света.

Этот салон быстро завоевал популярность, и его хозяйка стала очень известной женщиной, так что неудивительно, что в 1934 году она познакомилась с принцем Уэльским.

Они впервые встретились в резиденции лорда и леди Фернис. Тельма представила Эдуарду свою новую подругу — Уоллис Симпсон. Принц увлекся Уоллис, хотя Тельма по-прежнему оставалась его любовницей. В начале 1934 года Тельма уехала в Америку, поручив Уоллис присматривать за принцем, а когда

вернулась из морского турне, Эдуард уже окончательно был влюблен в Симпсон.

20 января 1936 года умер король Георг V. На королевский престол взошел король Эдуард VIII. Надо было что-то решать в отношениях с Уоллис. Она предлагала расстаться, ведь так тяжело жить, когда вся английская нация ополчилась против тебя и твоей любви к монарху. Но Эдуард решил по-другому: «Если я могу жениться на ней, оставаясь королем, что ж, прекрасно. Но если правительство будет возражать против женитьбы, я готов уйти».

Король поставил в известность свою мать и братьев. Эдуард твердил, что готов отречься от престола, только бы жениться на Уоллис. Это вызывало гнев его родственников, придворных и подданных. Придворные смаковали все ходившие о фаворитке сплетни, а подданные просто не хотели видеть на троне американку. Они хотели «настоящую» королеву. Перед домом Симпсонов проходили настоящие манифестации с плакатами «Долой американскую проститутку!» и «Уолли, верни нашего короля!».

Уоллис, не выдержав давления, уехала из страны. Монарх был в отчаянии, королевская семья была потрясена происходящим. А 10 декабря на церемонии в Бельведерском замке король Эдуард VIII подписал свой последний королевский документ — отречение от британского престола. На следующий день этот документ был ратифицирован в парламенте, и «Его Королевское Высочество принц Эдуард», как объявили по радио, в последний раз обратился к английскому народу с трогательной речью, написанной им самим. «Вы должны понять меня, — говорилось в ней, — когда я говорю вам, что для меня оказалось невозможным нести тяжелое бремя ответственности и исполнять обязанности короля настолько хорошо, насколько я бы этого хотел, без помощи и поддержки женщины, которую я люблю».

В мае 1937 года Уоллис и Эдуард поженились, на свадьбе членов королевской семьи не было, не пришли и многие друзья. Герцога и герцогиню Виндзорских — такой титул был им дан по решению нового английского короля Георга VI — за несколько часов до брачной церемонии ждал еще один удар. Пришло послание от Георга VI, гласившее, что, хотя герцог и сохраняет за собой статус члена королевской семьи, его жена лишается этого права: никто не будет обращаться к ней со словами «Ваше Королевское Высочество». Герцог негодовал: «Ведь они мне обещали!» То был беспрецедентный случай — лишение статуса члена королевской семьи жены такой знатной особы.

Прошло время, король Георг VI умер, на престол взошла

королева Елизавета.

Весной 1972 года королева во время своей поездки во Францию посетила дом Эдуарда и Уоллис, тогда произошло их примирение. Через 11 дней герцог умер за месяц до своего 78-летия.

В Оксфордшире почетный караул встретил военный самолет, доставивший тело герцога Виндзорского. Его отвезли с торжественными почестями в Виндзорский дворец. Похороны состоялись 5 июня, во время службы королева взяла Уоллис под руку, давая понять, что не таит на нее зла.

А 24 апреля 1986 года умерла и герцогиня Виндзорская. По желанию Эдуарда ее тело было доставлено в Англию. Уоллис похоронена рядом со своим мужем…

XX век

Цзян Цин

Цзян Цин (1914–1991) — любовница, а потом жена лидера китайских коммунистов Мао Цзэдуна. После смерти Мао хотела стать его политической наследницей, но «заговор четырех» потерпел провал.

Цзян Цин родилась в 1914 (по другим сведениям, в 1912) году в провинции Шаньдун в семье мелкого предпринимателя Ли Дэвэня. В 1928 году поступила на театральные курсы, а затем вышла замуж за торговца по фамилии Хуан. Но вскоре они развелись. После развода Цзян Цин переехала в Циндао, где работала в университетской библиотеке. Она вращалась среди театральной публики, завязывая все новые знакомства.

Трудно сказать, какую карьеру хотела сделать юная Цзян Цин, но еще до знакомства с Мао она говорила, что выйдет замуж за «первого человека в Китае». В Яньане она появилась, когда ей было 26 лет. Она вынуждена была оставить актерскую карьеру. Причиной этому был скандал вокруг ее связи с актером и критиком Тан На. Когда Цзян Цин бросила своего покровителя и двоих рожденных от него детей, Тан На стал угрожать, что

покончит жизнь самоубийством. Вокруг этой истории поднялся шум, ее смаковали в газетах, при этом все указывали на Цзян Цин как на виновницу трагедии Тан На.

Уже тогда она знала, чего хочет. Но как Цзян Цин попала в окружение Мао? Еще в Шанхае до нее доходили слухи о вожде красных Мао Цзэдуне, и она могла только мечтать о встрече с ним. Мао заметил Цзян Цин во время ее поездки в Яньань. Он нашел ее и пригласил на свою лекцию. Цзян Цин сначала отказалась, но затем согласилась. Так началась эта связь, которая долгое время скрывалась от окружающих.

Их свадьба связана со скандальной историей. Известно, что в Политбюро ЦК КПК тогда выступали против развода Мао Цзэдуна с третьей женой Хэ Цзычжэнь. Но Мао Цзэдун заявил, что свою жизнь он будет устраивать, как пожелает. Кан Шэн — земляк Цзян Цин — сыграл главную роль в урегулировании этого нелегкого дела. Он поручился за Цзян Цин на Политбюро и с тех пор стал ее доверенным лицом.

Цзян Цин постоянно думала о чувствах Мао к ней, поскольку помнила о печальной судьбе своих трех предшественниц. Раньше она была актрисой. В 1939 году она вышла замуж за Мао и стала лишь неприметной домохозяйкой. Но в то же время начала играть еще одну, очень важную и убедительную роль, не просто жены, но друга и соратника. В своих воспоминаниях она писала, что ни разу, даже по ошибке, не назвала его мужем или по имени. Она всегда называла его только Председателем. Ни на что не претендуя, она пыталась быть полезной ему во всем. И незаметно в ее маленьких руках сосредоточилась большая власть.

В 1960 годы она снова открыто вмешалась в большую политику и оказала сильное влияние на стиль и методы «культурной революции» в Китае.

Цзян Цин стала помощником Председателя по вопросам культуры и образования. Газета «Жэньминь жибао» уже после ареста Цзян Цин сообщала о том, что в период «культурной революции» она стремилась всеми средствами убрать все следы своей былой деятельности.

Врагов у Цзян Цин и китайской культуры было много. Она провозгласила «крестовый поход». Цзян Цин выступала на митингах хунвэйбинов. В 1966 году она объявила, что началась гражданская война, считая ее единственным средством проведения в жизнь пролетарских начал. Цзян говорила, что носители буржуазных идей должны были подвергнуться «революционной ликвидации».

Особая гордость Цзян Цин — создание образцовых спектаклей «янбань си». В 1972 году во время визита в Китай

президента США Ричарда Никсона Цзян Цин пригласила его на представление революционного балета «Женский красный батальон».

«Культурная революция» вознесла Цзян Цин на вершину власти. Но она мечтала стать «красной императрицей», преемницей 70-летнего Мао. Говорят, когда Мао умирал, кто-то услышал, как Цзян Цин сказала: «Мужчина должен отрекаться в пользу женщины. Женщина тоже может быть монархом. Императрица может существовать даже при коммунизме».

Сейчас утверждают, что перед смертью Мао предупреждал партию о попытке переворота со стороны Цзян Цин. В сентябре 1976 года Мао неожиданно скончался, что привело к резкому обострению политической ситуации. Цзян и ее приближенные были вскоре арестованы во дворце. А затем появились официальные сообщения о заговоре «банды четырех» — Чжан Чуньцяо, Ван Хунвэня, Цзян Цин, Яо Вэньюаня.

Падение Цзян Цин было стремительным. Она в одно мгновение потеряла все: власть, политический вес и, главное, заманчивую перспективу повторить судьбу жен императоров Китая, которые наследовали их корону, деятельность и культ. За арестом Цзян не последовало никаких потрясений ни в партии, ни в государстве. Пожизненное заключение она отбывала сначала в тюрьме, а затем в хорошо охраняемом особняке. Ее жизнь оборвалась ранним утром 14 мая 1991 года, ее обнаружили повесившейся в одной из комнат ее резиденции.

Так закончилась жизнь и карьера жены великого Мао, о которой когда-то мечтала молодая актриса с красивым именем Цзян Цин, в переводе — «Голубая Река».

Эва Перон

Эта знаменитая женщина была сначала любовницей, а затем женой аргентинского президента Хуана Перона. Народ боготворил ее и поддерживал практически во всем. О судьбе Эвы и ее роли в истории Аргентины спорят уже давно, но пока так никто и не смог раскрыть тайну притягательности этой необыкновенной женщины.

Эва Перон (1919–1952), урожденная Мария Эва Дуарте, появилась на свет в Лос-Толдосе, в 150 милях от Буэнос-Айреса. Она была четвертым внебрачным ребенком у Хуаны Ибаргурен от землевладельца Хуана Дуарте. Она росла слабой девочкой. Однажды Эва опрокинула на себя сковороду кипящего масла, и врачи говорили, что останутся страшные рубцы. Но когда спустя

время доктор снял повязки, оказалось, что под ними абсолютно чистая кожа без рубцов.

В 1926 году Хуан Дуарте погиб в автомобильной катастрофе, после чего его законная жена предъявила права на наследство, и Хуана с детьми лишилась дома. Они переехали в соседний город Хунин. Несмотря на тяжелое материальное положение и осуждение окружающих, мать смогла найти трем старшим дочерям обеспеченных мужей, а сына определить на военную службу в Буэнос-Айрес. Эва же в 1935 году сбежала в Буэнос-Айрес с одной целью — стать актрисой.

Больше года девушка напрасно пыталась найти место в театрах и радиостудиях, подрабатывая официанткой и манекенщицей. Однако она была очень целеустремленной: смогла побороть свой провинциальный акцент и умудрилась, правда, не без помощи покровителя, устроиться в театр «Комедия», где девушке доставались маленькие роли. Профессионально Эва никогда и ничему не училась, не посещала никаких курсов актерского мастерства. Высот на театральных подмостках она так никогда и не достигла. Но затем другой покровитель обеспечил ей рекламный контракт, и именно здесь открылся ее настоящий талант как модели. Вскоре фотографии Эвы стали появляться во многих журналах.

Огромной удачей для нее стало заключение в 1938 году контракта на рекламу по радио продукции известной компании «Гереньо», которая производила мыло. Эвита начала работать диктором, но мечтала о радиотеатре. В 1939 году целеустремленная девушка организует первую актерскую группу для работы над коротким радиоспектаклем.

А уже с 1941 года Эва полностью сосредотачивается на радиопостановках и радиорекламе, оставив театр. Ее имя становится известным, ее фотографии появляются на обложках журналов, она также получает несколько небольших ролей в кино.

1943 год для Эвы стал переломным. Тогда ее, беременную, бросил очередной покровитель, а в результате неудачного аборта она чуть не умерла. После того как она вышла из больницы, Эва поняла, что все ее контракты закончились и теперь она нищая и безработная.

Этот год стал переломным и для всей страны. В июле в Аргентине под руководством полковника Хуана Доминго Перона был совершен военный переворот. Эва еще не знала, что этот мужчина — ее судьба, и ответила взаимностью полковнику Анибалу Франсиско Имберто, который был новым директором телеграфа и почты и держал в подчинении все радиостанции

страны. Девушка уже в сентябре получила контракт на исполнение главных ролей в радиопостановке «Героини в истории».

С Хуаном Пероном Эва познакомилась в 1944 году. Она с другими артистами была приглашена на официальную встречу по организации сбора средств в помощь жертвам землетрясения в городе Сан-Хуане. Эва подошла к полковнику и сказала только одну фразу: «Спасибо за то, что вы существуете». В ту же ночь они стали любовниками и больше никогда не расставались…

В 1944 году ее назначили диктором новой политической радиопередачи «Навстречу лучшему будущему», которая выходила в эфир несколько раз в неделю. Эта программа пропагандировала деятельность секретариата труда и его руководителя. Под влиянием Перона ее гонорары на радио и время эфира увеличили в несколько раз. А она вдруг отчетливо поняла, что он — мужчина ее мечты. Вот как она писала ему: «Я так тебе предана, любовь моя, что если бы Бог пожелал лишить меня счастья и забрал к себе, я и в смерти осталась бы тебе предана и обожала бы тебя с небес».

Эва решила стать незаменимой для любимого и организовала для сторонников и друзей Перона салон, в котором играла роль хозяйки. Она также вошла в курс всех его дел, интриг, планов, появлялась вместе с ним на митингах и профсоюзных собраниях. Она любила повторять, что ее постоянные идеалы — это Перон и народ, а она поднимает свое знамя за его дело. И вместе с ней это повторяли тысячи аргентинцев.

В октябре 1945 года наступил ключевой момент в их отношениях. Во время очередного военного переворота Перона арестовали. Эву сразу же уволили с работы, ее машину забросали камнями митингующие студенты, и в то же время ей передали от Перона записку: «Лишь сейчас я понял, как люблю тебя. Как только окажусь на свободе, мы поженимся».

Эва незамедлительно отправилась к профсоюзным лидерам, которых опекал Перон, и рабочим, которые его поддерживали. На импровизированном митинге она говорила о том, что будущее страны арестовано вместе с Пероном.

17 октября 1945 года вошло в историю Аргентины как дата «освобождения Перона народом» и возникновения перонистского движения. В этот день тысячи рабочих собрались перед президентским дворцом на Майской площади, требуя «вернуть полковника». Беспорядки в городе продолжались два дня, в результате Перон был освобожден. Он сразу же выдвинул свою кандидатуру на пост президента. А 22 октября 1945 года состоялась свадьба с Эвитой. Так полковник исполнил обещание,

которое дал во время ареста. С этого времени Эва полностью оставила работу в кино и на радио и постепенно вошла в штаб ближайших помощников Перона.

Перон хотел вовлечь ее в политическую борьбу, поскольку считал, что рядом с кандидатом в президенты должна быть жена, олицетворяющая возросшую роль женщины в современном мире. К тому же он намеревался предоставить право голоса женщинам Аргентины. Во время выступлений Эва постоянно была рядом с ним — сначала Хуан говорил о политике, а потом Эва рассказывала о своей любви к Перону и народу.

В феврале 1946 года на президентских выборах Перон одержал убедительную победу. Эва стала первой леди страны. После победы она превратилась в одну из самых влиятельных женщин Аргентины. Она играла важную роль в правительстве, хотя официально не занимала никакого поста.

Ее жизнь отныне была расписана по минутам. Первая леди вставала в три часа утра, чтобы отдать распоряжения, а в пять часов требовала отчет о выполнении, много ездила по стране, лично принимала множество просителей.

Но главной для Эвиты стала забота о бедняках, к числу которых недавно принадлежала и она сама. Благодаря ей были приняты несколько законов, которые облегчали жизнь рабочих, а после ее обращения к парламенту женщинам страны предоставили избирательное право.

В 1946 году Эва основала благотворительный фонд, куда стекались отчисления от зарплат, доходы от торговли, проценты от прибыли и пожертвования.

Первая леди лично распределяла деньги: открывала детские сады, библиотеки, больницы, приюты, ежегодно рассылала более миллиона посылок с подарками, а также раздавала дома, квартиры и стипендии. Она семь тысяч восемьсот раз становилась крестной матерью и около шести тысяч раз была посаженой матерью на свадьбах.

Естественно, что простой народ буквально молился на нее: алтари с ее портретом были практически во всех бедных домах Аргентины. Народ называл ее «возглавляющей смиренных», «несущей надежду», «духовной руководительницей нации» и «мученицей труда».

Однако среди богатых отношение к супруге Перона было совсем другое. Ее фонд прибирал к рукам газеты и радиостанции, которые не соглашались с перонистской идеологией, фабрики и заводы, чьи владельцы слишком мало, на взгляд Эвиты, отчисляли в ее фонд. Говорили, что она закрыла все театры, которые когда-то не брали ее на работу, уволила всех, кто

осмеливался спорить с ней, что деньги фонда тратятся на ее наряды и драгоценности…

Это действительно было правдой, и она никогда этого не отрицала. Считая себя матерью аргентинского народа, Эва Перон взяла на себя ответственность за все, что происходило в стране: от неудавшейся личной жизни воспитанниц сиротского приюта, которым она нашла мужей, до назначений на министерские посты. Разъезжая по бедным кварталам в шикарной машине, Эвита выходила к беднякам со слезами сочувствия на глазах, но с бриллиантовыми кольцами и в шикарной шубе, а люди буквально падали перед ней на колени. В этой роскошной одежде она казалась им едва ли не святой, воплощением богатства, благополучия и счастья.

Вскоре Эвита едет в Европу. «Радужный тур» продолжался с 6 июня по 22 августа 1947 года. Представляя новую Аргентину, она удостоилась длинной аудиенции у Папы Римского Пия XII, получила из рук генерала Франко орден, встретилась с президентами Франции, Италии, Португалии, Швейцарии, Бразилии и Уругвая. Результатом поездки стали миллиардные контракты на поставку мяса и зерна.

Отныне Эвита одевается только у лучших европейских кутюрье: Шанель, Кристиан Диор, Баленсиага, Сальваторе Феррагамо. Она становится иконой стиля не только в Аргентине, но во всей Латинской Америке.

Она пользовалась огромным влиянием, не занимая ни одной официальной должности. Последний раз уже ослабевшая от страшной болезни Эвита появилась на публике 4 июня 1952 года в день второй инаугурации Перона. Ее последняя речь была о муже: «Я никогда не перестану благодарить Перона за то, чем я являюсь и что имею. Моя жизнь принадлежит не мне, а Перону и моему народу, они — мои постоянные идеалы. Не плачь по мне, Аргентина, я ухожу, но оставляю тебе самое дорогое, что у меня есть, — Перона».

С тех пор как объявили о том, что у первой леди страны диагностировали рак, вся Аргентина молилась о ее здоровье. 26 июля 1952 года Эвита скончалась, а страна погрузилась в глубочайший траур.

В Ватикан пришло более сорока тысяч писем с требованием канонизировать Эву Перон как святую, которая отдала все силы и жизнь в борьбе с бедностью. После официального прощания тело Эвиты было мумифицировано.

Ее тело было выставлено на обозрение, пока Перона не свергли в 1955 году. Тогда останки перевезли в Милан и похоронили там под именем Марии Маджи Маджистрис. После

возвращения Перона к власти ее снова перезахоронили в Аргентине в семейном склепе родственников ее отца Дуарте.

Грейс Келли

Этой сильной и удивительной женщине удалось воплотить в жизнь свои детские мечты. Она стала звездой экрана, добилась всемирной славы и вышла замуж за самого настоящего принца. Грейс Келли (1929–1982) стала иконой стиля при жизни и превратилась в легенду после смерти.

Грейс Патриция Келли появилась на свет 12 ноября 1929 года в Филадельфии. Ее отцом Джеком Келли восхищались многие. Начав с каменщика, он стал владельцем собственной фирмы «Келли. Кирпичные работы», которая превратила его в миллионера. Он любил спорт и увлекался греблей, а в 1920 году стал олимпийским чемпионом по академической гребле.

Маргарет Майер, мать Грейс, была очень привлекательной: ослепительная блондинка с высокими скулами и решительным подбородком. Своих дочерей она всегда пыталась представить окружающим в естественном виде. Сама стригла им волосы и старалась привить девочкам равнодушие к модным нарядам.

Маленькая Грейс была очень привязана к отцу. Его стиль жизни и оказал сильное влияние на формирование Грейс как личности. Однако деловую хватку, силу воли и настойчивость вложила в нее именно мать.

Девочка росла очень чувствительным ребенком, она могла часами играть со своими куклами, придумывая для них разные пьесы и истории, поскольку любила уединение. Конечно, она занималась спортом, но абсолютно не видела себя в нем. В религиозном колледже Рейнхилл Грейс получила строгое католическое образование. Именно там в шестилетнем возрасте она впервые вышла на сцену в роли Девы Марии в театрализованном рождественском представлении. В 1947 году Грейс поступила в Американскую академию драматического искусства в Нью-Йорке — самую знаменитую частную театральную школу.

В Нью-Йорке от робкой девушки не осталось и следа. Она стала очень общительной и великолепно вписывалась в любую компанию. В первый же день занятий в Грейс влюбился Херби Миллер. Они стали встречаться, однако не забывали и об учебе: вместе оттачивали мастерство, упражнялись в постановке голоса. Миллер подрабатывал манекенщиком и однажды взял Грейс с собой к фотографу, который сделал несколько ее снимков. Так

фотография Грейс появилась на обложке журнала «Редбук», а потом и других. Не приложив никаких усилий, она стала манекенщицей. Она позировала для рекламы сигарет, клопомора, нижнего белья… Грейс сама стала зарабатывать на учебу и жизнь.

Но девушка не привыкла сорить деньгами, она умела экономить. Первое, что делала Грейс со своими деньгами, — отправляла отцу, чтобы он заплатил за ее обучение и проживание. Грейс хотелось все делать самой, в отличие от ее брата и сестер.

Грейс добивалась успеха с поражающей всех легкостью, что вызывало зависть у окружающих ее, знакомых и друзей.

Огромным достижением было и то, что в 1948 году Келли перешла на второй и последний курс Американской академии драматического искусства, так как отбор был очень жесткий, остались лишь самые талантливые и трудоспособные студенты.

После того как Грейс попала в группу к Дону Ричардсону, между ними завязался роман, но свои отношения они скрывали. Весной 1949 года Грейс решила представить Дона своим родителям. Джек Келли встретил Ричардсона с недоверием, а мать, порывшись в вещах Дона, обнаружила, что тот официально женат. Ричардсона выставили из дома, а между Грейс и родителями произошел скандал.

Но Грейс, как одна из лучших выпускниц академии, получила роль в спектакле театра округа Бакс и, блестяще с ней справившись, была приглашена для участия в спектакле на Бродвее. Родители вынуждены были отпустить ее в Нью-Йорк. Здесь Грейс возобновила свидания с Доном Ричардсоном. Но семья не оставила их в покое: отец и брат постоянно донимали любовника Грейс угрозами и оскорблениями. Постепенно свидания становились все более редкими. Наконец Дон обнаружил, что он не единственный любовник молодой актрисы.

Клодиуса Шарля Филиппа, распорядителя банкетов знаменитого отеля «Уолдорф-Астория», трудно было назвать красавцем, но он обладал особым шармом и магнетизмом, и женщины находили его совершенно неотразимым. Сорокалетний Филипп совершенно околдовал Грейс, однако, судя по всему, влечение было взаимным. Он был из тех мужчин, к которым начинающая актриса Бродвея питала слабость. Зрелый, опытный, большой любитель пускать пыль в глаза, он вел себя с юной женщиной как диктатор и покровитель. Он открыл для нее мир изысканных лакомств и вин, а ей хотелось с его помощью попасть в высший свет Нью-Йорка. Филипп, который порвал со своей второй женой, готов был жениться на Грейс. Но отец девушки, узнав о ее новом романе, пришел в ярость. Он и слышать не хотел

о дважды разведенном муже для своей дочери, да еще и заведовавшем банкетами. Так отец уже во второй раз помешал скоропалительному браку дочери, но она еще некоторое время встречалась с Филиппом. Именно поэтому, проводя много времени в отеле «Уолдорф-Астория», Грейс сумела познакомиться с шахом Ирана Пехлеви, прибывшим для переговоров с президентом. Филипп представил ее шаху на торжественном приеме, и Пехлеви пригласил девушку немного развлечься. Грейс и не подумала отказаться.

Роман симпатичной блондинки и красавца шаха был замечен репортерами светских хроник. Из газет мать Грейс узнала, что дочь получила в подарок от монарха несколько драгоценных вещиц. Она прилетела в Нью-Йорк и потребовала, чтобы дочь вернула подарки. Это были золотая косметичка, украшенная бриллиантами, золотой браслет с часами, тоже с бриллиантами и жемчугом, и брошь из золота в виде птички в клетке с бриллиантовыми крылышками и сапфировыми глазками. Перед отъездом шах сделал Грейс предложение, но она отказала, правда, оставив себе на память драгоценности на сумму в десять тысяч долларов. Позже, перед своей свадьбой, она раздарила их подружкам.

На Бродвее дебют Грейс состоялся 16 ноября 1949 года, спустя четыре дня после ее двадцатилетия. Юная актриса полностью оправдала надежды режиссера, с убедительностью и шармом сыграв растерянную, несчастную дочь. Но спектакль в целом был мрачноват и быстро сошел с подмостков. После этого Грейс долго не могла получить роль: для того чтобы успешно конкурировать на жестоком, не знающем снисхождения бродвейском рынке рабочей силы, начинающей актрисе не хватало голоса и умения подать себя. Единственное, в чем ей нельзя было отказать, — это в целеустремленности. Она учила роль за ролью, обивала пороги продюсеров, но безуспешно. Ей не хватало выразительности, огонька, — внешне она была слишком робка и застенчива — «заторможенная», говорили агенты. Но на театре свет клином не сошелся: телевидение быстро набирало силу. Телепостановки, начиная с 1948 года, стали регулярно выходить в эфир. Грейс играла в спектаклях Си-би-эс и Эн-би-си. Видеозапись еще не была изобретена, спектакли шли вживую, и у актеров не было права на ошибку. Именно на телевидении Грейс Келли прошла хорошую актерскую школу. С 1950 по 1953 год она сыграла более чем в шестидесяти телепостановках, она буквально хваталась за каждую новую роль, выучивая реплики за пару дней. О ней вспоминают как о настоящем профессионале, кроме того, она всегда была дружелюбно настроена и поднимала всем

настроение своим присутствием.

Летом она играла в театре «Элитч гарденс» на гастролях, но ее агент — Эдди ван Клив, с которой ее познакомил Дон Ричардсон — продолжала искать для нее более престижные контракты. И однажды она вызвала Грейс в Голливуд — на пробы на главную роль в фильме с Гэри Купером. До этого она снялась один раз в крохотном эпизоде в фильме, который не имел успеха. На этот раз продюсер Стэнли Крамер искал на главную роль еще никому не известную актрису, поэтому он выбрал Грейс. Она произвела впечатление скованной, боязливой и невыразительной девушки. Именно такой и должна была быть героиня фильма — жена шерифа, который в одиночку вступает в борьбу с бандой негодяев. Пятидесятилетний Гэри Купер в то время остро переживал затянувшуюся размолвку с супругой. Его донимал артрит, боли в спине и язва желудка. Но, благородный и обаятельный, он словно был создан для романа с Грейс. Однако этого не произошло.

Купер получил за эту роль «Оскара», как и композитор фильма. Блестящей была и работа оператора. Лишь Грейс была страшно недовольна собой. Она была в ужасе, посмотрев «Полдень», и поступила в класс к величайшему мэтру американского драматического искусства Мейснеру. Грейс снова училась актерскому мастерству.

Предложенная вскоре роль в фильме «Могамбо» студии «Метро-Голдвин-Майер» (МГМ) была весьма заманчивой для Грейс. Ей предстояло сниматься со знаменитыми Кларком Гейблом и Авой Гарднер, но она должна была ради этого подписать семилетний кабальный контракт с МГМ. Грейс пошла на это и в результате оказалась на съемках в Африке. Кларк Гейбл был на двадцать восемь лет старше Грейс Келли, и ему явно недоставало красноречия. Однако он был большой мастер хитро улыбаться в усы и без труда покорил сердце Грейс. Парочка и не думала притворяться, они почти все время были неразлучны. Но когда труппа вернулась, о романе прослышала мать Келли. Она прилетела к дочери, и Кларк Гейбл решил дать отбой молоденькой любовнице. Четырежды женатый, переживший бессчетное количество романов, Гейбл, умудренный опытом, знал, когда нужно поставить точку.

Сразу же после съемок в «Могамбо» великий Хичкок предложил Грейс роль в своем фильме «В случае убийства набирайте “М”. Юная актриса была единственной женщиной во всем актерском составе. Хичкок снимал фильм для компании «Уорнер бразерс», которая вынуждена была заплатить студии МГМ за Грейс двадцать пять тысяч долларов. Однако, прежде чем

сниматься у Хичкока, актриса успела поработать в телеспектакле с французским актером Жан-Пьером Омоном, который ненадолго стал очередным ее любовником. Хичкок, наблюдая за Грейс на съемках, назвал ее «заснеженным вулканом».

Озабоченная тем, чтобы всегда выглядеть респектабельно, Грейс Келли в частной жизни позволяла себе редкостное безрассудство. Когда дело доходило до секса, в ней просыпалось нечто от отцовского авантюризма, и она безоглядно отдавалась физическому и эмоциональному влечению, представлявшему собой полное противоречие тем моральным и религиозным принципам, которым искренне старалась следовать. Ее следующий роман — с Реем Милландом — получил широкую скандальную огласку, поскольку Рей был женат, и его жена имела многих влиятельных друзей. Родители бросились спасать Грейс и увезли из Голливуда. Но она тут же получила два новых заманчивых предложения и выбрала фильм Хичкока «Окно во двор». Этот фильм стал первым, вошедшим в разряд неповторимой классики Грейс Келли, первый фильм, пронизанный ею и только ею. «Окно во двор» вызвал единогласный хор восторженных отзывов и побил все кассовые рекорды. Грейс Келли в том образе, в каком ее запечатлел Хичкок, была удивительным, упоительным созданием: легкая, порывистая, сияющая чистотой и здоровьем.

Следующим фильмом Грейс был «Мосты у Токо-Ри», и ее партнер по съемкам Уильям Холден в очередной раз стал ее партнером по сексу. И еще раз Грейс попыталась выйти замуж, и в очередной раз жениха выставил за дверь ее отец. Хотя последний фильм Грейс не вызвал ажиотажа, но его постановщики Перлберг и Ситон рассчитывали на молодую звезду в своем следующем фильме «Деревенская девушка». За пятьдесят тысяч долларов студия «Парамаунт» выкупила Грейс у МГМ, и она начала сниматься в новом фильме с пятидесятилетним бывшим певцом, а теперь пьяницей, Бингом Кросби. Он трогательно ухаживал за своей партнершей и даже сделал ей предложение, но Грейс отказала ему.

И снова Хичкок «выкупил» Грейс для своего очередного фильма «Поймать вора», съемки которого состоялись в Каннах. Туда же вылетел давний поклонник Грейс модельер Олег Кассини — самый утонченный, изобретательный и веселый из кавалеров новой голливудской звезды. Он был сыном русского дворянина-эмигранта, обосновавшегося в Италии. Олег довольно долго домогался Грейс, посылая цветы, короткие веселые письма и регулярно звоня по телефону. Наконец актриса решила, что пора вознаградить поклонника за его старания. В списке любовников

Грейс Олегу Кассини должно по праву принадлежать одно из первых мест. Он резко отличался от других мужчин, встречавшихся ей прежде. Что бы он ни предпринимал, любое его действие несло на себе отпечаток мысли и изобретательности. Этот роман оказался самым долгим и самым серьезным, а в какой-то момент — самым общепризнанным из романов Грейс.

Когда съемки подошли к концу и приблизился день возвращения в Голливуд, Кассини сделал актрисе предложение. Она с восторгом приняла его: ей было уже двадцать четыре года. Но семья Келли в очередной раз не одобрила выбор дочери. Они выдвинули свое требование: шестимесячный испытательный срок. Грейс согласилась. Она даже не пыталась защитить свою любовь и своего возлюбленного, которого мужчины ее семьи буквально унижали. Но и сам Кассини не проявил достаточно настойчивости и характера. Дело в том, что два его предыдущих брака оказались неудачными. Он не был уверен, что, поступив вопреки воле родителей невесты, сумеет сделать ее счастливой.

В начале 1955 года Грейс Келли была удостоена «Оскара» за лучшую женскую роль 1954 года.

Грейс вернулась в свое бунгало в отеле «Бель-Эр» уже под утро. Она была одна, и лишь «Оскар» составлял ей компанию. Грейс поставила миниатюрную фигурку на туалетный столик, а сама забралась на кровать. Она смотрела на статуэтку, воплощавшую столько усилий, надежд и самопожертвования. Грейс никогда в жизни не чувствовала себя так одиноко.

На Каннский фестиваль 1955 года Грейс Келли пригласили в качестве главы голливудской делегации. Там же оказался ее бывший любовник Жан-Пьер Омон. Они возобновили свой роман. Влажный песок, красная пыль, обеды в увитых виноградом ресторанчиках на холмах… Однажды, беседуя за ленчем с Жан-Пьером, Грейс сказала, что не сможет встретиться с ним сегодня еще раз. Ей предстояло нанести визит князю Ренье в его дворце. Эта идея пришла фотографу «Пари матч» Пьеру Галанту: ему хотелось сделать оригинальную фотографию для обложки журнала.

Монакский князь опаздывал. Когда же тем майским днем около четырех часов пополудни мисс Келли наконец обменялась рукопожатием с князем Ренье III, она, несомненно, была образцом изысканности. Его Светлейшее Высочество — тридцати одного года от роду и холостой — явно пришел в восторг от встречи с кинозвездой.

В пятницу вечером, 23 декабря 1955 года, Грейс прилетела в Нью-Йорк и, оставив вещи швейцару, отправилась на рождественскую вечеринку к друзьям. Она лучилась энергией и

весельем и без умолку щебетала о своей новой картине «Лебедь». Но на протяжении всего вечера в окружении ближайших подруг и словом не обмолвилась, что через день ее должен навестить в Филадельфии, у родителей, Его Светлейшее Высочество князь Ренье.

В тот рождественский день Грейс вся превратилась в комок нервов. Ренье, со своей стороны, пытался отогнать от себя мысли о том, что он устраивает отнюдь не личное, а государственное дело. Но едва переступив порог дома Келли, князь тотчас же завязал с Грейс разговор. Гостя оставили ночевать в доме по соседству, у старшей сестры Пегги, где Ренье и Грейс получили возможность побыть вдвоем, играя в карты. Когда парочка наконец вышла из соседней комнаты, оба счастливо улыбались. Оставалось только завершить формальности, и на этот раз никто из семейства Келли не воспротивился браку дочери, хотя все они были уверены, что Ренье для Грейс — практически незнакомый человек. Однако это было не совсем так. На самом деле после ее визита во дворец князя голливудская кинозвезда догадалась написать ему еще из Канн коротенькое вежливое послание с благодарностью за гостеприимство. Так завязалась переписка, и на протяжении последних шести месяцев актриса общалась с этим противоречивым и ужасно застенчивым человеком. Ей нравилось читать его длинные письма, в которых он предстал перед ней мудрым и остроумным, обезоруживающе честным человеком.

Князь Ренье стремился избежать шумихи в прессе, но будущий тесть объяснил ему, что это невозможно. Пришлось устроить встречу для журналистов прямо в особняке Келли. 5 января дом был заполнен журналистами и фоторепортерами. Князь выдержал эту пытку, но когда то же самое повторилось в Нью-Йорке, он держался с газетчиками натянуто и сухо. Грейс же парила на крыльях. Ее помолвка развязала все сложные узлы: желание создать семью и в то же время оставаться на виду, страх потерять популярность, запутанные отношения с возлюбленными… Все так удачно решалось для нее.

Правда, возникла еще одна сложность: Грейс боялась предстоящего медицинского обследования. Дело в том, что врач князя должен был убедиться, что будущая княгиня Монако способна выносить наследника престола. Голливудскую звезду смущало то, что медики обнаружат, что она не девственница. Выход подсказал преданный друг Дон Ричардсон: «Скажи, что ты «порвалась», занимаясь физкультурой в школе». И уловка удалась. Разумеется, Грейс даже и в голову не пришло, что она должна быть честной с будущим мужем. Она очень хотела этого

блестящего брака и понимала, что для монарха или князя добродетель супруги была неотъемлемым требованием. Ренье поверил в образ чистой, непорочной, застенчивой звезды, и этого было достаточно. Казалось, Грейс совершенно не заботило то, что почувствует ее муж, если он узнает или догадается… Она надеялась, что любовные приключения Грейскинозвезды постепенно забудутся и канут в Лету. К двадцати шести годам Грейс больше всего на свете хотела стать женой и матерью. На кинокарьере, по желанию жениха, она решила поставить крест.

Около десяти часов утра 12 апреля 1956 года путешествие длиной в четыре тысячи миль на океанском лайнере «Констанция» подошло к концу. Ровно в пол-одиннадцатого из гавани вынырнуло небольшое белое судно — старинная княжеская яхта. Его Светлейшее Высочество князь Ренье прибыл за своей невестой. Грейс выглядела потрясающе. На ней было длинное элегантное пальто из темного шелка и круглая белая шляпка из накрахмаленного муслина, бросавшая на ее лицо загадочную тень. Из самолета над головами Грейс и Ренье посыпался дождь из красных и белых гвоздик — подарок от Аристотеля Онассиса. Свадебная церемония должна была состояться ровно через неделю, и все семь дней были посвящены приемам и вечерам.

18 апреля в тронном зале монакского дворца Грейс Патриция Келли прошла первую из трех свадебных церемоний — гражданскую. Потом ритуал повторили для киносъемок. Заключительная — религиозная — церемония в соборе должна была состояться на следующий день. В этот же день был устроен шикарный прием в дворцовом саду для всех совершеннолетних жителей княжества, которых угощали гигантским свадебным тортом. Завершилось грандиозное празднество фейерверком. День венчания ознаменовался ясным солнечным утром. Ренье был в псевдомундире, расшитом золотыми листьями, с орденами и медалями. Грейс была сама элегантность под облаком фаты, оборок, складок, тафты и кружев. В тот день в облике невесты было нечто мистическое, словно она пребывала в трансе.

После венчания гости были приглашены во дворец. Вскоре жених с невестой незаметно исчезли, а через час вернулись в дорожной одежде. Молодых провезли в открытой машине к гавани, они взошли на яхту Ренье и вскоре отчалили. Большую часть медового месяца они провели в плавании вокруг Корсики. Они вернулись из морского путешествия, где Грейс часто испытывала приступы тошноты, и врачи подтвердили: княгиня ждет ребенка.

Грейс успела почувствовать тяжелый характер Ренье еще во

время их помолвки в Америке, однако она вовсе не ожидала, насколько вспыльчивым и несдержанным окажется князь. Полгода романтической переписки и нескольких дней рождественского веселья было недостаточно, чтобы хорошо узнать спутника жизни. Но, с другой стороны, имел ли князь достаточно верное представление о характере и натуре своей будущей жены?

В те дни, когда они ожидали своего первенца, Ренье проявил себя заботливым мужем. Грейс родила здоровую девочку весом почти четыре килограмма. По этому случаю в Монако был объявлен национальный праздник. Спустя год и два месяца Грейс обеспечила семью и страну законным наследником. Его назвали Альбер Александр Луи Пьер.

Для маленького княжества этот брак был настоящей удачей: он вдохнул новую жизнь в игорный бизнес, дав ему рекламу, в которой он так нуждался, и, соответственно, доходы. Дело в том, что во время Второй мировой войны Гримальди оказывали помощь фашистам, что не могло не сказаться на послевоенной жизни княжества: его популярность резко упала, богатые клиенты упорно игнорировали местные казино, и банкротство княжества казалось неизбежным. К моменту свадьбы большая часть собственности княжества принадлежала греческому миллиардеру Аристотелю Онассису. Для того чтобы заманить в игорные залы богатых клиентов из США, Онассис даже хотел устроить брак Мэрилин Монро с князем, считая, что это должно поднять пошатнувшийся рейтинг княжества. Но тут появилась Грейс, которая удовлетворяла всем требованиям, предъявляемым к будущей жене князя: она была красива, американка по происхождению и к тому же известная актриса.

Грейс Келли оправдала все возложенные на нее надежды, став для принца идеальной женой. Ее классическая американская непосредственность привела к возросшей популярности Монако. Грейс любили, ее считали эталоном стиля и женского обаяния.

Она занималась благотворительностью. С ее появлением во дворце стало традицией проводить рождественские елки для всех детей Монако. Грейс навещала дома престарелых и сирот, открыла в Монако больницу, детский сад в помощь работающим матерям. А Красный Крест Монако под ее управлением стал одним из самых известных в мире по оказанию помощи жертвам военных конфликтов и стихийных бедствий.

Ренье и Грейс очень серьезно относились к воспитанию своих детей. Это было их «совместным предприятием», и они всегда сообща решали любые возникшие проблемы. Супруги считали себя строгими родителями, но дети, конечно, росли

избалованными, особенно третий ребенок, принцесса Стефания Мария Елизавета, любимица всей семьи, родившаяся в 1965 году. Ее баловали без меры. А в 1967 году беременность Грейс закончилась трагически. Операция, которой она подверглась, среди врачей называлась запоздалый аборт. Ребенок, мальчик, был мертв в ее чреве уже более месяца. Врачи сказали, что она больше никогда не сможет иметь детей, что для Грейс было настоящим ударом.

Однако ее семейная жизнь шла не так гладко, как могло показаться со стороны. У супруга был вспыльчивый и раздражительный характер, его настроение часто менялось. И Грейс все чаще чувствовала себя одинокой. Она нашла себе занятие: собирала полевые цветы, засушивала их, а затем, наклеив на картон, помещала в рамку. Кто-то предложил ей устроить выставку своих работ. Успех был потрясающим. Ренье отнесся к этому весьма странно. Он стал ревновать к славе и популярности жены, понимая, что у него нет тех качеств, которые есть у супруги. Их отношения заметно ухудшились именно тогда, когда ей так необходимы были любовь и понимание. Стало ясно, что жизнь со «сказочным принцем» ничуть не лучше, чем с простым смертным.

Для Грейс еще одной проблемой стало то, что после сорока лет она стала полнеть. Она отчаянно пыталась сохранить былую красоту, но поединок с природой был проигран. Дети выросли и тоже редко ее радовали: о неудачном романе старшей дочери Каролины знали все, сын Альбер интересовался только спортом и женщинами, а не государственными делами, а младшая Стефания и вовсе росла «трудным подростком», гоняя на мотоцикле вместе с сыном актера Жан-Поля Бельмондо. Семья, ради которой Грейс пожертвовала своей карьерой, перестала быть надежным тылом. Каждый жил своей жизнью, мало считаясь с интересами других. Княгиня теперь мечтала лишь об одном: вырваться из золотой клетки на свободу.

В апреле 1981 года Грейс и Ренье отпраздновали серебряную свадьбу. К этому времени они отстранились друг от друга, но стали хорошими друзьями.

В ясный и погожий день 13 сентября 1982 года Грейс со своей дочерью Стефанией решила ехать в Монако. Шофер уже стоял возле машины, готовый к поездке. Но Грейс сказала, что шофер им не нужен, они поедут одни. Она хотела по дороге серьезно поговорить с дочерью, которая вдруг решила учиться вождению гоночных машин. Водитель грузовика Ив Фили, который ехал за их машиной, увидел, что автомобиль вместо того, чтобы затормозить, начал разгоняться на одном из поворотов горной

дороги, не вписался в поворот и упал в пропасть глубиной около 45 метров. Машина несколько раз перевернулась и упала колесами вверх. Грейс отвезли в больницу. Стефания, вся в синяках и истерично рыдающая, отправилась за матерью.

14 сентября возле дверей палаты Грейс доктор Шатлен встретился с Ренье, Каролиной и Альбером. Доктор заявил, что состояние Грейс безнадежно. Ренье и дети попрощались с Грейс, аппарат искусственного жизнеобеспечения был отключен.

Грейс Патриция Келли, княгиня Монакская, скончалась 14 сентября 1982 года в возрасте 52 лет.

Похороны состоялись вскоре. Список прибывших свидетельствовал о том, что своему престижу невзрачное княжество обязано именно Грейс. Князь плакал, не стесняясь слез. Люди рыдали прямо на улицах. Большинство из них ни разу не встречались с Грейс, но скорбь их была искренна.

На протяжении 52 лет своей жизни Грейс стала для своего поколения чем-то вроде талисмана. Она превратилась в некое подобие иконы, стала мифом. Она никогда не предавала свою мечту и славу заслужила сполна.

Грейс была похоронена 18 сентября в семейном склепе Гримальди после реквиема в соборе Святого Николая в Монако. На службе было 400 гостей, среди которых присутствовали представители иностранных правительств и члены европейских королевских домов. Британский королевский дом представляла Диана, принцесса Уэльская. Кэри Грант был среди представителей от киносообщества. Около ста миллионов зрителей по всему миру смотрели похороны Грейс. Принц Ренье до самой своей смерти остался вдовцом и в 2005 году был похоронен рядом с женой.

Сильвия Кристель

Мария Сильвия Кристель (1952–2012) — нидерландская актриса, модель, писательница, прославившаяся во всем мире воплощением на экране образа Эммануэль.

Сильвия родилась 28 сентября 1952 года в маленьком голландском городке Утрехте в семье со строгими христианскими традициями. Ее отец — владелец отеля — был всецело поглощен работой.

В детстве она была неординарной девочкой: то из любопытства укатила на поезде в неизвестном направлении, то подбила сестру на то, чтобы танцевать голыми на столах в баре пустой гостиницы. Маленькая Сильвия родителей очень любила,

хотя, уже повзрослев, она их будет вспоминать как самое большое горе своего детства.

Ее непоседливый характер стал проявляться, когда девочка пошла в школу. Ей было тяжело смириться с дисциплиной после полной свободы дома. Когда Сильвии было 11 лет, ее отдали в католический интернат, где она провела много бессонных ночей, прежде чем привыкла к жестоким нравам пансиона. В интернате девочка была примерной ученицей, поэтому после окончания ее отправили в протестантскую семинарию в Сиднее.

Первый поклонник появился у Сильвии, когда она обучалась танцам в Амстердаме и подрабатывала официанткой. Его звали Ян и он был журналистом. И именно с его подачи она первый раз прошла пробы в кино, которые, однако, не увенчались успехом.

Тогда Сильвия решила пробиваться через конкурсы красоты. Завоевав сначала титул «Мисс голландского телевидения», а потом победив в конкурсе «Мисс Телевидение Европы», она всерьез готовилась стать моделью.

В картине «Эммануэль» Сильвия оказалась случайно. Продюсер фильма Алан Сирицки искал актрису несколько месяцев, но ни одна девушка не подходила на эту роль. И как-то раз ему попалась кассета с кинопробами, где он вдруг увидел худенькую девушку с короткой стрижкой и понял, что это она. Несмотря на очень откровенные для того времени сцены, использованные в фильме «Эммануэль», на съемки Кристель согласилась. Она писала: «Я никогда не занималась любовью перед столькими людьми, с незнакомыми, с женщинами, любовью без смысла, любовью как наслаждением».

После того как фильм отсняли, французские власти классифицировали его как порнографию и хотели запретить. Только смена президента со смертью Помпиду позволила разблокировать прокат. 26 июня 1974 года фильм «Эммануэль» вышел с запретом для детей младше 18 лет. Сильвия Кристель окончательно стала Эммануэлью. Афиша, на которой она, обнаженная, сидит в плетеном кресле, провисела на Елисейских Полях 13 лет. Фильм увидели за это время миллионы людей во всем мире. А потом «Эммануэль» вошла и в Книгу рекордов Гиннесса, поскольку продержалась на парижских экранах одиннадцать лет!

О многочисленных романах звезды ходили легенды, ее стиль жизни раздражал завистников.

Сильвия была главной страстью и любовницей французского президента Валери Жискара д’ Эстена. Никто из подруг президентов не действовал так открыто, как это делала она.

Их роман начался еще до того, как д’Эстен стал президентом

Франции. Но ни победа на выборах, ни рождение четвертого ребенка от супруги не изменили их отношений. Сильвия часто выступала в роли хозяйки официальных приемов и сопровождала своего покровителя во время зарубежных поездок. В годы его правления Францией ее называли официальной любовницей президента. Ранее, при всей свободе нравов французских президентов, никто из их любовниц не позволял себе открыто демонстрировать свои отношения с первым лицом государства. Она была первой. Но через какое-то время сложившаяся ситуация стала тяготить Сильвию, и Жискар д'Эстен не задумываясь переключился на другую пассию, благо у него всегда их было немало.

Несмотря на скандалы вокруг ее имени, Сильвия стала секс-символом целой эпохи. Она меняла любовников как перчатки: Роже Вадим, Уоррен Битти, Клод Каброль, Жан-Луи Трентиньян, Жерар Депардье, Мишель Пикколи…

И лишь пять лет жизни с сыном Артуром и мужем — известным голландским писателем Хюго Клаусом — были, пожалуй, самыми спокойными в жизни Сильвии. Газеты пестрели романтическими заголовками типа «Влюбленный писатель бальзаковского возраста обретает с кинозвездой радость и молодость». Кристель старательно играла роль примерной матери и домохозяйки.

Ее путь к одиночеству начался с первого громкого развода — Хюго Клаус не выдержал появившегося у нее пристрастия к алкоголю, загулов и многочисленных увлечений кинозвезды. И после этого ее жизнь начала идти под откос.

Сильвия продолжала много пить и постепенно перешла на кокаин. Она говорила про себя: «У меня была печень докера и нос, остекленевший от кокаина». Сестра Кристель, забрав ее сына Артура, увезла его в Голландию, и Сильвия осталась одна.

Второй муж Алан Тернер бросил ее через шесть месяцев после заключения брака. В этот период, нанюхавшись кокаина, она вдруг «увидела» Клинта Иствуда, который пришел… убить ее. Она вызвала полицию, которая не нашла в доме ничего, кроме кокаина. Лишь когда полицейские достали наручники, к ней вернулось чувство реальности. От кокаина Сильвия отказалась, только поняв, что ей придется продать дом, чтобы продолжать покупать эту отраву.

Но вскоре в ее жизни появился человек, имя которого она долго отказывалась произносить вслух. В одном из интервью Сильвия призналась, что самая большая глупость, которую она допустила, — это переезд из Франции в США с актером Иэном Макшейном. Однако в Голливуде она была никому не нужна. С

Иэном она вскоре тоже рассталась.

Ее очередной американский муж Филипп Бло очень хотел быть продюсером. Он взял в банке деньги на съемку фильма под залог дома, но фильм прогорел. Бло практически обобрал Кристель до нитки, пользуясь ее частой невменяемостью. За долги она потеряла квартиры в Лос-Анджелесе и в Париже, дом в Голландии, виллу в Сен-Тропе… Ее счета арестовали, у нее ничего не осталось. И Сильвия бежала в Европу, чтобы не попасть в тюрьму из-за долгов мужа.

Она больше не снималась в кино и серьезно занялась живописью. Однако ни одну картину продать так и не смогла, поскольку все арестовывали судебные исполнители.

В 2006 году Сильвия написала автобиографию «Обнаженная», которую посвятила своему сыну. В книге Иэн Макшейн фигурирует под именем Бен, а Филипп Бло — под псевдонимом Кристоф.

Будучи заядлой курильщицей сигарет без фильтра с 11 лет, Сильвия долгие годы страдала раком гортани и в июне 2012 года, после прохождения очередного курса химиотерапии, актриса перенесла инсульт.

Она скончалась во сне в ночь на 18 октября 2012 года в родном городе Утрехте.

Диана Спенсер

Леди Диана Фрэнсис Спенсер (1961–1997) стала принцессой Соединенного Королевства Великобритания в 1981 году, выйдя замуж за принца Чарльза. В 1992 году супруги официально объявили, что живут отдельно, а спустя пять лет Диана погибла вместе с любовником в автомобильной катастрофе.

Ее смерть потрясла Англию — площадь перед Букингемским дворцом была устелена цветами, на асфальте горели сотни поминальных свечей. Тысячи людей выстаивали в огромной очереди по семь часов, чтобы только расписаться в книге соболезнований. В день похорон принцессы в стране объявили минуту молчания. Люди из самых разных уголков мира хотели отдать принцессе дань любви и восхищения, ведь в последние годы своей жизни Диана потратила много сил, средств и времени, чтобы добиться запрещения противопехотных мин.

Диана родилась 1 июля 1961 года в обедневшей аристократической семье графов Спенсер, которые получили свой титул еще от короля Карла I. Мать Дианы, в девичестве леди Фермой, родом из Ирландии. Среди предков Дианы по отцовской

линии были послы и премьер-министры. Спенсеры состоят в родстве со многими знатными английскими фамилиями, а королева Елизавета была крестной матерью младшего брата Дианы.

Всех своих детей Спенсеры воспитывали в традициях аристократических семейств, где неукоснительно соблюдается дистанция между родителями и детьми. Поэтому четверо отпрысков Спенсеров были окружены боннами и гувернантками, но редко виделись и тем более общались с отцом и матерью.

Диане было 7 лет, когда ее родители развелись. В 1968 году развод еще был редкостью — в школе Диана и ее младший брат Чарльз были единственными детьми из «неблагополучной» семьи. Мать переехала в Лондон и вскоре вышла замуж за американского бизнесмена Питера Шанд-Кидда, который ради нее оставил семью и троих детей.

Может быть, из-за развода родителей или по какой-то иной причине, но с учебой у Дианы не ладилось. Зато она прекрасно танцевала чечетку — в 1976 году даже выиграла школьный танцевальный конкурс. Только высокий рост (178 см) не позволил Диане стать балериной. Многие помнят до сих пор, как, уже будучи принцессой Уэльской, Диана удивила американцев, исполнив на одном из приемов в Белом доме рок-н-ролл с Джоном Траволтой.

После окончания престижной школы в Вест-Хете Диана два года провела в Швейцарии: училась кулинарии, шитью и ведению домашнего хозяйства, изнывая от скуки и мучаясь — в достаточной степени овладеть французским было выше ее аристократических способностей.

В 16 лет она познакомилась с принцем Чарльзом, который ухаживал за старшей сестрой Дианы, Сарой Спенсер. Тогда Чарльз был чрезвычайно любезен с хохотушкой Дианой, но не обратил на нее особого внимания. На совершеннолетие отец подарил Диане квартиру в Лондоне. Она стала вполне самостоятельным человеком: сидела с чужими детьми и подрабатывала воспитательницей в детском саду, обстирывала знакомых молодых людей и не гнушалась убирать чужие квартиры за фунт в час. Как-то Диана сообщила хозяйке квартиры, в которой убирала, что приглашена на королевскую охоту. «Вот это да! — удивилась хозяйка. — Может, когда-нибудь ты станешь королевой Англии!»

Принц Чарльз, естественно, считался самым завидным женихом Англии и признанным покорителем женских сердец — практически ни одна девушка не могла устоять перед его титулом. Однако королева Елизавета и принц Филипп были

обеспокоены затянувшимся романом Чарльза с Камиллой Паркер-Боулз, женой армейского офицера Эндрю Паркер-Боулза. Их отношения длились с 1972 года, но на роль будущей королевы Камилла не подходила никак. По слухам, принц Филипп сам предложил 33-летнему Чарльзу жениться на Диане — молодой, здоровой и красивой. Ее выбрали, как породистую лошадь в королевскую конюшню. Но несмотря на все это день, когда Чарльз сделал ей предложение, был самым счастливым в жизни юной Дианы Спенсер — она просто светилась от радости.

Когда 29 июля 1981 года Диана шествовала к алтарю собора Святого Павла, за ней тянулся восьмиметровый шелковый шлейф, а 750 миллионов телезрителей восхищенно наблюдали за церемонией бракосочетания наследника престола Великобритании и одной из самых красивых женщин мира. Однако казусы и недоразумения в семейной жизни молодых начались буквально с первых шагов: вместо имени супруга Диана что-то напутала и выговорила имя его отца, Чарльз вместо традиционного «обещаю разделить с тобою все, что мне принадлежит» сбился и сказал «разделить с тобою все, что тебе принадлежит». Впоследствии эти досадные оговорки многие называли пророчествами.

Диана в июне 1982 года родила принца Уильяма, в сентябре 1984 года — второго сына, Гарри. Эти годы были самыми счастливыми в их браке — Чарльз обожал Уильяма и даже отказывался от прогулок, чтобы лично его искупать, и Диана решила сама воспитывать детей, хотя ей постоянно предлагали пригласить нянек и гувернанток.

И однако же несмотря на все это, Чарльз не порвал с Камиллой Паркер-Боулз. Понятно, что молодая супруга кипела от ревности и возмущения, но вида не подавала, стараясь держаться на людях с достоинством и сохранять лицо в любых ситуациях. Счастливая и прекрасная принцесса постепенно становилась любимицей масс-медиа и публики. По слухам, наследник престола болезненно переживал свою роль пажа при красавице жене. Когда он появлялся один, толпа не скрывала своего разочарования. «Я здесь, очевидно, затем, чтобы держать букеты», — шутил Чарльз во время совместной с Дианой поездки в Австралию.

Эмоциональная и искренняя Диана тяжело переживала измены Чарльза и его холодность. К 1987 году принц и принцесса уже не могли скрывать взаимной неприязни. Официальные приемы, на которых они должны были по этикету присутствовать, доставляли обоим нестерпимые страдания: если дело доходило до поцелуев, все становилось наглядно до неприличия — Диана

после поцелуя непроизвольно вытирала губы или отворачивалась в последний момент, и Чарльз чмокал ее куда-то в ухо. Из-за всех этих переживаний у принцессы развились булимия и депрессия, но в 1989 году она нашла доктора, который излечил ее от булимии.

После этого Диана нашла в себе силы и «выяснила отношения» с Камиллой; увлеклась астрологией и йогой. Постепенно ее подсознательный бунт против фальши отношений в королевской семье перерос во вполне сознательный вызов. Принцесса боролась за свое человеческое достоинство во всеоружии красоты и обаяния. Осознав, что переделать супруга она не сможет, да уже и не хочет, в 1989 году Диана разрешила себе увлечься, подпав под чары торговца автомашинами Джеймса Джибли. Но после пришло отрезвление — неужели она действительно хочет замуж за продавца подержанных машин? Неужели она будет вести его бухгалтерские книги и вылазить из кожи вон, включая все свое обаяние, чтобы сбыть подержанный «ягуар»? Роман быстро потух от столкновения с действительностью.

Диана поняла, что ей нужен человек из близкого круга. Инструктор верховой езды майор Джеймс Хьюитт был молод, красив и страстен. Именно он стал единственным любовником, связь с которым Диана открыто признавала. Роман длился вплоть до 1994 года, пока Хьюитт не выпустил книгу своих откровенных воспоминаний. Превратившись в миллионера, он купил поместье и открыл конноспортивную школу.

В 1992 году Диана и Чарльз официально объявили, что живут отдельно. Виндзоры хотели «тихого» развода: по английскому законодательству супруги, которые пять лет прожили врозь, считаются разведенными. Однако многие надеялись на примирение, потому что разведенный принц терял шанс стать когда-нибудь королем. Но в декабре 1995 года Диана выступила в одной из самых популярных передач Би-би-си «Панорама». Оказалось, она с самого начала знала о романе принца с Камиллой Паркер-Боулз. «В том браке нас всегда было трое, — заявила Диана. — Это слишком много».

После разрыва с Хьюиттом в 1994 году Диана утешилась с торговцем антиквариатом, миллионером Оливером Хором. Их связь продолжалась до тех пор, пока женатому Оливеру не надоели телефонные звонки, которыми леди Ди донимала его из ревности. Насчитав 300 таких звонков, Хор порвал с ней. Следующим стал Уилл Карлинг, капитан британской национальной команды регбистов. Диану сразило его грубое обаяние британского рабочего класса. Связь оборвалась почти

сразу — вместе с браком спортивного героя, закончившимся после того, как сведения о его тайных встречах с Дианой стали достоянием гласности.

После этого внимания леди Ди добивались многие: торговец недвижимостью Кристофер Вэлли, аристократ Филипп Данн, взбалмошный Дэвид Уотерхауз. Но никто из них не дал ей чувства защищенности и теплоты, в которых она так нуждалась, — она была лишь самым желанным трофеем Великобритании.

В качестве компенсации после развода мать наследников престола Британии получила 23 миллиона долларов США и по двусторонней договоренности сохранила титул принцессы Уэльской и равные с Чарльзом права на воспитание детей. За ней остались резиденция во дворце Кенсингтон и кабинеты во дворце Сент-Джеймс. Также Диана по-прежнему считалась полковником двух воинских подразделений — *Light Dragoons* и *Princess of Wales' Royal Regiment*.

Она уже никогда не станет Ее Величеством, поэтому хотела бы стать «послом Британии в мире» — так она называла свою новую профессию. Но Елизавета ей в этом отказала. Вопреки ожиданиям Виндзоров, развод мало повлиял на популярность Дианы: британцы по-прежнему любили принцессу, а за Чарльзом закрепилась слава человека, предавшего одну из самых обаятельных женщин в мире.

Естественно, что через несколько месяцев после развода Диана утешилась — ушлый репортер умудрился снять ее в объятиях Доди аль-Файеда и заработать на этом три миллиона долларов. Известное в Англии семейство Файедов долго и безуспешно пыталось получить английское гражданство, хотя отец Доди, египетский миллиардер Мохаммед аль-Файед, ежегодно платил британской казне несколько миллионов фунтов стерлингов налогов. Он владелец империи супермаркетов «Хэрродз», куда входит и самый известный в мире лондонский универмаг.

А сам Доди занимался продюсированием голливудских кинофильмов и даже собирался снять в одном из них Диану. Связь принцессы Уэльской с толстосумом Доди шокировала чопорное британское общество. В последние несколько месяцев перед гибелью они стали очень близкими друзьями, хотя впервые встретились десять лет назад, когда команда Доди выиграла матч в поло у команды принца Чарльза. Египтянин действительно имел скандальную славу: перед богатым ловеласом не смогли устоять известные и состоятельные дамы — Брук Шилдс, Джулия Робертс, Дэрил Ханна, Джоан Уэлли, внучка Уинстона Черчилля и

дочь знаменитого певца Фрэнка Синатры… Ради Дианы Доди бросил манекенщицу Келли Фишер.

Но вопреки толкам и предсказаниям злопыхателей впервые за многие годы Диана выглядела счастливой — это была любовь. В августе 1997 года в СМИ распространился слух, что разведенная английская принцесса и мусульманский донжуан вот-вот объявят о помолвке и скорой свадьбе.

А через несколько недель их не стало… Официальная версия все списала на надоедливых папарацци, якобы подрезавших машину, в которой ехали влюбленные. Однако по прошествии лет все больше появляется доказательств того, что гибель Дианы и Доди отнюдь не случайна — слишком уж много знала о британской королевской семье бывшая невестка. И в случае осложнения отношений грозилась рассказать обо всех скелетах в шкафу семейства Виндзоров.

После нее осталась легенда. Диана, как Грейс Келли и Мэрилин Монро, отсчитав годы своего земного существования, превратилась почти в обожествленный идеал. Драматическая история ее жизни — как принцесса пожертвовала королевским титулом за право быть личностью — может считаться, пожалуй, самым ярким мифом XX века.